

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЬЯВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Альберт ЛИХАНОВ Свора Рассказ	7
Михаил БАЗАНКОВ Заповедный круг Повесть	27
Леонид ФРОЛОВ Веник. Рассказ	61
Валерий ИСАЕВ Березницкие брёхны	75
Олег СОЧАЛИН Платок. Рассказ	93
Алексей КАСМЫНИН 720 часов. Рассказ	106

Поэзия

Евгений СЕМИЧЕВ Байкальские байки	3
Сергей КОРОТКОВ В такой стране я жил и счастлив был... ..	22
Марина ЯКОВЕНКО С белого листочка	58
Ольга КОЧНОВА Мой голос вплёлся в птичьи голоса... ..	87
Елизавета МАРТЫНОВА А жизнь моя прозрачна и светла	90
Карина СЕЙДАМЕТОВА Охранная небесная изба... ..	97
Сергей БУДАРИН Сердце с природой в ладу... ..	100
Алексей ПАВЛОВ После разлуки	103

Память

Вячеслав БОГДАНОВ И кланяюсь я прошлому опять... ..	127
Алексей СЕЧИНСКИЙ Из воспоминаний	132
Инна РОСТОВЦЕВА Лирическое, слишком лирическое... ..	146

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Очерк и публицистика

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ
Русский лес отдан
на разграбление 154

Юрий ЕМЕЛЬЯНОВ
Год истории? Этого мало 174

Нация должна выражать
себя в кино
*Беседа Игоря Шумейко
с кинорежиссером
Владимиром Бортко* 192

Алексей ВАСИЛЬЕВ
Ислам на историческом
перекрестке 198

Дневник современника

Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в тупик 211

Критика

Капитолина КОКШЕНЁВА
Выстоявший 226

“Не зря живём...”
Переписка Василия Белова и
Станислава Куняева 232

“Гармония для меня – это Бог...”
Из переписки В. В. Белова с В. В.
Кожинным 247

Владимир БОНДАРЕНКО
“Но Соломонов сын...” 259

Книжный развал

Елена БОРИСОВА
“Кровавое солнце позора” 279

Сергей ШУЛАКОВ
Не уноси меня, река... 282

Станислав ЗОТОВ
Преображение души 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 01.10.12. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,6. Заказ № 4635. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
e-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

БАЙКАЛЬСКИЕ БАЙКИ

* * *

Я пролетел семь тысяч вёрст
И одолел такие дали,
Чтоб отразиться в полный рост
В байкальском солнечном зеркале.

Байкал священный и седой,
Мы друг от друга слёз не прячем.
Умыл меня живой водой,
И моё сердце стало зрячим.

Давно бы мне понять пора,
Что я за всех и всё в ответе.
Теперь мне Ангара — сестра,
Мы все — большой России дети.

Байкал — России светлый нимб.
А значит — стоило родиться,
Чтоб преклониться перед ним
И в русском небе отразиться.

СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич — поэт, член Союза писателей России, секретарь Союза писателей России. Автор книг “Заповедный кордон”, “Свете Отчий”, “Соколки русской земли”, “Небесная крепь”, “Великий верх”, “Аргуван” и других. А также автор многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

Моя небесная родня
Моё прозреньё не осудит.
Теперь Байкал и за меня
Взывать в своих молитвах будет.

* * *

Долой — ботинки, куртка, кепка,
Ремень, багаж... Аэропорт!
За воздух зацепился крепко
Взлетающий иркутский борт.

Пред небесами я бессилён,
Но не бессилён самолёт.
Байкал. "Сияние России".
Душа искрится и поёт.

Сибирским солнечным ампиром
Иркутск возвышен и велик.
А у меня в душе — Вампилов.
Я выбираю Кутулик.

Здесь, где таёжные рассветы
Встречает неказистый дом,
Вихрастый мальчик был поэтом,
А драматургом стал потом.

Здесь в бывшем каторжном бараке
Жить Саше в детстве повезло.
И все в округе буераки
Ещё хранят его тепло.

Здесь каждый камешек окрестный
Бывал с Вампиловым знаком.
И вечный Млечный путь небесный
Кропят бурятки молоком.

ЗДРАВИЦА

За твоё здоровье, Скиф!
За твои стихи и думы,
Разрушающие миф —
Тот, что скифы все угрюмы.

Приангарский дивный свет
На плечах возносят кедр.
Он обласкан и согрет
И твоей улыбкой щедрой.

За тебя! За молодца!!
За улыбчивое сердце!!!
Утирая хмурь с лица,
Я люблю в улыбках греться.

Из таёжных мрачных недр
Жизнь не зря тебя взыскала —
Золотой сибирский кедр,
Свечка светлая Байкала.

Жизнь одна и смерть одна
По одной дорожке ходят.
Потому и пью до дна
За тебя, мой друг Володя.

НА МАЛОЙ РОДИНЕ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Ему нелегко в Казахстане живётся —
В заносчивом городе Алматы.
И всё же Валерка Михайлов смеётся.
В глазах его — дикий простор чистоты.

Покуда автобус трясётся, как трактор,
И я поминаю судьбу матерком,
Смеётся Валерка над каторжным трактом —
Он в жизни с дорогой и жёстче знаком.

В глазах у Распутина — зоркая горечь,
Что зрит сквозь народной судьбины пласты...
Прости нас, дурных, Валентин наш Григорьич,
Пути твоей отчины шибко круты!

Шумим, как в набеге лихие татары,
Глубинной печали твоей не в укор —
Я, грубый толмач и поэт из Самары,
Валерка — редактор журнала "Простор".

Набег в Усть-Уду нелегко нам даётся,
Где тихо грустит молчаливая Русь...
...Валерка от робости громко смеётся,
А я от волненья слегка матерюсь.

* * *

Под церковной гулкой крышей
Обустраиваясь на ночлег,
Спит поэт Трофимов Миша —
Кроткий Божий человек.

Он обрёл в церковной келье
Тёплый райский уголок.
А когда встаёт с постели —
Задевает потолок.

На башке отметин много
Потолочный свод творит.
"То отметины от Бога", —
Миша скромно говорит.

Он о славе не мечтает.
Он с Рубцовым был знаком!
Но когда стихи читает —
Подступает к горлу ком.

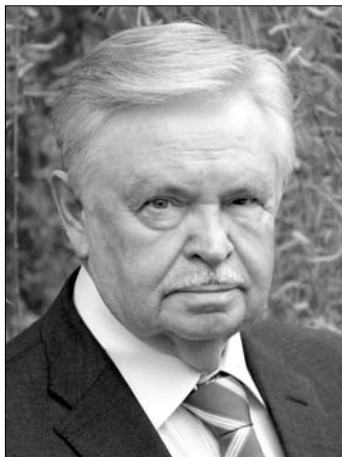
В приходской воскресной школе
Миша учит детвору
По небесной Божьей воле
Милосердью и добру.

Лепит Божий раб Трофимов,
Как Господь лепил людей,
Лучезарных херувимов
И крылатых лошадей.

А однажды утром рано,
Упрекая мою спесь,
Подарил он мне барана,
Чтобы знал я, кто я есть.

Тот баран из глины рыжей
На столе моём стоит
И моим сознанием движет —
Зазнаваться не велит.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

СВОРА

РАССКАЗ

1

Если кому это не ведомо, сообщу замеченное ещё многие века тому назад: собаки награждены предчувствием.

Вообще-то этим свойством природа одарила и всех иных существ в мире — и кошек, и змей, к примеру. Да и человека тоже. Только его — в последнюю почему-то очередь. Наверно, потому, что к себе самому он плохо прислушивается — всё более слушает чужие рассуждения и, может, единственный во всей природе оборудован так, что способен глядеть, а не видеть, слушать, но не слышать, чувствовать, но чувствам своим не верить.

Собакам же, да ещё одиноким, брошенным, отринутым людьми, — ничего иного не остаётся, как прислушиваться к своим предчувствиям.

2

Брэк давно чувствовал неладное.

Обретался он на странном плоскогорье неподалёку от громадного города, и эту возвышенность создали люди.

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького, многих других отечественных и зарубежных наград. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

Нет, они не замыслили что-то такое построить, соорудить, возвести. Просто немало лет назад кто-то из них назначил площадку для городской свалки, и на это место стали свозить всякий мусор. Время от времени человеческие отходы возгорались, и они тлели, издавая отвратный дух, их поливал дождь, и пожары угасали или прятались в мусорные глубины, тлея, выгорая, образуя опасные ямы. Дальше всё это схватывал мороз, потом мусор оттаивал, оседал, уплотнялся, нарастал по несколько метров в год, как не вырастает ни одна гора в мире.

Да, это была настоящая гора, но гора без вершины, этакое плоскогорье, не которое теперь, фырча и подвывая, на нижних скоростях медленно, будто громадные оранжевые жуки, взбирались тяжёлые самосвалы, гружённые всем, что только отработало или выбросило человечество.

Когда-то тут никого не было, плоскогорье называли полигоном, и жили тут наглые крысы. Их было великое множество, и они не боялись нападать даже на собак, особенно одиноких и небольших, так что ещё не каждая псина отваживалась углубляться в пространства полигона. Оно походило на некий отдельный мир, если и не затерянный, не забытый, то пустынный, дикий и одинокий.

Потом здесь появились люди.

Наверное, просто настали такие времена, что вслед за крысами и собаками свалка понадобилась человеку.

Они выкапывали землянки прямо в мусоре. Или строили ветхие кибитки с лазами вместо дверей, а сверху опять насыпали разный мусор — пластиковые щиты, обломки досок, основы оконных рам без стёкол и всё, что могло согнуться, чтобы появилась крыша над головой и с боков не дуло.

Странное дело, но хлипкие эти постройки оказывались довольно прочными — их, как и всё вокруг, прибивал дождь, снег, они будто срастались с плоскогорьем, по краям которого возникали сами, похожие на наросты, на бородавки, выросшие на и так-то неприглядном лице полигона.

3

Но вот, примерно за неделю до Нового года, бомжи, как называли людей, проживавших в халупах мусорного плоскогорья, стали покидать свои жилища.

Брэк вместе со своей сворой разглядывал их издали, слушал их голоса, непривычно бодрые, совершенно не удивлялся их виду — все до одного чёрные, в чёрных телогрейках, ватных штанах, чёрных валенках с чёрными же калошами или в чёрных ботинках и совершенно не отличающиеся друг от друга своими прокопчёнными чёрными лицами: мужчины от женщин отличались лишь грубостью голосов, да, может, ростом.

Не толпой, а поодиночке, в крайнем случае, по двое, по трое, чёрные люди стали пересекать плоскогорье, спускаться по дорогам, проделанным самосвалами, и исчезать.

Там, внизу, они расходились, разбредались, исчезали в снегопаде, который то усиливался, то слабел, и этот снегопад будто бы затушёвывал чёрные от грязи и копоти человеческие фигуры, заштриховывал их падающей белизной, и походило, будто сам Господь затирает их существование чистым своим желанием, прячет в необъятных пространствах своих, за греховность их, за бездельность, за отречённость от мира. Стирает снегом сам факт их существования.

4

Собственно говоря, причина, по которой обретались на полигоне и люди, и собаки, как, конечно же, и крысы, была одной и той же.

С утра до вечера тяжёлые машины, взобравшиеся на плоскогорье, вываливали из своего нутра разную нечисть — разнообразный мусор дворовых контейнеров, вещи, вышедшие из употребления, и, что было особенного удивительным — продукты питания, продовольствие, которое запрещалось продавать.

Бомжи в этом деле разбирались. Если привозили, скажем, колбасу, то они не то чтобы обрезали, а грубо обрубали скользкие батоны со всех сторон своим неприятным оружием — перочинными ножами, найденными тут же, или топориками, а то и топорами или даже пилами-ножовками, и жарили эти раскромсанные колбаски останки на огне.

Кусочки сала в колбасах вытапливались, а окрест распространялся аппетитный аромат, на который собиралась и свора, хотя, казалось бы, вон они, батоны колбасы — лежат горой, рви и жри, наслаждайся. Так, впрочем, и поступала крысиная публика. Да и собаки, особенно из вновь прибывших и оголодавших на городских променадах. А опытные члены брэковской стаи имели обыкновение чуточку потерпеть, пока чёрные люди не нажрут до сыта, не запьют хорошо пахнущую колбасу фальшивым пойлом вроде просроченного же пива самых невероятно разных сортов с цветастыми заграничными наклейками или водочной подделкой, запоют, закричат, заматерятся, подбреют и начнут подкидывать недоеденную колбасу собакам.

И собаки ждут. Нюхают вкусный дух. А потом хватают подкинутые куски. Терпят.

Потому что они собаки. Просто собаки.

В общем-то, эти люди к собакам относились, пожалуй, безразлично. Вернее, одни видели других, но каждое общество занималось своими делами, не очень-то и замечая друг друга.

Люди находили себе тут работу — собирали в мешки пустые пластиковые бутылки и всё, что сделано из пластика, отдельно стекло, в другие кучи стаскивали металл, в отдельные — всё, что было сделано из дерева.

Раз в день несколько грузовиков, освобождаясь от бесформенного мусора, взамен грузили уже отсортированный груз пластика, стекла, железа и дерева, люди, приезжавшие на этих грузовиках, что-то командовали тутешним, записывали в блокнотики и выдавали взамен лекарства, водку, изредка сапоги или ботинки. И только очень редко — деньги.

Да деньги и не требовались здесь — на плоскогорье магазинов не было. Всё на всё обменивалось — это понимали даже собаки. Как понимали они и то, что лучше держаться подальше, когда люди обмениваются друг с другом своими товарами. И уж особенно, когда они подтаскивают к грузовикам свои мешки с сортированным мусором.

5

Так вот, примерно за неделю до чего-то самосвалы перестали взбираться на плоскогорье, а бомжи спустились вниз, и снег растворил их в пространстве.

Собаки остались одни.

Всё, что можно было подесть, оказалось съедено, или мороз превратил в камень. Целыми днями они медленно двигались по плоскогорью, копались в мусоре или лежали, пока снег не превращал каждого из них в сугроб. Под снегом получалось теплее, но не совсем.

Брэк, в крови которого смешалась сибирская ездовая лайка и подмосковный безродный дворник, унаследовал материнские достоинства — он был терпелив, вынослив, несмотря на голод, не хватал еду, тронутую смертной заразой, и поэтому пережил уже многих своих сородичей.

Когда снегу засыпал его и согрел, он вспоминал свои лучшие годы, хотя и сейчас был вовсе не стар. Но прошлое!

Ему повезло со свободой, существу по кличке Брэк. Да и имя-то его было человеческой командой. Означало — стой, назад, отступи. Наверное, в юности у него характер был такой, что ли? На всех он летел сломя голову, рыча и раскидывая пену из пасти — будто порвать хотел, хотя ничего такого у него и в голове не было — просто он торопился, просто старался как можно скорее приблизиться к цели, а потом встать на малом от неё удалении и лаять, лаять, призывая хозяина, пока он не выйдет, пока не крикнет — “Брэк” — и только после того отойти, и если уж сильно разъярён хозяин, то и завилать хвостом в знак будто бы совершённой ошибки.

Но ошибки никогда не было. И он начинал всё сначала всякий раз, когда кто бы то ни было пересекал без стука территорию, подлежащую охране; и если по какому-нибудь глупому — для них, конечно, — случаю заповедную черту пересекала собака или кошка, Брэк исполнял свою миссию жестоко, до конца, и команды хозяина, даже если они и звучали, не принимались к сведению.

Хозяина Брэка звали Анзор, имя, как казалось Брэку, близкое к собачьему, и властелин, может, по этой причине, в общем, понимал своего пса. Он никогда его не дрессировал, никогда не цацкался, не умилялся ладностью и злобой своего пса, лишь изредка приговаривал слова, из которых следовало, что он одобряет охранные старания Брэка, который вдоль забора, ограждавшего жилище, протоптал свою тропку и обегал её по сто раз в день с целью обозрения владений, их неприкосновенности и лая, который бы пояснил всему, что находилось за пределами — не простую, а усиленную охраняемость поместья.

Впрочем, помещьем этот дом в дачном посёлке назвать было нелегко, хотя участок и был просторен. А дом — как дом, из старых времён, деревянный, обшитый крашеными досками голубоватого цвета, со временем посеревшего по той причине, что голубая-то краска облупилась и осыпалась.

Анзор приезжал поздно и кидал Брэку кое-как нарубленные куски колбасы или, матерясь, открывал банку с тушёной или даже ветчиной какой-нибудь дорожкой — и бросал псу. Тот жадно жрал, облизывался, часто рвал впопыхах язык о зазубрины банок, и наутро Анзор, выходя на улицу, опять материл всё вокруг себя и варил Брэку какую-то похлёбку — подносил к будке кастрюлю и укатывал на своём дорогом чёрном автомобиле на целый день, а то и на два, на три дня, а ведь между ними — ещё и ночи.

Брэк ликовал, когда хозяин был дома, старался как угодно услужиться и выполнить любую команду, которых, впрочем, не знал. Но Анзор был малословен, появлялся в доме, чтобы отоспаться, исчезал вновь, и Брэк помнит только редкие случаи, когда хозяин оставался надолго.

В такие дни он был не то чтобы ласков, но добродушен, говорил с Брэком, меняя языки, — то русский, то грузинский, то какой-то ещё, и псу оставалось слушать только интонацию. Интонация же была доброй, мужицкой, вовсе жалевшей Брэка, к нему чувств не изливавшей, а как будто что-то объясняющей. На равных. По-братски.

Потом случилось событие шумное, для Брэка непонятное, потому что сначала Анзор купил где-то цепь, прибил её накрепко к собачьей будке и, чуть не задушив, застегнул на Брэке ошейник.

Пёс лежал возле будки, ничего не понимая. Было летнее утро, поначалу прохладное, но к полудню стало жарко, и Брэк перебирался из тени в тень. Далеко, впрочем, спрятаться было нельзя.

Ворота своего участка Анзор распахнул ещё с утра, и вот с полудня в них стали заезжать пугающие Брэка чужие машины — всё почему-то чёрные, сияющие фарами, металлическими частями, поначалу жаркие, но потом утихающие и остывающие.

Эти машины закрывали Брэку обзор, он вынужденно подавал голос. Тогда Анзор просто подошёл к нему — нарядный, красивый, весёлый, говорливый, — произнёс без всяких интонаций что-то непонятное своему самому верному существу — громко и как бы перед кем-то выхваляясь — и больно ударил его ногой, обутой в блестящий ботинок. Брэк взвизгнул и, обидевшись, спрятался в будку.

Он пролежал там, несмотря на жару, весь день и не вышел даже, когда стемнело, и машины с людьми, снова ожив, засияв фонарями и громко-гласно фыркая, выкатились за ворота.

Потом он услышал голос хозяина.

Тот говорил примирительно, звал выйти. Брэк неохотно подчинился. Выбрался из будки, отворачиваясь от Анзора. Хозяин снял ошейник, бросил цепь в сторону.

Поставил Брэку миску, наполненную яствами. Чего там только не было! Вкусные куски мяса, холодец и ещё что-то, никогда не пробованное.

Брэк понюхал пищу, но отвернулся, отошел в сторону. И лёг.

Анзор что-то говорил извиняющимся голосом. Потом, покачиваясь, ушёл.

Брэк тотчас вскочил и приблизился к миске. Нет, не всё тут подходило ему. Холодец, колбаса, немного мяса. Но другое мясо пахло как-то необычно. И колбаски были очень острыми на вкус. Пришлось отойти и долго пить из другой миски.

Ночью пошёл дождь, просто ливень. Сверкал сверху яркий свет, а потом раздавался грохот. Брэк боялся непонятных взрывов. Он спрятался поглубже в будку и всё ждал, что Анзор позовёт его в дом. Так было всегда прежде, когда начинался дождь, но хозяин молчал.

Только один раз ему почудился слабый крик:

— Брэк!

Тут же громыхнуло и раз, и два, пёс вжался в будку и не вышел на улицу.

Он выбрался наружу, когда приблизилось самое раннее утро, и гроза откатилась.

По земле ещё текли мутные ручьи, и Брэк пошёл к дому.

И тут он увидел хозяина. Анзор в черных брюках и белой рубашке, такой нарядный, такой праздничный, лежал на земле.

Брэк побежал к нему, виляя хвостом и повизгивая — ему показалось, что хозяин просто ошибся и не туда лёг. Его же место в доме.

Но сразу понял, что это никакая не ошибка. Отпрянул, поняв, что Анзор не живой. Белая рубашка была наполовину красной. Пёс завыл. И вой его становился всё громче и отчаяннее.

Вышло солнце. Во дворе дачного участка, ничем особенным не приметного, лежал мёртвый человек и над ним выла собака.

Часа через три такого воя во двор заглянул любопытный сосед. Потом приехали машины. Не такие, как вчера.

Возле Анзора хлопотали люди. Потом они уехали. Брэк остался один.

Он не носился вокруг забора, лишь пару раз обошёл своё владение.

Никто не вспомнил о нём.

Через неделю одинокой и голодной жизни Брэк выбрался за неплотно притворённую калитку и побрёл, куда глядят глаза.

Через пару дней он набрёл на полигон. По запахам.

6

Осенью собачье сообщество плоскогорья заметно приросло. Хозяева усадеб и дач попроще возвращались в город. Посёлки и садовые хозяйства пустыли, и по весне добрые, охотно принимавшие в свои владения щеночков и котят вольного происхождения, осенью люди становились злыми, а, говоря правду, беспощадными, усаживались в свои или наёмные авто — и уезжали, не оборачиваясь.

Дети чаще всего ревели, особенно маленькие, неразумные — дети вообще всегда дружно оплакивали своих летних друзей, за что и получали взрослые окрики, а то так и затрецины, машины фыркали, исчезали, и животный люд, прирученный за лето, может, и не к ласке, но к обеспечению, к регулярным харчам, к человеческим голосам, как оказывалось, обманчиво ласковым, всё это терял враз, в какие-то минуты и навсегда сиротел.

Это, конечно, же, совершенно не касалось животной публики знатного происхождения, всяких там выставочных пуделей, на одну стрижку которых тратятся целые состояния, всяких шпицев, такс, бультерьеров и прочего по купного собачья, как, впрочем, и породистых кошек.

Их усаживали в клетки, некоторым так и вообще предоставлялись мягкие места в дорогих машинах, даже на первых, рядом с водителем, сиденьях, чтобы ветреные-поперечные могли не только увидеть породистую морду, но и оценить благосостояние хозяев, скромно хоронящихся на заднем ряду.

Так что собачий (и, заметим в скобках, кошачий) мир, как мир человеческий, расслоился на сытых и голодных, на богатых и бедных, нужных и ненужных.

Впрочем, чудеса случались и в мире избранных.

Когда ударили первые холода — а это случилось в ноябре — к брэвской своре прибилась болонка, надо же!

Она стояла перед взрослыми псами как некое сказочное видение, будто пропеллером крутила белым хвостиком, вся снежно-белая, без всяких, впрочем, иных признаков комутонужности — ни ошейничка хотя бы паршивого, ни уж, тем более, бантиков, которыми любят украшать таких вот баловней собачьей судьбы другие баловни, но человеческого рода.

Брэк к тому времени был уже старшим в своре, и для приличия пришлось негромко прорычать, не сердясь, конечно, а скорее поражаясь: откуда ты, мол, милое дитя?

Блондинку немедленно обнюхала вся команда, по очереди, оказалось, это болон, то есть болонка мужского рода, и он как бы выпал из дальнейшей сферы собачьих интересов. Никто его не принимал в свору, здесь каждый был за себя, за исключением решений старшего, который или равнодушно соглашался, или же соглашался, но неравнодушно, скорее с недоверием, и это опять не много значило: в своре приходилось не жить, а выживать и каждому по-своему.

Болонка, которой уж лучше бы оставаться существом женского рода и жить с людьми, в три или четыре дня утратила свою невинную белизну, посерела, потеряла всякую привлекательность и породистость. Бегала она медленно, коротенькими шажками, не обученная двигаться по прямой долгое время, отставала, садилась отдохнуть и однажды бестолково попала под рычащий самосвал, тащивший в гору тяжкий человеческий мусор. Прямо здесь, на полигоне.

Собаки знали, что грузовик, надрывно ползущий вверх, никогда не тормозит — иначе он может сначала забуксовать, а потом и, не дай-то Бог, покатиться назад, а там за ним ползут, выбиваясь из сил, такие же оранжевые жуки. Так что когда машина лезет вверх, под большим углом и по осклизлой, часто ледяной свалочной дороге, близко подходить не следует. Но болонец зачем-то побежал, — может, ошибочно принял за знакомый чей-то чужой человеческий голос? Или по глупости? Или просто не успел перебежать перед машиной? — и вот уже вечером, когда грузовики сползли с плато, собачья свора подошла к дороге и разнюхала то, что осталось от белоснежного создания из чужого мира: уже оледеневший распластанный силуэт, много раз раздавленное существо, плоский коврик из грязной, а когда-то красивой собачки.

7

Из породистых в своре был ещё Мохнач, московская сторожевая. Он поэтому и Мохначом числился, что был большой, лохматый и самой природой предназначался жить зимой на улице, возле людей, да и сторожить: гавкать серьёзным басом, давать знать другим людям — не собакам же — что во дворе, где он обретается, на участке, который охраняем именно им — шутки плохи и к месту сему лучше не приближаться.

Собаки ведь не могут рассказать друг другу, что и как там вышло, и почему Мохнач, в общем-то добротный сторож, вдруг перебрался из стана пугающих в стан испуганных — тоже, как и у Брэка, несчастье с хозяином случилось или ещё какая беда? Но, может же, что и просто надоел? Разве не бывает такого с нетерпеливым людским родом?

Однако же что-то в судьбе Мохнача было неладно. Самый большой, самый, если можно так выразиться, представительный, Мохнач отчего-то тушевался и никогда не шёл первым, а всегда вторым или третьим. Конечно, он не отличался большой скоростью, но это, похоже, не требовалось всей его породе — они же больше сидели, часто и на цепях, а так-то лишь перебежали с места на место, от забора, скажем, к забору, в ограниченном пространстве.

Так что когда свора сходила с полигона и двигалась по улицам и дорогам, Мохнач скоро уставал, задыхался, будто человек, отставал и оказывался в середине собачьей толпы или даже в её хвосте.

Такие предводителями не бывают.

В предводители эти выдвигает жизнь, здоровье и обстоятельства.

Здоровее всех были молодые псы. И их в своре оказалось не меньше десятка. Брэку иногда казалось, что этих кто-то сделал на одну колодку — весь его молодежь был, во-первых, беспороден, во-вторых, одного года рождения — нынешнего же, но весенних или зимних помётов, а главное, все походили друг на друга.

Внешне же молодых можно определить как смесь овчарки — прабабушки или прадедушки, вполне, в общем, породистой линии в третьем от оригинала поколении, и трёх же разнообразных, но не овчарочьих примесей: то ли дворняг, то ли ещё кого из собачьего простонародья.

И получалась фигура: нос и глаза овчарочки, уши простые, не стоячие, болтаются лоскутами, ноги вроде и длинные, но всем телом они, конечно, чуть не вполтину меньше овчарок, а если даже и вровень с ними, то лапы эти слабы, и хвост не то чтобы стелется, будто у хищника, а недостойно болтается, точно ненужная запчасть. Хотя кто же не знает — что такое хвост для собаки! Это как парус для корабля! Как флаг на рее! Как компас на руке командира!

У этих же одинаково скроенных, одинаково рождённых, одинаково и слегка возрадовавшихся однолеток, одинаково кинутых человеками по одинаково же схожим причинам, хвосты висели одинаково уныло. Может быть они, эти хвосты, знали лучше самих их носителей своё собственное будущее? Может, вовсе не в голове хранится собачье предчувствие, а именно что в хвосте?

Похоже на то. Хотя бы по тому, что Брэк, наследник ездовой лайки, хвост которого был всегда закручен калачиком и чем-то, пусть отдалённо, напоминал радар, который постоянно получал сигналы и принимал иные сигналы со стороны, а далее двигался и жил так и тогда, куда вело его личное предчувствие, распознанное удивительным этим прибором, он и стал, без всяких выборов, без всяких там животных схваток и боёв с использованием — у кого рогов, а у кого зубов, — признанным и единственным главой своры.

Он не приказывал, он не рычал, он не наказывал неправых и не хвалил лучших.

Он просто шёл, бежал, нёсся. Или просто лежал под снегом, сохраняя тепло. Или рылся в мусоре и выгрызал остатки жратвы, недоеденной человеком. И вся свора, окружавшая его, следовала действиям своего признанного главаря, умного, знающего и всё предчувствующего.

8

В ночь под Новый год свора спустилась со своего плоскогорья.

Но почему, вы спросите, свора? А не стая?

Да вот именно свора.

У стаи есть вожак — допустим, у волчьей стаи. Этот вожак вырастает в борьбе с другими. На него возлагается ответственность — самой природой. Вожак должен если и не сам добыть пищу для своих маленьких детей или детей своих родственников, да и всех своих сродников, то уметь это организовать своим опытом. Ощущением непрестанной опасности, ведь человек, к которому он довольно часто приближается, его вечный противник, даже враг, и это вражество грозит гибелью всей стае.

В волчьей стае есть свои жестокие правила, которые известны не только волкам, но и людям. А волки об этом не подозревают. Как и большинство диких существ, они, опасаясь всего, сами опасны другим. Тем, кто беззащитен перед ними и кто представляет собой пищу стае, средство к существованию и продолжению волчьего рода.

Что такое стая — это целая наука. И знающие ученые, по названию охотоведы, давно и всерьёз прописали все её признаки.

Ну а что такое свора?

Это слово звучит скорее как ругательство. Применяется и к людям, как будто — в политике. Никто не скажет про группу людей, что они — стая.

Но обозвать сворой вполне сытых, как следует ухоженных и стремящихся к вполне понятной им, но не принимаемой другими цели — простое и определённое выражение.

Это же касается и собак.

Посмотрите: собачье сборище, в отличие от волчьей стаи, людей не боится, приручённое ими, хотя и может их опасаться. Собачья свора, — и это, пожалуй, главное, — не имеет предводителя. Брэк себя никогда им не чувствовал. Ему просто подражали все. Но он же не дрался за власть.

К волчьей стае никогда не прибьётся никто чужой, даже родственник по крови — посторонний волк. Собачья свора открыта для всех — беги с нами, живи с нами, если хочется и у тебя нет другого шанса.

За волчьей стаей гоняются охотники, их страшатся, их не любят и их преследуют. К собачьей своре люди равнодушны. За исключением, может, сердобольных ребятишек, да и то — далеко не всех, да ещё и сердобольных женщин, часто немолодых и морщинистых. Ну, это в них не угасало их собственное детство, наверное. А может, иные и согрешили — сами когда-то, в более розовощёкие свои времена, отвернулись от собственной собаки, бросив на участке, или от своей кошки хотя бы, или не помогли иной любой живой твари, которой ведь могли же помочь, но освободили себя от лишних хлопот — как же часто поступаем мы именно таким образом!

И ещё одно.

Не кажется ли вам, что собачья свора в чём-то очень напоминает человеческое сообщество? Скажем, жильцов одного большого дома? Одного подъезда?

Всем всё равно, кто въехал в этот дом, кто живёт в соседнем подъезде, кто как живёт, кто как себя чувствует, чему радуется и отчего плачет?

Как и в собачьей своре, вроде никто никого не боится, но все всем безразличны: въехал — выехал, здоров — заболел, жив и весел — или просто помер и исчез: близкие и родные, да ещё друзья, да ещё знакомые заплачут, когда что-то утратят, когда исчезнет человек.

Собачья свора бежит дальше. Не оборачивается. Тут нет родственников и друзей.

Всё проще и ясней. Но сильно ли отличается собачья свора от человеческого мира, который сворой называть не принято, однако — как же они похожи друг на друга: люди и собаки. Особенно, брошенные, забытые люди и брошенные, забытые собаки.

9

В ранней зимней тьме свора во главе с Брэком ручейком стекла по своей собачьей тропе вниз. Таких троп, ведущих на мусорное плоскогорье, было несколько, и эта шла к маленькому посёлку, расположенному у самого подножья горы. Деревянные заборы, когда-то отгораживающие свалку от чистой части цивилизации, давно прогнили и местами развалились, и никакой, по сути, границы здесь уже не существовало.

Посёлок вымирал, был маловат, жил тут человеческий народ низкого звания, старичье в небольшом числе, редкие люди рабочего возраста, ну и дети. К собачьим сворам эти жители привыкли сыздавна, видать, не одно псине поколение пробегало по тугошным невзрачным улочкам со свалки и на свалку, и между собаками и людьми в этом месте был заключён незримый мир о ненападении, невнимании, незамечании.

Не ускоряя шаг и ничего не опасаясь, свора Брэка пошла своим путём возле пары-тройки малышей, пробежала, не ускоряя шага, мимо немолодой женщины, лишь чуточку замедлившей шаг, и между двух вполне нетвердых существ в шапках с торчащими зачем-то шапочными ушами, отчего они отдалённо напоминали зайцев, и ушла к автостраде.

Вот автодорога была опасным местом. Она изрыгала гарь и газы, она издавала неумолкаемый шелест и шум, лишь изредка прерываемый клаксонами. Собаки чуяли неостановимую мощь движущегося — но это было не жи-

вое движение, а бесчувственно-отстранённое, никого не щапящее и ничего не принимающее во внимание.

Брэк да и остальные знали, что дорога — это то, что надо обходить стороной, а если и преодолевать, то, пожалуй, только в предутренние часы, когда поток на шоссе редееет, утомлённые водители съезжают на обочину или специально отведённые площадки — но там ночевали грубые мужики с больших машин, а остальные водители куда-то доезжали и с дороги исчезали. С этими грубыми мужиками Брэк вообще-то любил иметь дело. Они хоть и рыкали, и могли свистнуть, пугая новичков, но, в общем, не отвергали собачий люд — то кинут кусок хлеба или даже целый батон, начинающий черстветь, то куриные кости, а то и ещё что повкусней — на всех не хватит, но в своре никто никогда и не думает про всех. Кинули — и скажи спасибо.

Зато сейчас, в эту стылую предновогоднюю ночь, трейлеры неслись с умноженной скоростью, легковушки же едва не бились друг о друга, обгоняя и злясь. Пересечь шоссе было невозможно, да Брэк и не помышлял об этом.

Странное дело, он не знал, куда бежал. Ясно, что бежал от голода и был ведом неопределённым предчувствием чего-то странного, уже случавшегося в его жизни и очень нежеланного. Пугающего.

Он бежал от страха, он хотел бы еды, но он не знал точно, куда ведёт его дорога.

То, что подсказывал его инстинкт, или чутьё, или предчувствие — назовите собачье беспокойство любым из этих слов, — никак не укладывалось в здравый собачий смысл. Он бежал туда, двигаться куда не было ровно никакого смысла. Он шёл туда, где его не только никто не ждал, но где вообще ничего не было.

Он упорно шёл сам, увлекая за собой ни о чём не ведающую свору, к даче, где когда-то жил сам, где чуть не околел с голоду и где убили его жестокого, но любимого хозяина. И где, конечно, теперь ничего не было. Чёрный забор, тёмный дом, нетронутые сугробы.

Зачем? Он же хотел есть. Жрать хотели и остальные, но он об этом не думал. А если так, почему они бегут за ним, так доверяясь никакому не вожаку, не предводителю, не вождю, а просто одному из них, ну — чуть постарше, ну, чуть поопытнее и умнее — но такому же! И ни за что не отвечающему!

Видно, ещё и этим собачья свора напоминает человеческую — беги за первым, не рассуждая, даже если знаешь, что всё это впустую — всё равно беги, потому что выбора нет и деваться некуда.

Неожиданно, и как-то враз, будто невидимая рука подала знак, шуршание шин стало стихать, автомобильная стена, движущаяся в разные стороны, сразу поредела.

Брэк понял, что шоссе пора пересечь, если он не отрекается от своей бесцельной цели.

И что-то по-прежнему указывало ему на следование человеческим правилам. Бежать через трассу всей сворой в пятнадцать — или сколько их там? — собачьих душ даже теперь опасно. Вырулит откуда-то молчаливая железная тень, выскочит из тьмы ярко сияющий убийца не только собак, и зацепит, а то и нарочком врежется в свору — нет, допускать такое было бы не по-собачьи.

И он побежал к ближнему мосту, пересекавшему шоссе, к развязке, состоявшей частью бесконечного движения, сейчас, впрочем, пустынному.

Прибавив ходу, свора быстро и безопасно пересекла шоссе прямо над ним, и углубилась в пространство, состоящее из дачных посёлков.

Один почти примыкал к другому, а все они сливались в предместье гигантского города, куда на Новый год и мчались, скакали, летели эти разнообразные автомобили. И куда, сам не зная зачем, стремился Брэк.

10

Они вошли, точнее, вбежали в посёлок, где жил когда-то и верно служил Брэк, и хотя многое тут переменялось — заборы так просто выросли до самого неба, превратив дороги в ставшие отчего-то узкими коридоры, а это

опасно и для собак, и для людей, — всё же место оставалось узнаваемым.

Упрямо двигаясь по коридору, из которого некуда выскочить, Брэк медленно утишал свой ход.

Вот ведь! Он бежал к тьме, к пустоте, покинутости, раз исчез хозяин, бежал, ведомый странной необходимостью ещё раз, перед чем-то окончательным, убедиться, что место его обитания необратимо безлюдно и пусто, а его ожидало разочарование. Да и какое странное!

У тёмных когда-то и очень даже невзрачных ворот появилась такая крыша, внизу которой были вделаны яркие, слепящие лампочки, да и сами ворота превратились в железную стену, с железной же, рядом, калиткой.

Пока Брэк удивлённо глядывался в перемены, постигшие ворота, на свору рухнул сзади сноп солнечного слепящего света, и собаки прижались к заборам, а ворота брякнули, стукнули и под тихий гул поехали в сторону.

Брэк был чуточку в стороне и, ясное дело, ближе всех к воротам. Когда машина, прибавив газу, двинулась вовнутрь двора, сердце его зачастило, и он украдкой двинулся вперёд, укрывавшись от людей телом автомобиля.

А людей во дворе была целая толпа. Кричали и махали руками неизвестные дети, одетые в опрятную одежду, кричали и махали руками женщины и мужчины, выскочившие на улицу прямо в платьях и костюмах.

И все эти люди, встречавшие, похоже, самого главного из них, шумели, кричали, говорили, ничего и никого не замечая, а машина остановилась, хлопнула дверца, басовитый человеческий голос возбуждённо загудел слова, и Брэк, пользуясь суетой, шмыгнул к бывшей будке, к сараю и потом на свою трассу, вдоль забора.

И без всяких разъяснений, по запахам, голосам, звукам было ясно, что теперь здесь живут другие люди, а потому и незачем было удивляться, что трасса вдоль забора, натопанная Брэком, была завалена снегом и оказалась совершенно непригодной для службы, для его, Брэка, караула.

Но он зачем-то пробежался по ней.

Остановясь в тени кустов возле ворот, он прилёт в сугроб.

Дело оборачивалось его собственной глупостью.

Зачем вообще надо было стремиться сюда? Разве его кто-то тут ждал? Даже если бы здесь не оказалось новых жильцов и дача оказалась пустынной, с чёрными, неосвещёнными окнами — в чём бы он убедился? Что у него не было прошлого? Да разве думают о таком изгнанные собаки? Ну, а если произошло то, что он увидел — что делать с этим? Появились новые хозяева. И они знать не знают никакого Брэка. Зачем он им? Да и зачем они ему?

Выходило, Брэк наивно надеялся, что вдруг откуда-то вернётся Анзор? Бывший и не очень-то любивший его хозяин почти с собачьим именем?

Да ведь он же умер. И его смерть видел Брэк. Может, он единственный из всех живых существ и видел эту смерть: пошёл ливень, осветилось небо, громыхнуло и раз, и другой, и много раз, и хозяин оказался на земле в рубашке наполовину белой, а наполовину красной.

Получалось, Брэку надо было бежать из этого дома, шляться по чужим улицам, добраться до плоскогорья по имени полигон, стать самым опытным среди собак, похожих на бомжей, и по-прежнему не верить себе!

Не верить, что нет у него больше дома.

Нет хозяина, относившегося к нему равнодушно — с какой бы радостью простил он ему это равнодушие! Да и давным-давно всё и так уже простил! Но вот себе не верил! Не верил!

Однако как теперь уйти отсюда? Забор участка переменялся точно так же, как и ворота — стал высоким и скользким — ведь он теперь был из железа. Не за что зацепиться когтями, и перемахнуть с разбега — слишком высоко.

Брэк лежал, вжавшись всем телом в снег, недвижимый, как полено, и терпеливо ждал.

Выход придёт, как приходит он ко всем и всегда, надо только набраться терпения. Нетерпеливые погибают раньше — даже если он этого не знал по себе, правду подсказывало предчувствие. Опыт предков.

Он лежал и лежал.
И вот здесь всё началось.

II

Дачная дверь захлопала, и люди посыпали в зимний двор.

Сколько их тут было: женщины, мужчины, дети. И даже старики со старухами. Все они возбуждённо кричали, держа в руках бокалы, стаканы, белые кружки, другие же тащили тёмные бутылки с белыми обмотками на горлышках.

Брэк знал и по бывшей своей жизни, что это такое, и недовольно отвернул морду. Но в прежние времена хозяин делал это раз или два, не больше, пёс уходил в лес, подальше от смеха и хлопков, похожих на выстрелы, и стоял там, пока Анзор, отсмеявшись и открячавшись, не уходил в дом. Но теперь здесь была целая толпа.

Страх вызывал их общий крик — отдельные слова и фразы, сливавшиеся в бессмысленный ор. Потом что-то захлопало, вино разливалось по сосудам, его пили, снова кричали, потом по басистой команде все стихли — не мгновенно, другое.

И все снова заорали!

А потом!

Потом раздался страшный грохот. Он нёсся со всех сторон — из леса, от будки, где когда-то ночевал Брэк, от сараев, от входа в дом, и, наконец, из-под забора, из-за спины Брэка.

Этот грохот, сопровождаемый свистом, возносил в небо какие-то красные крошки, и они взрывались, превращаясь в огненный страх.

Как тогда!

Но тогда было лето, лил дождь, молнии сверкали хоть и жутко, но где-то очень-очень высоко, может, только одна блеснула поблизости, за забором, а сейчас!

А сейчас вся земля как будто летела вверх, а сверху спускались разноцветные, слепящие, отнимающие всякие силы, парализующие огни.

Брэк не взвыл, не издал ни единого звука, он вскочил и в ужасе бросился прочь. Он не избирал путь, потому что им управлял даже не страх, а ужас. Он нёсся по прямой, и эта прямая проходила через человеческую толпу. Он пролетел свозь неё молча, но человеческая толпа завизжала, заверещала, заблелала, будто в неё врезался разящий меч.

Первыми закричали дети, потом женщины. Мужчины закричали тоже, но чуть позже и слегка иначе. Они будто бы пугали Брэка, но у них не было чего-то, чтобы испугать навсегда. Они и подумать не могли, что собака, проскочившая между ними, уже и так испугана. Ими. Их дурацким развлечением, которое с грохотом разрывает воздух, спокойствие, мир, чтобы возбудить их мнимой радостью, которая никакая не радость даже для их собственных детей, а испуг, страх, надрыв и несправедливость.

Толпа орала и бесновалась. Теперь уже было неясно, радуются они или страшатся явления пса.

А Брэк, будто заведённый, будто ударенный в самое сердце, будто смертельно задетый и умирающий, носился по лесной своей и давно забытой тропе, пробивая её вновь. Упрятанный за забор, он будто бился в большой коробке с высокими стенами, не в силах вырваться из неё и не способный справиться со своим страхом.

Потом он увидел, что ворота снова распахиваются, вернее, яркий луч фар прорезал лес, в котором бежал неизвестно куда, Брэк, и вся его интуиция, весь его опыт приказали бежать на этот свет, чтобы вырваться вон с этого участка, выбежав на дорогу, к своей своре, оказаться свободным.

Это было не так-то просто. Требовалась храбрость. Да что там — настоящая отвага. Но не отчуждённая волчья отвага, а собачья храбрость, допускающая всё-таки, что не все люди — враги.

Он прижал уши к затылку и кинулся к воротам.

Вновь он появился неожиданно. И снова люди заверещали на все голоса. Но он знал, что свободен. Почувствовал, что вырвался.

В несколько скачков, обходя людей — детей, женщин, мужчин, стариков, он вырвался в коридор, образуемый заборами.

И помчался на окраину посёлка — в кусты, неудобья, пустынные прогалины.

12

Он не думал о своре. Не знал, что с ней стало. Ужас не покидал его, потому что стрельба, столь милая сердцам глупых людей, продолжалась.

Коридор из высоких заборов был, наверное, единственным местом, откуда не взлетали огни. Когда он достиг нежилых мест, успокоение не пришло. Пальба раздавалась отовсюду. Почти смыкаясь между собой, селения праздничной своей стрельбой границы на земле стирали окончательно и бесповоротно.

Казалось, такое свободное, такое чистое, принадлежащее всем живым звёздное небо растеряло все свои мудрые звёзды в бесконечных и суетных вспышках фейерверка.

Не выбирая дороги, держась только как можно более удалённых от слепящих огней мест, Брэк, слегка снизив скорость, бросился в сторону. Это было странное, не собачье, без всяких предчувствий, решение — потому что стреляли отовсюду.

Он услышал шорох, обернулся. За ним следовал Мохнач. А далее, вразной, оставшая свора.

Пальба раскидала её, но она же и соединила вновь, потому что бежать от страха, так же как и бежать к спасению, было разумнее вместе. Сообща.

Никто теперь не думал о голоде, хотя великий этот господин никуда не делся. Он просто отступил перед ещё более важным господином — страхом.

И страх пока что не торопился отпустить свору.

Она бежала по лесу, выходила на тропки, потом на дорожки и дороги, но это был не настоящий лес, а пригородные и придачные перелески, тоже напичканные жильём, пусть не ограждённым высоченными заборами, и от этих, часто убогих, каких-то обескровленных, унылых днём жилищ, в новогоднюю ночь палили, может, ещё яростнее, то ли заглушая свою дневную некрасивость, то ли на что-то намекая тем, богатым, расположенным невдалеке за своими заборами.

Брэк не оглядывался: не так уж это и принято в сворах — оглядываться на остальных. Отстал, значит, отстал, сбился с пути — так тому и быть. Но у своры никому не нужных, отверженных и голодных собак всё-таки существует свой заводной механизм: бежать, не останавливаясь, если жизни грозит смерть.

13

Они пробежали довольно много и углубились в лес, где уже не было жилья. Остались в стороне тёмные профили брошенных сараев, может быть — ферм, однако живого духа уже не было слышно.

А за спиной всё грохотало. И небо по-прежнему страшило чужими всполохами.

Они остановились.

Брэк бухнулся в снег и стал разгорячённо лизать его. Остальные вели себя по-разному, в зависимости от привычек. Кто-то сидел. Кто-то лежал тоже. Из тьмы выходили новые собаки, и Брэк настороженно поднял уши: это были чужие псы.

Ему пришлось встать и, несмотря на то, что страх всё ещё не отпустил его, довольно внятно прорычать. Подходившие не возражали. Начальственный рык признавался сразу и безоговорочно, получалось, что Брэк удостоверялся — если не за старшего, то за самого опытного.

Ещё бы!

Подходившие чужаки были одиночками. В крайнем случае, маленькими группками из двух-трёх собак. Некоторые, может быть, и не были окончательными-то бедолагами, паслись возле какой-нибудь столовки, возле кафе, где всегда подкинут, подбросят, подадут. Но грохот новогоднего салюта всех погнал в бега, всех напугал, озлобил, растревожил, сбил с толка. И вот теперь они, следуя от селений, соединялись, сливались во что-то уже не совсем похожее на собачью свору — может, на воинство какое, почти на стаю — только не на умную волчью, которой надо выживать и если воевать, так на жизнь и на смерть, а на нечто похожее на людскую толпу. Может, и многочисленную, и многолюдную, и жаждущую жратвы и питья, в которой, конечно, же, найдётся один-другой безумный буян, крикун, нетерпимый и нетерпеливый. Такой недоумок способен даже и повести за собой других, не имеющих общего сознания, и втолкнуть их в ругань, в драку, в бойню, но такой и первым же выскочит из неё, отряхиваясь и прихорашиваясь и указывая на них, как на виновных...

Словом, чем больше куча живых, тем хуже они управлялись. И Брэк вовсе не радовал прирост своры, напротив.

Он вдруг и как-то сразу почувствовал, что одному ему со всеми не управиться — впрочем, разве он стремился к какому-то управлению? И всё же ему нужен был союзник. Если не друг, то существо, понимающее, что такое смысл и безопасность своры.

Он огляделся. Мохнач лежал неподалёку.

Брэк подошёл к нему, и тот уважительно поднялся. Впервые за всё время их знакомства они обнюхали друг друга.

С ужасом и сочувствием Брэк понял, почему Мохнач был таким неуверенным: люди лишили его мужского достоинства. Попросту кастрировали.

Куда, где, как, почему и зачем — этого псы не понимают и не узнают, но это происходит, и коли происходит в родном доме, так, может, оно и было бы прощительно. Но если потом бросают? Выдворяют за ворота, даже не убив? За что же такие-то наказания...

Они поняли друг друга: надо было возвращаться на плоскогорье. Там их место.

14

Они побежали вперёд. Даже если эта дорога уводила от города, всё равно где-то предполагался выход к шоссе, а уж по нему они доберутся к своему печальному дому — это загадка не из сложных.

Теперь Мохнач шел рядом и на полшага позади, как человеческий адъютант или заместитель, и Брэк внятно чувствовал, как время от времени сотрясается всё тело мохнатого товарища. Это же самое происходило и с ним.

Их была мелкая дрожь — так из собак выходит страх. Испуг, забравшийся в нутро, выбирался, доставляя озноб, муку, безрадостное воспоминание. С воспоминанием-то хотелось, да и надо было расставаться, да и как только можно быстрее — только тогда налаживался дух, который и без того угнетён и подавлен затянувшимся голодом и ещё основательнее затянувшимся бездомьем.

Вот так, подрагивая, освобождаясь от ужаса новогодней ночи, они бежали незнамо куда, но вперёд, вперёд, уверенно и твёрдо.

За ними бежала свора бедолаг с полигона, ещё десяток, может, примкнувших к ним беглецов, даже по внешнему виду, толпа, способная вызвать опасение.

Толпа была голодной. Вернее сказать — очень голодной. И сильно напуганной была эта свора.

Уступая место господину голоду, господин страх иногда даёт промашку, уж слишком несерьёзно уменьшаясь в размерах.

Это понятно, потому что ничего в мире, кроме аптечных весов, с помощью которых делаются лекарства, даже часы, даже время, не бывают совершенно точны в своих измерениях. Да ещё такие неточные понятия, как страх и голод! Их ведь всегда много! Большой страх, как понятно без слов,

подавляет голод совершенно: чем сильнее страх, чем опасней угроза, тем легче отступает всё остальное! Но попробуй только страх отступить! И всё! Голод отчего-то становится смелым! Опасным! Даже наглым!

15

И тут они услышали смех. Невинный детский смех.

Свора будто споткнулась.

Зима, лес. Собаки сбежали подальше от людей, от их выстрелов. Наконец-то звёзды над головой, и не какие-то, а огромные, будто доверчиво прильзились к их собачьим глазам и утешают их: не бойтесь, всё обойдётся и настанет новый яркий день.

И вдруг, ни с того, ни с сего — это!

Детский смех.

Точнее — это понимала каждая из собак — смех маленькой девочки.

Они смягчили свои шаги. Далёкий опыт опасных предков повелел им идти осторожно, и сначала понять, что это всё значит. И как с этим быть.

Свора двигалась по лесу, который впереди прерывался, образуя поляну.

В дальней её стороне высилась горка, не очень уж и высокий, но холм, а на его вершине стоял чёрный деревянный дом с оконцами, светившими голубым.

Там, на вершине холма слышались человеческие голоса, но если и возбуждённые, то радостно и покойно — такими голосами люди умеют обращаться к собакам и котяткам в начале их жизни, лаская их и жалея.

Но тут люди говорили между собой — мужчина и женщина, а звонче их говорила маленькая девочка.

И отсюда, из лесу, где остановилась свора и замерла в ожидании, спрятанная тенями деревьев, было ясно: девочка вкусно пахнет.

Нет, она пахла, как все девочки на свете. Но она ела пирожок с мясом. Всего только один пирожок. И всё было бы просто, если бы там, на холме, она его съела, а потом бы стала делать, чего только пожелает.

Но девочка села в санки, ещё раз откусив пирожка, мужчина наклонился к ней и толкнул санки с холма.

Она засмеялась и покатила вниз, откинув в сторону ручку с пирожком.

Что тут делалось!

Приблудные к своре псы, стоящие сзади, кинулись, обгоняя передних, вперёд, запросто обогнали Брэка с Мохначом и устремились к горке.

Поначалу они шли молча, почти как волки, и Брэк подал голос, чтобы люди спохватились и защитили девочку.

Но люди не могли понять, что происходит.

А девочка катилась вперед, на собак, и всё смеялась. Никак не могла испугаться.

Наконец, мужчина, стоявший на холме, побежал вниз.

Он кричал на свору, стараясь её утешить, и у него не было другого звука, кроме одного отчаянного и до края наполненного страхом звука:

— А-а-а-а!

И женщина наверху кричала:

— А-а-а-а!

А девочка катилась и катилась.

И свора летела к ней. Всё ближе и ближе.

Не один Брэк лаял теперь, а ещё и Мохнач.

Московский сторожевой пёс всё-таки был большим и породистым. Его скачки, освобождённые теперь от страха, были громадными, и он обогнал Брэка.

В какие-то секунды, очень при этом трудные для него, он догнал сорвавшихся дураков и свалил их, при этом не останавливаясь.

Впереди было двое ретивых прищелцов. Мохнач столкнул своим мощным корпусом сперва одного — и тот свалился, а затем, не останавливаясь, другого. Вот что такое настоящая порода.

Свора не остановилась, она неслась, но настырность этого движения сло-

малась. Собаки с полигона стали притормаживать, однако прибившиеся были уверены, что всем правят нравы своры, и пёрли вперёд.

Мохнач, потративший силы на сброс дурных наглецов, побежал медленнее. Пусть самую чуточку, но всё же.

И тут Брэк выжал из себя всё прошлое упряжных лаек.

Он выдвинулся вперёд, вырвался не просто на корпус-другой, а обошёл всех метров на пять.

Санки с девочкой остановились. И он заслонил их собой. Подоспел Мохнач.

Два пса закрыли маленькую девочку, а она всё смеялась!

Потом встала над санками, расставив свои ножки, размахнулась и кинула, умница, в собачью толпу остатки своего пирожка.

Свора кинулась к нему, пришлые сцепились в клубок с полигонскими. Визг и лай могли перепугать кого угодно, а девочка всё смеялась, когда побежал отец.

Он схватил её на руки и кричал отчаянно в жутком страхе:

— Доча! Доченька! Ты в порядке?

И она прокричала, ангельским, тоненьким, как летний стебелёк, голоском:

— Папа! Да это же собаки!

И прибавила:

— Друзья человека!

16

И слава Богу, что Брэк не понял слов этой девочки. И Мохнач не понял. Они ведь понимают только выражение человеческих слов. А выражение, которым прокричала девочка всего-то два простых слова, были нежными, ликующими. И совершенно уверенными.

17

Свора чуть потопталась, а потом пошла за Брэком и Мохначом. Дорога, на которую они свернули, вела, пожалуй, к другой дороге, пошире, а та — к шоссе, по которому снова нёсся железный поток, и надо было ещё изрядно пробежать, чтобы добраться до полигона, до своего плоскогорья, куда скоро после праздника каких только отходов не навезут люди...

СЕРГЕЙ КОРОТКОВ

В ТАКОЙ СТРАНЕ Я ЖИЛ И СЧАСТЛИВ БЫЛ...

* * *

Это яблоньки деревенские,
Эти хмурые купола,
Эти Мценски и эти Энски...
И Москва бы без вас не жила.

И с буграми моя и с воронками,
Словно хата, чиста на юру.
Солнце красное спелой смородиной
Чуть качается на ветру.

Озари изумрудной лампадою
Бесконечные эти углы,
Чтоб воскресли с весеннею радугой
Обмороженные стволы.

Там струятся дымки самосадные,
Там похмелье бежит со двора,
Там и тучи такие громадные,
Что их рвать на знамёна пора!

КОРОТКОВ Сергей Иванович родился в 1948 году в Северной Осетии, в прошлом веке посещал знаменитое литературное объединение "Трёхгорка", где руководителем был Вадим Кожин, учился на ВЛК у Юрия Кузнецова. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в среднерусской деревне.

* * *

В той стороне, где бегал босиком
И где во рву купался, словно в чане,
Я помню — над заснеженным леском
Сияло солнце жаркими очами.

И в доме Чудотворец на стене
По вечерам мерцал в лампадном свете,
И холодом тянуло из сеней,
Где паучок свои раскинул сети.

В разбитой церкви жили снегири.
Они кормились мёрзлой рябиной.
И это было, что ни говори,
Воистину Рождественской картиной.

Там в синей дымкеплыли города
И трубами высокими дымили,
Всю ночь Полярная невестилась звезда
Во всей своей красе и тайной силе.

В такой стране я жил и счастлив был.
Она меня ничем не обделила.
Но я из смертной чаши пригубил,
И знанье это сердце опалило.

* * *

Если Родина в чёрном, то в оба гляди —
Совершают набег мировые хазары.
Покупатели душ разложили товары
И пришедших продать прижимают к груди.

Русь моя! Молодая монашка вины.
Свет глубинный в очах, словно солнце за лесом,
Ты зовёшь синеву над тобою не-бесом.
Долго ль бесам кружить у заветной стены?

Да и эти, багровые, там за стеной —
Что им вещая плаха из Книг Голубиных?
Деды их распинали тебя на осинах,
Проходя над страной, словно вихрь ледяной.

Но прости. Знаю я — ты живёшь без обид
И несёшь свою чашу, как дар обручальный,
Ты зовёшь эти ямы равниной печальной,
Ибо образ твой втопан, но дух не убит.

Роковая, высокая статья твоя может
Мир зловестья с орбиты столкнуть навсегда.
Как они тебя жаждут, как сроки итожат!
Но ты в чёрном стоишь, как в колодце вода.

* * *

Там, где проволока звенела,
Как хрустальная, на ветру.
Прострелили мне брненное тело
И в душе продолбили дыру.

И в отверстие это ночами
Наметает колючий снег.
Так согрей меня, Мать, лучами
Твоих полноводных рек.

Пусть мне жить осталось немного,
Пусть я бражник и чифирист.
Попроси для меня у Бога
Долю тех, кто душою чист.

Выезжал я с колымской пустыни,
Руки кровью не обагрив.
И меня провожал свет синий,
Как весною бывает залив.

И меня провожала братия,
Покорёженная, как и я.
Защити же нас, Божия Матерь.
А у Господа воля своя.

* * *

Я пройду растраченный, как радость,
По людскому колкому жнивью.
Знать, душе ещё не отрыдалось
Под молитву первую твою.
Значит, там, за жёлтыми буграми,
Будет мне и царство, и весна.
Крест окна. Звезда в оконной раме.
Ты и я у синего окна.

* * *

Анне Ремизовой

Об одном я прошу Господина небес:
Чтобы смог я уйти, не растратив любви,
Чтобы губ моих бледных предсмертный разрез
Прошептал те слова, что поют соловьи.
Переводчик, отгадчик, я внимал соловьям,
Что в черёмухе сердца звенели весной.
Вот и осень прошла, и зима по пятам,
Всё равно соловьиная песня со мной,
Всё равно ваши лица — как листья в воде,
Из родимого леса — Господня краса.
Вы, познавшие крестную муку в труде,
Это ваши меня согревают сердца.
И покуда я жив, эту связь не прерву,
А уйду — значит, пылью останусь в стезе.
И когда запоёт соловейко во рву,
Дайте волю горячей и чистой слезе.

* * *

Берёзы, поседевшие от вьюг,
Хранят в глубинах голоса былые.
Игла еловая скребёт предвечный круг.
И не смолкают песни фронтовые.

Мой мальчик, ты ещё так легкокрыл,
И что тебе истории укусы!
Но прадед твой победный лик узрил,
Когда был, в сущности, мальчишкою безусым.

Удар ответный... Сколько их потом —
До самого Берлина путь-дорога.
Солдат, он возвратился в отчий дом,
И кроме Родины не знал иного бога.

Вы бросились судить его? Не вам,
Погрязшим в суете сует базарной,
Ходить с усмешкой по его следам
С пустой душой и рифмою бездарной.

Да, он прошёл нетореной тропой,
Да, он загнал коней в пылу погони.
Но он остался той большой горой,
С которой белый свет — как на ладони.

Смотри, идёт согбенный человек.
Но как он тянет за собою нить стальную!
Ведь это он спасал двадцатый век
И заслонил собой страну родную.

Я знаю, мальчик мой, у той межи
Есть монумент. В нём и твои усилья.
Спасибо тем, кто камень положил
У рубежа спасения России.

Я мог бы их назвать по именам.
Они живут, сердца свои сжигая.
Но жизнь прошла иголкой по устам,
К молчанью скорбному поэта призывая.

* * *

Смотрит Россия больными глазами,
В душу глядит неспроста.
Ветрено, ветрено под небесами,
Очень глухие места.

Где-то опять человека раздели
И пригвоздили к кресту.
Мы-то своих схоронили, отпели —
Что нам кричать в темноту...

Лучше затанем мы песню ватажью,
Грянем дружнее, братья!
Ох, и попили мы кровушку вражью
Вместо студёной воды.

В страшном бою том — известное дело —
Много и нас полегло.
Зря, что ли, Матушка-Русь побелела,
Словно её замело.

А как растаяли злые сугробы,
Глянули мы — вот-те крест —
Братья лежали единой утробы,
Жители нынешних мест.

Смотрит Россия большими глазами,
В душу глядит неспроста.
Ветрено, ветрено под небесами
Возле большого креста.

* * *

Молчи! Ни слова о России!
Уже заношены до дыр
Её одежды восковые,
Её пурпуровый подир.

Туман ли, снег чело сокрыли...
И за спиною, как петля,
Её обугленные крылья,
Её холодная земля.

Но есть в сердцах предмет священный,
Хранимый Богом про запас,
От злобы черни современной,
От страсти, что бушует в нас.

* * *

Важность и ценность творческой работы Сергея Короткова состоит в том, что лирический характер, являющийся так или иначе во всех его произведениях, — это истинно героический характер, притом героика в данном случае всецело естественна, органична, неподдельна.

Едва ли можно оспорить, что в нынешней поэзии преобладает атмосфера растерянности, отчаяния, даже своего рода “пораженчества” (разумеется, я говорю не обо всех современных поэтах, но именно об их преобладающем большинстве). Сергей Коротков отнюдь не закрывает глаза на всю тяжесть, всю горечь сегодняшнего бытия, но его произведения всегда в той или иной степени проникнуты уверенностью в победе — и, повторю, вовсе не искусственно сконструированной, нарочитой, а исходящей из самых глубин духа; основная интонация его стихотворений, если воспользоваться давним определением, скорбно-победна.

Вадим Кожин

МИХАИЛ БАЗАНКОВ

ЗАПОВЕДНЫЙ КРУГ

ПОВЕСТЬ

Город едва заметными силуэтами прорастал — выпутывался — из ночного тумана. Посреди дворовой свалки в поисках еды бомжи воевали с настырными собаками. Над ними через раскрытые окна перебранивались безработные соседи. А с другой стороны из-под забора бывший сердобольный блюститель порядка ловко рассовывал жаждающим любителям горячительного “конфискат по договорной цене”. В парке тренькала расхлябанная гитара. Возле станции ухал маневровый. Гулко громыхал внутри железнодорожного моста над Волгой лесовозный порожняк, устремленный на восток за древесиной.

Этот грохот на рассвете опять разбудил давнее детское желание убежать куда-нибудь... Прошедшей зимой по ночам иногда думалось о летней дальней дороге, о возможности хотя бы прокатиться на вагонной тормозной площадке до первой случайной остановки, сойти без колебаний в настороженную глухомань, обрести свободу и шагать, шагать, ритмично повторяя: “Не грусти, дорогой... Ты еще молодой... Не ходи стороной... Есть должок за тобой...”

Каждое утро именно так в меланхолическом одиночестве Григорий повторял наставление практичной квартирантки. Другой бы в его положении благодарил судьбу за соседство, благодарил мягкий, вкрадчиво нежный голос за нарушение угнетающей бобьельской тишины. Да, появились новые звуки,

БАЗАНКОВ Михаил Фёдорович родился в селе Медведка Костромской области. Окончил Костромской пединститут и Высшие литературные курсы. Автор трёх романов, сборников повестей и рассказов. Почетный гражданин города Костромы. Заслуженный работник культуры. Секретарь Союза писателей России. Живёт в Костроме.

шорохи, даже мелодии. Стоит ли терзаться стыдливими размышлениями? Радуйся, считай мамино квартирное согласие последней заботой о сыне. Ты теперь не один будто бы, есть внимательная соседка Наташа, постепенно обозначающая какие-то свои замыслы и права.

Складывался новый домашний порядок, суетливый ритм жизни. Получались дежурные встречи и расставания. Наташа в командировке — он скучает, должен скучать. Сердце скуку не заказывало, а надо демонстрировать. И ждать положено: когда, в какой час радостная и шумливая явится, чтобы его осчастливить букетом тюльпанов в высокой вазе под низким потолком условно двухкомнатной квартиры, новой музыкой и вином из шикарной коробки с краником, чтобы театрально повторить восторг по поводу промедления с установкой новой двери под звукоизоляцией: ну их, эти евроремонты, капитальные двери, решетки, хитроумные замки...

Соседка обладала способностью сохранять безгрешный вид, кротость и благонаравие, иногда демонстрировала эффектную вспыльчивость, но не капризничала. Она умела меняться в терпимых пределах, не спешила с упреками и нравоучениями. И держала необходимую дистанцию, чтобы не докучать. Солнечным воскресным утром просыпалась рано, в розовом, преднамеренно распахнутом халатике выбегала на лужайку под окном, изборажала желание взлететь, казалась юной, легонькой. А в дождливую погоду долго не напоминала о себе — ждала, когда он спросит про самочувствие и настроение. Бывало, чтобы разгонять меланхолию, включала ритмическую музыку, взбадривала себя разрекламированной гимнастикой, может быть, надеялась, что и он присоединится, но этот прием тоже не срабатывал — “старейший душой и занятый только собой” не отзывался, он ценил только собственные естественные намерения. И все-таки именно для него иногда она двигалась в томном изяществе, демонстрировала свои подновленные косметикой достоинства — ловко взглядывала округленными синевой карими глазами, будто бы что-то шептала сухими губами, выстраивая на лице выражение смиренной печали...

* * *

Этим летом, как и прежде, вечером и утром Григорий вспоминал давнее гулянье за рекой, еще надеялся на примирительную встречу... Конечно, не в своей проектной конторе и даже не на улицах этого города. По утрам суетливо собирался — в намерении прогуляться резервировал целый час до начала рабочего времени. Потому слышал предупредительные вздохи за плотной дверью, иногда бывали упреки: “Гриша, не спеши! В нашем распоряжении сорок минут, поъем согласно кофейку”. Раньше иногда задерживался. Но всему бывает предел, решил остепениться, взять себя в руки: сколько можно потакать чужим желаниям. Теперь демонстрировал занятость, уходил молча. И начал наслаждаться обретаемой свободой.

На первой половине пути погружался в настроение равнодушного созерцания. Неуютным проулком под повторными плакатными призывами бороться за новый быт и санитарную культуру согбенно пробежал и вдруг взбодрился этот необщительный жилец Нового поселка. Его здесь знают давно по матери, но теперь к нему не проявляют особого интереса. Да и другие обособленно мрачноваты. Вокруг магазина “Авто-Рим” уже толпятся неугомонные искатели не предметов роскоши, а запчастей к средствам передвижения. Дымчатость волглого утра лишила озабоченные лица индивидуальных отличий. Да и сам он чувствует себя безликим, но имеет сочувствие и готов успокаивать всех объединенных ожиданием дребезжащего автобуса. Нервические люди не умеют молча терпеть и ждать, равнодушные друг к другу, они возмущаются сообщая до звона в ушах. А после бойцовской посадки этот звон дополняется жестяным скрипом и дребезжанием распертого автобуса. Спасительно отозвалась в памяти давняя частушка под гармошку: “Милый в армию поехал далеко за озеро. Погода тихая стояла, только подморозило”.

В это утро на пути до знаменитой пожарной каланчи не хотелось гля-

доть в окно, а когда людской волной вынесло из автобуса, освежил ветерок с Волги, свободно вздохнул и огляделся. Напротив торговых рядов по скверу спешно прошла женщина в забрызганном малярным разноцветом комбинезоне. Подумал: вот так спешила каждый день самая родная на свете, тоже на обе стороны из-под белой косынки топорщились жесткие седые волосы. Именно такой видел маму в последний раз. Она оглянулась, помахала ему новыми рукавицами — прощалась. Получилось, навсегда, будто знала о том, что сорвется с лесов. Думала, наверно: сын большой, взрослый, при дипломе, и квартира теперь для него заработана — не пропадет, только женился бы поскорей.

По асфальту ветряная метла гоняет стаю тяжелой листвы, словно хочет закинуть обратно на деревья, еще густо зеленеющие. До яркой осени далеко, еще середина августа. Дети на отдыхе у деревенских бабушек. Самые смелые и закаленные мальчишки купаются каждый день до посинения. Девчонки на берегу поддерживают для них костерок. Бывало, бывало так и в детстве и в юности. Для других повторяется, а собственное лето отзвело, и осень собственная уже пришла.

Григорий привычно свернул в проулок — между заборами мог пройти не глядя: ноги сами найдут наоптанную тропу, она продиктует походку. Эх, боровой бы тропинкой пройти, там походка другая получалась. Верно, походка многое может сказать о человеке; а про женщину — особенно про такую, как Наталья, почти все. Характер ее выражается в порывистых, напряженно-угловатых движениях — так думал не только потому, что работает с ней в одной мастерской проектирования отдельных сельских объектов, но в обо-собленных наглухо отделах. Когда хлопнул парадной дверью, в проходной строго напомнили: “Благовестников, опять пишу опоздание на три минуты!”

В гулком коридоре кто-то посторонний читал стихи по стенгазете:

— Кричишь: уйди, исчезни! Может, раствориться мне? Ты, верно, этого хотела, когда меня звала во сне? Ну что ж, уйду, — исчезну. Но раствору свое окно. И позову тебя — ты не была давно.

“Что это, как попали сюда эти пробные строки с промокашки, спрятанной вчера под ватманом? — Григорий вспомнил вечернюю забаву и тут же определил, кто способен на коварную наблюдательность: — Сыромятников, только он, никто другой. Наверняка и авторство лукавый обозначил. Точно. Вот скотина!”

— Да ты, земляк, поэт! — сказал читающий с приветливой улыбкой. — Здравствуйте! — Григорий ответно кивнул, уходя, оглянулся: где-то видывал этого парня очень давно, еще в пору мальчишества, конечно, видывал его — зрительная память никогда не подводила. Надо бы спросить: не бывал ли он в Заречье. Может, и в самом деле один из тех, с кем играли вместе, купались в одном омуте, по одному бору ходили — в одной деревне были на каникулах. Интересно теперь что-нибудь общее вспомнить.

— Победитель, привет! — размашисто обогнал его заядлый футбольный болельщик Сыромятников. — Каково ночевали? Сколько новых замыслов несете, сэр?

— А за своё изобретательство не хочешь получить?

— Не получится. Времени нет для разборок. Тебе от главного доставлено пожелание. Знаешь, какое? Ускорить. Поспешить. Сейчас нам втыки будут раздавать.

— Было бы за что. Не наши руки деревню уронили, не наши чертежи поднимут.

Сыромятников хихикнул и присвистнул. В мастерской тоже встретили хихиканьем. И перегородка не спасала — слышался сдержанный смех и шепоток. Григорий, не желая выглядеть обиженным, начал записывать случайные мысли. “Судьба с неба не падает, она складывается из мгновений жизни, которые все-таки подвластны разумному и волевому человеку, когда он может подчинить чувства решениям трезвого рассудка. А что еще, какие нужны условия? Как понять, защитить самого себя от своих собственных слабостей? На чью поддержку опираться, в чьи глаза доверчиво и глуповато смотреть? Чего желать, стремиться одинокому к чему? И где же то простран-

ство, самое уютное, подходящее для тебя? Откуда прилетает по ночам зовущий голос единственной в мире девушки? Где она теперь, думает о ком?" Сам себе придумал вопросы и начал машинально повторять привычный рисунок — запахнутое окошко обрамлено белыми резными наличниками, колыхнется легкая полотняная штора, украшенная красной вышивкой, какой-то цветок в глиняном горшке стоит на подоконнике, маленький голубенький цветок, а в верхнем стекле отражаются бегущие облака, с обеих сторон за кружевами наличника тянется, ползет по стене веселая зелень вьюнка.

— Живет моя красотка в высоком терему, а в терем тот высокий нет хода никому. — пропел за плечом надоедливый Сыромятников. — У меня все проще: окна разинув, стоят магазины. А там — колбаса и девчонка-краса. Ну, закатали рукава, отключайся голова. И — тишина! Начали, — командует по праву должностного старшинства. — Прошу имеющих собственное мнение молчать во время моего доклада и после. Итак, дружно имитируем согласованную бурную деятельность.

Старательно склонились лукавые особи отдела, готовые встретить начальство всеобщей творческой увлеченностью, прислушиваясь, считали шаги. Высоченный Иван Иванович широко распахнул двери, чтобы показать между косяками, словно в багетной раме, свой новый темно-синий костюм, яркую зеленую рубашку и красный галстук. Не было никаких вопросов, никаких претензий, указаний в порядке подготовки под "втыки".

— Пронесло! — Сыромятников потирает руки.

Но дверь распахивается снова — для второго показа:

— Благовестников, зайдите ко мне в четырнадцать тридцать. И ни минутой позже. Времени в обрез. — Он блеснул желтым браслетом, взглянул на электронные часы. — Народ сегодня ополчился, из районов штурмуют. Титулы не успеваем оформлять.

Любопытство сослуживцев было подогрето предположениями: зачем пригласил? Неужели через спецзадание готовит повышение Благовестникову? Или разговор тет-а-тет по поводу личной жизни? Или трудная беседа с одним из сторонников усадебной комплексной застройки, деликатный намек непременно выступить по теме в духе времени перед областным руководством, но не слишком чтобы размахисто? Или обкатка новой идеи?

— Братцы, намечается какая-то расплывчатая перспектива, — жарко шептал Сыромятников. — Причем надо учесть, что авансовые затраты государства придется чем-то ответно компенсировать по всей территории. Средства индивидуальных застройщиков на возведение усадебных домов по воде вилами писаны. Куда ни кинь — везде клин, а хочется покрасивее. Имей в виду, Гришаня, наш главный создаст видимость дискуссии для собственного самоутверждения. А твои замыслы, идеи выдаст, где следует, за свои. Тебя объявят виноватым противником. Со мной такое бывало проделано.

— Все знаешь, все испытал. Почему растешь медленно?

— И другим надо. Потому советую: говори осторожно. Так, например: не являемся ли мы свидетелями очередного перекоса, каких нашей провинции немало досталось?.. Понял, молодчик, чем надо его останавливать, если пойдет волевой нажим?

Но предостережение не потребовалось. В назначенную минуту знающая себе цену секретарша открыла, точнее, деликатно приоткрыла высокую дубовую дверь:

— Входи, выкрикивал уже, — успела шепнуть.

Начальник хмуро разглядывал листок из школьной тетради в клеточку.

— Вот, слезно просят отпустить на недельку-другую. Ты что же, сам не можешь поставить вопрос перед руководством? В счет отпуска попросил бы заявлением.

— Я... я не знаю, — замешкался подчиненный, вспомнив о длительной командировке Натали, способной на выдумки. — Я ничего не знаю. Может, с теткой что стряслось. Она единственная у меня, Глафира Степановна.

— Не притворяйся, наверняка сам подсаживал, вот и пишу. Директор молодой, шумливый по неопытности, поскандалил тут и убежал не попровавшись, а потом вернулся — говорит: письмо, пожалуйста, земляку передайте.

— Какому земляку?

— Ты себя и земляком, значит, не считаешь?

— Родственница есть в Приветлужье. Мать моя родом оттуда.

— Ишь, как неохотно признаешься, — начальник, не поднимая осветительной головы, движением руки велел сесть в мягкое кожаное кресло, которое не всегда предоставлялось входящим рядовым сотрудникам. — Читай, читай письмецо, тебе адресовано, а заявление от директора — для меня. То же тебя касается.

Адрес на конверте краткий: “Грише от тетки Глафиры”. Письмо мелко вздрагивало в руках — давний голос в листочке дрожал. Григорий почувствовал себя так, словно бы только проснулся, вот спал слишком долго, навсегда забыв обо всем на свете, и вдруг его разбудили радостной вестью. “Добрый день или вечер. Дорогой мой и долгожданный Гришенька. Про тебя спрашивают. А вестей от тебя нет и нет, на что и подумать. Елисей с Анютой приходили, советуют вызывать”. Дальше — привычные слова о погоде, дорогах, домашних и общих деревенских делах, кто куда уехал, кто вернулся доживать после дальних передыг. “Здоровьем еще ничего. А надо бы поглядеться. Ежели не приедешь в эту осень, тогда уж приезжать будет незачем. Не должно быть больше твоей обиды и упрямства. Тебя ждут с чистой совестью, по сердцу. Ожидания эти с той стороны, куда ты давно был обозначен. Догадывайся. И я сама пока остаюсь ждать с двойной надеждой. Со дня на день, с часу на час”.

Иван Иванович вскинул просветленную лысую голову и смотрел добродушно:

— Значит, варианты невозможны. Поедешь немедленно. Гляди там, с директором по нашим интересам надо встретиться. Капризный, шумливый, а деловой мужик. Прав он, конечно, прав, но торопится, не хочет считаться с временными трудностями, ждать точных указаний свыше. Починок, понимаешь, ему надо обустраивать в современном духе. Особые проекты, привязки нужны. Сделай прикидку, местность тебе знакомая. Пофантазируй, думай, считай. Разложи доказательно.

— В порядке утешения, что ли?

— Не только. Требуется мужик. По главам собирается — и пойдет. А мы проявим персональное внимание. Упредим события.

— У меня нет документальных полномочий. Что могу пообещать конкретно?

— А ты рисуй.. И сочетай приятное с полезным. Возьми командировку. Пару недель хватит? Будет мало — продлим. — И вот чудо: подмигнул весело Иван Иванович. — Не потеряется твоя Верховенская, не засохнет. О работе думай, о будущем страны.

— Но наша архитектурно-строительная мастерская только меняет ориентиры, — Григорий уклонился на производственную тему. — Занимаемся кое-какими объектами, лишь мечтаем победить несправедливые взгляды на периферию.

— Понимаю, понимаю. Начитался новых журналов, мечтатель. Давай, дуй за билетом. — Иван Иванович встал, скрепил рукопожатием пожелание счастливого пути. — И взором медленным пронзайте ночи тень, вздыхая о ночлеге, ищите огоньки последних деревень...

* * *

Под настроение виделся этот дом, самый уютный на свете из тех, в каких приходилось бывать. Обыкновенная деревенская изба, но единственная, особенная, зимой часто снилась. Бывал в ней редко, а помнится каждая ступенька высокого крыльца, каждая широкая половица в горнице, каждый древесный чудо-орнамент в переборке — они похожи на чудные цветы, с которых он получал первые уроки рисования. В любое время дня и ночи можно перечислить все, что было видно давним солнечным утром в передние распахнутые окна: мама в пышной белой кофточке с короткими рукавами сча-

стливой отпускницей ходит между теткинскими грядками, выглядывая скоро-спелые огурчики; цветущая картошка и душистая земляника; кукарекающий на заборе петух с золотисто блестящей грудью; желтенькие утята, млеющие на лужайке после купания в корыте; степенная тетка Глафира в нарядном ситцевом сарафане возле калитки отвечает на вопросы назойливой девчонки про очередность катания на лодке; в просвете между домами фиолетовая рябь реки; костерок на песке и мальчишки, прыгающие вокруг. И он, Гриша городской, между ними — он самый, давний, нынешнего угловатостью напоминает.

Совпадения случайностей или особая закономерность привела сюда? Преодолев путевые мытарства, поднялся на крыльцо. Мокрый, грязный по уши, но радостный и ошалелый, словно беглец, ощутивший долгожданную свободу. Обласканный сбивчивыми словами хозяйки про ожидание, печальное житье, погоду и дороги, сидел в удивительной тишине за большим семейным столом напротив окна, из которого видно всю мрачно-тихую старую деревню с широкими просветами между домами. Сидел будто в ожидании: выйдет кто-нибудь на улицу или посмотрит из окна на дорогу, узнается издалека или не узнается. Будто ветерок частушку принес: “Милый в армию поехал далеко за озеро. Погода тихая стояла, долго не морозило”. И другая повторилась: “Раньше было, выйду-выйду: то к тому, то — к этому! А теперь я выйду-выйду: приласкать-то некому”.

Оказаться бы опять вдвоем в сосновом бору. Солнечный свет, пробиваясь брызгами расплавленной меди, разлетится от стволов искристыми пучками, выстроит на миг радужные шары. И в одном из них скажет она: “Это наш заповедный рай, вход посторонним невозможен!”. Почувствуется медленное кружение. Сколько времени протекло — не знаешь, и сколько прожито, пережито — не помнится. Много ли еще дано жить — не думается, словно нет для тебя начала и не будет конца. Испытаешь счастье в том, что жив, нужен, как же иначе; если тебя позвали — значит, мир без тебя не может обойтись, значит, есть предназначение для твоего сердца и разума. А если ты сам виноват в том, что оказался в собственном сумрачном лесу и некому окликнуть?

— Говорила я тебе, Гриша мой родной, — Глафира повторила незабытое свое рассуждение. — От предначертанного отмахнешься и никому больше не приглянешься. Понесет мутной водой суеты будто щепочку, если не спохватишься, не вспомнишь бывшее хорошее. А ты забывать стал сторонушку, где ждут с чистой совестью и по сердцу. Ой, сама-то запомнила, — спохватилась она. — Перевоз нынче держу. С той стороны людям пора — из райцентра от своего совещания учительницы возвращаются. Заказывали переправу. Там у мостков наша лодка причалена. Сразу и дело нашлось — не откажись.

Памятной ступенчатой тропинкой бежал с крутого берега, чувствуя свободную легкость и силу в каждом прыжке, в каждом крылатом взмахе рук. Колыхнулись перекошенные мостки, влажно звякнула накинута на столбик причальная цепь, будто бы лодка облегченно вздохнула после томительного ожидания, и само собой склонилось к воде отполированное коричневое весло. Все было повторением давней подготовки к самовольному плаванию. И волнение мальчишеское охватило дрожью. И дальний перекаточный гром повторился над заречным бором. Белесый пойменный луг казался весенним разливом, по которому давным-давно молчаливо плавали с ней вдвоем. Аня словно боялась тогда и просила: “Не спрашивай, не говори ни о чем”.

— Ждут с чистой совестью и по сердцу, — повторил Григорий, отталкиваясь багром от берега. — С часу на час, с минуты на минуту.

Перешагнул на корму через положенный поперек лодки багор, ловко уселся и, взглянув на пологий противоположный берег, определил, в каком направлении, как упруго надо плыть, чтобы получился кратчайший перебой — бывали раньше такие соревновательные переправы. Длинное весло оказалось выстроганным настолько удобно, что руки сразу почувствовали меру, направленность загребных усилий. Подумал, что и тут требуется расчет, чертежная точность. Так умело и сильно никогда в жизни еще не плавал

с одним веслом. По весеннему разливу гребли двумя веслами — согласованно с Анютой. Одинокое весло волшебным образом передает хозяйкино мастерство, подумал он, вообразив себя гонцом, похожим на того, с картины Рериха, который спешит к отдаленному поселению. Теперь мысленно видел себя как бы со стороны; даже чувствовалось поблизости движение другой лодки, слышно было тяжелое дыхание другого человека — гонца. “Надо править выше того места, куда нужно, — повторил тот, другой, и тоже спешил в тревоге, будто вот опоздает он на несколько минут, может быть, на одну минуту, и тогда уже не останется никакой надежды, ничего нельзя будет исправить в жизни. — Надо рулить всегда выше. А жизнь подправит все равно, снесет. Если высоко держишь руль, обязательно доплывешь, будешь там, где нужно, в назначенный час, приглядишься и приглянешься”.

Но считающие минуты и секунды спортивные указатели времени на левой руке свой счет вели без волнения — деликатно напомнили: еще половина пятого только. Автобус доберется по разбитому асфальту до развилки не раньше пяти. Эх, скруглить разочек, прокатиться, что ли! Лодка легка и послушна. И дышится вольно. Раз-два, поворот-разворот — и обратно к крутому родному берегу, словно забыл чего или не успел сказать что-то важное не для себя одного. Ладно, поворачивай обратно, плыви, куда собрался с волнением. Понятливая лодка легка и послушна. Гонца должен знать, куда и с какой вестью спешит. И — новый поворот судьбы? Кажется, так сказал при встрече романтически настроенный директор — хозяин этих мест Алексей Новиков. Теперь повсюду таких настырных ребят не хватает, а среди проектантов все больше Сыромятниковы — ловкие на приспособление, им только срок укажи и смету обозначь, тут же привяжут свои давние чертежи к чужой задумке — и получайте новый проект. “Да что ты прицепляешься?!” — повторил чужой упрек и зацепил веслом перекатные водоросли. Значит, к другому берегу причаливать пора. Высоко подниматься не надо, вышагни на песчаный откос и почувствуешь, что ты уже на своей земле под спокойными небесами.

Редкие облака быстро сомкнулись, начали разбухать. Ветер прошуршал осокой, кудрявил серебристый ивняк. Кольхнулся, покрылся волнами пойменный луг, дальний бор помрачнел, нахмурился — выползающая туча тяжелыми бровями нависла над былыми корабельными соснами, теперь они слились в огромную крепость, будто бы вставшую на защиту жилой деревенской стороны. Над ней грозно шумели невидимые силы, этот шум то превращался в тягучий гул, то раскатисто ворчал, и будто бы огромное чудо-юдо грызло железную кровлю, высекая радужные веполохи. Надвигалось что-то небывалое с глухим гулом, всевластное и очистительно освежающее. И все на земле, затаив дыхание, было готово принять неминуемое и освободительное очищение. Вспомнилось: река ураганы сдерживает, грозные тучи дробит над собой и только необходимый долгожданный дождь до пашен и покосов допускает. Но вдалеке неподвижное небо все еще хмурилось, наливалось свинцом, словно напряженно затаивалось, готовясь непроглядной ураганной чернотой преодолеть охранительную реку.

Перед стихией Григорий ощутил себя одиноким и забытым. Никто не окликнул. Ни в деревне, ни в городе сама природа не признавала его присутствие, даже здесь вольный ветер обходил стороной, не желая освежать дыхание. Душно было, а холодная дрожь прошла по всему телу, и он готов был кричать детским голосом, словно заблудший в чащобе на бывших полях, словно не мог понять, откуда пришел и куда идти дальше в частом мелкоколесье. Какой-то звук прерывистыми волнами докатился до него по новым кустам пойменной низины в том направлении, где раньше тропинка была вдоль берега. Напрягся, прислушался. В повторном крике звонкий голос казался знакомым — раньше так девчонки перекликались: “Ой!” — “Кто с тобой?” — “Я одна”. — “Что с тобой?” — “Влюблена”. Ветер приластился к деревьям, пригладил реку, белесую пойму и затих. Польшнула широкая горизонтальная молния... Напряженная, словно безжизненная тишина стояла несколько секунд в ожидании грома. Для начала он пророчал, вяло просыпаясь, но вдруг содрогнулось все вокруг. С небесной колесницы грозно раскатились невидимые каменные глыбы, а одна из них словно бухнулась в омут.

— Мама, где ты?! — от деревенского взгорья кричал мальчонка.

— Миленький мой, я с тобой! Видишь, мой хороший, я бегу домой!

Она действительно бежала во весь дух. Под космами дождя желтая куртка, взвихренные светлые волосы раскидывали блики по земле и небу. Григорий издали узнал, почувствовал: это Анюта. Она торопилась от грозы, но казалось, что к нему.

Он с разбегу вскочил в лодку, едва удержался на ногах, багром оттолкнулся из причальной заводи, чтобы подрулить для Анюты к удобным сходам. Только положил багор, намереваясь веслом справиться с течением, вихревым порывом подхватило верткое суденышко, вынесло на быстрину, водоворотом начало крутить. Вот и показывай класс, управляйся одним веслом. Раз, два, три-четыре! — коротко и сильно загребает он.

— Не торопись, Гриша. Не торопись — опрокинемся.

Переживает. Пожалела? Советует и еще утешает. И ждет. С чистой совестью и по сердцу? Может, это Глафирины выдумки — желаемое за действительное... Вот голова садовая, за несколько минут всякое наплести успела. А сердце чего торопливо выстукивает под напряжением или от волнения? Разве ум и сердце не в ладу? Рассуждай, рассусливай, а она промокшая там коченеет.

— Не спеши, говорю, — будто совсем рядом она. — Не дождит. За деревней солнце проглянуло. Ой, какое ласковое!

Точно, ее там уже ласкает светлое марево. А в тени под крутым деревенским берегом синева туманная кольшется. С каждым гребком — все ближе к теплому мареву, холодный волнистый туман уже не цепляется за спину. Получилось упругое, стремительное движение. Река словно бы остановилась, замерла, давая ему возможность быстро прорваться из темноты к солнечному берегу. Аня, приложив кулачки к груди, переживая за него, ждала. В мокром сжимающем комбинезоне казалась совсем юной.

— Не волнуйся, Гриша. Я — крепкая, закаленная. Помнишь, тогда весной?

— Помню. — Он догадался: она повторила давние слова из того прощального разговора, когда всю ночь просидели возле костра.

Плоскодонка наискосок ткнулась в глинистый холмик, укрепленный осоклой, шаркнула бортом по траве и дважды качнулась: было, было. Мелкие волны отбежали под наклоненную ветлу, там их распрямило, разгладило упавшими желтыми листьями. Весь мир остановился: не шелохнется ни единая ветка, не промелькнет птица, не плеснется рыбешка, даже новая серебристая паутина прямолинейно замерла между кустами.

— Слава богу, гроза отступила. Теперь спасены, — едва слышно проговорила Анюта и, комкая в руках косынку, склонила голову — стеснялась своего вида в мокром комбинезоне, или солнце слепило.

— Мы сейчас с тобой. Мы переправимся. Только не бойся.

— Я и не боюсь. Только ноги устали. Пятку натерла. — Она села на кромку берега, сдернула сапоги, осматривает левую ногу. Такая доверчивая, смешная, естественная и говорит просто. — До свадьбы заживет. Я тоже буду грести, как тогда. У меня здесь была спрятана хорошая досочка. — Она, отыскивая заранее припасенную рейку, взглядывает на Григория и почему-то смеется — так раньше смеялась, будто ничего не изменила жизнь.

— Ма-а-ма! — кричит с высокого берега мальчишка.

— Олечка, тут я. Не плачь, родненький. Видишь меня с бугорка? Если нет, на крылечко поднимись. Дедушку позови, он тебя придержит. Стой там, сынок. Смотри, как мы плывем, я буду аукать, а ты отзывайся.

Отчалил резким толчком против течения, чтобы набрать стремительный ход, дружно загребали с обеих сторон — так однажды в весеннюю пору они правили лодкой. Григорий вспомнил, что река теперь другая, Аня изменилась, конечно, да и сам уже не юноша, столько лет промелькнуло — это время было посвящено неопределенной жизни: расстались — по пустякам сорвались начали, по разным городам на ученье разъехались, чтобы чего-то друг другу доказывать. Аня и тогда была права — уверенно сказала: “Все равно когда-нибудь домой вернусь”. Он чувствовал, она понимает неуверенность его по-

ведения, не глядя, видел румянец на ее щеках, влажную голубизну взгляда. Они плыли согласованно. В каждом загребном движении угадывалось ровное совпадающее дыхание — и это смущало. А тут еще старик Елисей окликнул: — Где вы там? Скоро ли? Мальчонка по матери скучает.

* * *

Над колокольней в безоблачном небе сбивчиво кружат вороны и галки, раньше ласточки да стрижи резвились. А тяжелые птицы медлят, отдохнут на берегах и снова рассеиваются по всему простору, зависая, разглядывают происходящее в каждой деревне. Иногда исчезают за рекой, за лесом и через некоторое время вновь возвращаются кружить. Тревожит загадочное птичье молчание.

Река тоже тиха, медлительна, хотя полноводна. Может быть, спокойной кажется только поверхность, потому что утонуло в омутах лазурное, без единого облачка небо. От берега легким дуновением теплого ветра отвело несколько свежих щепок — плотники новый причал сколачивали в наивном ожидании белого парохода.

Раньше действовал постоянный перевоз. Деревянный паром, способный выдержать грузовик или трактор да десяток человек, перетягивали от берега к берегу, ухватываясь руками за канат. Подростки ради катанья и купанья помогали паромщице Глафире. Всем тут было хорошо. Когда насильственно соединили два северных района, мелкие переправы нарушили как нерентабельные, общую оборудовали вдалеке на пограничье. Дороги пришлось приспособлять под переустройство, кое-какие временки торили — пути пеглытые для техники, нервогрена ездокам. О том и рассказывал Григорию новый хозяин, происхождением из этих мест Алексей Новиков. Пришел на берег по хозяйственным интересам и убедился, что художник толково определился для живописания местности. Отсюда, от реки, как на ладони видно Доброумово, невдалеке синее нестройный порядок домов Глафириной Лысаковки, на взгорке новым домом обозначен будущий Починок на месте бывшего, начатого в начале века.

Здесь и началась этюдная композиция. Обозначена даль расплывчатым размахом лесов, отчетливо светится колокольня, за ней уютно стоят вдоль берега бодрые, разноцветно сфантазированные дома под новыми крышами, слева над речной гладью едва намечен прогнутый подвесной мостик, он перетягивает взгляд к Заречному бору. Невелик этюд, но очень много умещается в нем: приглядишься — увидишь родину, такой она снилась. И земля, и лес, и река, и деревня, и незабываемые люди — все самое главное соединяется. Человек мечтательно размышляющий сидит на бревне. Девушка медленно идет к нему. Просто, несколько переливчатых мазков, а людей уже видно, настроение каждого чувствуется. Все зависит от того, как смотришь. О чем думаешь в этот миг? Смотри, смотри, там пролетают серебристые нити паутины, птички-синички игриво порхают в кустах, качается возле осоки голубая плоскодонка. Всего один мазок — лодка закачалась. На самом деле сейчас поблизости ни одной лодки на воде, мостика подвесного никогда не бывало. Но воображение дополняет существующее таким образом, чтобы возникали желания, мечты и надежды.

Благовестников отстранился от работы, глядит в другую сторону, определяет контрасты колоритного состояния, проверяя цветовую восприимчивость зрения — кто сам писал этюды, тот знает разные приемы обострять свой взгляд на мир, выстраивать зрительной памятью виденное давно, в другой дали, чтобы возвратиться к испытанным ранее ощущениям. Он вспомнил ушедшее в небытие мамино село Отрадное, увиделось распахнутое окно. И девушка на лугу собирает ромашки.

Хозяин — рядом, что-то удерживает его на этом берегу. Поджидает завершения начатого этюда, выбирает подходящий момент для продолжения разговора? Григорий тоже медлит с вопросами о возможной перспективе, глядит в новые дали. Подсыхает ватман под окончательную прописку. Слы-

шится нарастающий гул тяжелой техники. От нового причала доплывает тонкий сигаретный запах. Надо бы написать и эту “пристань”, и отдыхающих плотников на фоне убранного ржаного поля со скирдами соломы. Куда ни взглянешь — всюду новая композиция, особый колорит, настроение и смысл. Только заброшенные дворы не вписываются ни в какую композицию.

Директор понимает проектанта:

— Такие постройки не для живописи. Вот склад — времянка эта и зрение и душу царапает.

— Подсобное строение вид не портит, — отозвался художник. — Без таких в деревне не обойтись, все должно быть в комплексе.

— И о том наша речь, Григорий. Вы, проектанты, архитекторы, художники деревню будущего на обжитых местах сочинять должны. По наследству, на старом месте. Лучшего не подберешь. Каждому дому наши мужики толковое место определяли. Без научных расчетов, без дорогих изысканий и чужеродных проектов. Вот так же, с чувством и мечтой, как живопись вообразил, сотвори на бумаге наш новый Починок. Общий перспективный вид. А потом — привлекательную особенность каждого дома, каждой постройки. Даже стоянка для техники чтобы созвучно вписывалась. Даже свинарник. Или вот склад удобрений. Давай-ка, сотвори такую деревню чтобы самим в ней радостно было жить, чтобы человек со стороны завидовал! Чтобы она людей притягивала. Всегда надо проектировать как будто для себя. А то придумывали: нет будущего, черная дыра, рынокотрегулирует, Запад прокормит. Своим трудам нет перспективы...

— Говорят, нет смысла в дотациях отстающим. Рвется там, где тонко. На развале новое начинать — дорого обойдется. Да и не позволит нам никто вольные отклонения от стандартных проектов. Все с кем-то завязано хитровато.

— Пока еще окончательного развала нет — память жива. Корни еще сохранились. Возродиться надо применительно к местным условиям. Иного хода не придумаю.

— Кто будет строить? На чьи капиталы, если жилы вытянуты за десятилетия?

— Резонные вопросы. Мы сами — заказчики, генподрядчики в государственном деле.

— Область не знает точно, где, сколько и как строить, для каких жителей. — Григорий, понимая романтическую настойчивость директора, признается: — Не имеем даже образа новой деревни. Раскидали, втоптали старую. И фундамент не проглядывается.

— Его чувствовать надо. И люди нужны с таким чувством. Варяги свое начнут лепить, а оно не приклеится к душе и ландшафту; исторически не закрепится бытовой разницей. Не каждому объяснишь. А сверхзадача все равно нужна объединительная.

Григорий еще не чувствовал, не мог осмыслить эту сверхзадачу. Ему под живописное настроение хотелось зацепить проблему с эстетической стороны. Вот нужен особый вариант застройки будущего Починка. Чем располагает когда-то богатое, но растерзанное за два десятилетия хозяйство? — такой вопрос для продолжения разговора не только с директором. Можно бы традиционно, пользуясь тактикой сослуживцев, подпустить для пустопорожности дискуссионного тумана. Тут пригодился бы коллега Сыромятников — специалист по ИБД (имитация бурной деятельности).

— Сотни, тысячи раз повторялось в напыщенных дебатах: вопросы планирования на перспективу остро поставлены на всех этажах управления. Однако...

— Знаем, слышали. Но жизнь такова... — Алексей давно осмыслил былое, настоящее и будущее не только для себя. — Публицист один пишет: глубинными “бомбами” отстрелялись по русской деревне. И сам спрашивает: а зачем? Чтобы сознательно ослабить государство? Не так ли? Возможен и другой ответ: по собственной дури. — Он встал, оглянулся на тихое Доброумово, затем взором пошелся берегами вдоль реки. — И все равно думаем о новой деревне, хранящей лучшее из былого уклада крестьянской жизни

ни. Другим путем нам из нужды не выбиться, в безлодые застынем и землю отцовскую навсегда забросим. Так вот, Григорий Иванович, рисуй смелее, что душа и любовь подсказывают. Польза. Прочность. Красота. Каждый дом — для любимого человека. Каждый дом — терем особый, с палисадником, огородцем, площадкой для ребятишек. И все они в едином ансамбле. И клуб, и чайная, и школа. Значит, планируем с мечтой и надеждой. Кто-то должен начинать. Для внуков и правнуков — с перспективным прицелом. Ясно и просто. Не живи одним днем, не живи только для себя — будет самому интересно почувствовать свою перспективу.

— Ясно и просто, — повторил Григорий и признался: — Позавидуешь. Но это по идеальному раскладу. А я долго бросал чечевичные зерна в игольное ушко.

— Бывало и со мной такое. Знаешь, тетка твоя, Глафира Степановна, так говорит: “Живите ясно и просто”. Да вот не получается. Чередой — проблемы, трудности, перестройки. Живем честно, стараемся, а значимся будто во всем виноватыми.

— Получается так, деревенщина — под насмешками. — Григорий меняет воду в банке, промывает мягкую колонковую кисть — готовится акцентированной пропиской переднего плана завершить этюд, склонился, будто дыханием согревает изображенную деревню. — Трудно переменить, разрушить стереотипы. Здесь другим себя чувствую. А кто мне сейчас поверит? — Он сам удивился неожиданному вопросу. — Кто поверит, что там, в городской квартире, уютно, впусую живется? Нет смысла. Дело по душе требуется. И чтобы семейный тыл складывался. Пора и так думать.

Низко пролетел размахистый пестрый ястреб, вдруг резко метнулся вверх и в сторону, набирая высоту, пронзительно вскрикнул. Хищный устремленный крик для каждой робкой птахи. Из-за реки отозвался другой пернатый хищник, он взлетел с высокого стожара, но тут же косо взял вниз, затаивая свой полет, нырнул под елку, и вот уже парит над старицей, разглядывая свое отражение вместо возможной жертвы, через несколько секунд широкой тенью от единственного облачка накрыло его отражение в зеркальной воде — изменилось освещение, и содержание пейзажа набирается иначе. Стая уток потянулась вдоль заречного озера. Ударил выстрел, чуть позднее — два дуллета.

— Палят опять. Понаехали хваты, управы на них нет, — ворчит подошедший Елисей Павлович. — Ты, Михалыч, определил бы какую угрозу на пришлых добытчиков.

— Не так всё просто. Не наш лес. Нет в лесу хозяина, и запретов нет.

— А мы, выходит, не хозяева, ежели в лесу без дров оказываемся! — Елисей Павлович осторожно спускается по уклону. На голове у него старый картуз, быть может, по давней купеческой моде. Суконная блеклая толстовка подпоясана узеньким ремешком. Сапоги густо пахнут детем. Поклонился. — Сегодня фартово одет. Для художника велено. Анюта достала старые наряды для такого случая, нарядиться велела.

Он смотрит из-под руки на картинку, другою плотницкий топор на плече придерживает. Рядом стоит, а смотрит будто бы вдаль, через акварельный пейзаж на округу любуется, тоже, наверное, обустроенной представляет.

— Даровито подано, — одобряет художника, вспоминая, как в детстве Гриша его рисовал. — Берегу твои писания. Мой портрет и портрет жены любезно разукрашены. Сам-то помнишь ли свои старания?

— Припоминаю. — Григорий в горделивой позе прицеливается, чтобы сделать еще несколько ярких акцентов. Горделивость фигуры естественная, рабочая.

— А Липандра моя слабеет. Ходовая была. Льноводка знатная, в одном звене с Глафирой. Теперь фотокарточку в музее вывесили. Голова додумался. Для него все важно. Такой человек наш, — старик похвалил директора и тут же к нему с напоминанием обращается. — Сказать велено: ждут мужики, Алексей Михайлович. Поди, принимай короба, ладны ли такие для загрузки зерна.. Причал тоже проверь. В случае чего, кликнешь — подправлю. Возле Гриши буду. Давно не виделись.

Новиков направился к плотникам: конечно, проверка требуется, и школьный ремонт директор должен контролировать. Елисей устраивается на толстом бревне, звучно хлопнув ладонью, определяет: не одрябло еще с весны до осени. Достал давний атласный кисет, вспомнил брата своего и разъясняет: на День Победы всем ветеранам школьницы поименно вышивали; для тружеников тыла внимания тоже хватило, отмечены за труд: сызмала трудились по взрослым нарядам. Теперь на всю округу в живых остались два трудовых орденосца — они с братом Петрованом, тот еще крепок, в заречном житье держится, механизаторы и лесорубы у него квартируют, дочери из городов навдываются изредка и внуков привозят — старикам в радость, оно и ладно.

Елисей выстраивал подход к Григорию по главной теме, выспросил о работе, сколько получает, на что свободные силы тратит, держит ли в порядке могилу матери. А задумка у него была и семейный вопрос ребром поставить. Пока осмеливался на меньшее, искал подходящий момент:

— Куревом теперь не балуешься разве?

— Раньше бывало, с дружками заодно. — Вспомнились былые упреки Елисея: “Вы, школьники-соколики, пороху не нюхали, а дымить за углом наловчились”.

— Папиросы у меня сегодня в кисете вместо махорки. Дай, думаю, для Гриши возмужу. Не сообразил, что работа твоя особенная, взгляд дымом туманить нельзя. Пишешь, значит, красоту — и смотри красиво. В хорошей работе так. Топором при папиросе тоже не станешь махать. Верно ведь, для того и перекуры устраиваем. Передохнем — и дальше перестук плотницкий получается. А пригласят — топор на плечо и в печники пошел. Печку складывать не каждый может. Там своя наука: осмотрительно кирпичи клади ряд за рядом, с перекурами. В твоем деле тоже: передохнул, обдумался — и вперед.

Григорий расставляет этюдник, укрепляет картон — решил для сравнения и маслом этюд написать. Живописная стена дальнего заречного бора, отраженье многоцветное в трех соседних водоемах кажется разным: старица зеркальна до того, что деревья опрокинутые видятся отчетливее устремленных в небо, озеро подернуто волнистой дымкой, и потому подвижным кажется утонувший лес, а река рябится слегка — разбивает и лес и небо в цветную мозаику. Один пейзаж по-разному смотрится, как напишешь, что бы впечатление сохранилось, настроение собственное передать?

— Цветистая приходит пора. Все памятно соединяется. — Старик прикурил, отмахивает легкий дымок за спину. — Не обиделся ли, Григорий, на чего? Не мешаю ли? Скажись, я отойду пока. Главные разговоры опосля говорить можно.

— Вдвоем-то веселее. Хорошее слово краски освежает.

— Я говорю, не помешать бы. Институт ваш теперь под каким названием?

— “Облгражданпроект”. Проектирование на всю область. Скоро должны переименовать под новые структурные задачи. Обновляться решили с названием.

— Это могут. Это проще. Без предела окать можно, как другие. ООО, — видно, слышал старик про объединения с ограниченной ответственностью. — Теперь нам всего не понять. Перемены пояснял тетке твоей Глафире — не понимает. Тогда — упрек ей: твой племянник рисует там на всю область, а к нам не спешит. Она письмецо и сообразила под поездку директора Алексея Михалыча. Просили Анюту, чтобы и про школьный проект писала — зартачилась. Если, говорит, не зазнался, сам приедет. Понятно, гордая. А время-то идет да идет. Годы не вернешь. Я вот свою Липандру за что до сих пор упрекаю? Одна причина: свадьбу следовало сыграть раньше, еще до войны надо бы.

Отдохнет, помолчит Елисей — другую тему обозначит. Обид у него накопилось: знатным трактористом был, трактора лишился, когда колхозы сливали; с пенсией объегорили — теперь получает меньше ловких пожизненных

бездельников. Разговорился, глядит по своей судьбе вдоль и поперек, с чего начинал — не помнит, на чем остановиться — не загадал, душа сама выбирала дороги для мысли. Казалось ему, что говорит со своим законным зятем; давно считал Григория судьбой предназначенным для младшей дочери.

— Судьбе не прикажешь, ловчить перед ней бесполезно. Не прикажешь. Это деревне приказывают все, кому не лень. Деревня тоже не всегда крепка: приказывают — исполняет... Испохабился люд. Друг друга подъедают. Хорошего человека иной раз днем с огнем приходится искать. Заботливый директор в первый год растерялся даже. Своих людей не хватает, лишь бы кто приехал. А приезжают разные. Алексей Михайлович иначе ставит вопрос: корневых по крестьянскому роду призовет переустройство общей жизни. Надо повернуть так, чтобы первейший авторитет был для того, кто сам себя и государство кормит. Помогать ему все должны в таком старании. Вот и ты, Григорий, рисуешь посреди природы деревню пригожую. Пускай за городом не гонится она, сама собой останется при своем ладе. Да помни: на бумаге одна красота, в жизни будет другая. Проекты твои исковеркать могут дороги да разные доброжелатели со стороны. Так что самому бы надо доглядывать. — Старик, упираясь в колени, медленно поднялся, потухшую скомканную папиросу пихнул в нагрудный карман, подошел ближе и сбоку потянулся оценивать начатую живописную работу.

— Сложно все, очень сложно, — отозвался Григорий и взял другую, тонкую кисть, смешивал охру золотистую с белилами, немного “стронция” вкрапил.

— Али не сложно. У кого совесть за общее дело болит, тому завсегда труднее. Начнешь перед своей совестью исповедаться, вот и мучительно: до чего же мы докатились. А другому все равно, будто посторонний какой. — И снова таинственно молчит Елисей, почесывая затылок. — Вроде мешаю, теперь при всяком деле лишним себя осознаю. Видно, все общие дела переделал, одни заботы остались. Пойду еще пройдуся.

Григорий утонченной кистью разбрасывает блики по всему картону и чувствует спиной тепло такого света, чувствует наблюдение издалека за каждым своим движением. Неторной тропой по склону незаметно подошли любопытные люди, давно, наверно, стоят молчаливые, не мешая присутствию. Он чувствует, среди собравшихся на берегу непременно должна быть Анюта, но оглянуться нельзя — потеряешь ощущение колорита и трепета в себе. Появилось оно, как только подошла она. “Не с тобой. Почему не с тобой мы вошли в голубую от солнца аллею”. Свеченье дальнего бора почему-то кажется чешуйчатым. В дымчатом мареве колышется ольховник, призывно шелестят нарядные березняки, стеной темнеет чернолесье. “Бегите в лес, прячьтесь среди деревьев! Вы сольетесь с лесом и станете частицей мощи леса!” — оживало, озвучивалось давно прочитанное. “Не беги” — сказано, а “бегите”. С кем и в какую сторону? Если между озером и старицей не остановится девушка, бегущая от грозы, этюд распадется на два независимых мотива. На половинки? А там еще и мальчонка обозначился. Пусть будут они, спокойно выходящие из леса. Мать и сын. Анюта и Олечка. “Смотрите, смотрите! Понятно, кого он рисует! — шепчут поблизости. — Они возвращаются домой”. Под сенью чешуйчатых сосен усталый путник задержался. Ему хорошо от того, что смотрит на любимую женщину с ребенком, потому что едва обозначенная тропинка между озером и старицей ведет к деревне. Почему думается так? Вспоминаются слова из другого времени, они были сказаны о том, что в деревне находится природная энергия народа.

Оттуда, с деревенской стороны, где застенчивыми наблюдателями стоят безропотные земляки, что-то светит своим особым, независимым светом. Может быть, в сей миг никому, кроме Григория, не дано было видеть это независимое от внешних обстоятельств свечение. Может быть, это лишь отразился слабый огонек, рожденный в его душе? Теплый зеленоватый свет, едва заметный, перешел в живописное масло, волнуется и согревает, не он ли все может соединить с чем-то высшим и вечным?

Через несколько дней Григорий Благовестников убедился: как специалист, никогда не умел мыслить социально, не воспринимал проблемы через конкретных людей. И свою жизнь не отважился обдумать, тратил время на какие-то мелкие дразги, политические споры и дежурные обязанности перед незначительными персонами, которые при службе то слишком любезны, то безответственно строги, хотя вполне очевидны в своем бесечестии. Здесь, на родине матери, в стране своего детства, он чувствовал себя независимо, проще, естественней. И работа имела другой смысл, иное содержание. Планы, наброски, этюды, расчеты, впечатления и чувства, мысли и память — все пойдет в дело. За две недели накопилась куча подготовительных материалов — можно идти к согласованному по инстанциям проекту, никому не хочется отдавать начатое.

Понял директор, поддержал его намерение. Пригласил в контору и говорит:

— Еще поработай, Григорий. Соглашайся. С начальством твоим обговорено. Все уладим. Новый губернатор наш замысел прицепил под свои перспективные планы.

— Вообще-то заявление на отпуск написал, чтобы почтой отправить.

— Тоже — вариант. Смотри, как лучше.

Благовестников возвращался к вечернему дому тетки Глафиры сияющий, вдохновенный, решительный. Порадовать хотел — лучшие этюды на просмотр подготовил, а она с дозором по деревне ушла. В избе быстро сменил обстановку: сдвинул, убрал все лишнее. Развесил этюды, наброски, чертежи, эскизы, тщательно проработанные акварели — оформил интерьер новой “мастерской”. Солнечный этюд с подвесным прогнутым мостиком объединял выставочную композицию. Интересно получилось: выставка и мастерская с широким семейным столом посередине, пожалуйста, проводи дискуссии или пресс-конференцию. Видели бы его сейчас придирчивые и завистливые сослуживцы. Видела бы его в эти минуты проницательная “регулирующая” Наталия Верховская.

Она, правда, спешила увидеть, проверить его в самовольной задержке по спецзаданию Ивана Ивановича. Выспросила, выведала по всем направлениям. Повлияли на нее и лукавые предположения всезнающего Сыромятникова. И вот прикатила. Возбужденная, искрометная. Гроза да и только. И перво-наперво потребовала смотреть прямо в глаза, не увертываться, не юлить и не придумывать легенд.

— Все ясно. Втюрился, валенок! Вижу, втюрился по уши. — Подтянутая, спортивно стройная и уверенная в себе, она выглядела свежо и после трудной проселочной дороги. Мыслила четко и ясно. Она утверждала, что этюд с подвесным мостиком появился не просто так, а под влиянием какой-то особы, может быть, даже по просьбе, и потому в наброске и в облике автора общее настроение дышит тайной любовью.

О, эти трудные разговоры с напористыми самоуверенными женщинами, теряющими просчитанные надежды... Григорий долгое время был под присмотром матери, потом в холостяцкой иждивенческой жизни принимал шефскую заботу соседки и привык подчиняться. Пришлось невнятно отвечать на вопросы, утешать какими-то обещаниями, даже упомянул готовность подарить квартиру. Наталия все-таки утихла, привела себя в достойный порядок, распушила прическу и грациозно села к столу, чтобы продолжить разговор в спокойных тонах. Она цепко помнила самые давние диалоги, ловко возвращалась к ним, чтобы востребовать то или иное обещание, но сейчас уже ей были необходимы упреки за все, что когда-то мужчина опрометчиво высказывал.

— Помню твои дерзкие штучки... Не ты ли однажды случайно прооронил: общая жилплощадь — не общая сердечная сфера. Не так ли? Ты слышишь меня, архитектор?!

— Мы никогда не были с тобой душевно вместе, — отозвался он не своими словами, понимая, что спешит с ответом, опять не чувствуя себя, играет кого-то другого.

— Твой ответ исчерпывает, по крайней мере, еще десяток вопросов. Но если бы ты мог смеяться над своими ошибками, которые последуют за этой роковой, был бы осмотрительнее на поворотах.

— К сожаленью, не дано знать свою будущую неразумность.

— Не умничай напоказ. Ты — не Сыромятников, понял? Почаще заглядывай в себя, чтобы не растеряться в новых обстоятельствах. — Она грациозно стряхнула сигаретный пепел на краешек своей путевой пепельницы-ракушки.

— С этим согласен. Заглядывая в себя, становишься богаче.

— Иронизируй сколько тебе влезет. Я тебя научила — пользуйся. — Она резко повернулась, колыхнув пышную грудь, словно ослепила его стекляннным блеском новой нашивки — может быть, стразы для того предназначались. — Да-да, иронизируй, чтобы меняться. Все меняется, друг мой. Перемены в духе времени. Ясно тебе?

— Почему в таком тоне? Что между нами? Каждый в своей судьбе — человек.

— Быть просто человеком — очень мало теперь, даже смешно. Надо знать, чего ты хочешь от жизни. Забился в скорлупу отшельником. И смейся над собой, когда другие... преуспевают. А ты свободный, тебе ничего лишнего не надо. Над бедностью хохочи.

— Смеемся над собой не потому, что дурнее других. А потому что устали исполнять экспериментальные роли. Душно от стандартов лицемерия. Не продохнуть.

— Ой, какой пассаж! Кричи громче! Ах, ах, открытие! Прорвалось, значит. Раньше не умел. Поглядите, новая историческая личность среди своих шедевров. Индивид, душака нелюдимый, недотепа и заскорузлый помазок. Тоже мне делатель истории.

— Историю и неприметные личности сообща двигают... — Он не знал, о чем и как с ней говорить, но и отмалчиваться не хотелось.

— Опять полез в высокие материи. Мне наплевать на историю, на все затеи личностей. Есть только мы сейчас. Наш миг между прошлым и будущим. Только один миг, мой собственный, и я хотела посвятить его тебе. Ты не заметил, не оценил моей доброты и преданности. Я забыла всех ради тебя, родную мать не навещаю. А ты к тетке укатил крышу ремонтировать. Ты свою поправляй — гляжу, поехала.

— Твое поведение, соседка, всегда было лукавым и агрессивным. — Григорий все-таки не сдержался, заговорил резко и прямо, без иносказательных намеков. И это взбесило властную Наталию, она сжала в кулаки окольцованные пальчики.

— Вот ты у меня где, раз так! Всегда буду твоей самодержицей.

— Самодержавная Наталия Яковлевна! Личное самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. — Словесную игру сопроводил ехидной улыбкой.

Хладнокровие принесло здравость мысли, но игриво связывало личное, индивидуальное с историческим. Хотелось достойно завершить напускной диалог, на который и раньше тратилось время, а надо бы просто работать среди композиций, напоминающих, что есть другой мир, просторный и естественный, позволяющий выбирать свое направление, свои сокровенные тропинки.

— Судьба человека зависит, между прочим, и от того, что он сам о себе думает, в какую оправу вставляет свой портрет, — тихо сказала она, прислушалась к тиканью настенных часов с блеклым городским пейзажем на ржавом циферблате. — Человек, сотвори свое будущее, а сотворив, думай о тех, кто невольно оказался рядом.

— Здесь ты права. Ни убавить — ни прибавить. — Но и эти слова были уже лишними, они ничего не объясняли, в них не было достойной, отрезвляющей мысли, ни каких-либо чувств. Он мог бы в спокойном разговоре признать, что стал другим, а точнее — просто вернулся к самому себе, доверяет жизни, верит в свой час и счастье видит пока лишь в том, что не принимает на веру никакое утверждение со стороны, ищет доказательства

поступками, действием и не хочет быть рабом собственного мнения о себе. Больше он не может быть функционером, не станет угождать нужным людям по расчетам рациональной женщины, под крыло которой попал каким-то странным образом. Забыл песни юности, себя на детских фотографиях в маминном альбоме начал стыдиться, а по ночам иногда просыпался в рыданиях. Со слезами перечитывал рассказ “Во сне ты горько плакал”. И спрашивал: “Отчего же были мои горькие слезы?”

Сейчас в меру сил надо бы как-то объяснить свое настроение, чтобы она отнеслась к случившемуся спокойно, ибо оно и есть долгожданное происшествие в его личной жизни. Сегодня он не вправе упрекать ее, лущет только себя самого, чтобы осознать вину и сделать спасительный шаг, который иными поступками заменить невозможно.

— Надо победить себя, — раздумчиво признался Григорий.

— Смотрите, какой мудрый. Но, как известно, мудрость не склонна совершать отчаянные поступки! Привет, добрейший-мудрейший!

— Наталия, не говори так громко. Я давно не воспринимаю актерские выкрики.

— И не собираюсь кричать, горе мое кричит.

— Горе?! — он вдруг впервые так пристально поглядел на нее. И подумал: остается одна — тоже надо меняться, раскладывать другие карты, плести другие сети. Теперь она казалась печальной — бесповоротность его решений стала ей очевидна.

— Не уходи так резко. Не оставляй меня, — просила искренне вздрагивающим голосом. — Скоро справлюсь, придумаю что-нибудь и для тебя. Тогда простимся.

Сказал, что понимает её положение, не будет спешить, проживет в деревне некоторое время — здесь держит интересный замысел, поэтому ничего коварного придумывать не надо. Она, кажется, успокоилась, смогла уединиться за переборкой. Пускай отдохнет в тишине, остынет. Всякому человеку полезно оставаться наедине с собой и находить отраду в своих степенных думах, способных вывести из привычного круга вещей и понятий. В одиночестве обостряется слух и зрение особого свойства — лучше видишь себя, слышишь волнение сердца.

— Снова чувствительно нуждаюсь в одиночестве. Раньше, когда мама уходила на работу, я рано просыпался и радовался, что могу мечтать.

Наталия шелестела страницами какой-то привезенной книги:

— Добродетель никогда не останется покинутой сиротой, она естественна, как человек читающий, и не ищет других развлечений. Я хочу найти свою сказку, — говорила она смиренно, точно из своей комнаты в городской общей квартире.

— А у меня был сказочный спасительный камушек, — вспомнил Григорий. — Зеленый. От стены Троицкого собора. Знаю, он лежал на подоконнике в заречном доме детства. И вот вижу, как приближаюсь к нему по широким половицам. Робко продвигаюсь, чтобы взять. На мне шелковистая голубая майка, она дразнит игривого котенка, сидящего на печи. Я думаю, я хочу, чтобы, как только возьму камушек, Мурзик прыгнул ко мне на плечо и сказал добрым человеческим голосом: “Теперь ты знаешь, в каком лесу самые интересные сказки. Мы вместе пойдем за реку — туда, где собираются по ночам чудеса”.

— Если сочиняешь сказки, впадаешь в детство — значит, начал стареть. А еще обещал мой портрет на фоне одуванчиков написать лессировкой, — напомнила она.

— Рано-рано выйду на крыльцо босиком, потянусь и шагну в серебристую росную траву, умоюсь этой росой, сорву с грядки огурец, разломлю его, чтобы с хрустом откусывать от одной и другой половины.

— И будешь поджидать ковер-самолет, чтобы улететь от этого развала в поисках царевны-лягушки? Помни, сказочный принц рано или поздно поймет ложное и скудное свое положение. — Она сделала многозначительную паузу, чтобы он ждал развития жеманной фантазии. — Дальше придумай сам, помня о несовершенстве выдуманных ситуаций, в которые ставит себя

реальный человек, и оказывается, таким образом, в двух положениях сразу, так что выпутываться трудно вдвойне.

Он догадался, какую книгу из его библиотеки она привезла, и с удивительной отчетливостью вспомнил помеченную когда-то страницу:

— Вещи не меняются, это мы меняемся. Продай свою новую одежду, но сохрани мысль, — он выбирал, что и для чего еще сказать. — Никто никогда не проигрывал на душевной щедрости. На лишние деньги можно купить только лишнее. А из того, что необходимо душе, ничего за деньги не купишь. Пытаюсь склоняться только к тому, что влечет меня всего сильнее. Не хочется выстраивать свод, пока не заложу прочный фундамент. Нечего играть на тонком льду, твердое дно можно найти повсюду.

— Молодец. Удивительные способности. Начитался. Впервые удивляюсь: твое цитатное красноречие может обеспечить успешное лицедейство в любом кабинете. Можно двигаться выше и выше, если обогатиться служебной риторикой. Значит, в гору пойдешь без меня? Удивляюсь, но надеюсь, что еще пригожусь. Могла бы устроить, удивить всевозможными вариантами продвижения — женщинам это дается легче.

— Благодарствую за внимание, — странно сказал не о том, что думалось. Бесплезно было возражать, объясняться. Переметчиво теснились другие мысли, далекие от напряженной беседы, вспоминались кем-то очень давно высказанные рассуждения — понятные, близкие, как свои собственные: “Ты знаешь, друг, мои картины мне самому не нужны. Они согревают, спасают мою душу, пока я их творю, будто пою песню. Как только песнь пропеет, отходит далеко, чтобы начиналась другая. О чем будет она? — еще не определилось”. Он так и повторил вслух. — Еще не определилось.

— Что именно? — зацепилась опять Натали. — Не трудно догадаться. Гляжу, враз переменялся, ловкий такой. Небось, на учительку Шуру Смирнову глаз положил? Хороша булочка деревенская, да? Дорогу она мне показывала — знает, где тебя искать. Ты тут вольный, без контроля. В двух березах не затеряешься.

— Пожалуй. Сам удивляюсь, себя не узнаю.

— Разбогател. Обещан особняк, подъемные, ссуда на обустройство. Покупай мебель, посуду, кресла, телевизор, двор с коровой и поросенком. Нахлебаешься досыта — вернешься, буду ждать. А пока спасибо и на этом. Была у зайца избушка лубяная. Как с квартирой будем разбираться? Без тебя, без твоего согласия мать твоя приглашала меня.

— Разве в этом суть? Маминых трудов жаль. Трудно ей было одной... пока служил на границе, а после службы — сразу в институт. Незаметно зачерствел, от всего отстранился, самых близких забывал и самого себя...

Серьезность Григория в этот раз ей показалась убедительной: прошлое для него не миновало, прошлое не сдашь старьевщику, оно молча всегда напоминает о самом дорогом и заветном, всегда будет требовать бессонных ночей с мучительными угрызениями совести. Никогда никому он еще не говорил о своих угрызениях — некому было сказать, не каждый способен вспомнить деревню на берегу, плоскодонку около причала. Вспомнить, видеть все сразу и в сердце соединить два берега. Не затихает река на перекатах, костерок разгорается для двоих, освещает мечтательно выстроенный подвесной мост. Там, на мостике озорной мальчонка качается, мама придерживает его за рубаху, смеется, приговаривая: “шустрый какой да сильный”. Что-то еще говорит про школу, природу, солнышко и картины. И катится, катится эхом издали голос Анюты: “Знаешь, Гриша, мне снятся такие наши картины, они всегда напоминают о тебе...”

А утром провожал незваную гостью в обратный путь. Возмущенно замкнутая Натали удалялась отчетливым строевым шагом, он едва поспевал за ней. На середине прощального пути выхватила у него свою тяжелую полосу сумку.

— Не ходи! — приказала. — До асфальта сама дорогу знаю. А ты, а ты... друг человечества, постигай деревенского невежества губительный позор.

Стоял, ожидая с интересом: оглянется или нет? Все-таки оглянулась, поставила сумку, чтобы передохнуть, трижды резко махнула шляпкой и с коварным дуновением ветра конкретное обещание отправила: “Имей в виду — я еще вернусь!”

* * *

Пойменный простор издали казался заманчиво ровным, но шагать по нему размашисто не получается. Другие грибники особым кратчайшим путем ушли много раньше — смело резанули краем давнего буревала, через который Глафира никогда не ползет и ни разу не пробовала пройти, потому что, как она сказала, в былые годы лишних сарафанов на трудодни не давали. Самые короткие пути только гончар Петр Павлович и знает — в поисках подходящей глины все увалы исходил. А за ним разве угонишься.

Солнце заманчиво зеленило в мокрой травяной блеклости свежую тропу, отчетливо нацеленную на буреломы. Анюта направилась по свежим следам, но тетка Павлина охладила племянницу:

— Нюрка, не толкайся по сторонам. Иди, как велено, а то потеряешься.

— На Доброумово идем, — напомнила Глафира Степановна и тоже оглянулась в беспокойстве за своего племянника. — Гриша, не отставай, следом общим иди. Сохранней торной тропой.. Вспоминаешь ли мамину дорожку?

— Здесь, на первой поляне между берез была скамеечка для отдыха. — Григорий остановился приглядываясь, будто важничает — куда теперь спешить.

— Подтянись, замыкающий охранник, — приглашает Анюта.

— Ладно, не командуй, — одергивает ее строгая Павлина. — По грузди наладились, не на гулянку. Ой, Нюрка, степенности в тебе нету. Разве учителям так-то можно?

— Можно, если учитель — живой человек, а не сухарь заскорузлый. — Анюта взмахивает обеими руками, подпрыгивает девчоночкой легкой, словно хочет взлететь. Прутяную корзину подбрасывает высоко к ветвям, сбивает с желтых листьев сверкающую россыпь, чтобы окропить замыкающего — и раньше бывала такая игра...

Постепенно притихли, угомонились, шагали последовательно в заданном ритме. Присматривались, прислушивались, осознавая общее движение с настроением. Иногда среди ветвей оказывались на виду зелененькие синицы. Пискливо предупреждали они о том, что все тут выстроено по всеобщим законам. Не сознание ли человеческой ничтожности в бесконечном мире призван пробуждать этот нежный предупредительный писк крохотной птички. Пятнадцать лет назад в походе с матерью в этом хвойном царстве ни о чем, кроме маслят, белых грибов не успевал подумать. В небо сквозь вершины не догадался посмотреть, синичья песенка ни о чем не напомнила, двоянные хвосты будто бы не падали на плечи, редкий клетот ворона не тревожил и ручейное журчанье вдоль просеки не остановило ни разу. А вот сейчас подумалось: будет ли возможность остановиться здесь, к примеру, шестидесятилетним или, как тетка Павлина, в семьдесят с лишним лет? Отмахнулся — привяжется же такое: скрипит в ушах голос навсегда ушедшей. Он громко и манерно расхохотался.

— Гриша, ты чего там в смешинки играешь? — спрашивает Глафира. — Разве, как я, светлые деньки вспомнил? Не забылось ли, куда и с кем идешь? — Ласково спросила, хотя племянника считает самостоятельным и со вчерашнего прощания с гостями — решительным мужиком. А для попугаев находится пояснение: городские не в азарте до грибов, вот и волынит, все они, мужики, такие сперва, им готовенькое на тарелочке неси. Не каждый кухарничать способен. Остался одиноком — и растерян.

Старая знает свои сравнительные заботы, все примечает и осмысливает. Да не все сказывает молодым, только для Павлины словечками редкими обозначает: кто-то для нее шальной, захватущий, а кто-то без сердца и памяти. Природу сравнительно видит, как же. Разнолесье переменилось, задурмане-

ло, за первым ложком урожайные грибные куртины лесозаготовками выхлестаны, захламлены. Левее надо брать, обходом, по ручейной низине к роднику. Не забыты приметы, в любую сторону пойдй — все памятно, каждая деревина, должно быть, Глафиру Степановну знает, от самого детства ходила она сюда, ни одну осень не проронила. Ходила и одна, и с детишками, внучатами. Не только по грибы, ходили за голубицей, брусникой, клюквой. Бывала с мужем на дальних урочищах — за глухарями, значит, на глухариную охоту. Легко тут всегда шагалось, легко дышалось. Нынче что-то грудь никак не расправится, теснит и теснит под ребрами. Неужели сдавать начала и не бывать больше в таком просторе? Слышь, крик желны протяжный — к дождям, пожалуй; проглянуло ведро, побаловало немножко, снова нудные дожди зачастят. Того и жди в предзимней тревоге.

Она остановилась на холмике под могучей сосной, гладит бугристую кору. Все втроем к ней подтянулись, стоят над ключевым журчаньем, гадают, из-под каких корней оно взялось, слушают звон живой воды о том, кому что помнится. Глафира шагнула вниз, с тягучим сладостным вздохом опустилась на колени, опираясь на гладкий синь-камень, обрела равновесие и правой рукой зачерпнула водицы, омыла глаза и щеки, маленько с ладошки попила — окатила душу, и показалось на миг, что помолодела.

— Хорошо мне. Завсегда, при любой погоде к этой воде припадаю. И вы все, мои хорошие, приклонитесь, благословясь.

— Не командуй, бригадирка такая, ух, забияка! — Павлина нашла всё-таки какой-то повод для возмущения. — Не указывай. Всяк своим умом ведает.

Заметить не трудно: разную характерность женщины меж собой проявляют, немногословно общаются. Потому и молодые кротость держат. Гриша приклонился, углядел серебристо-переливчатый бурун, цветком мелькающий посреди уютной котловины, наполненной особым матово-желтым светом. Трещет цветок, пульсирует, не пробиваясь к поверхности. Когда-то давно явился ростком через едва приметный в глине струйный ход, остался навсегда, зимой и летом тянется на определенный уровень и расплывчато опадает, превращаясь в лепестки. Анюта тоже разглядела пульсирующий цветок и затаилась, чтобы не спугнуть сказочное виденье.

— Бывало, гляжу, люблюсь вот эдак, — вспомнила свое былое самочувствие Глафира Степановна — Покажется, будто на крыльях поднимаюсь, птицей лечу над полями. И вся земля моя видна, такая моя, что разом обнять бы, прижать к груди и замереть сладостно.

— Не придумывай на сей день, чего не следует, — скрипит Павлина на основе каких-то своих давних претензий. — У тебя завсегда сладости на уме.

Павлина стоит гордая, прямая — с Глафирой она из одного колодца никогда не пила, из родника пить тоже не станет: всю жизнь — и скрытно, и в открытую — соперницы, из-за Лебедева — получилось навсегда. Он, справный, кучерявый да ходовитый, сперва через ограду к Кузнецовым девкам прыгал, а потом до Благовестниковых тропочку натоптал и оставил Павлину в перестарках. Молодые племянники это знают.

— Смотрите, смотрите, там жук-плавунец! — вскрикнула Анюта, хотя сама никакого жука, может быть, и не видела.

— Теперь жуков ловить станешь вместо грибов. — Павлина готова по всякому поводу выказать несогласие. — Заразы с этими жуками нахватать можно.

— С тобой неладное, тетушка. Бурчишь и бурчишь. Да чище этой воды на белом свете нет. Она все сама собой очищает, потому и звенят родники. Они природой дадены, чтобы люди не блуждали в лесу, и в жизни. Отдохнешь, памятно оглядишься перед чистой водой. — Глафира обладила лицо обеими руками, поправила белый, разумно приметный платок. — Глаза просветлели, вот и дальше пойдём.

Она уверенно перебирается через овраг по свежему переходу, кем-то устроенному из двух бревен, преодолевает подъем и убыстряет шаги. Раньше с мужем Николаем ходили степенно, а теперь перед молодыми старость свою показывать не следовало. Хотелось особое возвышенное настроение передать.

Не раз в этой роце посещали ее просторные чувства и мысли, через которые она находила в себе божественную причастность к происходящему. Всего объяснить, высказать она не может, и если могла бы, не стала вести такие разговоры — слишком велико и неохватно для досуемого слова все доступное душе. В одном лишь она призналась перед попутчиками вблизи родника: “Иногда будто лечу и лечу над доступной землей, чтобы видеть и знать, хорошо ли тем, кого помню и кто меня помнит”. Не промелькнуло откровенье незамеченным...

Бывает так: от малого твоя дума в другие пределы позовется. Григорий вспомнил читанное о Большом Магеллановом облаке и о том, что за последние сто лет астрономы открыли более шестисот сверхярких звезд, но все они находятся несравненно дальше нынешней сверхновой, которая уже погибла, оставив единственную для современной астрономии возможность углубленно изучать феномен. Не все понятно в таких сообщениях, но жуткий холод охватывал душу, а мысль, словно бы свет, летела туда, к титанической катастрофе, в ближайшую звездную систему, к той катастрофе, происшедшей сто семьдесят тысяч лет назад, — она “сказалась” на Земле только нынче волновым отсветом взрыва. Возможно, повлияла на каждого человека.

Странно думать о непостижимых даях, но думалось — вот ведь какая зависимость, и чувства рождаются необъяснимые, они приподнимают над лесом, соединяют времена давние и мгновения теперешние.. Чувства всегда богаче мыслей — их невозможно полно и ясно выразить словами, они вбирают волнение души, опыт сознания, эмоциональные краски волнений и событий, детскую наивность и наследственную родовую память... Да мало ли что подвластно чувствам и выражается в них! Им никто не указ. Чувственная жизнь каждого человека имеет свое космическое пространство-время, свой микрокосмос. Значит, любое мгновение этого дня чувственным светом отразится когда-нибудь в раздумьях о жизни. Сегодня в Заречном бору услышал тоненький писк хлопотливой синицы и высоко над головой — чудный треск розовых пленок на могучих стволах. Затаил дыхание, остановленный мыслью о краткости жизни, смотрел на небо в просветы между соснами, осознавая себя в центре необозримого вращения...

Кажется, еще вчера был другим, бесчувственным и беззаботным, не умел прислушиваться к себе и не думал о других. Обзываемый сухарем, терпеливо выслушивал теткин рассуждения о том, как надо себя обретать в грибную пору. Постепенно необходимое настроение было обеспечено, амуниция соответствующая приготовлена. Состоялся разведывательный поход сокровенными тропами в гордом одиночестве. И получились трудные вечерние встречи на обрывистом берегу под памятными черемухами. Аня вопросов не задавала, только упомянула, что видела его с кем-то на полевой дороге.

“За груздями с девушкой пойдешь — до свадьбы дело доведешь. — Тетка Глафира так и сказала. — Грибы нынче искать не трудно Ежели с умом — всем хватит. — Хорошим напутствием одарила. — Не блуждайте в своем-то лесу, тропинки лучшие припоминать полезно. На земле не сохранились, а в сердце, может, живы еще”.

И закадычная подруга — ровесница ее Павлина свою племянницу Анюту тоже заботливо поучала: “Смотри, девка, по грузди с кем пошла”.

Все-таки еще раз прутьяная корзинка, подброшенная высоко, сбивает с разлапистых желтых листьев клена сверкающую россыпь — не трудно было догадаться: хотелось девочке разноцветным дождем окропить попутчика. Да не получилось по задумке: дождь упал чуть раньше, а корзинка застряла. Пришлось Григорию, как в давнее утро (бывало, бывало такое между ними в пору юности), проявить спортивную ловкость. Он быстро нырнул под навесную желтизну ветвей, ухватился за гладкий коричневый ствол. Анюта весело засмеялась: в тот миг она была поблизости — “дождь” приняла на себя радостно. Можно бы обнять такую веселую.

Мало ли что подумается. А приближаться трудно, дистанцию надо выдерживать. Так и шли: она впереди — веселая, а он, сдержанный — за ней. Бывали, бывали такие прогулки, по одним тропинкам ходили да разминулись на годы. Все теперь как впервые...

— Давай думать только о грибах, — сказала Анота.

— О чем еще можно? Грибочки, конечно, выросли. Готовое не трудно собрать. Не сеяли, не растили — природа одаривает.

Степановна давно все разметила и остановилась для пояснения:

— Будем держаться знатной просеки. Молодые — левой стороной, старые — правой. Слышь, Павлина засемила уже — поспешает. Аукаться будем изредка, окликать друг друга, чтобы не потеряться и не блуждать понапрасну.

Деловитое распределение понравилось — Аня решила его продолжить, когда остались одни на определенном участке:

— Слева твоя полоса, а справа — моя. Договорились?

— Аня, не страшно тебе одной?

— Страшно будет — закричу. Только ты не хитри — отзывайся.

— Не люблю кричать. Чужое частое ауканье даже в детстве надоедало.

— Ну и что. Если надо знать, кто куда пошел. Другим чтобы не одиноко было. Шурочка Смирнова, например, через каждые три минуты в ягоднике меня окликала, чтобы медведей и волков отпугивать.

— А у меня — как получится. Соответственно обстоятельствам.

Знал, что будет улавливать друг друга в движении: по шорохам, по треску под сапогами, по вздохам и даже по чтению стихов. Заискрился в просветах небесный цвет. И стало тихо, так тихо, что удары сердца отзывались в вышине. Остро и сладостно думалось: ты — не один, ты — часть этого мира, принадлежащего двоим, ты не сам по себе, а в родстве с местами детства, с тропинкой первого поцелуя. Тебе, как тогда, хорошо и страшно, ты опять чего-то боишься, зная, что ни в чем не виноват, никакого зла не творил, и потому каждая травина, каждый лепесток, хвоинка каждая, кусты, деревья, звери, птицы и насекомые готовы защитить тебя от любой коварной напасти...

Гриша сделал робкий шаг, словно был одним из тех, кто уцелел на этой Земле после жуткой разрушительной беды. Что-то заставило его крикнуть сдавленным шепотом:

— Люди! Скажите ей: здесь нет виноватого!

Не слышал собственного голоса, но в ушах звенел другой воображаемый крик:

— Аня-а-а! Ау! Где ты?! Не оставляй меня одного!

Теперь звенело под зелеными сводами, под самыми верхними мозаичными просветами между высоких деревьев:

— Аня, а-а-у-у! Поддай голосок через темный лесок, — как в десятом классе шептал. И она отозвалась — нет, не аукнула ответно, а где-то в отдалении, словно бы под горою или под обрывистым берегом возле омута, тихо пропела: “Не с тобой! Почему не с тобой/ Мы вошли в золотую от солнца аллею?”

Григорий прислушивался, ожидая продолжения, будто возвратился из виртуального мира, осмотрел реальное пространство и ощутил свою надежную приземленность. Забытое озорство возвратилось, давнее волнение вспомнилось. Затаиваясь между густыми елочками, дважды пробасил с тайным замыслом позвать ее.

— Грибы, грибы. Кругом одни грибы. Можно просто косой косить.

Близкий смех окончательно возвратил ему ощущение реальной жизни: нет сказки, не повторится былое опять. Подумалось вдруг, что этот день будет самым долгим осенним днем, самым радостным, значительным, памятным — таким, о каком мечталось в городе. Он приклонился к земле — может быть, это и был благодарный поклон. И о чудо! Под правой ладонью влажно хрустнуло — рука проскользнула, весело вывернулся из-под хвойного покрывала белый кругляш.

— И здесь грузди! — выдохнул Григорий, шаркнул руками по сторонам, взьерошивая листву и хвою. Снова — под руками приятная упругость.

А смех повторился с другой стороны — оттуда Анота не могла смеяться, не там её полоса. И ритм у смеха другой, похожий на куриное кудахтанье. Подшучивает, наверно. Ну что же, проказница, опять игру затеяла — вспомнила былые прятки.

— Под этими мягкими мхами чудесные грузди встают мостами! — сказал давним юным голосом, такому голосу вся округа верила: правда, грузди растут мостами, они к нам выходят сами! Хотелось счастье мне найти — вот и встали грузди на пути.

— Чего раскудахтался, петушок? — это Алексей Новиков рядом нарисовался. Вот так встреча! — стоит напротив, спортивной шапочкой пот со лба вытирает. — Рановато, Гриша, кричишь. Мне покричать можно. Затоварился, вот. — Он толкнул ногой высокую заплечную плетенку. — Прямым из Доброумова маршрут, похода нагрибовался. От Шурочки Смирновой упрёк был: через щедрый лес идешь, а лучшие грибы не берешь. Первый сюрприз приготовил. Шутливый заказ всерьез исполняю.

— Кто это там бубнит? — заинтересовалась Глафира Степановна. — Думала, Петрован Кузнецов, а прислушалась — голос другой да знакомый. — Тут мы, Алексей Михайлович, по своей поже наловчились. Попадают груздочки славные.

Павлина притихла, и молодые увлеклись, окликаться забыли. Она прошуршала через мелкий ельник, но близко не подошла.

— Некогда разговоры говорить. Грибная пора — что страда уборочная.

— Это так. Все соединилось, только поспевай. — Новиков знает, кому какая речь нужна. — Иду спозаранку комбайнера поторопить.

— Твои заботы, мил человек... Мы сами по себе. Никто не мешает. Здесь нынче стало малоллюдно. — Степановна усмехнулась. — Наша воля бессильная. С нас теперь другой спрос, а на подмогу позовешь — придем зерно перелопачивать. Не для своего живота всегда жили.

— Никто для себя только не предназначен. Если я только для себя — зачем здесь я?

— От Кузнецовых братьев поговорку повторяешь. Они мастеровые на всякие дела. Петрован и сегодня где-нибудь тут — не проспал, заботливый.

А директор будто бы для каждого знает ежедневный расклад. Упомянули в разговоре гончара — имеются данные, может сообщить: Петр Павлович затребовал легкий трактор, чтобы заготовленную особую глину привезти для школы и для дома. По обрывистому оврагу выборочно накопал, в телеге мешковиной накрыта. Из ведра поливает, чтобы не засыхала. Он затевает генеральную репетицию. В старом доме порядок навел, гончарный круг отренитировал. Всех, кто не зачерствел и в силе еще, горшки бить пригlašает.

Взаимно сберегая время, коротко поговорили с чувством причастности ко всему происходящему ранним утром в этом мире. Знали, что встретятся еще, не сегодня вечером, так завтра на рассвете — по распорядку естественной жизни. Не прощались...

Постепенно грибники вошли в азарт. Чем меньше в лесу заинтересованных людей, тем спокойнее они ведут себя — без суеты, без паники, но затаиваясь. Разве только жадный суетно бегаёт, ловчит, хватает любые грибы подряд, азарт его направлен только на хватание — в том и получает он наслаждение, только в том. Неторопливый грибник все примечает: где качнула ветку взлетевшая синица, где паук выстроил ажурный зонтик, как вздрагивают листья берез и светится водяной бисер на маленьких елочках. Все примечает хороший грибник, все ценит, всем любит, даже собственным рассудительным поведением, но при этом старательно обшаривает глазами возможные направления грибной полосы. Он помнит, откуда начал и куда должен вернуться для повторного обследования, учитывая, какое было небо над лесом и под каким углом падал свет из проемов между ветвями, где вспорхнул рябчик, в которую сторону перелетел пестрый дятел, откуда вспугнулись зайчата, когда выглянул возле муравейника груздь-переросток.

Родственница назвала грибованье поклонной работой. Но разве это работа, если каждый шаг твой вызван интересом и сопровождается не грибными вопросами: а где ты теперь, Аня? Почему затаилась, лукаво смеялась? Какие собираешь грибы? Сколько у тебя в корзине? О чем думаешь? Что вспоминаешь? Да, заманчиво искать грибы по согласованию с тобой — на расстоянии. Получается тихая, ласковая игра-забава. Со стороны посмотреть: каждый грибник исполняет замедленный импровизированный танец,

вытанцовывает свой круг так, чтобы он непременно совпал или хотя бы соприкоснулся с траекторией близкого человека. Никогда грибники не ходят столь осторожно и медленно, не кланяются так низко Природе-матушке, никогда так не ласкают чуткими ладонями влажную землю, никогда так остро не чувствуют каждый бугорочек, каждый выпуклый приподнявшийся листик. Никогда, только в лучшую груздовую осень. Самый неугомонный грибник на мгновение да затихнет, найдя первый сигнальный гриб, за которым угадывается целое семейство. Влюбленный чувствует близость груздя безошибочно. А в кого или во что влюбленный — это личное дело каждого; какой работе, какому месту жительства предпочтение отдать — тоже.

Для Григория грибная пора — сказочная, это тебе не над скучными коммерческими чертежами корпеть на предприимчивого дядю. Огляделся по возрастающему горизонту, даже привстал на цыпочки — заметил что-то предположительное в стороне, а шагнуть не решается: осторожнее надо, не спеша. Теперь под ноги глянул, словно вычертил два полукружья, прощупал взглядом ближнее пространство и склонился под елочки. Теребя беспокойными пальцами скользкую рукоять наполовину сточенного хлебoreза, прищурил глаза — нацелился и сам себе сообщает: “Есть! Ого, еще! А там — третий. И там — под листьями, и возле пня штуки три-четыре! А дальше-то гребешком обозначено, туда, значит, слой пошел!” По этой канавке и надо тянуться к березняку, но там — она, Анюта увлеченная, тоже чего-то шуршит. Тише. Только тише, другие пусть сами ищут, нападают на свою грибную канву. Работай, грибник, веселей да сдержанней!

Срежешь добротный груздь, а он и крикнет — хрусть! И молочком брызжет в избытке набранной сочности. Вот так мы его, ласково, с подковыром. Наклоним да будто косою по низу, только медленно, не размашисто. А пенечек-остаточек прикрыть надо. Теперь к другому грибу вежливо подступим. Ну-ка, покажись, не бюрократ ли ты, не засиделся ли в уюте? Нет, не таятся, напрасной бурной деятельности не изображает, не упирается, за кресло свое не держится, даже рад, что нашли, обнаружили, обратили на него внимание для общей пользы. Берем, берем. Но не качай его зазря, не качай корешки, не повреждай грибницу. Ножичком, ножичком. Придержал за шляпку — оно и складно получилось, смачно так. Теперь прикрывай заботливо там, где кресло его стояло. Листву на прежнее место клади. Груздя нет, гнездо свободное, пускай другие приспособляются, силу набирают. Чудной груздь! Вроде таятся, скромничает, стеснительный очень, а сам чистый, честный, чего бы ему бояться? Попадают такие скромняги. Красивый гриб! Весь белый, иногда в желтинке молоконной, на которой едва обозначен подзеленок крутов, словно кольца годовые на древесном спиле, а по краям бывает кужлявина желтенькая или тоже зеленоватая, на другом грибе — синева приметна волнистая. Успевает ли Анюта все это заметить, разглядывает она или только на корзину работает? Знает ли, что любо смотреть на красивые грузди, когда они один к одному в корзине — кажется, рады, что вместе собрались? Учитывает ли она эмоциональные перемены? Ах, и этот хорш! Кучерявый чубчик у него. Ишь, красавец какой!

Ба! Восьмеро в шеренге стоят в открытую. Храбрецы. Им что, они коллективом: один за всех, и все — за одного. Сами собой довольны, рады, что нашлись — вольно погуляли и вышли навстречу доброму человеку. А возле них — второй ряд. Одинаковые, будто клавиши-кнопочки веселой хромки! Тот первый, сигнальный груздь был пегий весь, обрывками листьев, хвоянками облеплен, муравьями обследован по здоровью, улита его обслонявила, но радовал смелым достоинством. Как не вспомнить?! Он теперь в сравнении с молодяшками на самого старшего похож, забурел слегка в ожидании достойного человека. А срезал Григорий его — подивился внутренней ядрености: корень уже синеватый, однако без червоточки; когда прошел дополнительный срез по самому венчику, матово белизна засветилась. Спасибо, старичок, надомил грибника, навел на тропу. Теперь пошло дело, только кланяйся! Как же, в такой душевной ситуации кланяться достоинствам приятно.

И слева шуршащее движение. Оттуда нет-нет да и долетит потрескивание — Аня там увлеклась, она это — по вздохам безошибочно узнаешь. Вот

промурлыкала чего-то — в настроении, значит, на песню потянуло, не повторяется, другая мелодия слышна. Вот, кажется, про весну: пойдём березкой полюбуемся. Да, была такая весна, вместе тогда пели. Помнит, не забывала, а говорят: память девичья... Ну вот, вспугнул — замолчала. Сейчас, наверно, обратно подкрадывается.

— Раз, два, три, четыре, пять, — за еловой низкой грядой шепчет Анюта, близко она, совсем близко. — Груздочек вышел погулять, со мною в прятки поиграть.

— А его никто не знает, даже груздем не считает. Чур, находка моя! Этот груздь срезаю я! — Григорий выстроил свою скороговорку.

— Вот и нет, я так не согласна. Кто первый увидал этот милый грибочек? Чур, чур! Не подходи пока. Я заметила давно, самый лучший, самый долгожданный мой. Этого еще оттуда, от той красивой сосенки, видела. Честное слово, Гриша...

Взгляды встретились — удивленные, радостные, многозначительные! Но рассыпанный с деревьев яркий свет ослепил Григория — не успел разглядеть, что там, в глубине Аютина взгляда? А она смеется и сквозь веселый смех зачем-то говорит:

— Заяц струсил, не посмел, а потом о том жалел. Он бы мог ее догнать, удержать — поцеловать. — Самый прекрасный гриб, одновременно найденный, она обеими руками прикрыла. Так получилось: Григорию тоже был нужен именно этот груздь, потянуло к нему каким-то особенным магнетизмом, невольно опустился на колени перед ней... и понял, что такие грибы специально вырастают для двоих, терпеливо ожидая, когда он и она встретятся.

— Иногда бывают волшебные грузди... Это ты нашла... Это ты, когда Новиков подходил, вернулась по нашей тропе... Сотня, тысяча поцелуев за это причитается!

— Только в нашем лесу, только в нашем, — ответной нежностью шептала она. — Тише, только тише — тетка Павлина услышит. Эхо далеко бежит, кто-нибудь еще услышит.

Вдруг она, приветав на цыпочки, оглянулась и очень странно спросила:

— А Шурочка Смирнова тебе тоже нравится?

Откуда ни возьмись — Павлина свое мнение вставляет:

— Хороший человек всем нужен. Отзывчивая Шура, приветливая. И при всем складная... Подстать директору. Как раз хорошая пара... А чего других в лесу обещать, обо всем на свете забывши? Они и сами свою тропу найдут. На обратный путь наклоняйтесь. Глафира к роднику закликает. Оттуда до Починка рукой подать...

* * *

— Лучше вечером не расставаться, чтобы утром друг друга не искать.

— Ой, директор молодой, усы твои пшеничные, уста медовые, а глаза лучистые, бедовые, с магнитиками. — Только Шурочка Смирнова так могла ему сказать.

Узенькой тропой под уклон между старыми черемухами спускались они в синюю прохладу оврага. Слева за перелеском на просторном поле монотонно гудел комбайн, а справа от зерновой сушилки веяло теплым запахом пшеницы, с деревенского взгорья долетали веселые крики детворы. Шурочка остановилась прислушаться.

Алексей прошел вперед, размахнув руки для равновесия, перебежал по двум жердочкам. Получилось так, что, встречая с другого берега, он придержал ее за талию, неловким движением левой руки коснулся шеи. Она медленно качнулась в сторону, — отстраняясь в напряжении, взялась за его плечо. Все необъяснимое, о чем никогда они не говорили, произошло само собой именно в это мгновение: им посчастливилось понять, что нашли друг друга не сегодня, а уже давным-давно, только боялись признаться перед собой и перед людьми, не знали, как дальше быть в таких жизненных обстоятельствах. Молчаливое согласие выводило к простору, теплу и свету из остужающей раз-

луки, все в этом родном ласкающем пространстве расставляло на свои места в ясной взаимосвязи.

За рекой виднелись солнечные крыши, парящие после дождя. За белесым жнивьем ржаного поля чернела свежая пахота, подготовленная под озимый сев. На пойменных выкошенных дугах возникали похожие на ручьи полоски тумана, кое-где на опушках озорно высвечивались разноцветные космы осин, кленов и берез...

Воскресным утром весь мир был свеж и пригож — разведрилось не на час. Деревня гомонила и двигалась в обычных простых заботах и радостях осенней поры. Но пробивались, приходили на память бывалым старожилам утраченные интересы.

— Приходи, Алексей Михалыч, горшки бить, — приглашал бывший гончар Петр Павлович. — Может, на пользу. Это намного проще, чем в заботах голову ломать, когда не знаешь, как дальше быть. Не удивляйся, не робей. Приходи, приглашаю душевно взглянуть мое давнее ремесло. Не откажись. Художник — наш проектант Григорий — на подходе. Может, кто еще из других деревенских заглянет по доброй памяти.

Так наметилось первое собрание возле крайнего дома, возле него Григорий собирался этюды писать — содержательным казалось место, даже стихи вызывало.

— Захлебнулся травой заулок, след тропинки отыщешь не вдруг... Дом бревенчатый с крышей покатоной... Раньше был он в деревне десятый, а теперь вот стоит на краю...

По задумке хозяина втроем осматривали застарелый дом. В утреннем сумраке сеней молча осмотрелись. Некоторое время держались рядком плечо к плечу, словно не ведали, в какую сторону вместе идти. Григорий даже вспомнил скульптурную композицию “Сильнее смерти” — как же, все-таки историю искусства изучал. Конечно, в старом доме полезно стоять рядом с дедом, крепким, уверенным и знающим себе цену.

— На просторе хозяйничаю, — говорит. — Благоверную вызвали правнука нянчить. Скупаю вторую неделю. Жена не балалайка: поиграв, на стену не повесишь.

Сквозь узенькое оконце прорвался из-под уходящего облака пучок яркого света. Выпрямив руки вперед, дед продвинулся вдоль стены, нащупал дверь в прируб и решительно, молодецки распахнул. С наклоном в упрямой решительности метнулся туда через высокий порог, схватил там с ларя две синеватые корчаги.

— Эти звучного обжига, бодро звенящие, а непригодные, выходит, нынче в хозяйствах никому не нужные. Сработаны были добротнo, а пылятся который год. Принимай через порог — да об пол обе для музыки! — старик расставил ноги, отодвигая другие посудины.

Алексей насторожился, не смея за порог шагнуть, остановило вдруг неожиданное предложение — в детстве соглашался, когда дядя Петя поручал расколотить браковку, а тут товарное звонкое качество. Григорий тоже не смог бы. Старик размашисто раскачивал новенькие корчаги, определяясь, с которой руки в первую очередь грохнуть, чтобы разлетелись черепки звенящие, но хитровато ждал ответного настроения.

— Не надо. Ничего разбивать не надо! — древний дом услышал возражение.

На прошлой неделе в одиночестве старик нахлестал черепков слишком много — хватило на облицовку маленькой печки, еще и в запас осталось — выбрасывать жаль, может, кому пригодятся осколки, объявляются иногда сообразительные хозяева.

— Чего ты, Михалыч, сказал-то? Повтори для глухого.

— Не надо, говорю. И корчаги будут нужны.. Надумаем корчажное пиво варить.

— Та-ак, пригодятся, значит. Не все развеяно, не все забыто в бесхозности. Про свое родное, думаешь, вспомнится еще, — медленно говорил старик. — Значит, пригодится работа моя забытая. Значит, и сам придонет еще по уменью и памяти. Вот чего услышать хотелось давно. Каждую осень горшки собственной работы расколачиваю, а остановить толково никто не мо-

жет. Слава богу, дожил до вашего возвращения. Ну, наконец-то, долгожданные спасители!.. А для чего нынче корчаги такие? — лукаво спрашивает Петр Павлович, довольный возможностью для продолжения разговора.

— Свадебное пиво сварить, чтобы всем хватило.

— Про свадьбу подумалось. Ой, славно, ребята. Хорошо бы на свадьбе и горшки мои колотить, чтобы звенело над сонной округой! Давно не звенело без невест, парни от земли разбежались, горшки мои какой год пылятся. Так подумалось радостно: для начала две свадьбы на три деревни отгулять бы... Одну на левом берегу, другую — на правом. Елисей тоже мечтает, гармошку вчера опробовал — не разохлась ли.

Молодые понимающе переглянулись — старик это заметил и с надеждой оценил. Покачиваясь и слегка пританцовывая, прошел между рядами давно расставленной глиняной посуды, осторожно поднял на высокую полку те самые корчаги, которые только что предлагал превратить в черепки. Горделиво поворачиваясь, оглядел свое “богатство” — горшки, плошки, кринки, кувшины, бочонки для масла, сработанные в разные годы без заявок, а просто в память об отце. Получалось так: лишь изредка, в особо трудные минуты, вспоминал отцовское ремесло, готовил глину, садился за гончарный круг и поднимал, выкручивал какую-нибудь посудину, чтобы побороть печальные думы.

— Ремесло на разумение и терпения ремесло, — тихо говорит Петр Павлович, облаживая аккуратную бороду обеими руками. — Отсюда на свет выбираться надо, чего мы тут сумерничаем, доброе утро на дворе. Вспомнилось, поделиться хочу.

Через сени в просторную избу перешли. Подметено, прибрано. Стулья возле семейного стола, на нем салфетка вышитая, в центре — графин с водой светится. На окне кустик герани зеленеет, на другом — столетник разлапистый. Передний простенок украшен красным плакатным календарем юбилейного года. Возле него отчетливо шагает маятник больших часов, защищенный деревянным футляром. Слева на переборке кнопочками закреплена свежая газета “Сельская жизнь”, над снимком шеренги парней; через всю полосу заглавие “Деревня без невест”.

— Читали, нет ли? — хозяин спросил. — О житье вокруг столицы пишется, а запевка от вятской стороны — два внука наши там. От своей пашни поневоле отклонились многие. По какой причине? — каждый свой ответ находи. Я про свое личное скажу, ребята. Так оно было. Передраги начались для всякого свои под общий перекося... Стою, значит, смело без трибуны перед комиссией. Чистка партии... И в моем направлении накат придуман. Отчитался честь по чести о своей работе. Требуешь автобиографию. Биография трудовая, боевая. Сам председатель колхоза, как-никак для общей пользы впереди шел. И вот на тебе, жуткий гром среди ясного неба. Заглавный спрашивает: “А вот на нашем месте как бы стал поступать, если коммунист скрывает, что отец у него кулак, исключен был из колхоза?” Вон тут что, думаю. Подстраховался, обдумавши ляпнул по примеру других “Такого исключил бы. Так воспитаны с малых лет и на том стоим”. В молчанку поиграли. Потирают руки комиссанты. “Вот мы сейчас это, хотя с опозданием, сделаем, — говорит главный, пощипывая мочку обвислого уха. — Ваш отец был исключен, а вы скрывали, значит, обманым путем пробрались на ответственную руководящую должность. Исключаем, вот и все, можете быть свободны”. Тогда и покатило по миру отстранённого элемента. Выживал кое-как. Бывало, и за горшки мытарил. Придут, пересчитают, перебыют половину. Не могли — не было указания.

— Время такое было. Это правда. — Алексей знает судьбы местных жителей.

— Правдой таких не пристыдишь. Будто не страшит чертополох подступающий. А людям наперед чего ожидать, когда на виду слабнет государство. То-то и оно. — Дед говорил тихо, с паузами — не хватало слов на то, что давно болит. — Люди рождаются, когда дома плачут... Ладно, ребята. Не горевать пришли. Кто малым доволен — у Бога не забывает. На то и воскресенье: покрутим с музыкой в палисаде — полегчает на душе.

— Раньше в избе возле печки крутили. — Григорий поддержал задуманное.

— Некогда печку разогревать. Тихое утро сегодня. А музыка — в распахнутое окно. Внучка магнитофон привезла. Говорит, один-то не скучай, дедуля, любимые песни слушай, пока бабушка у нас гостит... Ну-ка, Алексей, пусти мелодии на подоконнике.

Пока выходили, магнитофон едва слышно сказывался: “Утро туманное, утро седое...” Мастер вспомнил давнюю пору — морозный декабрь сорок первого года, сухо кашлянул и тут же заговорил о предстоящей зиме, обратил внимание на запас березовых дров под навесом, признался в желании справно пережить несколько зим, надо бы дотянуться к началу нового века — любопытно, недалеко вроде бы, чертова дюжина лет. Запись, подготовленная внучкой, уже раздольно напоминала не только деду: “Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек”.

— Показывай, Павлович, свой промысел. Есть часок-другой. — Алексей понимает старого мастера — утешение требуется: не ради забавы готовился человек, наивная задумка смысла полна. — Приглядимся к ремеслу возле тебя.

— Раньше безделья стыдились. Теперь только и слышно от старух про дочерей: работу нашла — при кабинетной двери сидит, а денежки текут. В новой моде стали жить-поживать. — Старик отшутнул куриц за ограду, назвал их надоедливыми и продолжил придирчивое рассуждение по накатанной колее. — Так и привыкают. Другая привычка все переносит. Отвыкнешь — помрешь. По себе знаю, по холодам северным. Ой, спина-то опять. — Петр Павлович пытался погладить поясницу. — А ладно, разогреется. Вон, пчелки шустро промелькивают, расшевелились в дружной заботе. Ну-ка, и мы на них глядя.

— Старики еще верят, что всякое дело всерьез, — тихо сказал Григорий только для Алексея, чтобы лишними словами деда не отвлекать. — Сам стихийно живу — под настроение на каждый день. Этюды, грузди, горшки — для начала. А дальше?

— Не спеш. Что-нибудь получится. Был бы интерес без выгоды.

— Не спеш, говорю, не спеш, — ответно прочитал Григорий. — И поймешь, осененный слезою, — кто-то должен курлыкать в глуши...

На взгорке прострекотали наперегонки два мопеда. За перелеском перекатывались волны автомобильного шума — с утра сновали грузовики по федеральной дороге между областями. Но в стороне от большака во всем был виден, чувствовался драматизм длительной несправедливости: обманута провинция, ограблена. За что же она может уцепиться для дальнейшей жизни? — так думал проектант.

А старого мастера греют воспоминания о былых возможностях. На луговине возле дома все припасено по задумке: кадушка дождевой воды под клеенкой, круговертя старая подколочена и почищена, тряпки с вечера размокают в корыте, глина отдохнула под рядом, выстрогано свежее чертильце, похожее на сапожный нож, проволочная струна-подсечка при новых ручках-держалках на доске висит, низкая скамья возле ограды, на ней два заскорюзлых фартука и рукавицы — расклад необходимый. Готовность мастера, аккуратную и праздничную, Григорий сравнил со своим порядком в проектном бюро.

Спокойствие и тишина. Приглашенные нетерпение выказывают, а Петр Павлович волнуется — сомнение было: неужели башковитый директор не справится со вторым заданием — не выстроит кринку из приготовленного, промятого до сдобности комочка глины? Тут ведь как — вроде бы просто: подталкивай круг ровнее, чтобы шел без рывков и качанья, ласкай заготовку, пальцами от середины надавливай стенку до тех пор, пока не услышишь, не почувствуешь, насколько тонка она, и тяни кверху, придет момент — щепотью шейку выкатывай.

Прошлый раз затевали пробу вертеть, наспех собрались-то. Не ахти какой, но ведь получился горшок. После обжига и позванивал ничего. Александра Смирнова радовалась, прибрала на память. Вот и ладно: горшок с ав-

тографом. Весело ей в тот день было, все твердила: “Начинай, начинай, не трусь, Алеша. Не боги горшки обжигают, а новые руководители, потому что молодые, местные, отсюда родом!” Тут вот, под навесом, на солону Алексея столкнула. Он кричал весело: “Погибаю! Тону!”. И любой другой так тонул бы, радовался — милые да надежные Шурочки нынче встречаются редко.

Приготавливаясь к привычной работе, Петр Павлович тщательно устанавливал гончарный круг, чтобы стоял не шатко и чтобы свету было достаточно — передний нужен свет или чуть сбоку, но без теней из-под руки, а то обманчиво будет. Между тем волнение укладывалось, старик обретал спокойствие и ровное дыхание, даже частушку сказал: “Ах ты, милая моя, чем ты недовольная? У нас и мельница своя, своя и маслобойная. А придет пора привольная — сапоги начну тачать. Уютно хочешь зимовать — могу и валенки скатать. Не какой-нибудь я модник — откую и сковородник”. Бороду гребешком оправил, очки бечевкой подвязал, чтобы не сбивались, обзор не меняли, заскорузлый фартук обхлопал и взглядом определил, высоко ли солнышко. Но задуманное не начинается, присматриваясь к настроению парней, хочет заглавной темы коснуться — случайно будто бы поспешив вспомнил: “Женитьба — не напасть, женатому бы не пропасть”. За реку поглядывает с пояснением: “Куда сердце летит, туда око бежит”. Можно подумать: по старухе Матрене скучает — недалеко уехала, в няньки по вызову, окликнуть некого. Он еще в избе обозначил семейную расстановку: муж — голова, а жена — душа. Не всякую правду жене и раньше сказывал, а теперь признался бы, что на хорошей свадьбе погулять охота.

— Сообщит Матрена Ивановна день приезда — обязательно встретим. — Алексей повторил накануне данное обещание. — Заодно тетку Павлину в райцентр доставим — дочь Людмила приказала.

— Вот бабы! — взъерошился старина. — Покоя от них нет. Павлина везде прилипнет. А мужики пригляделись: много сваталось, да не один не взял. Сама вертка и дочка така. Только бы кататься за счет других. Людка еще в малолетстве ловчила. По ягоды с нашими пойдет — ленится, они по доброте помогают. Приспособилась: не столько наберет, сколько съест. А без помощи окажется — на свой манер чайник наполняет. На дно травы пучок, поверху ягодами присыплет, чтобы деревней гордо пройти — глядите, тоже полнехонько набрала. Такая ловкая, уже двух мужиков обчиркала. И теперь, сказывают, все дела ее показательные в учетной конторе: кошны — бумаги вранья полны, а сверху — премиальные получают по тактике начальства. — Удивил гончар “выходом” за пределы своего палисада. Того гляди, дальше региона может пройтись.

— Тактика под стратегию. — Григорий повторил определение коллеги Сыромятникова.

Петр Павлович будто не слышал — от малого до вселенского заботы хватает не для старческого брюзжания, утром признался, что до восхода солнца думал, как дальше жить...

— Тонкое наше дело — звонкое. Слышали про мейсенский фарфор? Знатное дело имеет свой звон. После обжига наша кринка, на вазу похожая, тоже зазвонит. Всякий мастер при своей мелодии. Песня сама приходит делу в лад. Алексей Михальч, тебе начинать. — Обращаясь к директору, дед уточнил даже: — И здесь твое слово первое. Серьезный план имеешь, ты — хозяин, в ответе за результат. Какое заглавие сделаешь, так и другие поведут: люди на руководителя чутки. Вот тебе другой письменный стол, — старик легонько хлопнул белесой ладонью по кругу. — Садись, рисуй смелей, но прилежно, сегодня в первый заход получиться должно. Глину проверь, к руке приласкай, она слабую руку не любит.

Алексей знает, недавно пробовал. Теперь можно смелее. Взял ком глины, качнул, определяя вес. Размахнулся да и ударил по доске этим приятным комом — чохнуло смачно. Прошелся по лепешке согнутыми пальцами, прощупал — да и давай мять, будто тесто. И хотя готова была глина сдобная, ласковая, из-под росы взята, а подход свой, понимание свое показать следовало — пусть радуется дед: не забыл ученик первый урок... И песню повторить можно, чтобы радовалась дедова душа тем, что помнят его пение: “Во солдаты меня мать провожала...”

— Силы твоей много, моя ослабла. — В глазах гончара печальная зависть. — Теряется год от году, только азарт не угасает. Да песни вот помнятся. Давай, веди по-своему, теперь под меня подстраиваться не следует. Начни личным почерком по чутью — пойдет, ты способный. — Он еще раз проверил заготовку. — Глина у нас медовистая, послушная. Только лови обороты. Постучи, постучи по теплой глинке! Не забыл? Вишь, пошло как следует. Для зачину ямку сделай. И еще добавку приправь, кромочки терпеливо наращивай. Держи по духу и гордости. Не волнуйся, Шурочка еще не подошла, она догадливая, с выдержкой, смущать не станет.

Старик топтался около, руки беспокойные касались бегущего круга, но глину трогать не смели. Вовремя подsunул он тряпицу-полизено. И заскользила рука Алексея по глине; другая, как велено, давит чуткими пальцами растущую стенку. Ладно крутится гончарный круг, подходящая скорость вращения. А под рукой теплеет послушная глина. Сама ластится теперь. Вроде бы не сосуд растет, поднимается, не кринка задуманная, а что-то необыкновенное, невиданное, будто у этого сосуда есть гордая душа и своя выправка. Ладонь по этой выправке нежно тянет-выстраивает перехват-талию, как раз подходящую для Шуриных рук. И выше выстраивается вздыхающая грудь... Это сама фантазия линии ведет! За ней пойдешь — не покаешься.

Алексей глянул на мастера и понял одобрение. Григорий тоже оценил удачу: казалось, новорожденный сосуд влажно светится радостью, будто живой, оглядывает окрестности, готовый предстать невиданным перед каждым заинтересованным взором.. Гордится, пыжится и щеки раздувает, вроде бы щечка одна пышнее, оттого и выглядит творенье улыбочивым. Все, чему даешь душу, улыбается особой тайной асимметрией, имеет это самое “чуть-чуть”, свойственное искусству. Так в живописи, архитектуре, скульптуре. Приподнял древний скульптор один бивень грозного слона — и динамика устрещающая появилась. Кувшинчик или ваза тоже при своей содержательной динамике должны быть. На то издавна придумана технология творения.

— Хорошо, изящно выстроилось. — Художник оценил. — Эту вазу в кувшин превратим. Рыльце случайным движением намечено — видно, где вытягивать. И ручка к завязи как раз впишется... Когда с душой — легко пишется...

— Вишь, и этот заговорил. Тронуло за сердце? А теперь, сынок, сам настраивайся.

— В мастерской худфонда пробовал — вроде получалось.

— Не худ, Фома. Садись ловчее. Образование имеешь, не мне тебя учить.

И пошло, пошло нарастающее вращение. Проторенной технологией ритм определен, а руки подчинялись командам воображения. Сам себя не чувствовал, словно музыкой таинственной очарован. То скрипка плачет, то свирель зовущая поет. Встряхнулся даже, чтобы сосредоточиться. Первоначально виденные движения других повторял, а дальше своей чувственной канвой тянул податливую скудель — выстраивалась ласкающая нежностью форма. Но обманулся, утратив чувство меры. Упало, смазалось творенье.

— Ишь, торопливый. В тонком деле без выдержки нельзя.

Пришлось под терпеливым наблюденьем все с самого начала пройти. Не спешил, прислушивался — мамины песни вспоминались: “Укрывает инеем землю добела, песней журавлиною осень проплыла...”, “На муромской дорожке стояли три сосны...”.

— В этот раз и ты плавно прошел до самого верха. — Алексей оценивал по своему скромному опыту объективный результат. — Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник...

— Когда получается, себя осознаешь. Душа, значит, есть. Человеком быть приятно. — Григорий смотрит на только что созданный глянцевый сосуд, представляет его закаленным и под маслянистой обливкой... Из такого в детстве тетка Глафира угощала молоком — нравилось, еще и приправивал: “Пля-кли” — прямо из криночки, значит. Думалось, если получится еще один такой, пусть красуется перед учительницей. Пожалуй, и третий нужен — для сына, ему, Олежке, понравится.

— Молошник проглядываешь? — угадал мастер. — Только понижее его, поосанстей поднимать-вытягивать надо, приземистее. Срезай-ка эту первоучину прищельно по днищу.

Григорий берет струну. Круг вращается медленно, шороха даже не слышно, вот-вот остановится — и тут момент лови.

— Не запаздывай, — подсказал гончар. — Чувствуй круг, походку его учитывай. Туго натянутая струна скользнула под круглым доньшком — и начала глина, взятая из-под росы на склоне возле родника, самостоятельную жизнь в новой форме.

— Гляньте, ребята, на свои часы. Не долго ли мы тут?

— Девять без четверти. — Алексей говором подстроился к деду. — Почин всего дороже. Один круг завертелся. Другие бы раскрутить...

— На будущее кое-что обозначено. Нам без круга своего житье не наладить. Так же в кузнице начинали. Спасибо, слушал старика, не артачился. При навыках ловчее живется. — Старик щурит глаза, оглаживает бороду и воротник рубахи выравнивает — достоинство свое подкрепил выправкой и степенностью речи. — А получился наш круг!

— Нынче начинать приходится с круговращения, чтобы человек стоял в центре. Россия вся — заповедный круг. А верхогляды выхватывают выгодное, будто дальше хоть трава не расти. — Алексей в неохватную даль отсюда смотрел через леса окружные. — Провинция на тыщи верст. А что с ней сделали? Брать — брали, а вкладывать? Черная дыра, говорят, нет перспективы, напрасные потуги квасных патриотов.

— Стыд и совесть утрачены в переделках нынешних. — Дед повторял много раз сказанное. — Чем жили раньше — изругано, обсмеяно.. Кто выкрутасы такие творит, сам к покаянию призывает. Это нас-то, без вины виноватых, обманутых сколько раз. Ловкачам на человека плевать. А ты к старику, Алексей, пришел с вопросами, совета спрашиваешь. Понятно, не временщик. Перебывало тут у нас всяких перелетных, распинали нажитое.

— Народ разуверился. Менталитет теперь такой. — Не хотел Григорий слово такое, деду непонятное, произносить, да выскользнуло по конторской привычке.

— Легче менталату не стало, — не сумел выговорить Петр Павлович чужое слово, смутился и — к своей заботе: бережно приподымает свежую поделку, будто прозрачная она, хрустальная, свет вокруг нее искрится. — Для чего-то старались. чудаки... Не праздник ли какой у нас, слышу, под горой брат Елисей сказался вздохом гармонии... Думы по сказке продвинулись: вроде даны мне три воли — выбирать для всех полезную.

— Был бы смысл, выбрать можно, жизнь подскажет, что важнее всего...

— Радио утром вещало. Как это... меня томила, мучила и?..

— Более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла, — Алексей повторил слышанное на рассвете в передаче “Земля и люди”, показалось ему, что рядом кто-то еще произнес такие же слова, за перелеском их подхватило эхо.

— Слышите, ребята. — Мастер тоже в неохватную даль глядит. — Округа окликает: заповедано вам, заповедано по любви... Не только грибки да горшки. Сам гончарный круг, бывлые угодыя — всё наше вам. Всё на одном круге: Земля, Доля, Совесть и Честь...

Нехитрые посудины скудельные сотворили, а поди ж ты, разволновали они, широкие думы в мечту потянулись: вот бы здесь заводик, а там карьер, и дорогу пробить к магистрали. Хозяйскими разговорами начали дополнять друг друга. И казалось им, что еще не всё порушено, заботой общей, порядком житейским, верой да надеждой люди постепенно окрепнут. Размечтались. Сидят наивные чудаки возле гончарного круга плечо к плечу, хорошо им втроем возле остатков утренней деревни под солнцем, будто все родительские и свои невзгоды перемолотили. Но для каждого печаль осталась. Как быть, на каком берегу определяться, с чего начинать? Вот поспеет на круте новая завязь из той глины, что возле родника взята, руки и душа почувствуют ее в центровом движении, будто саму землю-матушку ласково оберегут ладонями, тогда опять на время отступит печаль, высветлится взгляд старого мастера, прошедшего свой путь через передряги.

Природа вокруг цветисто радостью трепещет... И гармонь старинная чистым голосом по высокому берегу движение обозначает — идет брат Елисей к брату Петру, чтобы еще раз, глядя друг на друга, подивиться: слава Богу, вместе опять, выстояли, не потерялись... Неравнодушному человеку, способному живописать, дарована мысль о портрете гончара на фоне просторного пейзажа: пойменный луг, синева заречного бора, за грядой берез новые дома на высоком берегу и подвесной мост над едва заметной рекой. Можно написать даже по памяти, содержанием сверстается композиция, определится свет и колорит “заповедного круга”. От первой поделки скудельной замысел прорастал.

— О горшке загадку вспомню. В свой срок сыновьям загадаете. — И это Петр Павлович предусмотрел. — Взят от земли, яко Адам; ввержен в пещь огненну, яко три отрока, — начинает мастер пересказывать по жизненному смыслу. — Посажен на колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко Иосиф; куплен женою за медницу, поживе тружеником в огне адском и насадиися; облечен бысть в пестрые ризы и нача второй век жити; по одряхлении же рассыпая, и земля костей его не приемлет. — В горле запершило — прокашлялся. — Вот как мудро было в давности наговорено. Можно иначе про тот же горшок: родится — вертится, растет — бесится, помрет — туда и дорога.. Похоже с человеком. По одряхлении рассыпшемся. Сыра земля примет. А душе — особый путь..

Держит старика мечта дожить до начала нового века, пройти широкими улицами по всему Заречью, вдоль былых деревень, поставленных неспешным разумением вдоль реки. Строились по своему уму. Не глядели на то, что чужие советники скажут. Самостоятельные, смелые были мужики. Вспоминаются еще рабочие чудные люди, таких теперь чудаками называют. Вроде бы целый народ в чудаках — был чудный мастер, да дыра в горсти оказалась. По совести делали почитаемое полезным, однако и после побед над врагами приходилось много лет на своих землях страдать, юдоль получалась печальная, подрезалось поколение за поколением. А бывало, а бывало...

И еще раз удивил старина воспоминаньем о праздниках — прочитал очень давние строки: “И в праздник вечером росистым / Смотреть до полночи готов / На пляску с топотом и свистом / Под говор пьяных мужиков”.

— И праздники утрачены. Тарабарщиной слух забивается. Иногда снится, будто бы иду по всему Заречью новой широкой улицей и слышу раздольные песни над полями...

Сочувственно и терпеливо слушали рассуждения мастера о возможных желаемых переменах к лучшему — авось, пригодятся тогда корчаги — пивное сусло для свадьбы варить: одна больно хороша двухведерная, в чулане стоит, ходочек сверлен, штырь с петушком выстроган. “Справная такая, не обхватишь” — он руки широко развел. От жеста этого и взбодрился, щеки разругались, будто стопочку принял, усы топорщатся, плечи качаются под сокровенную мелодию. Что с ним происходит? Тапочки сбросил, ноги босые пытается — послушны ли, того гляди, камаринского выделывать начнет. Есть в нем, не выветрилась еще такая струна. Грудь — колесом, голова — в горделивом подъеме, локти кверху — крыльями. Будто дитя, мелкими шажками семенит по мягкой отаве. Туда-сюда прошелся, взглядывая на заречный простор. Кого-то углядел там — радуется:

— Надумали все-таки. Вместе идут за гармошкой, легки на помине. Школьники при них гурьбой. Хорошо денёк начинается. Люди — к нам, идет подкрепление. Всегда бы так. Смотрите, шествие какое! В нашу сторону детей ведут. Это Аннушка Кузнецова да Шуручка Смирнова — две невесты на всю округу... Пора девичьи фамилии менять... Здравое определяю, не ошибаюсь ли праздничным настроением? К нам ли они медленно так? Засомневались разве: тут ли мы... Надо бы сказать. Чего-то магнитофон затиш. Ну-ка, Алексей, настрой песню для человека, он там проходит хозяйном родины своей...

*Поздравляем нашего постоянного автора с 75-летием!
Здоровья, крепости духа и ярких Вам строк,
дорогой Михаил Фёдорович!*

МАРИНА ЯКОВЕНКО

С БЕЛОГО ЛИСТОЧКА

* * *

Не успела проститься я с летом,
Как всюю разохотилась осень,
И обласканных солнцем букетов
Вновь душа безутешная просит.

Не сули, осень, сырость да слякоть
И не прячь от меня бабье лето.
Я даю себе волю поплакать,
Платье с вышивкою не надето.

Не успела проститься я с летом,
Гонит ветер последний листочек...
Мне бы только от лета кусочек!
Мне бы только любви островочек!

ОТЦОВСКИЙ ВЗГЛЯД

Весна травую пробивалась
И зеленела с палисадом.
Затосковав, я возвращалась
В наш старый дом с резной оградой.

ЯКОВЕНКО Марина Игнатьевна родилась в с. Хайрюзовка Иркутской области Усть-Удинского района. Окончила отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Директор социологического центра "Мнение", кандидат социологических наук. Автор сборников стихов "Шафраны", "Цветы морозом схвачены", "Поклон тебе, родная Русь!". Лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина. Член Союза писателей России. Живет в Иркутске.

Веревку мокрых полотенец
Мотало ветром за калиткой,
Вдоль бани ровный ряд поленниц,
С крыльца отец шагнул с улыбкой.

Он стал как будто ниже ростом.
Его теперь все реже вижу.
Сама давно я стала взрослой,
И с каждым днем он мне все ближе.

На лбу добавились морщинки,
Совсем седыми брови стали,
В глазах запрятались слезинки:
— А мы тебя на Пасху ждали.

И мама в дверь, всплеснув руками,
Засуетилась возле печки,
Погас вдруг свет, искали свечку,
А в доме пахло пирогами...

От радости углы светились.
Мурлыкал кот — седой и старый.
И чай мы пили, не напились,
И шаньги ели с пылу, с жару...

* * *

Высоко волну колышет
Ветер серебристый.
Оказалась вновь без крыши,
Покидаю пристань.

Уложила весла в лодку,
Отдалась стремнине.
Плачут утки — перелетки,
Отражаясь в сини.

Что мне эта птичья жалость,
Звонок день осенний!
Распустились, развязались
Все узлы сомнений.

Лодку где-нибудь причалю,
Выйду у песочка...
Не впервые начинаю
С белого листочка.

* * *

Любите мать, пока она жива;
Что платью не дошито, не корите.
К приезду вам пирог не испекла —
Вы и за это строго не судите.

Любите мать, пока она жива,
Из рук ведро с водою подхватите,
К зиме смолистых дров ей запасите,
Пусть в доме будет вдоволь ей тепла.

Любите мать, пока она жива,
И письма, хоть нечастые, пишите,
В них говорите добрые слова,
Сыновний и дочерний долг верните.

Любите мать, пока она жива,
Любите мать, покамест сами живы,
Любите лишь за то, что родила,
За то, что слёзы льёте у могилы.

Поздравляем Марину Яковенко с юбилеем!
Желаем читательской любви и новых книг для взрослых и для детей.

ЛЕОНИД ФРОЛОВ

ВЕНИК

РАССКАЗ

1

Толика привезли в детский дом из приёмника-распределителя.

Тревожные глаза его говорили, что он голоден.

Да нет, какое там говорили! — они кричали, а вернее — орали, и даже не орали, а вопили, что восьмилетний белобрысенький мальчонка жутко хочет есть.

Впрочем, хочет есть — слишком приблизительно сказано. Условно сказано. И очень уж деликатно. К чёрту деликатность, когда в желудке пусто, как...

Так пусто, что и не знаешь, с чем сравнить...

Лишь тот, кто по-настоящему голодал, хронически, безнадежно, отчаянно голодал — поймёт, как может быть пусто в желудке, если ты не помнишь, когда последний раз обедал, а о таких тонкостях, как завтрак и ужин, имеешь весьма и весьма смутное представление.

Не есть хотел Толик, а жрать! Хавать он хотел, извините за выражение. Всё подряд и без разбору! Пусть бы и чёрствые сухари — лишь дайте только — тут же, как волчонок, с рукой оттяпает.

Ах, какими бывают вкусными чёрные сухари, если их намазать толстым слоем горчицы и посыпать крупной солью! Пальчики оближешь, такими они бывают вкусными!..

ФРОЛОВ Леонид Германович родился в г. Свободном Хабаровского края в 1953 году. Окончил Высшие литературные курсы Литературного института им. Горького. Автор книг "Грузчики", "Переходный возраст", пьес "Приговоренные к жизни", "В начале был грех" и др. Лауреат Всероссийского конкурса драматургов "Хрустальная роза Виктора Розова". Член Союза писателей России. Живёт в Подмосковье.

Ребята разными путями попадали в детский дом, кто из подворотен и подвалов, кто из детских комнат, кто, как Толик, из приёмника, но всех сопровождал один и тот же злой и неотступный спутник: голод. Противное чувство, что ты не насытился за завтраком, а обед не скоро и до ужина целая вечность, — полдник между ними не в счёт, — противное это чувство постоянно толкало кусочничать. И хотя кормили нас в детском доме, что называется, на убой, мы невольно ошивались возле столовой. Наши челюсти и зубы были готовы работать без устали: жевать, грызть, хрумкать. А кишки, блин, они какие-то безразмерные, рычаг, сволочи, и требуют, типа про запас, ещё чего-нибудь, ещё... Удавы ненасытные!

Инстинкт самосохранения обострился, что ли? А если инстинкт — то это, конечно, надолго. Тут уж ничего не попишешь.

Толик первым делом поинтересовался, когда у нас обед. Повёл носом, как зверёк, и спросил, где столовая. Запахи, плывущие из кухни, его тревожили. У него сразу слюнки потекли. И голова закружилась. Но до обеда, оказывается, далеко. Ещё ждать и ждать. Это очень огорчило Толика.

Старшая воспитательница мама Люба разгадала ход его мыслей. Да и гадать-то особенно нечего, тут и ежу понятно, в каком направлении думает пацан. Она нарушила заведённый распорядок. Поступившего воспитанника полагалось сперва отдраить в ванной, сменить одежду, в которой он прибыл, на новую, показать комнату, где ему предстоит жить, познакомить с ребятами. А потом уж кормёжка и всё остальное. Но мама Люба, глядя в вопящие о голоде глаза Толика, всё переиначила. Она первым делом распорядилась его накормить.

Прежде чем сесть за обеденный стол, предстояло пройти процедуру умывания. А это не так просто, как может показаться непосвященному. Поначалу не только мыть руки перед едой, но и умываться по утрам все вновь испечённые детдомовцы отглынивали, словно запрограммированные.

Не берусь объяснить, почему обитатели пыльных подвалов, чердаков и подворотен не любят плескаться в воде — пусть этим занимаются специалисты — но Толик не был исключением.

Мама Люба просекла это с полувзгляда. И отправила Толика умываться под присмотром папы Бори. А с нашим воспитателем — не забалуешь. Если вздумаешь сачковать, он бесцеремонно, с шуточками-прибауточками, сунет твою башку под кран, откроет его на всю катушку, и мощная струя воды плюс душистое мыло сделают тебя чистеньким и благоухающим, словно майская ромашка.

Пока они священнодействовали в ванной, для Толика накрыли поляну. Как полагается: первое, второе, третье. И ещё — в отдельной тарелке — салатик. Из душистого огурчика, сочного помидора и свежей хрустящей капусты. Всё соблазнительно так нарезано, заправлено рафинированным, без запаха, постным маслом “Золотая семечка” и смачно присыпано петрушкой и укропом. В хлебнице чёрные и белые ломтики — сколько хочешь.

— Ешь, милый, — сказала мама Люба.

Ага, ешь... Ну и сказанула, наша добрая и деликатная мама Люба. Будто первого такого замухрыгу принимала под своё попечительство.

Милый не ел. Он заглатывал!

Причём начал со второго блюда. На второе ему подали котлету и отварной рис. Воспитатели глазом не успели моргнуть — Толик мигом это оприходовал. И сразу же, не переведа дух, принялся за первое.

На первое был суп-лапша на курином бульоне. С супом он так же лихо расправился, как с котлетой. Для порядка хлебнул две-три ложки, потом отказался от этого утомительного занятия, схватил двумя руками тарелку, приник губами к краю и, с шумом втягивая в себя её содержимое, сделал так: фсссссыыхх!..

На всё про всё потребовалось две секунды. Ну, три — не больше. И тарелка оказалась пустой! Для верности он вылизал её языком. До блеска: мыть не надо. А когда Толик умял салат из душистого огурчика, сочного помидора и свежей капусты, заправленных рафинированным, без запаха, постным маслом “Золотая семечка” — этого вообще никто не заметил.

Однажды по телевизору показывали: в какой-то благополучной, заевшейся западной стране, на полном серьёзе, при огромном стечении зрителей, устроили соревнование, кто быстрее и больше всех слопает пирожков с яблоками. Толика там не было! Ни у кого на закраившемся Западе не осталось бы ни малейшего шанса обогнать его в поедании пирожков с яблоками. Он — точно! — попал бы в книгу Гиннеса и прославил бы матушку-Россию тем, что наши голодранцы жрут быстрее всех в мире!..

На третье был компот. То есть его уже не было, когда Лена, самая молодая из воспитательниц, всего неделю назад поступившая на работу в детский дом, всплеснув руками, выдохнула:

— Господи... Неужели в приёмнике не кормят?..

Она это как бы и не для Толика сказала. Но он тут же простодушно откликнулся:

— Почему не кормят?.. Кормят... Только старшие всё, что повкуснее, отбирают...

И, цапнув из хлебницы последний кусок душистого чёрного хлеба, отправил его в рот, озираясь, типа нет ли поблизости тех самых пацанов, которые отбирают у мелюзги самые лакомые кусочки. У нас таких не было. Но он-то ещё этого не знал. Икнув, Толик спросил озабоченно, будут ли его кормить обедом.

— Конечно, — поспешила успокоить его мама Люба. — Пообедаешь вместе с ребятами.

До обеда Толику показали его комнату, он стал четвёртым её обитателем. И двухъярусную кровать. Как раз верхнее место пустовало, он и хотел спать на втором этаже. В игровой комнате Толик, пересмотрев все игрушки, вцепился в плюшевого зайца и попросил маму Любу, чтобы заяц стал его навсегда. Наша общая мама объяснила ему, что он может играть любой игрушкой, какой захочет, по очереди с ребятами, у нас всё общее.

— Да, — согласился он. — Игрушками по очереди. Но зайчик пусть будет только моим...

Желание необычное, ребята, как правило, тянулись к машинкам. Мама Люба не стала возражать. Хорошо, сказала она, бери зайчика себе. Толик тут же побежал в спальню и заботливо уложил зайца на своей подушке. Горе было тому, кто этого зайчишку брал в руки без разрешения Толика. Что он нашёл в этой простенькой игрушке, мягком серёньком зайце?

Толик был очень возбуждён и словоохотлив, наверно, от того, что попал в доброжелательную атмосферу, в дом, где царили спокойствие и уют, а его сразу накормили, одарили и, если не обманывают, обещали дать второй обед.

Однако прежде всё-таки предстояло принять ванну. И как Толик ни верещал, отвергнется ему не удалось: папа Боря отдраил его за милую душу. Толик появился из ванной беленький, с сияющими голубыми глазёнками — одно слово, херувимчик.

Но мы скоро узнали, что этот херувимчик та ещё птичка. В детском доме ничего не скроешь. Да он и не скрывал. За его спиной шлейф таких историй тянулся — иному на несколько жизней хватит, а то и с лихвой. До трёх лет он рос в обычной среднестатистической семье: отец — строитель, мать работала оператором на почтамте, ну и он, Толик, заласканный любимец счастливых родителей. В общем — ни тучки, ни облачка на их семейном небосклоне. Но отцу Толика взбренило заняться строительным бизнесом. Как это обычно бывает на диком российском рынке — лучший друг его подставил, он по уши погряз в долгах, всё кончилось так, как обычно в нашей стране происходило — отца Толика убили. В автомобиле взорвали. Причём на глазах у матери Толика, изуверы. Судя по всему, бизнес-то был не ахти какой хлебный, иначе бы семья не жила в коммуналке. Правда, это были две больших комнаты, неподалёку от Елоховской церкви, а точнее, рядом со старым рынком на Басманной; одно из окон прямо на торговые ряды выходило.

И кончилась безмятежная семейная жизнь. Мать Толика зашла с горя. На неё посыпались болезни, как из рога изобилия. Давление, язва желудка,

порок сердца. Через четыре года она была уже инвалидом второй группы. А Толик выросал на Басманном рынке, смышленным рос парнишкой, шустрым, воры-форточники быстро его к делу приспособили. В скольких кражах он участвовал — этого даже милиция не знает. Но в форточке он проникал ловко и без всякого труда. Несколько дел официально числятся в его активе. Заработанные сомнительным детским трудом деньги Толик отдавал матери. А та их пропивала, мучаясь от стыда перед малолеткой-сыном.

Они были беззаветно привязаны друг к другу, мать и сын — этого у них не отнимешь. Даже когда мать лишили родительских прав — попробовали бы вы сказать Толику, что она горькая пьянчужка и не заботится о нём. Он не то чтобы в драку полез, горло перегрыз бы за такие слова о самом дорогом для него человеке. Но финал их семейной жизни оказался безрадостным: Толик стал скитаться по приютам и детским приёмникам, откуда периодически убегал домой, а мать, лишённая прав на сына, покорно отдавала его в суровые руки закона, когда этот закон являлся за её ребёнком в милицейской форме. Такой вот херувимчик этот белобрысенький парнишка, попавший к нам в детский дом. В нашу “семью”. Толику повезло, что после долгих мытарств его именно сюда направили. Не успело засосать криминальное болото.

Ещё нам стало известно, что у Толика дома есть собака и кошка. Кошку, естественно, зовут Мурка, а собаку — Тузик.

Обед, в общем-то, был не за горами. Толик сел за общий стол и ревностно следил, чтобы его порции были не меньше, чем у остальных ребят. Никто и не помышлял обделять недавно победившего мальчугана.

— Ешь, не торопись, — сказала мама Люба. — Спешить некуда. Никто за тобой не гонится.

Понятное дело, никто за ним не гнался. Но хорошо жевать и спокойно проглатывать пищу — это было выше его сил. Едва мама Люба упустила Толика из поля зрения, он отложил ложку в сторону, прильнул губами к тарелке, все услышали знакомый всасывающий звук — фсссссыыхх!.. — и суп из тарелки словно испарился. А он уже принялся за второе, и ни у кого на свете не было такой стремительной реакции, чтобы остановить Толика. Оставалось разделаться с компотом и бананом. Компот он выпил в два глотка, а банан оставил про запас.

После обеда все отправились в игровую, а Толик шмыгнул в спальню, забрался к себе на второй ярус и стал умирать от рези в животе. Но умирая, не забывал про банан, со стоном впихивал его в рот, правда, очистив от кожуры. Ванька Богачёв, спасибо ему за любопытство, услышал стенания новичка, заглянул в комнату и, увидев, что Толик корчится от боли, позвал воспитателей.

Возник переполох. Толика отнесли в медкабинет. Нашего врача, дяди Славы, как на грех, уже не было. Вокруг Толика сгрудились воспитатели.

— Что у тебя болит, малыш? — побледнев от испуга, тревожилась мама Люба.

Толик мычал что-то невразумительное, поджимая ноги к животу. И тоже бледнел. Как мама Люба. Ещё даже сильнее бледнел. А папа Боря уже вызвал “Скорую помощь”.

— Да вы же его обкормили, — сердито напустилась на воспитателей врач “скорой”, осмотрев Толика. — Пощупайте его живот... Это ведь камеломоня! Вы что, до заворота кишок собирались пичкать парня?!

— Пожалели мы его... Он был так голоден... — оправдывалась мама Люба.

— Жалеть надо с умом, — негодовала врач, хлопоча над Толиком. — Не всякая жалость на пользу...

В общем, всадила она Толику укол, поставила клизму: Толика вырвало, пронесло, и жизнь снова плеснула на его щёки розовую краску.

— Банан жалко, — сказал Толик, сокрушаясь. — Лучше бы я его теперь съел. Дождался бы, когда стошнило... И съел бы...

— Будет тебе и банан, и апельсин, а воспитателям твоим порция ремня, — ворчала врач.

Она оказалась хорошей тёткой, а бурчала для вида. Полная, энергичная, громогласная, она ещё побывала у нас, пока Толик очухивался. Ей показали нашу обитель. Ей понравилось. Мама Люба угостила её чаем с бутербродами. Она засмеялась, типа, хотите, чтобы и я, как ваш Толик, слабительное потом принимала. Не теряя время даром, врачиха собрала персонал и ребят, прочитала целую лекцию, как нужно правильно питаться. Прежде чем распрощаться, она строго-настрого наказала ничего за ужином Толику не давать, кроме манной каши, сладкой, но жидкой.

— Банан жалко, — опять вспомнил Толик о напрасно пропавшем лакомстве.

— Тимуровцы, — покачав головой, констатировал папа Боря, поочередно оглядывая то маму Любу, то наших молодых воспитательниц Лену и Таню.

Это было универсальное и многоцелевое слово — тимуровцы. Употреблял он его по самым разным поводам, и по интонации обычно все понимали, в осуждение оно произнесено или, напротив, как похвала.

— А кто они такие, эти тимуровцы? — однажды спросили мы папу Борю.

— Тимуровцы — это те, которые ничего не умеют, но за всё берутся из лучших побуждений.

Потом два дня подряд во время тихого часа он читал нам книгу о Тимуре и его команде. Гайдар написал. Не тот, который, с одной стороны, страну до нищеты довёл, а с другой — миллионеров расплодил, а писатель Гайдар, его дед. Он-то с буржуями воевал, только в прошлое время. Книга про Тимура забавная. Да и слушать интереснее, чем спать. Правда, мы хихикали, когда папа Боря читал нам те места, где говорилось про Мишку Квакина. По нынешним понятиям Мишка — авторитет, но он какой-то придуманный. У нас в детском доме таких Квакиных... не сосчитать!

Короче, папа Боря сказал — тимуровцы — и в этот раз слово звучало как укор. Действительно, надо же было так Толика перекармливать, до обморочных глюков!

Таким был первый день его пребывания в нашей семье. К вечеру он уже вместе со всеми носился во дворе.

А через три дня мама Люба нашла у него под матрацем целый склад хлебных корок: на чёрный день собирал. На всякий случай...

Мама Люба, конечно, и не подумала его ругать. Да и за что? Она просто предложила отнести сухари на кухню. А когда он захочет чего-нибудь вкусенького, пусть подойдёт и скажет. Мама Люба покормит.

Сухари заняли своё место на кухне. И Толик тут же решил проверить, правдиво ли обещание мамы Любы. Насчёт вкусенького.

— Можно мне горбушечку чёрного хлеба?... С маслом, — отчаянно облизываясь, попросил он.

Мама Люба вздохнула, вспомнив историю с вызовом “скорой”. Но отказать не смогла. Иначе бы навсегда лишилась доверия своего ненасытного воспитанника. И Толик получил из рук нашей старшей воспитательницы вожделенную горбушечку, густо намазанную сливочным вологодским маслом, а уж солью сверху он сам посыпал.

Формально Толик числился во втором классе. Учебный год близился к финишу. Толик уже сменил две школы, где занимался спустя рукава. В его знаниях зияли такие дыры, что в детском доме решили оставить Толика во втором классе на второй год. До осени ему светило заниматься по индивидуальной программе с нашей учительницей Еленой Тимуровной, повторяя программу первого класса, который он окончил с грехом пополам. Он едва умел читать по складам, писал, как курица лапой, зато математическими способностями поражал всех.

Но это были своеобразные способности. Даже более чем... Абстрактно мыслить он не научился. У него всё было конкретно. По жизни. Бывало, спросит: Толик, сколько будет четыре плюс шесть? Он беспомощно морщит лоб, не в состоянии дать правильный ответ. Но если вопрос поставить иначе: Толик, если тебе дать шесть рублей и ещё четыре, сколько денег у тебя

будет? Чирик, мгновенно соображал он. То есть десять рублей. Как у него ворочались мозги — тайна, покрытая мраком неизвестности.

Цены на продукты он знал не хуже опытного снабженца. Как-то с утра пораньше папа Боря взял его в магазин, приучая помогать по хозяйству. Возвращаются нагруженные сумками с покупками, папа Боря качает головой, смеётся. Что, смешинка в рот попала, папа Боря?

— Да ещё какая, — говорит наш воспитатель. — Пока я покупал овощи и фрукты, наш Толик ознакомился с ценами на спиртное. А ознакомившись, кричит мне на весь магазин: папа Боря, кричит, а у нас на Басманной водка стоит дешевле, чем здесь... И пиво здесь дороже... Смех и грех...

— Грех — да... — нахмурившись, перебила мама Люба. — А смех?... Не вижу ничего смешного.

— Ну как же, — прикалывается папа Боря. — Весь честной народ, кто был в магазине, уставился на меня. С осуждением. Что это за папа такой, чей сын, от горшка два вершка, а уже знает, где выгоднее водку приобретать... Очень смешно...

— Правду я вам говорю... У нас на Басманной водка дешевле, — вставил Толик с невинным видом, не понимая, что "не в теме". — Я не вру.

— Хорошо, хорошо, — сказала мама Люба. — Мы тебе верим.

Она отправила Толика вместе с нами в игровую комнату, а когда мы вышли, попеняла папе Боре, что он легкомысленно относится к воспитанию Толика. У мальчишки голова забита мусором, ему мозги надо промывать, а не смеяться над его глупыми высказываниями, поощряя тем самым к...

Больше мы ничего не услышали, кто-то из воспитателей плотно закрыл дверь в коридор.

Получив бесценное уличное образование, поскитавшись по приютам и приёмникам, Толик накопил богатый опыт для того, чтобы выживать среди таких же, как он, охломонов. В этой среде, а другой он и не знал, Толик выстраивал отношения, руководствуясь неписанным кодексом юных бродяжек. Этот кодекс гласит: по возможности избегать конфликтов, на рожон не лезть, знать своё место — ещё многим премудростям научила его суровая жизнь.

В детском доме он следовал усвоенным урокам, ни с кем из ребят особо не сближался, держал дистанцию, но и не чурался общения. И в обиду, конечно, себя не давал. В общем, быстро освоился в новом для себя быту, который его вполне устраивал.

Ему заметно не хватало материнской ласки, и он тянулся к маме Любе. Просыпался утром раньше всех ребят, когда мама Люба уже хлопотала на кухне, готовя завтрак, и спешил ей в помощники. Расставить на столе тарелки, разложить вилки и ложки, нарезать хлеб — это было его любимым занятием.

Он знал меню на весь день. Естественно, завтрак Толик получал первым, а когда наш народ появлялся в столовой, он, уже насытившийся, жмурился, как котёнок, и ластился к маме Любе. Молодых воспитательниц Лену и Таню он обожал. Едва они являлись на свои смены, прилипал к ним и следовал за ними по пятам, как приклеенный. И вообще, его тянуло к взрослым.

От родного дома Толик был отлучён уже несколько месяцев. Это его удручало. Наша старшая воспитательница разрешила ему звонить иногда по вечерам маме. Толик был в шоке, не веря своему счастью: в приёмниках-распределителях общаться с матерями и отцами, лишёнными родительских прав, категорически запрещали. Ну, пьют родители, но это же их болезнь, беда, и болезнь вовсе не означает, что из-за неё сын должен отказываться от своей матери.

Толик весь светился от радости, впервые за долгое время услышав материнский голос. Пусть по телефону, но он по этой причине не казался ему менее близким. Судя по тому, как они тараторили, перебивая друг друга, мать тоже несказанно обрадовалась торопливому голосу сына. Он захлёбываясь спрашивал о Мурке и Тузике, о приятелях по двору, о здоровье мамки. Глазёнки у него блестели, как бусинки. Закончив разговор, он загрузил.

— Мамка, глупая, квасит, — сказал он, вздыхая, совсем как взрослый, придавленный житейскими проблемами человек. — Ей нельзя пить. Она же вся больная...

Мама Люба прижала к своей груди его хрупкое тельце. Гладит ершистый ёжик, успокаивает:

— Всё у тебя устроится. Мама твоя поправится, ты вернёшься к ней. Опять заживёте вместе.

Толик приник к воспитательнице и, догадываясь, что сейчас у неё можно просить что угодно — она всё ради него сделает — сказал, молитвенно скрестив руки, можно ли ему навестить маму. Деловой, ничего не скажешь. Своего не упустит.

— Можно, — ответила она. — Я поговорю с директором. Думаю, она разрешит.

Толик тут же объявил мне, что возьмёт меня в гости как друга, и я увижу, какая у него классная кошка Мурка и дрессированный Тузик.

2

Это было что-то с чем-то: воспитанник отпрашивается в гости к маме, лишённой родительских прав. Впервые в практике нашего детского дома, а может, и всех детских домов на территории страны. Уж не знаю, что думают по этому поводу чиновники по детству и светила науки, но для всех — и воспитателей, и нашей братии — событие это казалось из ряда вон выходящим. К маме Любе потянулись с вопросами ребята — можно ли им тоже встречаться с родителями. Не все, конечно, желали видеть своих забубённых папашек и мамок, но многие об этом мечтали. И вот мечты начали осуществляться.

Толик опять оказался в центре внимания, как и в случае с перееданием. Нельзя же идти в гости к маме с пустыми руками. Мама Люба собрала два пакета гостинцев. Там были яблоки, нектарины, сливы, пара лимонов, сыр, масло, печенье в пачках, чай байховый и зелёный, сгущёнка и ещё много всякой вкуснятины, что именно — не помню за давностью времени.

Всё это нёс папа Боря, который сопровождал Толика, так и светившего изнутри. Меня отпустили за компанию с ним. Как любителя животных, ну, и ещё, наверно, из каких-то воспитательных соображений, каких — мне не объяснили.

На троллейбусе пятнадцать минут езды до Бауманской, где, по уверению моего корешка, водка дешевле, чем у нас на Покровке. Там мы направились через Басманный рынок к дому Толика. Он крутил головой по сторонам, высматривая знакомых.

Мигом подтвердилось, что Толик местная достопримечательность. Едва мы сделали несколько шагов, нас остановил весёлый оклик:

— Толик!

Заросший, чернобородый сапожник, высунувшись из своей будки, энергично размахивал рукой, в которой держал дамскую босоножку. То есть, правильнее сказать, он босоножкой махал, привлекая к себе внимание.

— Миша!..

Толик бросился в объятия сапожника. На вид это был армянин, а возможно, азербайджанец, словом, лицо кавказской национальности лет пятидесяти. Они, оказывается, давние приятели и обращаются друг к другу на “ты”.

Посыпались расспросы.

Главным образом спрашивал Миша, а Толик сбивчиво рассказывал о своём житье-бытье. Он ведь домой торопился. К маме. Миша сунул в карман Толика деньги.

— Я маме отдам... — сказал Толик, вопросительно глядя на папу Борю.

Тот лишь головой кивнул. Толик по-своейски распрощался с Мишей. Мы пошли дальше. И сразу Толика остановила продавщица табачного киоска, рыхлая тётка с прокуренным голосом. Потом его позвали к пивной палатке, потом ещё кто-то с ним заговорил. И все впаривали ему деньги, ском-

канные бумажки, прилично у него набралось, а он каждый раз повторял, что отнесёт всё маме. Наконец вокруг нас сомкнулось кольцо шпанят, приятелей Толика по рынку и подворотням, и в их сопровождении мы дошли до нужного нам подъезда.

Вдоль ободранных стен, по обшарпанной лестнице добрались до третьего этажа. Позвонили в квартиру Толика.

Дверь открыла взлохмаченная старуха в распахнутом халате, демонстрируя застиранную ночную рубашку. Явно с крепкого бодуна. Впрочем, может, уже успевшая опохмелиться.

— Здравсьте, Тётсьим! — выпалил Толик, ринувшись в глубину коридора.

— Вера, встречай! К тебе гости, — крикнула старуха прокурренным и прошитым голосом.

Из дальней комнаты вышла высокая худая женщина.

Толик бросился ей на шею, едва не сбив с ног. Вокруг них, повизгивая, юлой вертелась собачонка, явно беспородного происхождения.

— Узнал, Тузик, узнал! — верещал Толик.

Осыпав поцелуями лицо мамы, он высвободился из её рук и поцеловал ликующего Тузика в мокрый нос.

Суетясь, он затаяил нас в комнату, где почти не осталось следов прошлого уюта. Тахта, шкаф, обеденный стол, он же письменный, пара стульев, ветхое кресло с обгрызенными собакой ножками, тюль на окне — вот и всё убранство. Вторую комнату мать Толика сдавала в аренду. Этим и жила. Ей было лет тридцать. Может, чуть больше. Но выглядела она гораздо старше. Худая, кожа да кости. Лицо изнурено болезнями и алкоголем. Она надсадно кашляла от постоянного курения. Глаза женщины, заполыхавшие от встречи с сыном, устало потухли через минуту.

А Толик в возбуждении говорил без умолку, перескакивая с одного на другое.

— Это моя мама... это папа Боря... наш воспитатель... а Ява — мой новый друг... мам, ты сегодня уже гуляла с Тузиком?... не, забывай с ним гулять утром и вечером... где Мурка?... под диван, небось, забралась... она боится незнакомых людей...

Он полез под диван и выудил оттуда рыжую напуганную кошку.

— Красивая, да? — спросил он. — Она ласковая... Ей только привыкнуть к вам надо... А Тузик умный... Показать? Тузик, служи!..

— Оставь их в покое, — попросила его мама. — Расскажи мне лучше, как ты живёшь?

Теперь хорошо он живёт. В детском доме не то, что в приёмнике.

— Знаешь, как он называется? “Наша семья”, — он спохватился. —

Я тебе гостинцев принёс... Мы принесли... Мама Люба собирала... И Тузику... Ему кости. А Мурке — хилс... Но сразу много не давай... Животы заботят...

Он принялся выкладывать на стол содержимое пакетов. Мама Люба, молодчина, постаралась. Она догадывалась, куда мы идём. Повидала такие семьи. Тут и ясновидящей не надо быть. Как в воду глядела наша воспитательница: в этом доме шаром покати. Даже хлеба нет, а хлеб-то мы как раз и не взяли.

— Я хотела испечь для тебя пирог... Не успела, — неловко оправдывалась женщина.

— И не надо... Тут всего полно... Ты обязательно ешь... — наставлял Толик мать. — Вон ты какая худющая... А водку не пей... Тебе вредно...

Он вспомнил о деньгах, которыми разжился на рынке. Выгреб из кармана всё до последней копейки и отдал матери, опять предупредив, чтобы она только на водку не тратилась.

— Да, конечно, конечно... Не буду...

— Ты у меня хорошая... Я больше бы денег достал, если бы встретил Серого, — похвастал Толик. — Он бы для меня не пожалел. Но пацаны сказали, что его замели... Ну, посадили...

— Вот и хорошо... Я в том смысле, что тебе не нужно с такими общаться. Это до добра не доведёт... Ты пока не понимаешь...

— Всё понимаю... Не маленький...

Ему не сиделось на месте. Он то кошку и псину принимался кормить, то маме подсовывал фрукты. Мы им не мешали. Просто они не обращали на нас внимания.

— Пока вы общаетесь, мы погуляем, — сказал папа Боря.

Мы оставили их вдвоём. Вообще-то четвером, считая Мурку и Тузика.

Вышли на улицу и просто гуляли с папой Борей. Молча глазели на прохожих. Он угостил меня мороженым. Потом купили хлеб и вернулись к Толику и его маме.

Нам открыла та же взлохмаченная соседка в распахнутом халате, тётя Сима. Вот теперь, точняк, она уже успела опохмелиться.

Мы прошли по длинному коридору к дальней комнате, дверь которой была приоткрыта. И увидели трогательную, незабываемую картину. Худая женщина с измождённым лицом расположилась в кресле. У неё на коленях, задремав, притулился наш Толик. На его коленях кемарит рыжая Мурка. А на полу, у ног хозяев, умильно распластался Тузик, положив вислоухую голову на лапы.

Увидев нас, верный пёс зашёлся заливистым лаем.

Когда мы уходили, Толик, целуя мать, чуть не разрыдался. На глазах у него выступили слёзы. Но он не позволил себе заплакать, чтобы не расстраивать мать. Изо всех сил держался. Мне тоже хотелось зареветь. Но Улица научила нас не распускать нюни.

3

Детский дом к тому времени насчитывал всего несколько месяцев со дня открытия и находился ещё в стадии формирования. Воспитанников числилось немногим больше сорока, мальчишек и девчонок от трёх до десяти лет. Наступило первое лето нашей семьи. Стало известно, что нас отправят в оздоровительный лагерь на Черное море. Он находился в Херсонской области на окраине небольшого городка Скадовска.

Воспитатели это известие приняли в штыки. Детдомовский врач, дядя Слава, хватался за голову. Обычно невозмутимый тридцатилетний меланхолик бурно выражал своё негодование.

— Нельзя туда посылать детей! Это идиотизм, граничащий с преступлением, — возмущался он. — У меня одна половина необследованных, а большинство обследованных метеозависимы и напичканы болячками. Им противопоказана резкая смена климата.

Мама Люба и дядя Слава убеждали директрису отказаться от вредоносной идеи ехать на ненужный нам знойный юг. Но та только руками разводила от бессилия: решение принято высоким начальством, и отменять его никто не станет.

— Тимуровцы, — цедил сквозь зубы папа Боря. И это звучало как ругательство.

— Ты представляешь, какой это будет оздоровительный отдых? — спрашивал дядя Слава нашего воспитателя.

— Да уж, — отвечал папа Боря. — Представляю...

Короче, нам приказали быть счастливыми. А у нас приказы полагается исполнять. Директриса осталась в Москве, чтобы продолжать приём новых воспитанников, а мы покатали к морю.

Нас отправили на поезде. Мы заняли плацкартный вагон. Он был замызган, как подворотня, где ночевали бомжи. Старшая воспитательница мама Люба ввела железную дисциплину: по вагону не шастать, после туалета мыть руки, перед едой и после еды тоже. Воспитатели не спускали с нас глаз. И всё-таки врач дядя Слава без работы не остался: двое умудрились обдирать, хлебнув воды из бачка, что мама Люба категорически запрещала делать. Как раз на самой границе. Между Россией и Украиной. Может, поэтому пограничники не стали особо придираться, найдя нарушения

с документами. Не у всех ребят были оформлены свидетельства о рождении. Их так и отправили, без свидетельств. Второпях или по халатности. Тимуровцы...

Если не брать во внимание двух обдристанных, до Херсона мы добрались вполне благополучно. От вокзала до лагеря предстояло трястись в автобусе. Несколько часов езды по пыльной дороге. Не менее изнурительная поездка, чем в грязном вагоне. Но и это испытание мы, слава Богу, преодолели.

В мире нет зрелища унылее, чем Киевский вокзал, подметил Исаак Бабель в одна тысяча девятьсот семнадцатом году. Наивный Бабель. Он не видел оздоровительного лагеря в Скадовске на берегу Черного моря в одна тысяча девятьсот девяносто шестом. Вот зрелище так зрелище! Скорее отвратительное, чем унылое. Отвратительно-унылое зрелище.

Мама Люба, дядя Слава и папа Боря обошли корпус, в котором нам предстояло жить полтора месяца, осмотрели палаты — и лица у них стали совсем суровыми. Тот же вагон, только в увеличенном в несколько раз масштабе. Окна не закрываются по причине отсутствия шпингалетов. Штор нет. Стены наспех замалёваны краской какого-то немыслимого цвета. В природе существует семь цветов, а в этом лагере ухитрились создать восьмой, которому нет названия, смешав все цвета, существующие в природе. Полы... по ним лучше не ходить босиком, если не горюшь желанием занозить ступни. Кровати такие, что давно пора сдать в музей. Времени Очакова и покоренья Крыма были эти кровати. Вода в душевой только холодная, её дают всего на один час до завтрака и ещё на один после ужина, но нередко и эту холодную воду отключают. Из экономии. А зачем душ, если море в двух шагах? Неотразимая логика.

— Да-а... Это ещё хуже, чем я ожидала, — невольно вырвалось у мамы Любы.

Ребята тоже всё прекрасно понимали. Мы, уже вжившиеся в домашнюю атмосферу нашей семьи, видели, что детский дом и этот лагерь — две большие разницы, как небо и преисподняя.

Единственное, что внушало доверие, это высокий решетчатый металлический забор, сквозь который невозможно было проникнуть на запущенную территорию. Да никому это и на фиг не надо.

Воспитатели принялись приводить помещение в божеский вид, ребята, кто постарше, им помогали в меру своих возможностей. Мама Люба вступила в конфликт с заведующей лагерем и завхозом, требуя от них всё, что полагается её детям для нормальных бытовых условий.

Заведующая, давно познавшая сладость безответственного времени, когда личное семимильными шагами бежит впереди общественного, пообещала кое-что посмотреть на складе.

— Нет, не кое-что! — отрезала мама Люба непреклонно. — Вы дадите нам всё необходимое... А вообще-то я потребую, чтобы нас перевели в другой лагерь, где для детского отдыха созданы человеческие условия...

— А вот это вряд ли у вас выйдет, — усмехнулась заведующая. — Вы что, не понимаете, какие деньги крутятся в этом вопросе? И чем они пахнут...

— Деньги не в вопросе крутятся, а в ваших карманах, — внёс поправку папа Боря. — А то, что они не пахнут — это нам давно известно.

— Не будем разводить дебаты, — миролюбиво сказала заведующая. — Давайте попробуем жить мирно.

Завхоз, Клавдия Семёновна, оказалась женщиной с понятием. Улучив момент, она шепнула маме Любе, чтобы та не слезала с заведующей: на складе можно найти почти всё, что нам нужно.

В общем, в экстремальных условиях начался отдых нашей семьи на юге. Как и предвидел дядя Слава, большинство из нас переболело. Воспитатели не исключение. Но если ребятам стоило только кашлянуть, им тут же вменялся постельный режим, то воспитатели не имели возможности отлеживаться и свои хвори переносили на ногах. Теперь, спустя годы, начинаешь понимать, что не один год жизни отняло у них то весёленькое лето.

Благодаря им никто из нас не утонул, потому что самовольный доступ к морю был перекрыт. Никто не отравился в столовой, потому что мама Люба самолично трижды в день проверяла состояние пищеблока и чистоту посуды. Никто не получил солнечного удара, потому что все ходили в панاماх, и стоило оголить голову, как следовал окрик водрузить панаму на положенное для неё место. Когда они спали, наши наставники — одному Богу известно.

Дядя Слава ещё в Москве запасся лекарствами, которых хватило бы на целую аптеку. Но они таяли день ото дня, и он тревожился, что больных скоро нечем будет лечить. На лагерный медпункт рассчитывать не приходилось. В нём, кроме анальгина, йода, зелёнки и мух, ничего не было.

Толик оказался одним из немногих, кто ни разу не чихнул до последнего дня навязанного нам отдыха. Он никому не доставлял особых хлопот. Жил в том же ритме, который установил для себя, переступив порог детдома. Вставал раньше всех и вместе с мамой Любой отправлялся на кухню, контролировать приготовление завтрака и проверять, тщательно ли вымыта у посуда. Этот маршрут он проделывал ещё трижды: перед обедом, полдником и ужином. А в промежутках плескался в море, гонял мяч, занимался с Еленой Тимуровной по программе первого класса. И ходил на склад, в гости к Клавдии Семёновне. Он с ней подружился с первых дней. Деловой чувачок, знал, где полакомиться. Клавдия Семёновна баловала его такими деликатесами, как бесподобное украинское сало домашнего приготовления, которое тает во рту.

Накануне отъезда, днём, всё было как обычно: Толик азартно играл в футбол. Но после обеда вдруг скис, жадуясь на головную боль. Дядя Слава его осмотрел, дал лекарство и велел лежать в постели. Ужин ему принесли в палату. От еды он отказался. Принял лекарство и забылся в дрёме.

А к ночи у Толика подскочила температура. Вот тебе и на! Не болел, не болел, а перед самым отъездом — ну, не закон ли подлости! — слетел с катушек, пополнив лазарет своим присутствием.

— Плохо дело, — негромко сказал дядя Слава, показывая маме Любе градусник.

Мама Люба перепугалась: ртутный столбик уже к сорока градусам подбирался.

— Нужно сбить температуру, а у меня только свечи остались, — объяснил дядя Слава.

Толика, хоть он и ослабел, возмутила процедура со свечами. Никакие уговоры на него не подействовали. Он собрал те силёнки, какие у него ещё были, стал отчаянно брыкаться, кричал истошным голосом — во всех палатах слышали — и поставить ему свечу так и не удалось. Только хуже себе наделал. Температура медленно, но неуклонно ползла, зашкалив за сорок.

— Вызывайте “скорую”, — тревожно распорядился дядя Слава.

Молодая воспитательница Татьяна побежала в административное здание, где дежурил сторож, чтобы позвонить в “Скорую помощь”, которая находилась в Скадовске.

Дядя Слава спросил, есть ли водка. Запасливая мама Люба держала водку для профилактических нужд. Как испытанное народное средство. Она принесла бутылку. Дядя Слава растёр тело Толика водкой и принялся размахивать над ним полотенцем, пытаясь сбить температуру. Вскоре с него пот лил градом. Задыхаясь, он передал полотенце папе Боре. Они поочерёдно сменяли друг друга.

Вернулась Татьяна и сообщила, что “скорая” не может приехать, машины стоят без бензина, раньше утра ничего не обещают.

— Раньше утра!.. — возмутился дядя Слава. — С ума они сошли, что ли?! До утра дожить надо...

Он опять натёр Толика водкой, и опять поочерёдно с папой Борей они орудовали над ним полотенцем.

Явилась сонная медсестра, дежурившая в медпункте.

— Инфекцию парень подхватил... Антибиотик нужен! — крикнул ей дядя Слава.

— Нету, доктор, — пролепетала она.

— Ни хрена у вас нету! Тогда на кой чёрт вы здесь нужны?!

Медсестра помолчала и робко посоветовала обратиться в санаторий, что за забором через дорогу.

— У них должно быть, — сказала она. — И врач всегда дежурит. Только мы с ними не дружим. Вам самому нужно идти. Вы, как врач с врачом, договоритесь...

— А если и у них нет? — усомнился папа Боря.

— Должно быть, — упрямо повторила медсестра.

— Нужно рискнуть, — решил дядя Слава. — Может, повезёт. На наше счастье.

— Ты представляешь, сколько времени будешь ходить? — спросил папа Боря. — От проходной до проходной километра два. Не меньше... Туда и обратно, считай, четыре... Если напрямую попробовать?... Через забор...

Он скептическим взглядом окинул далеко не спортивную фигуру врача.

— Через забор — это сколько?

— Метров пятьсот.

— Рванули, — не раздумывая, приказал дядя Слава. — Ты меня подстрахуешь...

Он передал полотенце медсестре и распорядился обмахивать Толика, не останавливаясь ни на секунду. И этот уже грузнеющий меланхолик, сроду не перепрыгнувший через две ступеньки, всегда ходивший размеренным шагом, устремился к забору с такой прытью, что папа Боря едва за ним поспевал.

Они перемахнули забор и через минуту очутились в главном корпусе санатория. Разыскали дежурившую женщину-врача. Дядя Слава перевёл дух и объяснил, что им надо. Да, сказала врач санатория, у них есть такой препарат, но осталась только одна упаковка, она бережёт её на крайний случай, в Скадовске такое лекарство не достать. Толик — это и есть крайний случай! Самый крайний... Дядя Слава клятвенно заверил, что, вернувшись в Москву, вышлет сразу две упаковки в обмен на две ампулы. На том и договорились.

Назад они устремились тем же путём. Но теперь с преодолением забора случилась загвоздка. Доктор не рассчитал своих возможностей. Он вскарабкался по железным прутьям с помощью папы Бори и зацепился штаниной широких шорт за металлический наконечник. Висит на нём беспомощно, размахивает руками, как большая птица крыльями.

— Ну, чего рот разинул? Тяни меня, — понукнул он папу Борю.

Раздался треск рвущейся материи.

— Конец шортам, — сказал папа Боря.

— Плевать!.. — доктор ошупал карман. — Главное, ампулы целы... Скорее, скорее...

Толик тяжело дышал, когда они вернулись. Тело его пылало огнём. Губы пересохли.

— Веник, — прошептал он одними губами. — Веник не забудьте...

— Молчи, — приказал дядя Слава. — Молчи... И потерпи... Сейчас я тебя уколою — и всё будет в порядке...

— Веник...

Дядя Слава сделал Толику укол. Он всё порывался куда-то бежать.

Воспитатели не отходили от постели мальчика. Местная медсестра тут же маячила.

Толик уснул. Вскоре температура стала спадать.

— Это хорошо, — устало сказал дядя Слава. — То, что ему требуется.

— Господи, помоги, — перекрестилась мама Люба.

— Всё будет хорошо, — повторил дядя Слава. — Идите спать. Завтра отъезд... Вернее, уже сегодня... Трудный предстоит день... Ступайте, а я подежурю...

Женщины разошлись. Папа Боря остался с дядей Славой.

— Пойдём покурим, — предложил доктор.

— Ты же не куришь... — удивился папа Боря.

— Не курю, — хмурясь, ответил дядя Слава. — Но теперь надо... Пошли... хватит трепаться...

Они вышли в коридор. Распахнули окно. И лишь теперь услышали, как в южной звёздной ночи распевают, резвясь, цикады. Молча закурили.

— Слушай, а чего это мы ломанули через забор? — спросил папа Боря. — Шорты твои угробили... Могли бы по-людски... По дороге.

Дядя Слава покачал головой.

— Понимаешь, счёт шёл на минуты, — сказал он. — И даже меньше... Не дай Бог, у мальчишки начались бы судороги... Температура уже предельная была... Страшно подумать, чем могло кончиться... Потеряли бы пацана...

Папа Боря глубоко и нервно затаился, только теперь осознав, из какой опасной ситуации они только что выкарабкались. А рваные шорты — это же сущий пустяк.

— Выходит, ты его почти с того света вытащил, — сказал он.

Врач не ответил. Он становился тем меланхоликом, каким его обычно привыкли видеть.

— А чего он про какой-то веник лопотал? — вспомнил папа Боря. — Бредил, что ли?

— Не знаю. Возможно... — пожал плечами дядя Слава.

Утром перед завтраком дядя Слава сделал Толику второй укол. Температура у него снизилась. До тридцати восьми. Ну, это же не сорок с гаком. Все ушли в столовую, пообещав принести ему завтрак в палату.

Возвращаемся, а Толика нет как нет. Ещё сюрприз! Пора грузиться в автобус, ехать к поезду на Херсонский вокзал, а Толика и след простыл. Туда, сюда — словно испарился. Воспитатели не знают, что и думать, куда бежать, где его искать?

Мама Люба нервничает. Папа Боря психует. Дядя Слава клянёт себя, что оставил больного мальчика без присмотра.

И тут он объявляется, виновник переполоха. Собственной персоной. На лице довольная улыбка, а в руках — веник.

Обыкновенный веник, которым метут полы. Правда, новый. Южный. Пышный. Добротный.

— Это ещё что такое? — изумилась мама Люба.

— Веник, — простодушно ответил Толик. А мама Люба не врубается:

— Вижу, что веник... Зачем он тебе сейчас?

— Я его с собой возьму, — сказал Толик.

— Как с собой?! Для чего? — никак не может взять в толк мама Люба.

— Маме повезу, — сказал Толик.

Ещё новость! Он повезёт веник маме!.. Из Скадовска в Москву! Что за фантазия?! Мама Люба растерялась, не знает, как реагировать, что сказать. И папа Боря не знает. И дядя Слава. Стоят, переглядываются. Может, Толик действительно бредит?

— Маме? — переспросил дядя Слава. — Зачем он ей?

Вопрос — глупее не придумаешь, да? Впрочем, Толик горазд кого угодно загнать в тупик своими вывертами.

— Как зачем? — удивился он, не ожидавший от доктора такого дурацкого вопроса. — Пол подметать. Я подарю ей веник, она будет пол мести. И каждый раз обо мне вспоминать.

Дядя Слава, поражённый таким разумным ответом, больше ни о чём не спрашивал.

— Да откуда у тебя этот веник, горе ты моё?! — в сердцах воскликнула мама Люба.

— Клавдия Семёновна дала...

— Я схожу на склад, выясню, — вполголоса произнёс папа Боря. — Не хватало ещё, чтобы он слямзил этот злосчастный веник. Будем расхлёбывать кашу напоследок...

Но идти никуда не понадобилось. Клавдия Семёновна сама явилась, чтобы проводить нас.

— Он не брешет, — весело объявила дородная хохлушка, обняв Толика. — Цэ я ему дала... Выпросив... Для мамы... Ну, колы так, нехай везэ маме...

Толик сел в автобус, не выпуская веника из рук. И в поезде с ним не расставался.

Он был ещё очень слаб, его сморило и клонило в сон. Мама Люба постелила ему на нижней полке, уложила, укрыла одеялом, и он тут же утух. Толик спал, крепко прижимая к щеке веник. И улыбался во сне.

Наверно, ему снилась мама.

Конечно, ему снилась мама. Кто же ещё может сниться парнишке, который едет к самому дорогому на свете человеку и везёт в подарок роскошный, позванивающий, словно маленькими колокольчиками, густыми сухими ветками веник, честно выпрошенный у лагерного завхоза. Только мама и может сниться.

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ

БЕРЕЗНИЦКИЕ БРЁХНИ

*... не важно, кто предписывает нации законы,
а важно, кто пишет для неё песни...*

...ПРО ТО, КАК ПИСАЛИСЬ БРЁХНИ

С написанием всех этих историй никаких трудностей, считай, не было... Надо было только соблюдать основное правило — никакой отсебятины! И держать постоянно в голове слова великого Микеланджело: “Как я делаю великие творения? Да очень просто: беру камень и убираю всё лишнее...” И тут эта задача упрощалась до минимума: во всех этих историях, что называется, ни прибавить, ни убавить...

ПРО... ПРО

Наилучшая противоракетная оборона (ПРО) — у нас, у русских, — это смех... Попробуйте, нападите на нас, а мы вас на смех подыдем...

ИСАЕВ Валерий Николаевич родился в 1941 году в Ленинграде. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. Доктор медицинских наук, действительный член Академии медико-технических наук. Работал по профилю в Рубцовске (Алтай) и в Москве. Автор 12 книг прозы и 6 поэтических сборников. Среди них «Огонь плящий», «Первый и последний», «На краю». Лауреат премии Александра Невского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ПРО ТАНКОВЫЙ РОВ

А знаешь, почему так люди называют место по дороге на Рыльск сразу за Висклями по левую руку от шляха, чуть не доходя до Белой Горы? А вот почему. Когда-то на этом самом месте стояли сады. Много садов... И на каждой яблоне яблоки были величиной с улей... Падали они, естественно, когда вызревали. И там, где падали, в земле делались глубокие трещины — не выдерживала земля... Трескалась под их тяжестью. А следом за ними ручьи, подземные воды делали своё дело: размывали те трещины в распадки, а потом в глубокие балки, а потом и в заросшие лозой овраги с крутыми высокими обрывами... Там в последнюю войну наши солдатики танки свои прятали. Надёжно они там укрывались от вражеского дозора... Давно это было. Как раз тогда, когда природа с людьми была ещё заодно...

ПРО ЩЕДРОСТЬ

Тётя Клава приезжала в Рыльск к Ищенковой Марии. Сын-то их, Валерка, сделался доктором. Лечит народ... Хвалят его люди. Внимательный, говорят, способный... Жизнь людям спасает... Ничего не боится. Смерть в глаза душой называет... Тётя Клава тоже приехала к нему подлечиться... Не знаю точно, от чего, — врать не буду. Подлечилась... Порадовалась и собралась в обратную дорогу, назад, к себе в Бежецк... А как собралась, давай совать Валерке денежки — ну, в благодарность... Она такая — не может не отблагодарить... Ну, а по нынешним временам одними деньгами и можно благодарить... Всё, чем раньше рассчитывались люди друг с другом — про всё про то теперь забудь, то прахом пошло... Никому не стали нужны ни поцелуи на прощание, ни цветочки, ни поллитровки... Всё то кануло в Лету... Теперь одно — деньги...

Валерка брать деньги не стал. Обиделся даже... И она не настояла... Уехала... Он её проводил до самого Курска... Ехали молчком. Она ни слова, Валерка тоже... Вот что деньги с людьми делают. Родня ведь, а стали между ними деньги эти проклятые, и на тебе — молчком сидят рядышком. Друг друга стесняются, что между ними ТАКОЕ могло выйти...

Ну, проводил он её... Пожелал не болеть больше... Она обещала ему... Села в свой поезд и уехала в Бежецк, а он обратно — в Рыльск тем же днём... Веришь, нет — и месяца не прошло, приходит Валерке посылка — он сам потом рассказывал: еде, говорит, допёр её до дома — такая тяжёлая... Раскрыл — а там картошка! Каждая картофелина завёрнута в газету "Правда", каждая вымыта заботливыми руками тёти Клавы. Ну, и письмо с незнамо какими словами благодарности. Писала, что не настолько богата, чтобы... ну, и так далее, а вот что смогла, то собрала и посылает от всего сердца... Примите, пишет, не откажите хоть на этот раз, потому что от всего сердца...

ПРО ЛЮБОВЬ

— Дедушка, а что это бабушка меня так часто хворостиной била, когда я был маленьким... За что? Как сейчас помню — гоняет меня посередь двора. Губы, как сейчас вижу, выговаривают какие-то слова, рука с хворостиной — как будто бы она при ней всегда была, даже во сне, на верное. Почему?

— Да потому, внучек, что страсть как она любила тебя... Сам посуди — пошёл ты на речку без спросу. Мест не знаешь... А ну как закрутит тебя омут или в траве запутаешься — не таких вязала по рукам, по ногам наша тихая на первый взгляд речка. А сом — тот может утащить, и не охнешь... Они у нас все как один с телегу длиной — не меньше. Или в лесу запутаешься, собьёшься с дороги. Сам знаешь, наши леса глубокие, тёмные, непро-

лазные... Это только с опушки они такие приветливые да улыбочивые... А соблазнишься — заманят в такие дебри — не выберешься, и перепутают у тебя прямо на глазах север с югом, восток с западом, — поди потом, разбейся, где что...

А чтоб ещё жалче тебе было себя, высыпет лес под ноги грибов — сроду такого нигде не увидишь... А он как на нервах играет — сыпет и сыпет их тебе под ноги... Всё, чтоб довести человека до отчаяния... Вот, дескать, тебе грибы. А зачем они тебе, если пришло время с жизнью прощаться?! О-о-х... Или в лесу *козюлю* встретишь — что с тобой будет? Что с ней будет? Она ведь просто так не отпустит... Да всё, что хочешь, может случиться. Не дай-то Бог... Кого ей тогда любить, за кем, сердечной, ухаживать, кого холить, кого делять? А без любви в наших краях, сам знаешь, люди подолгу не живут... Это когда-то внуков было в каждом дворе по десятку. А теперь ты у неё единственный — ну, как тебя не бить? Бьёт — значит, любит...

ПРО РАЙКУ ПЫКУ

Про нашу дурочку в деревне. Ну, ты знаешь нашу Райку Пыку... Так вот, эта Райка такое тут отчебучила — хоть за голову берись и так ходи... Ну, сам посуди. Случился тут у Мишки Ляхова пожар... Да главное — ночью. Они, пожары эти, ты скажи, всегда, как я заметил, самое неудобное время выбирают. Нет, чтобы по видному, при свете, на солнышке. Так нет... Обязательно им надо, чтобы в потёмках, чтобы люди переполошились, чтоб не знали, куда им кидаться, что делать. Так и тут. Еле успели выскочить из хаты, кто в чём был... Повыскакивали через окна и давай криком кричать: “Помогите, люди добрые! Помогите! Ратуйте! Ратуйте нас!” Да... А дом-то на Крючковщине стоял, у самой воды. Вот и получилось, как два пожара: один тут, на берегу польхает, а другой, ну, ничуть не меньше, — в речке, отражение, значит, на воде. Который на берегу — огонь до самого неба, а тот, в речке, аж по самому дну скребёт.

Ну, кинулись люди выручать Ляховых. Давай к речке бегать да черпать воду, да поливать неужённое пламя кто из чего: из вёдер, из трёхлитровых банок из-под огурцов, а Жактоновы — те *балию* припёрли и в двух таскали воду, чтоб поболо было... Но огонь такой сильный был, что ливанут они воду из своей *балии*, — а вода, смотрим, вода — ты слышишь? — вода загорается! Слыханное ли дело, чтоб вода горела. А тут *на* тебе — горит, как свежевыгнанный самогон, как первач... Словом, не сразу заметили за той паникой, что Райка Пыка тоже взялась тушить, да только свой пожар, — ну, тот, который в речке был, в отражении... Сам понимаешь, *ума-то палата*... Люди на берегу делом заняты, а Райка — та тоже при деле, каждый свой пожар тушит... Люди набирают воды во что попало и к горящему дому, а Райка набирает воду да бегом — с одного места речки да в другое льёт. Погасили, правда, одновременно... И на берегу погасло, и в речке тоже, — только дымок ввинчивался в тёмную густую воду, да сильно стало пахнуть гарью — что на берегу, что от воды.

Ну, погасили и погасили... Как-никак, сразу два пожара. Как ни крути, большое дело сделали — пора и по домам, досыпать, попритомились же люди. И Райка тоже затихла, тоже ж устала... Сидит себе на берегу. Отдыхает. Каждый сделал своё дело. Кто о ком вспомнил тогда в ту ночь — то ли люди про дурочку, то ли она про них, — этого не помню, а только помню: люди стоят напротив неё и говорят: “Всё, Раечка, пошли-ка, милая, по домам... Хватит. Потрудилась и ты... Молодец...” А она подняла лицо — а по нему слёзы текут. А сама молчком руки к ним протягивает... Веришь — нет, а все руки в волдырях, в ожогах поделались... Страшно смотреть. Я дак не так пожар с той ночи запомнил, как эти Райкины обожжённые руки...

Помолчали. “Вот, внучок, и смотри, — дура дурой, а чужую беду ближе всех к себе подпустила...”

ПРО ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

— Ты ж, внучок, смотри, пойдёшь на речку — знай: между Ближним и Дальним Ровцом лучше не купайся, а будешь купаться, имей в виду — там на дне, сразу за обрывом, откуда голавли выворачивают на мелкое место, — там самый настоящий трактор лежит на дне и до сих пор, если хорошо прислушаться, работает, тарахтит себе вот уж, почитай, полвека... Во какие движки раньше делали. Ещё бы — ведь на каждой детали тот, кто делал её, оставлял свою фамилию. Так им товарищ Сталин велел, чтоб, если что, было с кого спросить строго. Люди тогда к власти прислушивались — так и делали, как она им велела, не увиливали... А уж сколько лет прошло! Так и работает до сих пор, прямо в воде. Наши ныряли — ну, чтобы выключить — жалко же: столько керосина за эти годы перевели — сам подсчитай. Да что-то не получилось... Не могут выключить его никак. Да... Так ты имей в виду, что он там, на дне, под обрывом как раз. На этом месте ещё ветла стоит, печалится. Так что шибко глубоко не нырай, а то наткнёшься...

— А чего это его туда занесло, дедушка?

— Ну, дело было так. Конечно, ждали трактор очень. Наконец, дождался. Славку Вербина послали в МТС, приехал он на новеньком, на первом в нашей деревне тракторе — красивом таком, пахучем... То ли он, Славка, перенервничал — ещё бы! столько народу собралось поглядеть на трактор... То ли ещё что... Не знаю. Да только ехал он, ехал по Плетеньку, может, намеревался тормознуть у самого края кручи — ведь любитель покрасоваться... А когда надо было трактору остановиться, наверное, всё-таки занервничал Славка, такая ответственность всё-таки, запутался он ногами, не смог нажать на нужный рычаг — не нашёлся он в тот ответственный момент... Еле успел — слава Богу — сам выскочить, не поранился даже, только весь мокрый стоял — то ли потому, что из воды высигнул, то ли от расстройства так сильно плакал — ещё бы, страсть такая! А может, и со стыда — на глазах у всей деревни случилась такая беда.

Он же, когда ехал, героем себя чувствовал — глаза блестели не хуже самого начищенного по такому случаю бескучного трактора... Да, вот нескладёха вышла. Обидно, праздника, конечно, не получилось. Какой уж тут праздник... Тут тюрмой запахло. Ну, а трактор так и пошёл винтом под откос, только его и видели... Глубина в том месте — сам знаешь, большая.

Доставать не стали, да и не достали бы всё равно: надо было б для этого другой такой трактор, а кто ж нам его даст после того, что случилось. Да и по слухам — бабы ж всё про всё знают! — откуда только? Но только говорили, будто он и был один на всю Россию. Он работает там и по сей день. Вербин же не успел выключить мотор — не о том в последний момент думал, конечно. Жить-то любому хочется. Прислушайся — не смотри, что глубина страшная, — всё равно слышно, как он там тарахтит, принохайся — от воды керосином пахнет...

О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Как-то бабушка твоя Варя прихворнула. Послала меня с узелком в поле на ток — Николаю пообедать отнести. Я и пошёл. Ещё издали вижу: трактор так ровненько пашет — заглядение одно. Да лемеха на солнце слепят — от сильной работы блестят, как стеклянные сделались, — всё в себе отражают. Даже меня с узелком. А когда трактор к самому краю поля подкатил, тут-то я и вижу: что-то не так... А он это раз, развернулся, выпустил дым и давай назад — новую борозду ладить... Только я его и видел... Потахтел себе дальше! Но я всё ж-таки успел разглядеть — дверца на развороте отворилась так широко, что стала видна вся кабина, как есть... Верить — нет, а там... ни-ко-го... Вот-те раз, думаю. Как же это так? Сроду про такое не слышал, а уж видеть такое — первый раз в своей жизни вижу... Вот он, тот самый случай, когда, как говорится, глазам своим не верю... Стал я Кольку искать. Вижу — лежит он на боку недалече и храпит во всю мочь...

А я по первости думал, что это трактор. Подхожу. Смотрю. Лежит. Пригнулся, понюхал — водкой пахнет... Ах, ты, думаю, сукин сын! Как работать, пахать — так вместе, а как пить, так порознь. Несправедливо!.. И решил так: вот тебе — и скрутил перед спящим Колькиным носом дулю. Развернулся и понёс узелок с обедом тому, кто его заслужил. Благо, трактор уже с другого конца поля вертелся... Я к нему, а он ко мне заторопился, как чувствовал, наверное, что время обедать подошло...

ПРО ЖИГУЛИНА НЕБОХОДА

Лёнька Жигулин, слышь, чего придумал... Надоело, говорит, ему до города добираться абы как... Раньше, бывало, и машина остановится, и телега, на волах добирались, на катере тоже... Всяко-разно. Сейчас совсем другое дело. Никто не остановится, не подвезёт. Промчится мимо, ещё и дулю влед покажет, расхохочется... Даже в оккупацию немцы — и те останавливались. Другое дело, что везли потом уж сразу на расстрел... Но ведь останавливались же! А эти нет. Себе на уме...

Ну, и устроил им Лёнька состязание умов: решил соорудить воздушный шар, чтоб ни от кого впредь не зависеть. Всю зиму овечьи шкуры вымачивал, истончал, дубил, сушил, на вальках утюжил... Всех овечек своих перевёл на святое дело. Ещё парочку у бабки Христи прикупил — своих не хватило. К весне, в аккурат когда дороги установились и народ потянулся к городу, к базару, объявился и Лёнька. По запаху узнали про то, что он ещё цел, жив и очень даже здоров, потому что сквозь щели в плетне видно было, как он с утра и до позднего вечера с ведром носился от свинарника к распростёртому посереде двора своему будущему дирижаблю... Это он воздух из свинарника носил и заправлял им воздушный шар... Оказывается, воздух особенный нужен был. Обыкновенный наш, которым мы все дышим, для этих целей не годится — не тянет вверх. А вот из свинарника — тот совсем другое дело. Ведь всякое г..., ну, вы понимаете... норовит всегда наверх, на самый верх... изо всех своих силёнок и как можно скорее.

На это и был сделан расчёт. Дирижабль потихонечку подымался — сначала над колодой, потом над хижкой, потом уже и над сараем, над грушею, а груша у них столетняя — под самое небо. Вот в один из базарных дней люди и увидели Лёньку Жигулина, да не где-нибудь, а в небе... Он, как и все, торопился на базар. Но только на свой манер — по воздуху. И с той своей высоты он чувствовал явное превосходство над теми, кто медленно (“вот бедолаги!”) пробирался в том же направлении — к городу, к базару, — и в глубине души он даже сочувствовал им. Они там, на дорогах, которые с высоты птичьего полёта выглядели как ручейки, стекающиеся к одной точке — Рыльску, а он — над ними, высоко в небе.

А вот и базарная площадь, памятник великому земляку нашему Шелихову... В голове у него пронеслось шальное: “Когда-нибудь и мне благодарные соотечественники... за беспримерные полёты на воздушном шаре...” Но тут же эти высокие мысли вышибло из его головы, потому что он на самом деле ударился всем телом — тормозов-то нет! — об Ивано-Рыльскую гору, последнее препятствие на его победоносном пути, который им был просчитан и предусмотрен, казался, до мелочей. Вот ведь уже и базар — как на ладони, люди головы позадирали — любуются на него... А тут вот эта горюшка, — как он посчитал, а никакая и не гора даже — так себе... Он её и в расчёт-то не брал — подумаешь! А как выяснилось потом — напрасно...

Ему в тот момент показалось даже, что она встала перед ним на цыпочки, когда он приблизился к ней. Ведь видел же, что пролетает над её вершиной с большим запасом... Но случилось то, что случилось, и не время было разбираться в причинах столь ощутимого удара, полученного им от горы. Мало того, Ивано-Рыльская вдруг заговорила с ним человеческим голосом — строгим и наставляющим: “Как же это ты, Лёня, посмел обойти меня? Чи не знал ты наших верхотурных законов и порядков? Ведь у нас тут — не как на грешной земле. Здесь всё, как ты теперь видишь, по-друго-

му. Тут прежде чем шаг сделать, не семь раз надо отмерять, прежде чем отрезать, как говорится, а десять раз по семь... Как же это ты, милоч, опростоловолился?”

Тем временем Лёнька неуклюже сполз с горы к её основанию. И оказавшись после такого страшного и отрезвляющего удара у её подножья, он вдруг почувствовал, что всё как бы встало на свои места, а в мире восстановился нарушенный было им — нет, конечно, не преднамеренно, не нарочно, не со зла, а просто так, из любопытства, — прежний, существовавший до его дерзкого полёта порядок. Всё встало на свои места, вошло в своё привычное русло, одним словом, всё наладилось. Да, а домой Лёнька возвращался уже пешком — как все.

ПРО БИЦУРУ... ИРОДА

Внучок, а помнишь ли ты? Да хотя как ты можешь помнить... Тебя тогда и на свете-то не было... Но хатку этих Бицуриных ты должен помнить — по дороге к Тарахову болоту, недалеко от селюка как раз. Да, ты про то, конечно, не знаешь... ну, так знай: Бицура был во время последней войны полицаем... И не просто там в штабе бумажки перекладывал. Не-е-ет, казнил да мучил. Вот так. *Ирод*, одним словом...

Так вот, этот самый *Ирод* драпанул с немцами, когда наши наступать стали. С ними и подался в неизвестные края — прятаться от людей, от справедливого возмездия. Уж про него и забывать у нас стали... А тут вдруг письмо приходит аж из самой Америки. Ты только представь себе! И пишет этот самый *Бицура-Ирод* на наш березницкий адрес — ты скажи, помнит, не забыл... а прошло больше чем полвека, считай... Так вот, пишет, дескать, годы мои преклонные, заела тоска по родным местам... Во всём, что натворил я в своё время, разумеется, раскаиваюсь, а то как же... Ну и, в общем, просится к нам в деревню назад, в Березники. Объясняет, как соскучился по родным местам, как из-за того страдает, и умоляет разрешить ему вернуться домой на любых условиях. Хоть на штык... Да только разрешите перед смертью на родную нашу деревню хоть одним глазом посмотреть. Полюбоваться... Ну, а там, дескать, что хотите, то и делайте со мной.

Письмо получилось длинное. Залитое слезами. Видно, что когда писал — горько плакал... Пошло то письмо его по рукам. Наши мужики читают внимательно, видят и то, что между строк написано. Ухмыляются в своей крайней задумчивости. И Мишка Ляхов, и Колька, и Трофим Палыч, и Пилюгин, и Вербин, и Нехрюка, и оба Жахтановых.

Когда вернулось письмо снова к тому, кто пустил его по рукам, помолчали ещё и как-то, не сговариваясь, ясно поняли все вместе и каждый по отдельности, что сейчас надо будет сделать что-то плохое, даже очень плохое, может быть, даже самое что ни на есть плохое... Оно, то плохое, прямо-таки стояло в глазах и у Мишки Ляхова, и у Кольки, и у Трофим Палыча, и у Пилюгина, и у Вербина, и у Нехрюки, и у обоих Жахтановых.

Ещё и ещё раз помолчали, а потом я и говорю мужикам, а сам не верю своим ушам, что это я сказал. Губы-то знаешь что выговаривают? А вот они что выговаривают: "...А как же это мы, мужики, человека встретим на пустом месте? Хата его давным-давно в землю ушла. То ли от стыда за него, то ли по другой какой причине... Нету хаты... Ну, и как же мы ему в глаза-то посмотрим? Русские же люди... Что скажут про нас, а? Надо бы..."

И тут отчётливо понимаю, что сам против себя иду, а сделать с собой ничего не могу... Так и сказал, веришь — нет: "Берусь хату ему новую возвести, коли поможете..." И смотрю на попритихших мужиков... Веришь, нет, Мишка Ляхов говорит, и тоже сам себя не узнает... А я, говорит, берусь сарай ему поставить... "А я, — из своего угла прорычал Нехрюка, и тоже сам себя не узнаёт, — не можем, значит, мы, русские люди, по-другому, что ли, или как? — плетень, говорит, поставлю", и тоже ёжится... Не может, как и все мы, решиться на что-нибудь плохое... Лучше уж сделать хорошее, а там будь что будет. Ну, в самом деле — не с плохого же начинать.

Как-то не по-нашему, не по-православному... Хотя плохое в этом случае просто напрашивается само собой... Но поди ж ты, никогда не отвечу, наверное, ни я, ни наши мужики, на этот вопрос: из чего такого мы, березницкие, сделаны, из какого такого теста слеплены, что в таких делах сами себя пересилить не можем. А надо бы... Ох, как надо бы! Ведь этот самый Бицура... Да страшно даже говорить... А тут Колька голос подаёт: “Надо бы встретить человека, в город поехать. Человек в преклонных летах. Ну, чтоб всё по-людски было, как следует, а не абы как... Не каждый день такие гости к нам...”

Расходились молчком. В глаза друг друга не глядели — боялись... А чего было глядеть, когда и так оно было всё про всё ясно...

Всю ночь Нехрюка точил топоры да пилы, на другом конце деревни Мишка Ляхов брёвна катал по двору — выбирал самые лучшие, не лежалые...

А на следующий день с самого утра почтальонша телеграмму из города привезла. Прочитали. Узнали, что не повезло нам... Бицура скончался прямо в воздухе над Берлином... О чём нам своевременно и сообщали, потому что нашли, видно, в его одеже наш березницкий адрес. Опечалились было мужики. Приготовились к работе, а тут такое — приказал долго жить... Погоревали недолго... Потому что решили, что Бог отвёл... Неизвестно, как бы всё оно сложилось тут... И Бицуре посособствовал, ну, и нам хлопот поубавил, — на то и Бог! А погоревав, сели, конечно, писать ответную телеграмму, а как же: “Берлин, рейхсканцелярия... Бицуре...” Дескать, соболезнуем... Очень даже опечалены вашим таким известием, ну, и всё такое, что в таких случаях нормальные люди пишут... Подписались с какой-то нескрываемой печалью все: и Мишка Ляхов, и Колька Лизы Трофим Палыча, и Пилюгин, и Вербин, и Нехрюка, и оба Жахтановых.

ПРО ЗВОНАРИХУ

Пудьянов сам мне рассказывал, как подъехал к Белой Горе, к Танковому рву, как раз там, где Синайка наша знаменитая, ну, где гора — не гора, а закиданная землёй выше крестов с куполами церковь стоит по сию пору... Её когда-то, когда все наши церкви рушили, люди, говорят, за одну ночь засыпали землёй, чтоб не отдать лютым врагам... А сверху над ней поставили другую церковку — поскромнее. Для отвода глаз. Та и приняла на себя удар... С тех пор и стоит она: окна повыбиты, двери посорваны, под сводами бывших приделов сквозняки гуляют.

Ну, так вот, подъезжает это он, рассказывает, к этой самой церкви-брошенке. Всё как всегда вроде, а вроде и не как всегда. Задумался — что-то тут не так. Лошадь остановил, чтоб лучше оглядеться. Да, действительно, — всё как всегда, а только колокола... гудут. Вначале один серьбзый такой — буммм. А следом россыпь других, смешливых — *дзень, дзень, передззень...* И опять — буммм... И опять — *дзень...* “С чего бы это, думаю себе?” — говорит. Вчера ещё тут проезжал — ничего такого не слышно было, не видно. А тут на тебе! Поднял глаза на заброшенную церковку — точно, оттуда. В просвете звонницы девушка стоит в белых длинных одеждах. Головка прибранная, аккуратненькая, как у голубки, волосы сзади из-под гребешка стекают с плеч золотыми ручьями прямо в Сейм. В руках поводя от послушных колоколов держит. Дёрнет за один — буммм получается, подёрнет за другие — выходит *дзень-дзень-передзень...* Вся округа заполняется теми глосами. Плывут они по чистому, не замутнённому ничем воздуху далеко-далеко — аж до самых Капустичей, наверное, а то и дальше. Залюбовался я дивчиной... А тут ещё в голове промелькнуло: “Раз молодая такая да пригожая... чего ж я тут стою?” По церкви той с самого детства лазали, все ходы по ней вверх-вниз, вниз-вверх знаю. С закрытыми глазами могу пролезть... Мигом взлетел на звонницу — а на продуваемой со всех сторон площадочке — никого. Только колокола как гудели — так и гудут: буммм-буммм-дзень-дзень-передзень. Я ещё поискал её по углам, под потолок звонницы долго глядел. Ничего не выглядел... Верить, нет, — испугался я. Давай ско-

ренько вниз, той же дорожкой, как горошина, скатился по ступенькам из красного выщербленного кирпича. И сразу же глядь наверх, — а она как стояла там и дёргала за верёвочки послушных своих коней, так и стоит, так и подёргивает их — то один, то другой. Вся как есть такая, как была. Волосы развеваются и ручейками в Сейм переливаются. Платье белое — глаза слепит... И со спины даже видно, что улыбается она мне, что я ей не просто так, что ей совсем не всё равно, что я тут рядом с ней мучаюсь в догадках. Через плечико заглядывается на меня, подмигивает...

Знаешь, не стал я тогда там ни в чём разбираться — страшно мне стало, сделалось не по себе, оторопь меня взяла. Кинулся я к своей повозке и тикать оттуда. А вслед мне колокола: один — буммм, и все остальные *дзень... дзень... передзень...* До самого города ни разу не обернулся, хватило мне этих перезвонов. До сих пор в ушах стоят. А сердце — щемит почему-то, когда про всё про то вспомню...

ПРО НАРОДНОГО ЦЕЛИТЕЛЯ

Считай, половина березницких теперь — армяне. Беженцы. Во всём прекривливают наших — во всём хотят, чтоб как у нас было... И у наших соседей армян завелась корова. И дня не порадовались они... Чем-то не тем покормили. На глазах прямо пухнуть стала. Раздувается. Сделалась, как шар. Вот-вот взлетит. А корову жалко.

Собрался народ вокруг неё, думают, маракуют. Что-то ж надо с ней делать... А в коровьих несчастных глазах жизнь уже умирает. Вот-вот погаснет совсем. А тут Колька Лизы Трофим Пальча на своём тракторе притахтел. Моментом оценил опытным глазом обстановку. Разгрёб стоявших в нерешительности людей. Не спеша, по-деловому стал привязывать к ошейнику трос от своего трактора. Растворил ворота. И давай потихонечку трогать с места. Пострадавшая еле-еле первый шаг сделала. Прямо отрывается от земли. А бока так и пухнут, так и пухнут прямо на глазах у всех. Затаился народ. Бабы ладошками полуоткрытые рты поприкрыли. Что-то сейчас будет? Замерли и выдавшие виды мужики, затаились крепким табачком и разом выдохнули. Ни коровы, ни Кольки, ни армян не стало видно. Только слышно, из того дыма трактор тарыхтит. Тарыхтел, тарыхтел и выволок за собой корову уже на дорогу со двора. Та еле ногами перебирает и всё в небо норовит — туда и поглядывает. Потом дело веселее пошло. Вот уже до дома Славки Вербина дошли, потом за церковь, в Плетенёк, в луговину спустились под горку. Тут уже и трактор, и корова порезвее сделались — да как стали нарезать круги по Плетеньку. Один за другим, и всё быстрее и быстрее... Корова едва поспекает за трактором. А Колька нет-нет да и прикрикнет на несчастную: “Давай, милая, давай, выздоравливай...” После третьего круга поднялся над Плетеньком грохот — аисты из гнёзд на столбах поулетали. А когда летели прочь, всё оглядывались. Оно и впрямь страшно сделалось — так грохотало. То ли это трактор так расходился, то ли это от коровы шёл такой грохот... Гром за громом. Круг за кругом... Смотрим — корова-то по-другому стала выглядеть: бока опали, в глазах жизнь появилась. Бегаёт за трактором, а иной раз так и впереди даже.

А потом Колька давал советы армянам, как и чем кормить животину, чтоб она в небеса раньше времени не заглядывалась, чтобы такого больше не повторилось. Но трактор не выключил, и отсюда не слышно было, что именно говорил он им, — трактор всё забивал своим грохотом. Да так ли уж это важно теперь, когда корова на глазах у всех выздоровела...

ПРО СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ ИКОНЫ КУРСКОЙ КОРЕННОЙ

Стропицкие и кольчичеевские, даже осоловские — и те все похваляют, что это, дескать, у них в деревнях нашлась Курская Коренная... Брешут... Никого, внучок, не слушай. И заруби себе на носу — это у нас, в Бе-

резниках, она нашлась... Я сам видел, можно сказать, сам нашёл её. А знаешь — как? Я тебе сейчас всё расскажу. Всё по правде, всё как есть... чтоб ты никого больше не слушал...

А дело было так. Церкву нашу, знаешь, ну, что над Плетеньком стоит. Издали как будто висит она в воздухе... Я, бывало, как кресты её увижу, когда из города иду, — считай, уже дома. Так вот, в этой церкви нашей чего только не было... А последние полвека клуб там размещался. Сколько ж *полечек* да *падыспаней* там люди понатанцевали! Знали бы они... Э-э-эх! И уничтоженная, она продолжала всё-таки делать доброе дело... Вот ведь даже когда клубом стала — собирала же людей под своими сводами, сколько народу перезнакомила... Потом какие крепкие семьи получились! У нас в Березниках ведь ни одного развода не было и нет до сих пор... А какие разные времена пережили. И ведь все вместе. Все гуртом. Все вокруг неё. Вся наша жизнь вертелась вокруг неё...

Вот и ты, может быть, благодаря ей на свет появился... Папка с мамкой твои тут, в церкви-клубе и познакомились: или когда *падыспань* танцевали, или когда кино смотрели в потёмках. А я вот ещё что подумал... Может, поэтому Господь не стал наказывать нас как следует, даже когда тут кино крутили с передвижки?

Передвижка часто привозила к нам в деревню это самое кино. Ну, и кино ж было это кино! Части путали короба, одно и то же показывали по несколько раз, потому что кинщики позволяли себе — понемножку, правда, но выпивать во время показа.

Ну, да ладно... Я не про то. Я совсем про другое, про серьёзное... Так вот, даже когда мы пялились на это самое кино, мы же всё это время в какую сторону смотрели? Спроси меня. А смотрели мы всё это время, оказывается, в самую нужную сторону — в сторону алтаря, куда все настоящие верующие и глядят, когда в храм приходят. Может, это как раз нас и спасло... Пусть так, нерядухой, а глядели-то мы всё это время в нужную, святую, Божью сторону... Получается даже, что мы с него, с Боженьки, и глаз не сводили... Поскольку кино приезжало к нам еженедельно, а то и по несколько раз в неделю, получается, что, сама того не ведая, безбожная власть не давала нам до конца порвать с церковью, с нашей православной верою. А та, в свою очередь, добром ответила — подарила нам светлый образ иконы Божьей Матери — да, да, той самой, Курской Коренной!

А как вышло? Когда церковь сама позвала нас к себе, уже после расстрела Белого Дома в Москве, когда море крови пролилось невинной... Тогда все порушенные церкви позвали к себе под свои своды погрязших во грехе людей — надо ж было где-то каяться и замаливать их, грехи-то. Мы же все той кровью, как мирром, теперь помазаны... Так вот, и наша церковь ни с того ни с сего вдруг с раннего утра взяла да и распахнула двери! Позвала нас. А никто и не открывал их! Говорят, когда присмотрелись, у амбарного навесного замка, что висел на дверях, порвалась дужка... Не ключом, стало быть, была отперта, а какой-то иной силой... Верить — нет... А только народ пошёл, повалил народ в церковь, не стал дожидаться особого приглашения... Не стовариваясь, не рассуждая... И млад, и стар. Как в былые добрые времена... Ну, ладно... Затеяли ремонт — надо ж, чтоб всё путём было. А как залезли на чердак, так сразу и увидели её там... Большая икона... в человеческий рост, лежит лицом вниз. Когда подняли с того конца, где голова, — а там лик Богородицы, Курской Коренной... Верить — нет, а только вся Она была в слезах... А ведь замечали же раньше люди, что-то неладное в клубе было. Вдруг ни с того ни с сего в самый разгар веселья — с потолка будто роса падала... Не один про то рассказывал: "Да так сильно... Аж пятно делалось на потолке мокрое"... С чего бы оно капало, а? Нет, танцевали себе дальше. Столько лет проплакать — это ж сколько скорби надо было в груди держать, обиды на людей, на нас, на каменных! Сколько ж это надо было иметь терпения... Сколько раз на дню в течение почти полувека приходилось ей прощать нас, безумных, творивших не знаю что... Да, ясное дело, все тогда как в угаре каком были. Ну, теперь вся надежда на Неё... Бог нас и исправит, раз Она позвала людей к себе... значит, опять — может, уже в последний раз — но простит Он нас. И поможет спастись нам...

ПРО ВЫШИВАЛЬЩИЦУ

Это дядька Петя из Корнева рассказывал... Говорю, говорит, Нюське, своей жене: “Нюсь, ко двору лошадь с санями подогнали. Собирайся, навоз будем на огороды возить из коровника...” Зачем-то Нюська пошла в сенцы, что-то там стала искать. Да наткнулась на оставленное ею в день свадьбы шитьё на пяльцах. Так, как будто час назад она его оставила, девкой ещё... И иголка ещё с ниткой — мулине, правда, уже выцветшей, — будто только что воткнута. А ведь столько лет после свадьбы прошло — не сосчитать... Потянулись её руки к шитью, взяла она те пяльцы, заулыбалась. Сама потом рассказывала Петьке: захотелось ей прерванное свадьбой дело продолжить... Иголку взяла было в руки, а пальцы-то не слушаются... Ещё раз спробовала. Не тут-то было... Вышла с пяльцами из сеней да к Петьке — мужу своему... “Ты что же, говорит, сукин сын, *жисточку мою забельшил*... Ты смотри, что ты со мной сделал...”. И в нос Петьке шитьё-то тычет... “А ведь я лучше всех вышивала в деревне... А теперь... Смотри, паразит проклятый...”. И опустила на пол, и заплакала горькими слезами...

Петька такого снести не мог — подходит, осторожноенько кладёт ей руку на плечо... А она ему: “Хотела, мол, продолжить шитьё, пустила руки с иголкой по старому, ещё тому — девичьему — следу... А ничего у меня не получается... Захотелось, как раньше было... А руки-то огрубели от работы... Пальцы не слушаются...”. Нынешняя жизнь, стало быть, не пускает её в ту — прежнюю, молодую — колею, не отпускает, препятствует... Сидит она, плачет, обливается горячими слезами...

Лошадь всхрапнула за окном... Петька слова успокоительные Нюське своей: “Не расстраивайся, Нюсенька, дорогая моя... Лом, считай, та же иголка... Ну, малость побольше только... А так... Почитай то же самое... Так что пойдём, поработаем, повышиваем с тобой вместе... ломом. И себе в удовольствие, и людям на радость... Ты будешь отламывать... А я — носить. Не плачь... Пошли. Кобыла заждалась... Пора...”.

ПРО ЧУДО-ЛЕКАРСТВО

Валентин Пилгогин неделю, наверное, ходил и всё за сердце держался. Жаловался, что сильно болит в груди... Щемит, саднит, мучает... Крепко ему, видно, досталось, раз поехал он в город, в Рыльск, в больницу — делать-то нечего... А сейчас добираться — сам знаешь как: машины не останавливаются, катер отменили — денег ни у кого не стало, невыгодно... Да и несколько раз подряд грабили перевозчиков, отнимали сумки с дневной выручкой... Одного чуть не убили... Автобус раз в неделю ходит всё по той же причине — нету денег у народа. Сроду такого не было. Вот и приходится теперь на своих двоих... Ну, добрался кое-как... Побывал у врача... Она ещё ему возьми да скажи: “С вашим сердцем вам надо почаще у врача бывать...”. Она что — издевается? Это как же я могу с больным сердцем десять километров пешком — чаще-то! Вообще помру по дороге...

Ну, да речь не о том... Выписала она Пилгогину лекарство с каким-то длинным-преддлинным названием. Таким длинным, что запомнить его невозможно... Приходит Пилгогин в аптеку... Сердце, говорит, точно помню, пока стоял в очереди, ещё болело... Отстоял очередь, подошёл к окошечку, просовываю туда рецепт... Она тыкала, тыкала пальцем в кнопки кассы и говорит — с вас...

Ну, тут я не стану даже повторять её слова, чтобы не обидеть односельчан, у которых, как и у меня, никогда в этой жизни не будет таких денег... Да... Но, как говорится, рядом с печалью всегда ходит чуть не под ручку радость — так уж устроено в жизни... Вдруг я чувствую, как боль моя в груди пропадает куда-то, растворяется, исчезает. И вот уже её и совсем не стало... Думаю, вот это лекарство!.. От одного упоминания о нём всё проходит... Во как помогает... Купить, конечно, его я не смог! А вот записать название попросил у аптекарши на отдельном листочке... Как же — ведь точно так же

с сердцем маются у нас, почитай, полдеревни: и бабка Христя, и Пудьяновы, и оба Жахтановы... Оно ж, наверное, любому пригодится, раз такой силой обладает. Пусть идут в город, пусть тоже себе спрашивают... Глядишь, и у них боли пройдут... как вот у меня прошли... От одного названия...

ПРО ФОТОГРАФИЮ

А вот что я знаю сам про своего дедушку Трофима.

...Застолье по случаю празднования дня Победы (тогда её ещё называли *великой*) начиналось как будто нехотя — осторожненько: часто извинялись, говорили сперва тихо, а то и вовсе шепотком. Дедушка на правах хозяина дома произносил тосты в честь дорогих гостей. Потом застолье становилось всё громче и громче, как будто гости выбирались из каких-то своих *тайников*. Кобель, скрытый в конуре нестругаными досками, изредка повизгивал на чей-нибудь незнакомый голос. Потом кричали песни. Почти не извинялись. К вечеру от комаров перебрались в хату.

И вот тогда-то, в большой комнате, при свете керосиновой лампы на просьбу: “Ну, теперь покажи, Троша”, — дед показывал своим фронтovým друзьям заветную фотографию, которую хранил он рядом с сердцем в нагрудном кармане гимнастёрки, застёгнутом всегда на маленькую потёртую металлическую пуговку с еле заметной звёздочкой. Доставал дед реликвию медленно, чтобы не дай-то Бог что с ней случилось.

И вот она появлялась на свет, завёрнутая в выцветшую за столько лет тряпицу. Дед дрожащими пальцами разворачивал её не торопясь, значительно. Гости подсаживались поближе к деду. Разговоры стихали. Отставив далеко от глаз руку с фотографией или, вернее сказать, тем, что от неё осталось, первым долго всматривался в этот выгоревший лоскуток бумаги дедушка. На любовавшись на драгоценное фото, он бережно передавал его сидевшему рядом взволнованному однополчанину, приговаривая: “Ну, ты помнишь, вот здесь, — и он осторожно касался почти чистого листка подрагивающим пальцем, — сидел тогда я, вот тут — он, наш генерал, брат мой Никита, а вот тут, — указывал он на другой край бумажки, сильно потёртой, словно вылинявшей от времени, — тут поллитровка стояла...” Тот, кто держал листок, согласно кивал и так же бережно передавал реликвию нетерпеливо ожидавшему своей очереди соседу.

Наверное, потому, что друзья были настоящие, понимали они друг друга особенно хорошо — так, как сейчас если и бывает, то крайне редко или вообще не бывает... Они брали вычищенный временем листок выцветшей фотобумаги, давно растерявший и изображение генерала, и самого Троши, и поллитровки той фронтовой; глядели они на него так, как будто вглядываясь в свою прошлую жизнь и... затахали, и смахивал кто-нибудь скучную мужскую слезу. И шла та фотография по рукам, по крестьянским изработанным рукам, давно уже и не фотография, а живая память о Великой Победе, о последних днях той треклятой войны.

ПРО ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЁТАМИ

Пашинных Славка далеко пошёл... Аж в самый космос головой упёрся... Был тут Пашин-старший у него в гостях, в Москве... Тот его напрямик в Центр управления полётами проводил... Он потом сам рассказывал... Пришли, говорит, туда, на меня ноль внимания — все как один в потолок глядят, туда — в космос... Понятно — там интересней, там космические корабли... Я ж не дурак, я всё понимаю... Что им на меня пялиться — на землянина, когда там, в космосе, инопланетян пруд пруди — есть на кого поглядеть, не то что... Кругом экраны... Насчитал штук сто... Сбился со счёту... Небедно живут, рассуждаю себе, денёжки у них водятся... Слышу — голос на весь зал: “Витязь, а Витязь, как слышите меня?”. Тот с корабля отвечает, что, дескать, слышу-то хорошо, а вот с правым двигате-

лем — проблемы... А этот ему: “Ну, так на то есть левый...” А *Витязь* ему: “Да и левый отказал тоже...”. Помолчали оба... Думают, соображают... Этот *Витязю* тогда и говорит: “А катапульта на что?”. И, похоже, сердится как-то всё больше и больше... “Так ведь и катапульта тоже...” — отвечает тот... Этот ему: “Тогда слушайте меня внимательно, *Витязь*, и запоминайте... Нет, лучше повторяйте за мной...”. И начал: “Отче наш, иже еси на небесех...”. Ты понял?... Чем прикрылся... Там у них всё шифруется, всё кодируется до мелочей... Чтоб таким, как я, ничего было не понять, что там у них происходит... Да я и так ничего не понял... Ма-асте-ра-а! Разведка...

ПРО НОВОСЁЛОВ

Муж и жена Герберы поначалу сильно обрадовались, что в хате, которую они купили в Березниках, всё как было на своих местах до выезда хозяев, так и осталось. Разве ж это плохо? Заходи и живи... недорого... И ложки, и вилки, и постели застланные... И ковры прикроватные с лебедями... Тут Гербер, когда увидел лебедей, умилился. “Примитивы”, — сказал про себя. Ну, стал это он по-хозяйски, заложив руки за спину, прохаживаться по двору. Заглянул в коровник... стал прикидывать: “Тут бар будет”. Заглянул на сеновал: “Тут гостей принимать станем... А что?...” Зашёл в ясли, где овечки когда-то стояли: “Тут туалет суперсовременный соорудим...” Пошёл в хату, подошёл к фотографиям бывших хозяев и их многочисленной родни, стал рассматривать — и остолбенел: на фотографиях люди закрыли глаза, зажмурились все как один... Гербер даже головой затряс — не померещилось ли?... Нет. Не померещилось...

От всего этого захотелось ему на воздух... Пошёл было вон из хаты... И запас между матицей и его головой вроде большой был. Да и пригнулся вроде — так, на всякий случай. А всё-таки саданулся головой о матицу — в голове зашумело, перед глазами темно сделалось... Пришлось опуститься прямо на пол — дух перевести... А Герберша тем временем нашла отхожее место за сараем под грушей, и только это она присела... как стали груши падать ей на голову... Не закончив дела своего, выбежала она во двор. Стоит посереде двора — недоумеваает... А потом в хату кинулась за объяснениями к Герберу — мужу своему... Не могла не заметить, что как только вбежала в дом, икона, которая висела в углу под чистенькой кисеей, повернулась к ней спиной: кипарисовая доска, согнутые временем шпонки... Не стала она радоваться тем достоинствам старинной иконы, кинулась было к печке — приманили её стоявшие там прислонённые к стенке емки на длинных ручках, кочерги, чапельники... Взялась открывать печь, заслонку на загнетке отодвинула в сторонку... Полезла емками внутрь — в самую душу, как говорится... Только не захотела печь душу свою перед чужим человеком открывать: сколько ни старалась Герберша сдвинуть чугунок — он стоял насмерть. Чугунок одержал-таки над ней победу... Не получилось ей заглянуть в душу русской печи... Кинула раздражённо емки на палати... Побежала скорей к мужу. Видит — тот лежит на полу, руку приподнял, будто от кого защищается. Переглянувшись, сразу же и решили: шут с ними, с деньгами... С этим домиком в деревне... Живыми бы остаться. И что интересно: ворота, которые поначалу так и не смогли они открыть (зашли через калитку, а так хотелось именно через ворота, да на белом коне...), так вот, они перед ними сами раскрылись, распахнулись настезь... Уходили — даже не оглянулись ни разу... Я теперь понимаю, почему брошенные русские деревни наши пустуют... В них духи прежних хозяев по сей день обитают, ждут свою трудовую смену, достойных преемников их натруженных судеб... А таких — чтоб работать, как они работали, — теперь на всю Россию если и сыщется, ну, два, ну, три, ну, четыре человека... А они всё равно ждут, надеются. А смена, как всегда... задерживается, запаздывает.

ОЛЬГА КОЧНОВА

МОЙ ГОЛОС
ВПЛЁЛСЯ В ПТИЧЬИ ГОЛОСА...

РЫБИНСКОЕ МОРЕ

Не объять необъятное горе,
Не поднять, что упало на дно.
Над погостами плещется море,
Серым илом дома замело.

Всё сложнее не думать о прошлом,
Я ведь — часть тех загубленных мест.
И не зря на ветру так тревожно
Над водою качается лес.

И не зря, наклонясь, колокольня
Смотрит в омут за дальним мыском.
Но плывут лишь туманы из поймы,
Волны с жёлтым играют песком.

Да старух деревенские лица
Так похожи на лики икон.
Силы нет ни проклясть, ни молиться
Под глухой колокольный звон.

КОЧНОВА Ольга Владимировна родилась в Твери в 1979 году. Член Союза писателей России (2009), автор книги "Танцуй на осколках", учится в Литературном институте имени А. М. Горького. Публикуется в "Нашем современнике" впервые.

* * *

Ночи белы, закаты алы,
скалы вереском поросли.
Мне и жизни, наверно, мало
позабыть эту часть земли.

Этот край, где громады елей
опрокинуты в озерца.
Край, где мох белоснежно-белый
и лесам не видать конца.

В перекатах речушки горной
слышу северный говорок.
Ты прости мне характер вздорный
и пусти к себе на порог.

Где-то счастье моё сторожко
прописалось в твоих лесах
вкусом спелой, как мёд, морошки,
криком ястреба в небесах.

* * *

Ты не услышишь, не скажу: взгляни
хоть напоследок ласковее прочих.
Увидишь сам: горят в траве огни —
вот светляки! — причуда белой ночи.

Услышишь сам: далёкая гроза
подкралась к дому, требует расплаты.
Мой голос вплёлся в птичьи голоса,
звенит прохладой в дебрях дикой мяты.

Над колыбелью тихой и святой
к чужому сыну, прямо к изголовью
сны призывает. Ну, а ты, чужой,
неволю так же путаешь с любовью?

И так же не простил? На судный день
я принесу — что в памяти хранила:
вот эту запылённую сирень,
тетрадный лист — поющие чернила,
гул сосен бронзовых, приветливую тень
и то, что мне казалось — я забыла.

* * *

Не запрячешь её между строк —
знобкой осени злую усмешку.
Видишь — в наледи тонкой порог?
Видишь — стай перелётную спешку?

Частой дробью по стёклам звеня,
долгих ливней затянет простуда.
Не смотри так светло на меня —
я давно не способна на чудо.

Я давно не хочу от земли
улетать в листопадную пору.
Вот и руки на плечи легли,
словно ищут вслепую опору.

Словно первый в груди холодок —
не предвестие будущей стужи.
На корабль похожий листок
то ль по небу плывет, то ль по луже.

ЕЛИЗАВЕТА МАРТЫНОВА

А ЖИЗНЬ МОЯ ПРОЗРАЧНА И СВЕТЛА

* * *

Сорок птиц из-за моря на крыльях весну принесут,
Донесут — и рассыплют по снежным слепым перелескам.
И откликнется птицам несмелый подснежник в лесу.
И от робкого ветра качнётся в окне занавеска.

Звёзды станут крупнее, и мысли тревожней мои.
Я боюсь потерять тебя. Зимняя память тускнеет.
Выцветают черты и слова неумелой любви,
Но апрельское небо прозрачней ещё и яснее.

Так на ветках лежит оно, словно вот-вот улетит.
Сорок птиц поднимают его над землёю.
Я сама остаюсь на высоком и узком пути.
Над проталиной тихой — подснежник дрожит синевой.

От хохлатки лиловой, от чуткой фиалки лесной,
От протяжных туманов и дымки зелёных озимых —
Веет хрупкой любовью, непереносимой весной,
Разве только на крыльях и переносимой.

МАРТЫНОВА *Елизавета Сергеевна* родилась в Саратове в 1978 году. Окончила Саратовский госуниверситет. Кандидат филологических наук. Главный редактор журнала "Волга. XXI век". Автор книг "Письмо другу" (2001), "На окраине века" (2006). Лауреат премии Ю. П. Кузнецова (2008). Слушательница семинара А. Казинцева и С. Куняева на Форуме молодых писателей в Липках. Живет в Саратове.

* * *

Я вышла в сад, где ливень пел отвесный,
Где облик потеряли в темноте
Жасминный куст и смутный свод небесный,
И от меня осталась только тень —

Для тех, кто на меня смотрел из дома,
Кто пел и плакал, а потом забыл.
Касаются горячие ладони
Дождя, как бы неписаной судьбы.

О если б знать, что в будущем случится
И кто меня погубит — враг ли, друг...
Моя душа, похожая на птицу,
Не знает час, в который я умру.

Я вышла в сад, где белый куст жасмина
Не ведает о смерти и любви,
Но шелестит певуче так и дивно:
Забудь, прости. Живи, живи, живи...

* * *

Падают яблоки в старом саду.
Заперто небо грозой отдалённой.
В прорези света — лишь луч опалённый,
Но по нему до тебя я дойду.

Страха не станет, хотя мне темно
По сторонам оглянуться у дома.
Неповторимо, легко и знакомо
Светит сквозь листья живое окно.

В старом саду голубеет листва
Перед рассветом, как перед свечами.
Счастье, которое выбрали сами, —
Яблоки слов, золотые слова.

* * *

Словно в пальцах растаявший снег,
День вчерашний и смутный уходит,
И деревья в сиреновом сне
Мокрым сквером легко хороводят,

И в асфальтовом зеркале вновь
Отражаются звёзды и люди.
День прошёл. И почти всё равно
Мне, что было. Но важно, что будет.

Город льётся по стёклам дождём,
Огоньки с темнотою мешают.
Что мне делать? и вспомнить о чём?
Сердце тает и оживает.

Словно в пальцах растаявший снег,
Жизнь сквозь память течёт, не смущаясь,
И со мной обновлённой прощаясь,
Влажным ветром касается век...

* * *

В седой степи туманный огонёк
Цветёт, цветёт, ещё не облетает.
Как близок он, как всё-таки далёк —
Никто его не помнит и не знает.

Не человек ли это заплутал,
Костром от темноты отгородился,
Когда ему открылась высота
Ночной звезды, и тихий свет явился?

В седой степи, как будто на краю
Земли и нерастраченного неба,
Он снова вспоминает жизнь свою,
Отогревает призрачную небыль.

Всё, всё, что было, что произошло,
Что превратилось в память золотую,
Теперь костром огромным расцвело
И, кажется, рассыпалось впустую.

Но каждой искрой, каждым огоньком
Припав к земле осенней терпеливой,
Жизнь новая становится цветком —
И светит неразумно и счастливо.

* * *

Неверный воздух марта — это ты.
Твои глаза — прозрачные цветы.
Живёшь, плывёшь, как облако в реке,
Поёшь на непонятном языке
И за руку ведёшь меня всегда
Сквозь все года, сквозь прошлые года.
Давай уйдём от взрослости своей
Туда, где спят созвездья фонарей.
Где красный свет рябины на снегу.
Где я тебе ни разу не солгу, —
А жизнь моя, прозрачна и светла,
Не ведает ни горести, ни зла.

ОЛЕГ СОЧАЛИН

ПЛАТОК

РАССКАЗ

Снег валил всю ночь. Лишь под утро снегопад стих, и только едва заметные снежинки ещё медленно кружили, словно выбирая место, где бы поудобнее прилечь. Холодало.

Людмила Степановна стояла у окна и смотрела в светлеющее небо, будто искала там ответ на какой-то очень важный для себя вопрос. Нечаянно она увидела своё отражение в оконном стекле, и ей на секунду показалось, что снег непостижимым образом проник через стекло в её квартиру, припорошил ей волосы, плечи, попал на ресницы и, растаяв, затуманил её глаза. Поёжившись от холода и кутаясь в белый пуховый платок, Людмила Степановна подошла к плите и зажгла газ. Ярко-голубые язычки пламени громко зашипели, радуясь свободе...

“К обеду совсем распогодится, и вылет разрешат. Сегодня Игорёк точно будет прыгать. Господи, спаси и сохрани. Два раза уже вылет отменяли, вот бы и сегодня... Нет, сегодня наверняка полетят”, — думала Людмила Степановна, глядя на огонь. С тех пор как её единственный сын Игорь стал испытателем парашютных систем, для Людмилы Степановны не было хорошей или плохой погоды, была только нелётная и лётная.

Первый прыжок Игорь совершил ещё в армии, и он никогда не забудет тот день. Не забудет, как каменело его тело, кружилась голова, и замирало сердце перед шагом из самолёта в пустоту. Несколько секунд свободного па-

СОЧАЛИН Олег Игоревич родился в 1986 году в Московской области. Окончил Российскую экономическую академию имени Г.В. Плеханова и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького (семинар А.В. Воронцова). Играл в футбольной команде «Красная Пресня». Живет в посёлке Кубинка Московской области.

дения, тугой ветер, бьющий в лицо, резкий рывок раскрывающегося парашюта, динамический удар... Ему больше не хотелось ходить по земле, он понял, что может быть счастлив только в воздухе, в честном поединке один на один со стихией...

Матери, конечно, не нравилась профессия сына, но она уважала его выбор и препятствовать не стала, лишь взяла с него обещание, которое Игорь теперь собирался нарушить.

Всё началось со смерти Ивана Григорьевича, деда Игоря по отцовской линии. Поминки прошли тихо. Пришли только самые близкие друзья и родственники. Отец Игоря, Александр Иванович, изрядно выпив, пошёл на лестничную площадку покурить. Мать попросила Игоря за ним присмотреть, и он вышел влед за отцом.

— А-а-а... Сынок! — Александр Иванович расплылся в улыбке. Ему хотелось сказать сыну что-то тёплое, ободряющее, просто поговорить по душам, но он не находил слов.

— Да-а-а... Игорёк. Вот так вот... — после долгой паузы начал Александр Иванович и снова замолчал. Игорь лишь улыбнулся.

— Хороший мужик был Иван Григорич. Добрый... Он и тебе жизнь, кстати, спас...

— Что?

Александр Иванович обрадовался, что заинтересовал сына, и продолжил:

— Ты только на мать не сердчай и вида не показывай, что знаешь. Я тебе так, по секрету. Она ведь тебя чуть в роддоме не оставила.

— Да быть не может! Мать не могла так...

— Игорёха, в жизни и не такое может быть. Ты молодой ещё. И мать не вини. Она одна рожала. Я тогда в командировке в Казахстане был. Роды у ней затяжные были. И родился ты больным каким-то. Температура высокая несколько дней держалась. Никто не мог понять, что с тобой. Все врачи на тебе крест поставили. Мать убеждали, что ты не жилец, она и поверила. Хорошо, что дед вовремя об этом узнал. Он тогда в роддом пришёл и сказал: “Я уже всем рассказал, что у меня внук родился! Я уже имя ему придумал — Игорь! Никому его не отдам! Выздоровеет. Никуда не денется”. А скоро у тебя и правда температура спала.

Игорь молча смотрел на отца и не хотел верить его словам. “Неужели я мог никогда не увидеть неба? Неужели мать могла лишиться меня жизни, едва мне её подарив?”

Войдя в квартиру, Игорь хотел сразу с порога спросить у матери, правду ли ему рассказал отец. Мать подняла на него заплаканные глаза. За последние несколько дней она заметно постарела. Мамочка, его любимая мамочка, всегда такая заботливая и ласковая, вдруг стала для Игоря чужой некрасивой старухой.

На следующее утро отец не помнил их разговор, а Игорь так и не смог забыть. Как теперь вести себя с матерью? Как можно теперь её обнять и ласково назвать мамочкой? Она не должна была сомневаться! Должна была верить в лучшее, верить, чтобы спасти его, Игоря, как верил дед! Она сдалась! В ней не было веры. Если бы не дед...

Как теперь разговаривать с матерью? Она же сразу почувствует: что-то не так.

Игорь стоял в ванной перед зеркалом и, рассматривая своё отражение, пытался найти сходство с матерью, чтобы как-то зацепиться за это внешнее сходство и нащупать хоть какую-то связь между ними, вновь почувствовать родство, почувствовать прежнюю любовь к ней, прежнюю нежность. Умывшись, он взглянул на часы и торопливо начал бриться. Почти закончив, Игорь вдруг сделал резкое движение и порезался.

— Чёрт! — из ранки на щеке потекла кровь.

Порывшись в кармане, Игорь достал платок, но вместо того, чтобы приложить его к лицу, начал его рассматривать, словно удивляясь, как этот предмет оказался в его кармане. Он как будто впервые видел этот кусочек белой ткани, обрамлённый каймой из золотистых ниток. Игорь машинально начал читать буквы, вышитые матерью на платке.

*Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится.
Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище моё,
Бог мой, и уповаю на Него.
Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна...*

Игорь всегда прерывался на этом месте и никогда не дочитывал молитву до конца, считая язык, на котором она написана, слишком сложным. Он даже не знал слов, которыми молитва заканчивалась. Этот платок подарила ему мать и взяла с сына обещание всегда класть его в карман лётной куртки или брюк.

— Мне больше не нужна твоя забота!

Через час Игорь был на аэродроме. Платок, подаренный матерью, с вышитыми словами молитвы “Живые помощи”, запачканный пятнышками крови, лежал в корзине для грязного белья.

Игорь шёл привычной дорогой по липовой аллее от проходной к аэродрому. Он знал, что деревья, провожавшие его, были посажены ещё первыми лётчиками-испытателями. Он знал об этом, но никогда не замечал, как красивы эти деревья. Воротник его лётной куртки неприятно натирал шею. Игорь пытался сосчитать, сколько же раз он проходил вдоль этих деревьев. А сколько раз ему ещё предстоит их увидеть? И придётся ли ему их увидеть ещё хоть раз? Подобные мысли недопустимы перед прыжком, но сегодня Игорь ничего не мог с собой поделать...

В жизни парашютиста-испытателя сомнения опасны, но человек — это всего лишь человек, он не может не сомневаться. Рано или поздно он задаёт себе вопрос: “Зачем я? Почему всё так, а не иначе?”

...Испытание парашюта из экспериментальной ткани было для Игоря впервые. Из-за погодных условий прыжок уже два раза откладывался. Отсрочки обычно раздражали Игоря, но теперь, к своему удивлению, он был им рад. Он побаивался испытывать этот парашют, как будто что-то предчувствовал.

Опытный врач на обязательном перед прыжком медосмотре сразу заметил во взгляде Игоря какую-то растерянность. Но все объективные показатели (давление, пульс, температура) у Игоря были в норме, и врач обязан был разрешить прыжок.

— Может быть, есть какие-то жалобы?

— Нет.

— Точно?

— Точнее не бывает, док.

Больше врач ничего не мог сказать. Игорь никогда ни на что не жаловался. Не имел такой привычки. Да и на что жаловаться? На то, что никак не может забыть дедовы поминки? Не может забыть разговор с отцом на лётничной площадке? Бред! Об этом не говорят вслух.

Выходя из кабинета доктора, Игорь уже был внешне спокоен.

После каждого прыжка он бежал к телефону: “Мама! Мамочка! Не волнуйся, родная! У меня всё хорошо!”

Зачем теперь звонить?

Игорь сидел в самолёте, думал о матери. Спокойный голос руководителя полёта вернул его в реальность.

— Игорёк, ты поаккуратней. Сегодня болтанка сильная.

— Справлюсь, Михалыч!

Самолёт набрал заданную высоту. Прыжок с восьмисот метров, что может быть проще? Он много раз выполнял подобные прыжки. Ни одного синяка, ни одной царапинки. Всегда чёткое приземление. Разве сегодня может быть иначе?

Лётчик взял курс по наземным ориентирам. Точная, заданная скорость, высота. Никаких отклонений от задания.

Игорь шагнул в бездну. Он попал в штопор.

Игорь оставался хладнокровен. Он даже был рад, что попал в штопор. Он хотел себя испытать. Он хотел доказать себе, что, несмотря ни на что, остаётся настоящим испытателем, мужчиной...

Игорь свернулся в комок, подогнул ноги, прижал к телу руки. Вращение ускорилося. Игорь резко выпрямился, разбросал руки в стороны. Ему удалось перевернуться лицом вниз и распластаться. Наконец он вышел из штопора.

Довольный собой, он дёрнул кольцо, но не почувствовал резкого рывка раскрывающегося парашюта. Что? Что случилось?

Это неправильно! Этого не может быть! Разве может что-то случиться с ним? Как же так? Ведь ему только двадцать пять...

Обледенелый бетон взлётной полосы неумолимо приближался. Ещё чуть-чуть — и всё.

Вдруг в памяти Игоря прорезались слова:

"И сохрани мя от всякого зла..." Откуда они? Откуда он их знает?

Мама!

Внезапно Игорь почувствовал резкий рывок раскрывающегося парашюта. Но было уже поздно. До земли слишком близко. Парашют уже не спасёт. Смягчит падение, но недостаточно.

Игорь зажмурился. Но в темноте внутреннего взгляда явилась мать. Она скинула со своих плеч белый пуховый платок и бросила ему как спасительную подушку. Игорь упал на материн платок...

Игорь лежал на огромном снежном отвале, который образовался за те несколько месяцев, что уборочная машина чистила взлётную полосу. Мигая красным огоньком, к нему спешила "скорая". Игорь, лёжа в снегу, пытался понять — цел ли позвоночник. Вдруг он почувствовал резкую боль в правом бедре. Такую сладкую и приятную боль, означающую только одно — он жив, он будет жить.

Игорь уже не увидел огоньков спешащей к нему "скорой", теряя сознание, он лишь успел подумать: "Мама! Мамочка! Не волнуйся, родная! У меня всё хорошо!"

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

ОХРАННАЯ НЕБЕСНАЯ ИЗБА...

* * *

Собирался казак на войну,
Взяв с собой лишь икону одну,
На иконе — Святой Николай:
"Святой Отче, победу подай!"

Собирался казак на войну,
Жаль покинуть младую жену:
"Евдакеюшка, лада моя,
Ты пред волей преграда моя!.."

Если что-то мой прадед-казак
Позамыслил, знать, быть тому так.
Воля вольная вдаль позовёт,
И казак вслед за волей пойдёт.

С той поры, помня деда, живу,
Чтя казачий завет наяву:
Коль в миру заскучал, как в плену, —
Собирайся, казак, на войну!

СЕЙДАМЕТОВА Карина родилась в 1984 году. Автор поэтического сборника "Поэтизм". Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: журнале "Сура" (Пенза), "Дон" (Ростов-на-Дону), "Невский альманах" (СПб), "ВЕЛИКОРОССЬ" и др. Студентка Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Живёт в Самарской области.

* * *

Москве всегда к лицу весна,
Заздравные фанфары мая.
Москва-красавица! Она
Парад Победы принимает.
Лучисто каждое крыльцо.
Вокруг сиянье, будто солнце
Расцеловало всех в лицо
И в каждом светится оконце.
Здесь можно смело у Кремля
Считать столетья по брусчатке.
Здесь древняя моя земля
Хранит эпохи отпечатки.
Гвоздики вешние горят
Весёлым пламенем пунцовым.
И каждый, выстроившись в ряд,
Победным солнцем расцелован.

* * *

Сочельник. Ночь. Крещение.
За всё прошу прощения!

И, окунаясь в Иордань,
Верну Христу святую дань.
И ночь младенчески-чутка
В морозно-тихих облаках,
И водосвятый глубина
В соборный свет погружена,

Когда смиренный луч звезды
Крещает темноту воды...

* * *

Пахло сдобой и корицей...
Непокорнейшим, нам с тобой
Нужно всё ж перестать браниться,
Помириться и покориться
Перед Господом и судьбой.

Ведь на Пасху нельзя иначе:
Ради грешных воскрес Христос.
Почему ты украдкой плачешь? —
Не стыдись богоданных слёз!

Но услышь с колокольни: мерный
Золотой разлитый звук...
С расстоянья звонарь, наверное,
Видит лучше, кому кто — друг.

Знает звонница — знает, Боже,
Трудно вымолить грешных нас,
Но молитва пропасть не может,
Потому и взывает всё же
За острожных глупцов подчас.

И тогда (от ночной ли службы?)
Мы заварим в гостиной чай
И отведаем сдобу дружбы
От пасхального кулича.

* * *

Микрорайоны накипью сильны.
Затрёп-многоэтажек голытьба...
Когда ж сойдёт вся накипь со страны
Той, чья душа — надмирная изба!

Вселенная во взоре у Христа,
Во взгляде человека — Дух святой
И горенка старинная чиста,
Омытая колодезной водой.

Столичного гуляку не проймёт:
И в глиняном кувшине с молоком
Он видит просто молоко; а мёд
Не разделяет с рыночным лотком...

Но солнце теплотой лучей-ресниц
С цветка перелетает на цветок
И прячет шмель в соцветьях медуниц
Пыльцою запылённый хоботок...

Душа Руси — небесная изба.
Не растеряй исконный свой уклад.
Не на авось надеемся — на лад,
От городской хандры нас всех избавь.
Охранная небесная изба...

СЕРГЕЙ БУДАРИН

СЕРДЦЕ С ПРИРОДОЙ В ЛАДУ...

* * *

Сердце вспорхнуло в груди,
Память услышав родную.
Как на параде, дожди
Дробь отбивают шальную.

Плащ лучезарных небес
Утро наденет на кроны.
И всем деревьям окрест
Звёзды слетят на погоны.

Яркой зарёй в облаках
Лес заалет широкий.
Тополь в туманных лугах
Держит дозор одинокий.

Словно солдат, начеку,
Старшего видя по званью,
Руку приложит к виску,
Честь отдавая сиянью.

БУДАРИН Сергей Сергеевич родился в 1990 году в Новокуйбышевске. Студент Самарского государственного технического университета. Руководитель поэтического студенческого клуба. Стихи пишет с 11 лет. Лауреат поэтической номинации регионального конкурса "Мы рождены для вдохновенья-2011".

Сердце с природой в ладу,
Крылья в груди расправляет,
В звонкую мчит высоту,
Отчий простор прославляет.

* * *

День лучезарный певуч.
Катится с неба волною.
Тёплый пульсирует луч
Яркой игристой весною.

По небу ходит волна
Русского доброго света.
Плещет о стёкла окна
Райская музыка эта.

Утром журчащим проснусь —
Музыкой неба согретым.
В день ключевой окунусь
В горнице, залитой светом.

* * *

Утро в небесных лугах
Стадо барашков пасёт.
Зорька в багряных шелках
За руку солнце ведёт.

Уши развесил лопух.
Музыка в небе парит.
Утро, весёлый пастух
В рог золочёный трубит.

Тихо ворота скрипят.
С криком летят журавли.
Утренним светом сквозят
Церкви в багряной дали.

Полночь... В небесных мирах
Стадо барашков плывёт.
С прядью седой на висках
Месяц по небу идёт.

Сник под забором лопух.
Глухо, как пьяница, спит.
Полночь, печальный пастух
В рог золотой не трубит.

Тихо ворота скрипят.
С неба ушли журавли.
Светом вселенским горят
Церкви в небесной дали.

* * *

Ива в осеннем дворе
Тихим задумчивым днём,
Словно свеча в алтаре,
Вспыхнула жёлтым огнём.

Ветер метёт по земле
Воск шелестящей листвы.
Плещут в заоблачной мгле
Лебеди свет-синева.

Осень, молитву шепча
Перед иконой небес,
Светится, словно свеча
В предошущеньи чудес.

* * *

Свечку горючей луны
Ночь запалила во мраке.
Тропкою из глубины
Стелется отсвет в овраге.

Этот кочующий свет
Жизнь и судьбу предвещает —
Чистый небесный рассвет
Свечкой во мраке встречает.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВ

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

* * *

На столе твоём сирень, а в глазах остатки яда,
У тебя немая тень, говорящей мне не надо,
Пусть себе встаёт рассвет, лишь ему к лицу беспечность,
Может, он мне даст ответ, почему не вечна вечность.

А на вытертом полу не осталось больше лака,
Затаился ты в углу, взвыла во дворе собака...
Нет ужаснее конца, чем понять, что ты бессмертен.
Побледнела тень с лица, прошептала: "Верьте, верьте..."
И ушла.

ВАЛЬС

Праздник закончился, танец последний
Мы прокружим от креста до креста
Вальсом в траве до ограды до медной,
Вон она, рядом, за ней — пустота.
Нежно прижав к себе лёгкое тело,
Я — сумасшедший — кружу среди ветвей.
Времени много. Какое мне дело,
Что за оградой нет больше людей?
Праздник закончился, танец — не хочет,
Я одержим, ты устала совсем.

*ПАВЛОВ Алексей родился в 1983 году, живёт в Москве, работает фотохудожником.
В "Нашем современном" опубликовался в молодёжном номере — № 3 за 2005 год.*

Кружимся мы посреди серой ночи,
Спеть бы, но я безъязычен и нем.
Танец продолжится, что бы ни стало,
Праздник закончен мгновенье назад...
Вижу, как ты безнадежно устала,
Но перед нами — наш призрачный сад...

* * *

Безумие в твоих глазах
Мне выдаёт тебя с концами.
И никому не нужный страх
Разлился кровью под губами.

Почти такая же, как я,
Ты — сумасшедшая, подруга.
И карма нервная твоя —
Струна, натянутая туго.

Увы, лишь снится нам покой.
За рамами он обитает,
Но через этот холст живой
Он в жизнь твою не проникает.

Он спит всегда, и с высоты
Нечеловеческого роста
Душа твоя глядит, а ты
Забылась в танце... Как всё просто.

ЧУМА

*Когда могучая зима,
как гордый вождь, ведёт сама
на нас косматые дружины
своих сугробов и снегов,
навстречу ей трещат каминь...*

А. С. Пушкин

И снова топчут кремль дружины
Ветров, сугробов и снегов,
Но что-то не трещат каминь,
Не слышно крика петухов.

Чума по мостовым гуляет
И в проводах над головой,
Осадком чёрным выпадает,
Размазавшись по мостовой.

Чума, которой не боятся,
Не избегают, не клянут.
Наоборот — желая сдаться,
Ей плоть и душу отдают.

Москва. Потомок Вавилона,
Смотри — проходит жизни срок.
Спасенье душ здесь вне закона,
Телесный праздник — не порок.

Чумную снедь везут возницы,
Жратва, бутылки, смех и стон...
Намокли глупые ресницы.
Москва впадает в чумный сон.

ВЗГЛЯД

Смотри. Не отрывай глаза от неба.
И от дождя — он вымоет зрачки.
И позабудь завистливое "мне бы...",
А все сомненья разломай, сожги.

На мир гляди во что бы то ни стало.
Не отводи своих огромных глаз,
Когда осталось в жизни слишком мало,
Пока последний взгляд твой не погас...

Горит земля, дрожит в огне планета,
Горит душа, в которую глядишь.
Глаза, как сумасшедшая комета,
Когда же ты меня дотла спалишь?

НАД КОЛЫБЕЛЬЮ

1

Тебе я почитаю на ночь сказки
И тихо колыбельную спою.
Закрой свои голубенькие глазки,
В которые, как в небо, я смотрю.

Ты спишь уже? Сопишь себе тихонько,
Мой маленький, мой чудный человек.
Дай поцелую я тебя легонько,
Но чтоб твоих не потревожить век.

Заснёшь, и серый волк в лесу дремучем
Тебя начнёт трусцой всю ночь катать,
Царевич добрый на коне могучем
Прискачет, чтоб от лешего спасать.

А утром снова в напоённый солнцем
Ты в мир войдёшь, чтоб радоваться дню.
Я жду тебя здесь, рядом, под оконцем,
Моё спасенье, девочку мою.

2

Глазки закрой, глазки закрой. В окна стучится вечер
Мокрой дождливой своею рукой. Спи, мой ангел, до встречи.

Глазки закрой, ровно дыши. Сны приплывут тихонько,
Ты им погладить себя разреши по голове легонько.

Сны приплывут, сны прилетят, парус натянут белый.
Чудный корабль они сотворят, будь, моя девочка, смелой.

Твёрдо на мостик, милая, встань, корабль проведи сквозь волны,
Сердце и мысли в чистую рань да будут радостью полны.

Глазки закрой, светел мир твой. Мысли дневные тают.
Ангелы Божьи, ангел ты мой, тебя на руках качают.

АЛЕКСЕЙ КАСМИНИН

720 ЧАСОВ

РАССКАЗ

Каждый изгиб дороги заставлял Ольгу внутренне сжиматься. Ей казалось, что асфальт покрыт тонким слоем масла, настолько плавно двигался автомобиль. И если вдруг впереди возникнет крутой поворот, колёса соскользнут, и машина улетит в кювет, отчаянно кувыркаясь, и внутри салона не останется ничего живого.

Ольга сидела в переднем пассажирском кресле, большую часть пути она провела с повязкой на глазах. Потом водитель сказал, что она может развязать свёрнутую вчетверо тёмно-зелёную бандану. Девушка медленно охватила пальцами узел на затылке. Какой же он тугой. Пальцы плохо слушались, ногти упирались в складки неподатливой ткани и отзывались неприятными, почти болезненными ощущениями. Никак не поддаётся! Ольга напряглась, почувствовав, как внутри отзывается злость. Это чувство подарило ей крохотный прилив сил. И пальцы вдруг, будто бы осознав, что от них требуется, на мгновение крепко сжали узел и потянули его в разные стороны. Девушка избавилась от повязки, она снова могла видеть, но не проявила особого любопытства. Мельком бросив взгляд на кожаный салон и лицо водителя, Ольга погрузилась в полудрёму. Вёз её тот же человек, который приносил ей еду во время заключения в *санатории*.

Ольга сама для себя называла то место именно санаторием. Белый трёхэтажный дом с колоннами, расположенный на берегу Чёрного моря, где ей

КАСМИНИН Алексей Иванович родился в Москве в 1988 году. Большую часть жизни также провёл в этом городе. Отучившись в общеобразовательной школе, поступил в МАДИ, который закончил в 2009 году. В настоящее время является корреспондентом газеты "Завтра".

был отведён просторный номер. В нём было две комнаты и ванная. Мебель не из дешёвых: стол из массива дуба, кожаный диван, дубовая кровать, шкафы. У Ольги было достаточно времени, чтобы удостовериться, что это не фанера, покрытая шпоном.

Но в этом номере не было ни телевизора, ни интернета. Рядом с окном стоял книжный шкаф, на резных дверцах которого она запомнила изображение летящих ласточек. Между крыльями птиц, везде, где мастер полностью вынул резцом дерево, были вставлены стёкла синего цвета, повторяющие форму вырезов. Какие в этом шкафу хранятся книги, Ольга узнала чуть позже. В первый день с её головы не снимали чёрного мешка. Несколько мучительных часов она просидела, примотанная скотчем к стулу. В сознании роились отрывистые воспоминания о вчерашнем дне. Хотя вчерашнем ли? И ничего, что могло бы указать на причину, по которой она оказалась в таком положении.

Ольга громко всхлипывала, надеясь, что если за ней кто-то следит, он не сможет оставаться бесстрастным до бесконечности. Больше всего она боялась быть запертой в заброшенном доме где-нибудь на окраине города наедине с крохотной камерой видеонаблюдения, которая день за днём будет следить за тем, как Ольга умирает от жажды и голода. Из её глаз лились настоящие, непритворные слёзы. Она молила о пощаде, но слышала в ответ лишь собственное дыхание, пойманное плотным мешком. Попытаться сдвинуть стул было слишком страшно, поскольку неизвестно, что вокруг — вдруг там битое стекло или обрезки колючей проволоки для пущей забавы учителей.

Ольга просила отпустить её, ведь она — никто, всего-то готовится пойти в одиннадцатый класс. Родители работают на государственной ферме, с них нечего взять. Слыша в ответ всё ту же тишину, она срывалась в рыдания. Что, если цель здесь проста — части ее молодого, здорового тела? Прямо сейчас неизвестные могут точить старые стальные скальпели, медленно сводить и разводять причудливые щипцы, которые выхватят из её тела ценные куски плоти.

Когда защёлкали замки, Ольга смолкла. Едва дыша, девушка ловила каждый шорох. Кто-то подошёл совсем близко. Мешок на голове наполнял звуки бархатом, шаги неизвестного казались поступью лап огромного кота. Губы Ольги задрожали.

Неизвестный прошёлся по комнате, с глухим стуком поставил что-то на стол.

— Если хотите резать, убейте... Сначала... — Ольга хотела сказать это бесстрастно, но духу ей хватило только на три слова, остальные застряли в горле и их пришлось выталкивать, борясь с ужасом.

Послышался вздох досады, и вскоре неизвестный снял с её головы мешок. Ольга долго шурилась — всю комнату заполнил оранжевый свет закатного солнца. Незнакомцем оказался мужчина, которому Ольга дала бы лет сорок. Нос — картошкой, короткая мягкая русая борода, усы, свешивающиеся на верхнюю губу. Растерянные голубые глаза. Ольга всматривалась в них чуть дольше, чем в остальные черты лица, опасаясь увидеть там животный блеск, огоньки предвкушения плотского пира. Но нет, в комнате стоял обыкновенный мужик, которого так и хотелось записать в деревенские жители. Области эдак из Владимирской.

И надо сказать, что он растерялся не меньше Ольги, но дело своё знал.

— Если я освобожу тебя, ты не начнёшь бедокурить? — спросил он, чётко выговаривая слова на удивление ясным голосом, будто бы принадлежавшим другому человеку.

Ольга перевела дыхание и слегка кивнула. Он достал из кармана складной нож и разрезал скотч одним аккуратным движением.

— Сейчас потерпи, я постараюсь осторожно отодрать, — сказал он.

Ольга отрывисто кивнула. Он отлепил скотч от её рук настолько медленно, насколько мог, но девушка всё равно почувствовала жжение. Скотав скотч в бесформенный шар, он швырнул его поближе к двери. Он был одет в простые синие джинсы и голубую майку. Его одежда чем-то походила на форму уборщиков из западных фильмов, тех, кто под покровом ночи катит

свои тележки со швабрами по пустынным офисным коридорам. Не хватало лишь бейсболки.

Этот уж точно не был уборщиком. Бойцом спецназа — быть может. Он не пытался продемонстрировать свою агрессию или силу, но что-то в его облике словно заявляло: “Эй, осторожнее, я не так прост, как может показаться”. Сложно представить себе медведя в человеческом облике, протирающего тряпочкой из микрофибры офисный галюон. Габариты не те. И всё же, оказавшись в комнате с юной особой, требующей убить её, перед тем как резать, он растерялся, хотя это никак не отразилось на его движениях, плавных и неспешных.

Он постелил на дубовый стол скатерть, переставил с подноса три тарелки. — Ужин, — сказал он, повернувшись к Ольге спиной.

Та всё ещё шурилась, потирая ладонями локти. Девушка не знала, как ей реагировать. Но комната, в которой она оказалась, ничем не пугала её. Ольга молча ждала, что будет дальше.

А он просто пригласил её к столу. Сам же взял один из стульев и уселся посреди комнаты. Он больше не выглядел растерянным, скорее — учтиво сосредоточенным. Ольга увидела на столе картофельное пюре, куриного филе, капустный салат и небольшой шоколадный кекс, дождавшийся своего часа на крохотном белом блюде. Она недоверчиво ткнула вилкой пюре. Голод требовал от неё немедленных действий, но сознание твердило что-то о ядах и других химических веществах, которые могли оказаться в еде. О веществах, способных мгновенно превратить её в похотливую шлюху, веществах, лишаящих тело подвижности, усиливающих во много раз физические ощущения... Все это говорило ей сознание, пока Ольга жадно отправляла пюре в рот, вилку за вилкой. Как давно она не ела? Давно. Не обращая внимания на нож, девушка откусывала куски куриного филе, целиком поднимая его на вилке.

— Приготовить чай? — спросил “мучитель”, сидевший до этого молча. Замешкавшись на секунду, Ольга прогукнула что-то одобрительное.

Он вышел, заперев за собой дверь на все замки. С минуту девушка продолжала уплетать свой ужин, затем спохватилась. Она вскочила со стула, подбежала к окну, за стёклами — море, закат. Попробовала открыть окно. Получилось. Выглянула — третий этаж, а потолок здесь ой какие высокие. Ольга осматривала занавеску, когда дверь вновь открылась. “Конвоир” принес фарфоровый заварной чайник и одну-единственную чашку.

— Закрой окно, — сказал он ровным голосом.

Ольга побледнела. Сейчас её должны избить. Сердце отсчитывало секунды, а мозг решал, прыгать вниз или нет.

— Закрой окно, — тембр его голоса внезапно изменился, в нём появились мягкие, просительные нотки. Ольга как-то машинально, словно исподволь, прикрыла окно, задвинула шпингалет.

— Послушай меня, — продолжал он, — я не причиню тебе вреда. Более того, ты здесь находишься для собственной безопасности.

Ольга жалобно посмотрела ему в глаза, но он не отвёл взгляда.

— Меня зовут Фрол, извини, что сразу не представился.

— Отпустите меня! Зачем вы связали мне руки? Зачем я здесь? — спросила Ольга, отходя от окна.

— Опасения, — сказал мужик, ставя чайник на стол.

Ольга не понимала. Чего он боится? Худенькой семнадцатилетней девчонки?

— Но теперь всё улажено?

Фрол опустил глаза.

— Нет, ничего ещё не улажено. Боюсь, тебе придётся смириться с тем, что будет дальше.

— То есть? А что будет дальше? — голос Ольги задрожал.

— Какое-то время тебе придётся пожить здесь.

На столе стоял недоеденный ужин. В чайнике остывал чай. Ольга какое-то время молчала, выбирая вопрос. Она боялась вывести своего охранника из себя.

— Зачем я здесь? — снова спросила она.

— Тут до тебя не доберутся.

— Кто? Кому я нужна-то?

Фрол приподнял брови, будто бы собирался сказать что-то воодушевляющее, но, не меняя тона голоса, лишь произнёс:

— Пока оставим эту тему. Будешь доедать ужин?

Ольга медленно вернулась за стол. Чувство голода притупилось, но девушка не знала, когда ей в следующий раз принесут поесть. Она прикончила остывшее пюре, филе, капусту, поставила перед собой кекс. Фрол налил в чашку чай.

Ольга мрачно смотрела в окно, держа чашку обеими руками. Солнце превратилось в кровавый диск, бросавший на сиреневые обои комнаты красные отблески, будто бы в отчаянии, будто бы в последний раз стараясь окрасить мир в яркие цвета. В голове девушки роились вопросы, которые она никак не могла решиться задать.

Когда солнце скрылось за кромкой моря, а в чайнике закончился чай, Ольга сделала ещё одно открытие: в её номере не было ни люстры, ни светильников. Пока она недоумённо шарила взглядом по стенам, пытаясь найти хоть одну розетку, Фрол достал из шкафа несколько белых свечей и четыре подсвечника.

— Почему? — полушёпотом спросила Ольга.

— Сети опасны, — ответил Фрол глубоким низким голосом.

Он медленно расставил свечи, зажигая их одну за другой. Ольга смотрела, как на фитилях вырастают рыжие огоньки. За окном наступала в свои права южная ночь. Надрывались сверчки. Тьма была абсолютная, луна сегодня словно бы и не должна была появиться. Ольга почувствовала, как внутри вновь просыпается страх. Слишком странным был этот человек, молча стоявший у двери, пока она пыталась справиться со своим страхом. Он зажёл свечи спичкой, погасил её и убрал в крохотный металлический коробок, который поставил на стол рядом с подсвечником. Что значит “сети опасны”? Уже ночь, а она всё ещё здесь, чёрт знает в скольких километрах от дома.

— Ты, наверное, очень устала, перенервничала? — поинтересовался Фрол.

Ольга сидела на стуле и не двигалась, борясь с желанием подтянуть к себе ноги и обхватить их руками.

— Я вернусь утром. Кровать в другой комнате.

Ольга ничего ему не ответила, она продолжала сидеть на стуле, будто бы оцепенев.

— Оставайся здесь. Что бы ни случилось, не покидай номера, — сказал Фрол на прощание.

Свечи медленно уменьшались. Это были какие-то необычные свечи: не парафиновые и не восковые. И так долго горят... Ольга смотрела на них, размышляя, что будет, если она подождёт занавески. Прибегит ли Фрол немедленно или объявится лишь утром, чтобы найти её обугленное тело? Оставшись одна, девушка подобрала, наконец, ноги, обняла их и уткнулась в колени лбом. К горлу подкатывал комок, на глаза наворачивались слёзы. Теперь отец точно накажет. Будет до посинения орать, пытаясь выбить из неё ответ на вопрос: где ты была всю ночь?! А старшая сестра будет ещё пару месяцев отпускать в её адрес колкости о подростковой беременности. Ну и пусть! Пусть хоть изрубят лозинами, пусть на цепи сволокут к врачу на осмотр или под венец с каким-нибудь незадачливым парнем, но только бы оказаться дома. А не здесь, в этом проклятом номере, наедине с этим Фролом, который, как некая неодолимая сила, будто бы и сейчас стоял за её спиной. Стоял, молчал и наблюдал. Следил, чтобы пленница не выскочила в окно.

Слёзы отчаяния отнимали последние силы, пока огонь медленно пожирал свечи. Голова Ольги заполнилась тупой непроходящей болью, грудь сотрясали нервные всхлипы. Но она продолжала будоражить в себе чувства обиды и досады, словно надеясь, что её отчаяние каким-то образом изменит реальность и вернёт всё на свои места. Но кроме страха, внутри Ольги просыпалось пряное любопытство. Впервые в жизни она оказалась так далеко

от дома, без родителей. На прощание Фрол сказал: "...для твоей же безопасности". Такие слова не принадлежали миру Ольги, они обычно прятались на страницах книг или лились из монодинамика старого китайского телевизора, как отголосок какой-то другой жизни. В той, другой жизни по утрам не орали голодные свиньи, не приходилось топтать по ледяным деревянным полам к умывальнику с холодной водой. До школы не нужно было добираться заснеженной степной дорогой, борясь с пронизывающим ветром, который всё сильнее разгонялся на степных просторах. Та, другая жизнь принадлежала странным, наполненным тайными смыслами людям и обстоятельствам, гораздо более живым и настоящим, чем вся Ольга реальность.

К середине ночи свечи погасли. В темноте Ольга встала со стула. Едва не падая от усталости, побрела в другую комнату. Что-то внутри неё твердило: ты должна бояться, должна цепенеть от страха. Но её всё больше захватывали усталость и отрешённость. Они заполняли сознание Ольги какой-то мрачной озлобленностью. Своими робкими шагами в темноте незнакомого номера она будто говорила миру: "Давай же! Покажи мне, почему сети так опасны! Ну, что сейчас будет? Меня поглотят стены? Меня кто-то схватит за ногу?". Образ холодной руки, выныривающей из тьмы и хватающей Ольгу за её тонкие девичьи лодыжки, оказался куда убедительней абстрактных страхов: ей по-настоящему стало жутко и холодно, её пробил озноб.

Добежав до кровати, Ольга юркнула под одеяло, не снимая покрывала. Постель тоже была холодной, но от накрахмаленных простыней веяло приятной свежестью. Несколько минут Ольга не двигалась, прислушивалась к звукам. Сверчки стрекотали монотонно и тоскливо, будто им и самим эти звуки порядочно надоели. И больше она не слышала ничего.

Немного согревшись, Ольга стянула с себя выцветшую футболку и шорты, бывшие когда-то джинсами. Оставшись в одном белье, она сбросила одежду на пол у кровати. Затем спряталась под одеяло с головой. Хотелось сходить в туалет, но от мысли, что придётся вылезти из-под одеяла, из только что обретенного тепла и идти в темноте, она всё же решила ещё потерпеть. В таком состоянии тупой нерешительности Ольга незаметно для себя провалилась в сон.

Только на рассвете Ольга встала, прошла в туалет, потом спустила воду в унитазе, наклонилась к раковине, умылась, взглянула на себя в зеркало. Смотрела с минуту, наслаждаясь расслабленной дремой и покоем этого предрассветного часа. Почему-то обстоятельства, ограничившие её свободу, подарили ей чувство отрешённого, комфортного безразличия ко всему. Ольга придирчиво осмотрела кончики своих каштановых волос. Нет, ещё не секутся. Волосы доставали ей до плеч, а спереди были обрезаны в ровную чёлку.

Она постояла у зеркала ещё немного, заметила зубную пасту и запечатанную зубную щётку в зелёном стеклянном стаканчике на полке рядом с раковиной. Затем открыла окно с матовым стеклом. В комнату хлынул густой влажный воздух, от которого даже слегка сдавило горло. Вокруг *санатория* росли старые каштаны. Меж ними шла узкая асфальтовая дорожка. И если проследить за ней взглядом, можно было увидеть море. Сейчас оно было странного цвета и почти не отличалось от предрассветного неба, затянутого лёгкой туманной дымкой.

Ольга закрыла окно и вернулась в постель. Заснула она, лёжа на спине, вытянув руки вдоль тела поверх одеяла.

Фрол пришел ровно в десять. Увидев, что дверь в спальню распахнута, он учтиво постучал по деревянному косяку. Ольга среагировала мгновенно, натянув одеяло до самого носа.

— Вот одежда, бельё... — сказал Фрол, раскладывая шуршащие упаковки на краю кровати.

Ольга следила за ним молча. Ещё мгновение назад она спала, пребывая в счастливом неведении, и надеялась проснуться в своей постели тёплым июньским днём. Шла только первая неделя её последних школьных каникул, и вот она очнулась запертой в номере неведомого *санатория*.

— Я уйду на полчаса, — сказал Фрол, — потом принесу завтрак. Ты пока переоденься.

— Прямо сюда? — спросила Ольга в тайной надежде, что ей разрешат выйти из номера и позавтракать где-нибудь в столовой. А там, глядишь, найдутся другие люди. Ситуация прояснится. И тогда уж рукой подать до свободы. Или можно будет хотя бы понять, чего от неё, собственно, хотят.

— Да, — сказал Фрол, собираясь уходить, — прямо в номер.

Ольга хотела спросить про столовую, но вопрос застрял у неё в горле. Он показался ей таким неуместным в этих комнатах без электричества, где вместо лампочек по ночам жгли свечи. Сонная нега уже покинула тело, и вместо неё в мышцы возвращалось нервное напряжение.

Полчаса ушли на душ, причёсывание и переодевание.

Три одинаковых комплекта простого белого белья. Размер подобран идеально. Выяснив это, Ольга слегка закусила нижнюю губу. Неужели Фрол успел определить его на глаз? Или, пока она была без сознания... Девушка с досадой вздохнула и решила на время эту мысль отодвинуть в сторону. Фрол принес ей синий спортивный костюм, две белые футболки, шорты цвета хаки и джинсы. Она выбрала шорты и футболку.

Когда Фрол вернулся с завтраком, удостоверившись, что Ольга приняла душ и переделалась во всё новое, он собрал её прежнюю одежду и упаковал в чёрный целлофановый пакет с герметичной пластиковой молнией, затем ещё в один и ещё. Ольга не придала этой тройной упаковке особого значения. Мало ли какие здесь правила. Своей старой одеждой она не очень-то дорожила, считая её, впрочем, справедливо, обносками.

За окном стояла пасмурная, но жаркая погода. На завтрак был подан салат из огурцов и помидоров, рис с мясом и подливкой и компот. На первый взгляд — в точности школьный паёк. В восьмом классе в Ольгиной школе ввели обеды. Платить за них должны были родители, причём обходились они раз в пять дороже стоимости входящих в них продуктов. Один месяц учеников кормили бесплатно, надеясь таким образом закрепить этот каждодневный процесс. Не вышло. Ольга навсегда запомнила слипшийся сладковатый рис и куски мяса, больше похожие на шинкованную подошву. Но завтрак, принесённый Фролом, был изумительным. Ольга не представляла даже, что простой рис может быть таким рассыпчатым и богатым оттенками вкуса. А может быть, она просто успела здорово проголодаться.

Когда девушка поела, Фрол убрал посуду и молча положил на стол перед ней газету.

— Первая полоса, — сказал он.

Ольга откинулась на спинку стула и развернула газету, сложенную пополам. Она знала её с детства. Это была районная газета, в которой, кроме прочего, печатали и сельские некрологи. На последней полосе печатали никуда не девшиеся после развала Союза графики надоев и приплода скотины, а в августе — ещё и обязательные гонки *борьбы за урожай* между фермерскими хозяйствами, с фотографиями комбайнёров на сжатом поле. Где-то внутри неё была спрятана программа кабельного телевидения. Правда, её могло и не оказаться, если вдруг надо было написать о заслугах главы округа.

Но не в этот раз. На первой полосе огромными чёрными буквами написано “Чрезвычайное происшествие в станице Старомышастовская”. Ольга напряглась. Справа под заголовком поместили фотографию её дома. Она попыталась сосредоточиться и прочесть статью от начала до конца. У неё вспотели ладони, взгляд то и дело перескакивал со строки на строку, словно она старалась осмыслить всё написанное мгновенно, минуя процесс чтения.

На первой полосе сообщалось о том, как некий дед приехал к своему приятелю на мопеде, чтобы порыбачить в плавнях, которые начинались там, где заканчивался огород приятеля. Прихватил, понятное дело, и чекушку. Обычное вроде бы начало, но Ольга прекрасно знала, что *приятель* — это дед Михай, который разводил кроликов и давал местной детворе с ними поиграть. Летом раз в несколько дней к нему являлся дед Василь из соседней станицы. Рано утром они натягивали старую простыню между двумя ивами, чтобы восходящее солнце не напекло голову, садились на раскладные стульчики и тихо рыбачили, держа в руках тростниковые удочки. Чекушка стоя-

ла рядом, но она была скорее данью традиции, чем *суровой необходимостью*. Тем не менее, к полудню она, как правило, пустела.

Дед Василь приехал, как обычно, в пять утра, заглушил мотор и прислонил мопед к забору. Громко проорал: “Михай!”. И в тот же момент почувствовал неладное. Слишком тихо было вокруг. Не кричали петухи, не мычали коровы, не слышно было даже воробьёв в кустах черёмухи, росшей у обочины.

Тогда дед Василь открыл калитку, которая никогда не запиралась. Во дворе у ворот лежал мёртвый Тузик. Ольга знала этого пса, лаявшего на всех прохожих, даже если они шли по асфальтовой дороге в десятке метров от забора. Границу своих владений Тузик охранял в том числе и от посторонних взглядов. На первой полосе была сделана небольшая врезка: экспертиза выявила, что у пса отсутствовали глазные яблоки, пищевод, язык, а из его тела выкачали всю кровь. Ольга вздрогнула.

Дед Василь бросился в дом и обнаружил, что дом пуст. Кровать не заправлена, будто бы дед Михай отлучился на несколько минут, шлёпанцы оставлены у порога, штаны висят на стуле. Дед Василь побежал к соседям так быстро, насколько позволяли ему его старые ноги. Дозваться их он не смог, а дверь была на засове. Тогда он проковылял дальше по улице, к дому тракториста, у того дверь нараспашку, в проёме — москитная сетка. Долго звал — никакого ответа, а ведь в пять Митька всегда уже на ногах, до работы нужно покормить и скотину, и гусей... Из хлева ни звука. Тишина стояла полнейшая.

Дед Василь не на шутку испугался. Даже не стал к Митьке в дом соваться, добрался до мопеда, кое-как завёл его и помчался к полицейским. Нашёл постовых у асфальтовой дороги, те сначала всё пытались внушить ему, чтобы не мешал им нести дежурство своими рассказами. Но убедившись, что дед-то трезв, задумались, а предпринимать что-нибудь не особенно-то спешили.

Наряд в Старомышастовскую выслали только в полдень. В станице — никого. Все исчезли. И стар, и млад. На окраине праздновали скромную свадьбу, стол, выставленный во двор, так и остался стоять нетронутым. Угощением побрезговали даже птицы, которые, казалось, облетали эту станицу стороной.

В четыре часа дня в Старомышастовскую прибыли фотограф и корреспондент газеты. Всю вторую полосу занимали фотографии. Безголовые цыплята, выложенные ровными рядами, свиньи без ушей, со вспоротыми животами, валяющиеся в хлеву. Подпись под картинкой: “Замки были не тронуты, их вскрыли полицейские”. Коров нашли около пологого кургана в пятистах метрах от крайнего станичного дома. У животных были отняты глаза, веки и зубы. Ольга посильнее сжала губы, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. Корреспондент сообщил, что на коровьих тушах не было обнаружено ни одного опарыша, и это в июньскую-то влажную жару! Даже мухи к ним не подлетали. И далее все описания были похожи: кролики, гуси, козы, индюки — все мертвы, обескровлены, из тел изъяты различные органы. Полицию обнадёживало отсутствие человеческих трупов, хотя объяснить, куда исчезли люди из запертых изнутри домов, никто не мог. Начали прочёсывать район, результатов никаких.

Третья полоса — рассказы очевидцев. У первого материала стоит фото — перепуганный дед Василь глядит прозрачными осоловевшими глазами в камеру. И побрился специально для такого случая. Дальше — баба Лиза из соседнего села, не пожелавшая сообщать свою фамилию и отчество, на треть полосы расписывала собственные переживания в ночь на пятнадцатое июня. В полдесятого легли спать, сразу после последних известий, но в два они с мужем были разбужены странным звуком, похожим не то на свист, не то на треск. “Рыпит жутко так, ажно в голове всё рыпит!.. Знаете, воно так рыпит, что хоть уши затыкай, хоть не затыкай”, — говорила она. Выбежали во двор, а уже тишь стоит. И свечки смолкли. Да как страх нападёт-то. Такой, что забежали в дом, зажгли свет, заперли двери на все замки, заперли ставни на засовы, сидели до петухов в духоте, молились, чтобы миновал их этот ужас ужасный.

Турист-рыболов из Москвы рассказывал, как в два часа ночи прокатился по плавням какой-то странный стрекочущий свист, после чего клёв как отрубил, а совы полетели прочь.

На скотоводческой ферме пришлось поутру делать ремонт, сообщает Борис Тимофеевич, завхоз. Перепуганный скот стал ломиться из загонов, быки сломали ворота и вырвались на свободу.

Ольга пролистала страницы. Вся газета — о Старомышастовской. Свидетели, очевидцы, фотографии, отчёты полиции. Но ничего о жителях. Они исчезли без следа. С немым вопросом она смотрела на Фрола.

Тот ответил:

— У полиции это дело мы забрали на следующий день, взяли со свидетелей подписку о неразглашении под страхом обвинения в государственной измене, приступили к работе. В прессу ничего больше не просочилось, этот номер — из пробного тиража, в массовый пошёл совсем другой выпуск, — Фрол будто бы докладывал на совете министров о проделанной работе.

— Н-нет, — перебила его Ольга, которой было наплевать на формальности.

— Мы нашли одного человека, — мрачно сказал Фрол уже совсем другим тоном, — на дне протока, под слоем ила. Весь в радиационных ожогах. Виталий Ржаненко, двадцать один год. Внутренние органы — сплошное мезиво, внешних повреждений, кроме ожогов, нет.

Ольга скривилась. Это был Витька Зуб, как звали его в станице из-за кривого зуба, выросшего прямо из десны поверх резца. Когда Витка растягивал рот в улыбке, лишний зуб показывался из-под верхней губы. В остальном был он обычный пацан: дрался, кидал в заборы грязью, добывая её из вонючих скотных луж. Пока никто не видел, лупил бычков на пастбище длинной палкой. Воровал кукурузу с поля, стараясь оставаться незамеченным, искренне веря, что до этого хотя бы кому-то есть дело. Одно лето таскал травку с тайной конопляной плантации, пока её не спалили милиционеры. Сходил в армию, вернулся, стал выгребать дерьмо из-под свиней на ферме, надеясь, что судьба, в конце концов, выведет его к должности бригадира доярок или начальника комбайнёров. Комбайны, правда, никак не вязались со свиньями, поэтому то была голубая Витькина мечта. Вот и всё, что знали о нем жители станицы. Обычный парень. Конечно, бабки, которые вечерами сплетничали на длинной лавке, знали гораздо больше. Например, как гусь уцпишул Витьку в два с половиной года, после чего Витька в течение восьми месяцев отказывался говорить. Но это были частности.

Пожалуй, что и Ольга могла бы добавить ещё пару абзацев в резюме Зуба. Но сделала бы она это лишь в случае крайней необходимости, поскольку, открывая правду о нём, она открывала кое-что и о себе.

Ольге было пятнадцать, её мир заполнял май. В мае всё казалось живым, будто бы жизнь должна вот-вот сделать тебе какой-то подарок или открыть потайную дверь, за которой лежал нехоженный путь. Цветут деревья, тюльпаны, занятия в школе вот-вот закончатся, а там — каникулы.

Где-то в конце мая из армии вернулся двадцатилетний Витька Зуб. Устроили ему встречу, собрались все знакомые, друзья и товарищи со всего квартала и двух соседних. Сидели на берегу поросшего камышами канала. Кто-то притащил мангал и четыре ободранные тушки нутрии.

Ванька и Васька достали из чёрного пакета с надписью “30 кг” шесть двухлитровых баклажек пива “Дон — Южное”. Специально гоняли за ним в ларёк на мопеде и везли, намотав пакет на руль. Пиво взболталось. Ольга сидела там же вместе с подругами, говорили о чём-то, тут же забывая, о чём же шла речь. Витька пытался разжечь мангал, травил байки про армию и нажимал на кнопки нового мобильного, купленного в каком-то городе, через который шел поезд. Телефон мог играть музыку, причём достаточно громко, но у него быстро сел аккумулятор, и Витьке пришлось убрать его в карман льняных шорт на завязках. Он растерянно смотрел, как шипит мясо нутрии, с которого капал жир и горел, касаясь углей. Васька следил за огнём, держа наготове пластиковую бутылку с дырками в крышке, заполненную водой, чтобы поливать “шашлык”.

Разлили пиво по пластиковым стаканам. До армии Витька глушил бы его прямо так, *из горла*, но теперь казалось несолидно тянуть из общей баклажки.

Витька не переставал потчевать публику армейскими историями, но выходило у него всё как-то нескладно и скучно. Видали они в станице все эти подъёмы в пять утра, и не раз... и будто бы кому-то здесь не приходилось чистить картошку или в феврале выгребать из-под кур смерзшийся назем. Поди, расскажи им, как ужасен наряд вне очереди на солдатской кухне!

Постепенно пиво и нутрия с углей улучшали восприятие армейских баек. Когда солнце коснулось земли, пацаны в голос ржали над тупыми *салагами*, которые даже не могли подтянуться ни разу и, пробегая по плацу, выглядели так, будто их внезапно окатили из ведра ледяной водой. Смешно всем было слушать и про качку посреди ночи, а потом Витька, внезапно скосив глаза, потухшим голосом произнёс:

— Переборщили мы, ребят, переборщили.

Кто-то заржал, ожидая, что сейчас расскажут, как изъяли цивильные сигареты или заставили стирать хэбэшку. Витька прикрыл глаза ладонью, повисла тишина. Ольга слушала отстранённо, ей тоже влили пива — ведь не тринадцатилетка уже.

— Один иголок наелся.

Стало страшно. Ольга огляделась, рядом на коврике полулежала одна только Наташка, остальные девчонки по-тихому разошлись. Кинула взгляд на пацанов. Те сидели на корточках, раскрасневшись от выпитого пива, Витька держал в пальцах пустой шампур. Ванька курил “Winston”, в его глазах отражался огонёк сигареты, который мерцал от порывов лёгкого ветерка. Вокруг стояла непроглядная темень, квакали лягушки.

— Я пойду, — сказала Ольга, — поздно как, не заметила.

— Да погодь! — осипшим голосом отозвался Васька. — Ты как по тебе-то? Давай проводим?

— Нет, я прямо сейчас. — Ольга тут же встала и, подняв руку в прощальном жесте, зашагала прочь.

Пацаны глядели ей вслед, пиво их здорово разморило. После первой партии сгоняли на мопеде ещё за одной. В соседнем ларьке закончилось их любимое, прокатились до магазина. Потом везли, намотав пакеты не только на руль, но и привязав эластичными тросиками к багажнику. Словом, закупились от души.

Ольга шла по берегу канала. Идти было совсем недалеко. Пахло ночными плавнями. Это был привычный запах, похожий на аромат высушенной травы с лёгкой примесью сероводорода. Лягушки надрывались так, что, казалось, они вот-вот лопнут, сидя между корнями камышей и на прибрежных песчаных отмелях. Внезапно из зарослей выпорхнула утка. Ольга приостановилась и посмотрела, как птица пролетела мимо диска полной луны, внезапно воцарившейся в чёрном небе. За ней с любопытством наблюдали совы и сычики, рассеявшись на проводах. И чего забыли они у канала? Совиная вотчина — бахча или поле, где водятся мыши да жирные гусеницы, лениво переползающие со стеблей травы на тонкую тыквенную лозу, с тыквенной лозы на арбузную, с арбузной на дынную... Но каждую ночь совы почему-то садились на провода и смотрели на канал и на станицу. Впрочем, в камышах тоже было полно мышей. А может, у канала собирались те, кого сородичи выгнали с поля...

Вдалеке залаяла собака, за ней другая, третья. Отозвались ещё две с противоположного конца станицы. Их голоса звучали глухо, а потому как-то особенно уютно. Вот уже замаячил и освещённый лунным светом автомобильный мост через канал, а как перейдешь по нему, то считай, что и дома. Ольга пошла огородами, всё равно их границы были условны: никаких заборов или межи. Хозяева ходили сюда раз в неделю, чтоб ужаснуться урону, нанесённому колорадским жуком и засухой. Это было своеобразным развлечением для тех, кому не хватало участков возле дома.

Ольга шла мимо грядок, почти сливаясь с тёплым ночным воздухом, словно вдруг стала она бесплотной и невесомой. Её май подходил к концу

и оттого горел всё ярче. Такая ночь, как эта, непременно должна была что-то означать, за ней должна была скрываться какая-то тайна. Пьянящая, дурманящая, мрачная, возвышенная, яростная и одновременно умиротворяющая. Тайна с тончайшим привкусом зла. Она была неуловима, и оттого казалось, что она прячется в дунных полутонах. Если на эту тайну обрушится полуденный свет, то она осыплется на землю пеплом обманутых ожиданий. Постигнутая сознанием, она умрёт и превратится в пустой символ, который может набросать на листе бумаги всякий, кому не лень. Думая о тайне, Ольга чувствовала, как по телу прокатываются волны возбуждения. И каждый вдох был сладок. Её размышления внезапно оборвались: чужая рука вдруг жёстко обхватила Ольгу за талию. Огромная грубая ладонь прижалась к её губам и плотно зажала рот.

Неизвестный поворот её к деревьям и кустам, росшим по берегу канала, она отчаянно скребла ногами, один шлёпанец соскочил и остался валяться в рассыпчатой пыли. Парень не проронил ни слова, пока не затащил девушку в густую тень.

— Смотрю, ты за два года тут, тут ты за два года... — бубнил Витька Зуб прямо в Ольгину ухо. Она попыталась укусить его за пальцы, но он лишь сильнее прижимал руку ко рту, так что она даже не могла двинуть челюстью. От пальцев Зуба пахло жиром нутрии и табаком.

— Вся, ишь, за два года... Была плоска, как доска, а тут... — его рука настойчиво лезла под топик. Если бы Ольга могла кричать, она бы закричала, но все её попытки освободиться были тщетны, её будто бы скрутили стальными тросами, так плотно он прижимал её. Удары локтями и пятками, похоже, лишь веселили Зуба.

— Ух, какой класс! — Зуб добрался, наконец, до эластичного лифчика. Ольга крепко зажмурилась. Она была готова умереть на месте. За каналом виднелись крыши домов, кто-то там ужинал, может быть, пил чай, и даже невозможно было представить, что такое может твориться совсем рядом, под густыми ивами. А завтра кто-нибудь пройдёт здесь, как ни в чём не бывало, и ничего не будет знать.

— Да чо ты жмёшься-то? А? Я чо те, противный? — Зуб зажал Ольгин сосок между двух пальцев и слегка сдавил. По щеке девушки пробежала слеза. — Уй, да с такими-то сиськами, кого ты дуришь?

И тут Витька почувствовал у себя на пальце Ольгины слёзы. Он замер, затем быстро и нервно выдернул руку из-под топика, оттолкнул девушку от себя, как маленький мальчик, вдруг заметивший, что его любимая плюшевая игрушка испортилась.

Ольга без сил упала на сыроватую из-за близости воды землю. Она поджала колени, словно пытаясь защититься, уже всхлипывала и рыдала в голос.

— Ты это чо? Ну, ты это! Я же это, ну, мы выпили, — вдруг затараторил Витька, всё не выходя из образа маленького мальчика, у которого внезапно выпятилось на шею адамово яблоко.

— Урод, — глухо сказала Ольга.

Зуб стоял в нерешительности, ему хотелось опуститься рядом с Ольгой и потрясти её за плечи, уговорить держать рот на замке. С другой стороны, можно было бы её хорошенько избить, чтоб знала, что будет, если проболтается. Была и третья мысль, вселявшая в Витьку истинный ужас: а не *тыкнуть* ли её по темени — и концы в воду. Тогда можно и не церемониться...

— У-у-у-у! — промычал Витька. Его голова разрывалась от ужаса и вожделения, левая ладонь всё ещё помнила, как твердеет Ольгин сосок.

— П-прости! Прости! — И тут Зуб не выдержал, развернулся и кинулся бежать, как мальчишка, вдруг попавший булыжником в окно дома милиционера, толком и не понимающий, хотел ли он бросить этот чёртов камень... А если не хотел, то как же так вышло, что милиционер в одних трусах уже выскочил на улицу и орёт, что сейчас застрелит паршивца?

Через некоторое время Ольга притихла. Поднялась с земли, утёрла слёзы, оглядела себя. Она вся перепачкалась землёй. Идти домой в таком виде — самоубийство. А не идти — жутко, каждая лишняя минута, наверное, только ожесточит родителей. Ольга подошла к деревянному помосту, с кото-

рого днём мальчишки ныряли вниз головой в канал, а ранним утром старики рыбачили, пытаясь выловить окуней. Она постояла немного, посмотрела на станицу на том берегу. Ужас ещё крепко сидел внутри, но постепенно она приходила в себя. Кроме ужаса, была гадливость, и была обида.

Потом Ольга, как ни старалась, не могла точно вспомнить, что именно она сделала. Вроде бы сразу же развернулась и пошла к дому, но почему-то ей всё казалось, что на самом деле она разделась догола, присела, проверила рукой, как водичка. Парное молоко. И, не раздумывая, нырнула в пресные плавневые воды. Со злостью гребла руками, чувствуя, как жжёт мышцы. Доплыла до середины канала, где осталась одна, наедине с луной и кваканьем. И не было в ней страха утонуть, и словно смылось всё случившееся. Ольга ощутила, как время проходит сквозь неё, и кроме этого не существовало в мире больше ничего. Сверху вода была тёплая, а пониже — холодная. Слой за слоем она становилась всё холоднее. И это тоже было приятно. Она ныряла, плыла против течения, плыла по течению, лежала, отдыхая, на воде, снова ныряла, плыла под водой. Потом легла на помост и долго не двигалась, будто бы купаясь в лунном свете. Ей казалось, что какая-то часть её навсегда унеслась, забирая с собой ощущение момента, не принадлежавшего ни к прошлому, ни к будущему. Девушка думала, что это было бы очень обидно, если бы всё оказалось *не вправду*, и ощущение момента настоящего — лишь плод ложной памяти, игра воображения.

Потом она вернулась домой, и здесь у неё отпали всякие сомнения. Отец стоял у ворот и глядел на улицу. Он был преисполнен тёмного бешенства. Полночи родители орали, драли её за волосы, били по лицу. Били не слишком сильно, но в какой-то момент Ольга на несколько секунд потеряла равновесие, отступила и с силой ударилась бедром о деревянную ручку дивана. Она крепко сжала зубы, и челюсть прострелило острой болью. Очаг её был чуть пониже правого уха, видимо, всё-таки отец её выбил. Боль вышибла из глаз слёзы. А Ольга так хотела не подавать виду, что ей больно. Она приняла наказание, считая его заслуженным, нечего тут было умолять и просить прощения, сама жрала пиво, сама и попалась пьяному Витьке в лапы. Если бы эти удары могли стереть память о Витькиных пальцах, девушка согласилась бы принять хоть тысячу розог, хоть две тысячи...

Потом родители выдохлись, а Ольга легла и пролежала ничком до самого утра, не смыкая глаз. На следующий день был первый понедельник летних каникул. С ней никто не разговаривал, мать только стукнула тарелкой овсянки перед носом и даже не сказала: “Жри!”. Было бы легче, если бы сказала, пусть как угодно грубо. Старшая сестра всё поглядывала в её сторону, пряча в глазах лукавый смех, но тоже не проронила ни слова, то ли в шутку, то ли всерьёз поддерживая устроенную родителями блокаду.

Ольга ходила за матерью весь день, как собачка. Не решаясь подойти слишком близко, но стараясь находиться в поле зрения, она надеялась, что мать попросит её о помощи, и это будет первая трещина в ледяной глыбе непонимания, застывшей между ними. Не вышло. На огороде мать, резко обернувшись, крикнула, взмахивая тлячкой:

— Пошла прочь! Чо таскаешься за мной?! — Она крикнула это с такой ненавистью, что Ольгу пробил озноб. На мгновение ей показалось, что перед ней — не её мать, а вырезанная из сухого дуба старуха, потом мать отвернулась и продолжала окучивать картошку, от её тлячки по ветру шла серая пыль.

Вечером ей дали картошки и хлеба. Ровно две минуты отец, не отрываясь, смотрел, как Ольга измельчает картофелины, чтобы те побыстрее остыли. Затем он стукнул по столу рукой, так что все замерли, даже мать, несущая пустую кастрюлю, обернулась, готова для отца осуждающий взгляд, но быстро спохватилась, и этот взгляд достался Ольге.

— Жри на улице, шалава, — протянул отец голосом, застрявшим где-то между его сжатых зубов, — тошнит на тебя смотреть.

— Но я...

— Ах, ты!.. — Внезапно отец вскочил, словно собирался вновь избить её. Не помня себя, она выскочила из дома, обронив картофелину.

В ту ночь она ужинала у кирпичного колодца, деля трапезу с медленно ползущими по траве улитками, запивая хлеб слезами.

Ольга оставила пустую тарелку у крыльца. В дом входить не решилась. Обошла его кругом, свет уже погасили, спят, значит. Ноги вывели её за калитку и понесли по станице. Долго она бродила под луной по улице. Вот перед нею расстилались разные дворы, стояли разные дома, во многих ещё горел свет. Ольга вышла к каналу, села на берегу. Её облепили комары, их было здесь так много, что она решила идти дальше, не останавливаясь. Дошла до деревянного моста и перешла по нему через канал. Было ей как-то спокойно и даже приятно. Здесь они до неё не дотянутся. Сейчас ей хорошо, а что будет дальше — посмотрим. Так, будто бы в невесомой вате, не чуя под собою земли, девушка дошла до полей, а потом и до асфальтового шоссе, мимо водонапорных и силосных башен, дальних ферм, длинных и плоских, с огоньками, горящими в ночи.

Летние ночи коротки, скоро стало светать, но страха в её душе не было. Всё тем же размеренным шагом дошла Ольга до дома, взяла из гаража старый ватник и подстилку, залезла на чердак и там заснула. Утром сладко потянулась, спустилась по деревянной лестнице вниз. Во дворе — пусто. Мать, видно, на ороде, а старшая сестра неизвестно где и неизвестно с кем. Вот и говорите потом о двойных стандартах...

Ольга сварила себе овсяную кашу, позавтракала. К матери решила не подходить. Раз не хочет она с ней разговаривать, нечего и лезть. Она снова отправилась бродить по окрестностям, но смотрела на всё каким-то новым взглядом. Ей нравились ровные, плоские поля, разделённые лесополосами. Нравилось, как мальчишки ныряют в канал, словно одурев от рухнувших на них каникул. Козу вот привязали возле кургана. Ходит она себе целый день под алычой, щиплет траву. Ольга подошла к ней, и коза принялась обходить девушку справа, опутывая верёвкой её ноги. Боится чужака, но как будто бы хочет поймать его, связать.

К ужину Ольга снова вернулась домой. Подошла к столу, взяла тарелку и отправилась к кирпичному колодцу. Отец ничего не сказал, будто бы подавившись словами. Не ожидал, что дочь поведёт себя так.

И лишь на следующий день он её окликнул, когда та вновь подняла тарелку, собираясь уходить.

— Сядь!

Ольга спокойно села.

— Ну, что...? — бесцеремонно спросил отец, пытаясь за угловатой грубостью спрятать стыдливую сумятицу своих мыслей. Мать и сестра замерли, напряжённо ожидая ответа, будто бы даже слегка привстав со стульев. Но виду они старались не подавать, хотя у них это не очень-то и получалось. Слишком явной была морщинка, вдруг пробежавшая между бровей старшей сестры, которая едва ли не закусывала нижнюю губу, вся превратившись в слух. На белках глаз матери, казалось, с каждой секундой появлялись новые кровяные сосуды, кончик её носа едва заметно вздрагивал.

— Нет, — вдруг ответила Ольга лёгким голосом, как бы сказав это невзначай.

Ответ сбил отца с толку. Он готовился орать, но она сказала это таким тоном, что нечего было и возразить.

— Ну, смотри у меня, — сказал он, помедлив. Нахмурился, словно пытаясь собрать всю свою мрачную решимость, но злость уходила из него стремительно, как воздух из дырявого воздушного шарика.

Потом отец долго размышлял, не свозить ли дочь к врачу, проверить, в самом ли деле она девственница или врёт. Посматривал на бутылку коньяка, которую он предложил бы доктору. Ставил коньяк на стол, ходил мимо него, убирал обратно в шкаф. Искоса поглядывал на Ольгу за семейным столом, в доме, на улице, но так, чтобы она ничего не заметила. И всё никак не мог ни на что решиться. Потом порыв чувств угас, появилась лень...

— Ты его знала? Виталия? — спросил Фрол, заметив, что Ольга ушла в себя.

— Конечно, мы же почти соседи...

— Ты побледнела. Как самочувствие?

Ольга перевела глаза на Фрола и долго молчала, надеясь, что он сможет хотя бы отчасти уловить те чувства, что она испытывала. Но выражение его лица не изменилось, он по-прежнему ждал ответа.

— Мне страшно, — Ольга отвела взгляд и склонила голову. Её глаза остекленели. — Это похоже на обман. Куда они все исчезли? Газету... Газету можно изготовить и своими силами. Пиши потом что угодно... — Ольга говорила машинально, сама не веря своим словам.

— Месяц спустя мы нашли ещё одного человека. Тебя.

Ольга не сразу поняла, что хочет сказать Фрол. Тот продолжал говорить, пытаясь смотреть девушке в глаза, но та, казалось, его не слушала: — Тебя нашли дежурные оперативники при обходе. Ты лежала на дороге лицом вниз без сознания. Семьсот двадцать часов тебя не было *здесь*.

— Что? — Вдруг спросила Ольга.

— Спустя месяц после инцидента оперативники нашли тебя на дороге, лежащей лицом вниз. В станице Старомышастовской, около твоего дома.

— Сейчас июль? — Мозг Ольги пытался опровергнуть это заявление, но в памяти находились подтверждения слов Фрола. Листья каштанов — уже зрелые, мясисто-зелёные, на деревьях появились колочие плоды. Июль, конечно, июль, без сомнений.

— Да.

Ольга подняла указательный палец, будто бы хотела прочесть по слогам висящий в воздухе невидимый текст, и медленно произнесла:

— Где я была эти семьсот двадцать часов?

Фрол глубоко вздохнул:

— Мы не знаем.

В этот момент Ольга испытала абсолютное, ломающее волю отчаяние. Оно нахлынуло из всех уголков сознания и намертво сковало мысли. Всё, что девушка знала об окружающей действительности, все её планы, воспоминания, чаяния и мечты провалились в пропасть. Исчезли вместе с жителями Старомышастовской. Пропали неизвестно куда.

У Ольги возник внезапный порыв закатить истерику, попытаться перевернуть стол, с криками накинуться на Фрола, осыпая его обвинениями. Она искоса взглянула на него и осадила свою злость. Он-то тут ни при чём, он не сделал ей ничего дурного, напротив, всё время учтив и, похоже, сам не во всём до конца разобрался. Может быть, даже растерян и смущен.

— Прости, я не лучший психолог и не могу сказать, что тебе теперь делать. Потеря близких — это нелегко. Прости, — проговорил Фрол.

Потом Ольга плакала. Долго, горько и безутешно. Фрол сидел рядом и молчал. Он знал, что любое неловкое слово может причинить ей боль.

— Я никогда-никогда их больше не увижу? — спросила Ольга.

— Не буду врать, скорее всего, нет. Не знаю. Единицы возвращаются. Считанные единицы.

— Но откуда? Ведь если знать, откуда, то... То можно хотя бы... Хотя бы попытаться найти их.

— Я не знаю. Господи, пойми же, — Фрол стукнул кулаком по ладони, — именно поэтому те, кто вернулся, так важны!

Ольга вытерла ладонью слёзы.

— Часто это происходит? В смысле, пропадают люди?

Фрол на мгновение отвернулся, взглянул в окно, будто бы решал, стоит ли отвечать ей.

— Пропадают. Хотя и не так массово, как в этот раз.

— Поэтому существует ваш отдел? — Ольга слегка прищурилась. — Это государственная структура?

— Пропадают люди, без следа. Появляются, — тут Фрол замешкался, словно подбирая слова, — *объекты*. Знаешь, люди исчезают каждый день. Но, представь себе, что опустела не целая станица, а, скажем, квартира. Запертая. Находится на седьмом этаже. Окна целы и тоже закрыты. Выезжаем. Внутри тишь, пусто, людей нет. Вещи лежат, будто бы ждут хозяев.

Вряд ли ты можешь понять, как мне всегда в эти моменты жутко. Держу руку на пистолете, а всё равно чувствую, что ничего эта железка тут не делает. Но идёшь и всё равно переступаешь через порог, проходишь в пустые комнаты, осматриваешься, а сам будто умираешь от страха. Но не отступаешь. Это особая работа — терпеть нечеловеческий страх. Не так страшно обнаружить в квартире пустоту, как приоткрыть дверь, — Фрол глубоко вздохнул, — и увидеть, как посреди комнаты завис *объект*. В Старомышастовской мы обнаружили таких три. Сразу же отправляем их в спецхран в герметичных контейнерах, чтобы их никто не видел. Даже ветераны спецопераций, хладнокровные и выдержанные, срываются, если им показать *это*. *Объекты*, — и снова Фрол сделал паузу, — на них не нужно долго смотреть, взгляд сквозь них будто бы проваливается куда-то. Ты кожей чувствуешь, что то, что ты видишь, — всего лишь попытка твоего мозга как-то осмыслить сущность *объекта*. Но *нам* его познать не дано.

— Зачем вы рассказываете мне это? — Ольга побелела от страха, положила ладони на колени, но не смогла унять дрожь.

Фрол спохватился:

— Ты спросила, а я не хотел ничего от тебя скрывать. Всё же ты здесь не пленница. Если бы было можно, тебя бы отпустили хоть сейчас.

Ольга с ужасом взглянула в окно, за которым был мир, где каждый день бесследно пропадают люди и появляются *объекты*. Девушка крепко сжала зубы и процедила:

— Нет уж, теперь вам придётся выложить всё до конца, — За два прошедших года она научилась быть твёрдой. Чтобы неотступно и смело, шаг за шагом создавать для себя новую реальность, в которой не будет места никаким Витькам с лишними зубами и уродливыми грязными лапами.

Фрол немного расслабился и сказал:

— Исчезновения и всё, что с этим связано, не единственная наша забота. Бывают полевые выезды. Но там зачастую либо ложные вызовы, либо полная неразбериха. Пытаемся как-то классифицировать события, подыскивать им объяснения.

Ольга нахмурилась — ей казалось, что что-то не сходилось в рассказе Фрола.

— Получается, что все эти явления — чистая случайность, и предсказать или предугадать их нельзя?

Фрол прищурился и кивнул.

— И это — не результат деятельности каких-то других спецслужб или бандитов, к примеру? Но тогда почему я здесь?

— Ты находишься в карантине, — ответил Фрол почти равнодушно.

Подтверждались худшие опасения Ольги, её самообладание пошатнулось.

— Почему карантин?

— Не думаю, что тебе стоит знать, почему мы ввели такое правило. Просто постарайся успокоиться и набраться терпения. У нас очень мало информации, но кое-что нам известно. Ты не первая из тех, кто вернулся. Тебе очень сильно повезло. Твоя кожа при тебе, как и твои кости, твои глаза, твой рассудок. А это чрезвычайно важно. Постарайся понять нас. Все наши правила основаны на полученной нами информации.

— Что будет потом? — холодно спросила Ольга?

— Постарайся успокоиться, хорошо? Это пока всё. — Внезапно голос Фрола наполнился жёсткими интонациями. Он не оставлял ей выбора, словно приказывая закончить этот разговор: больше никаких вопросов. Ольга опустила глаза. Неужели и растерянность, и смущение Фрола — только изощрённая игра?

— Потом вы меня убьёте?

— Хотели бы убить — давно бы придушили. Думай головой, — сказал Фрол так, будто разговаривал с сослуживцем, таким же медведем-спецназовцем, каким, вероятно, совсем недавно был и он сам. — Вроде с виду неглупая, но иногда такое скажешь...

Всё это он говорил, не глядя на неё, собирая со стола тарелки. Ольга опешила. Фрол предстал перед ней ещё в одном из своих образов: профес-

сионал, без тени растерянности и сомнений. Он быстро собрал посуду со стола и уже собирался уходить, но у двери остановился и сказал:

— Обед в полвторого, — закрыл за собой дверь, держа поднос с пустыми тарелками в левой руке.

Ольга осталась одна. На столе по-прежнему лежала районная газета, но ей не хотелось на неё даже смотреть. Фрол так внезапно покинул её. Наверное, у него есть какие-то другие дела в этом здании. Девушка встала со стула, выглянула в окно. В небе по-прежнему висели тяжёлые облака, но с них не срывалось ни капли дождя. Ольга обняла себя руками за плечи и едва заметно ссутулилась. Её слегка подташнивало. Неопределённость была мучительна, к тому же её пугало слово “карантин”. Что может с ней случиться, почему нужно обязательно оставаться в этом номере? А может быть, *ничто* ждёт своего часа внутри неё?

Девушка испытала сильный приступ тошноты.

Ноги сделались ватными. Отойдя от окна, Ольга прилегла на кожаный диван, стоявший у стены напротив книжного шкафа. По виду он был совсем ещё новым. Кожа насыщенного изумрудно-зелёного цвета, дубовые ножки, покрытые лаком цвета янтаря. Но в то мгновение Ольге было совершенно наплевать, какого цвета этот диван и насколько качественно он сделан. Ужас и опустошение поселились в её душе, лишая сил и воли к любым действиям.

Так прошло несколько часов. Ольга не чувствовала, как движется время. Она будто бы застыла в одном-единственном моменте времени, который больше никогда не изменится.

Когда в номер вернулся Фрол, он увидел, что Ольга сидит на диване, обхватив руками живот, и смотрит в пол. Не подходя ни на шаг ближе к ней, он окликнул её:

— Эй, ты жива? — а сам плавным движением отодвинул правую ногу, чтобы встать в более широкую стойку, будто ждал нападения.

Ольга едва заметно изменила позу и так же неспешно кивнула.

Фрол расслабился:

— Обед, — сказал он, — полвторого.

— Я не голодна, — тихо ответила Ольга.

— Подумай минут десять.

Ольга отвернулась и снова уставилась в пол. Тогда Фрол поставил поднос на стол и подошёл к ней поближе.

— Понимаю, тебе жутко и мерзко, — сказал он, — к тому же тут скучно и совсем нечем заняться. Но ты держись. Знаешь, тут, кажется, есть книги. — Фрол подошёл к шкафу с вырезанными на дверцах летающими ласточками и открыл его. — Может быть, хотя бы взглянешь? Или ты совсем *не чител*? В наше время это не редкость.

Последняя фраза будто бы разомкнула мрачную цепь Ольгиных размышлений. Она встрепенулась и на мгновение даже нахмурилась, готовясь возразить, — уж очень ей не хотелось вставать в один ряд с Витькой Зубом.

Фрол обернулся как раз вовремя, чтобы уловить изменения в Ольгином настроении. Про себя он ухмыльнулся и поставил невидимую галочку в расписании дел, которые ему нужно сделать сегодня, затем сказал:

— Если тебя всё же заинтересует чтение, посмотри, может, найдёшь для себя книгу по вкусу. А я пойду. Обед оставляю, а есть ли — решай сама.

Фрол ушёл, а Ольга посидела на диване ещё несколько минут. Она больше не ощущала себя раздавленной ужасом. Пообедала, вытерла губы салфеткой и решила вымыть руки. Затем подошла, наконец, к книжному шкафу. На дверцах была вырезана сто одна ласточка. Ольга не смогла побороть желание дотронуться до них и провести пальцами по их деревянным контурам. Мастер, который изготовил этот шкаф, работал неспешно, с умом и любовью. У ласточек были видны и глаза, и перья, и клювы. Но не было избытка деталей: все птицы были стилизованы таким образом, чтобы подчеркнуть их движение в полёте.

Ольга открыла обе дверцы. За ними — восемь полок, уставленных книгами. Быстро пробежав глазами по корешкам, девушка потянулась за томи-

ком Тургенева. В любом случае на выбор — только русские классики, выстроенные в ряд тома, поставленные по корешкам, без всякого смысла. От Пушкина остался почему-то только третий том, а Достоевского были три книги из собрания сочинений и роман “Идиот” другого издания.

Около четырёх часов после полудня пошёл ливень. Ольга сидела на диване и читала, её отвлек шум дождя. Она положила раскрытую книгу страницами вниз и подошла к окну. В это мгновение с моря нахлынул порыв ветра и по стеклу с силой забарабанили крупные капли. Ольга вздрогнула. Море казалось чёрным, по дорожке, идущей между каштанами, бежали ручьи, деревья были окутаны серой водяной пылью. Ольга вернулась на диван, села на то же место, слегка поёжилась и снова взяла книгу. Ей хотелось поскорее вернуться в мир автора, оказаться хотя бы мысленно подальше от окружающей действительности. Тот мир был гораздо логичнее и уютнее её *настоящего*.

Пришёл Фрол и сказал, что пора ужинать. Ольга чувствовала вялость, её движения были замедленны, но это было лучше, чем тотальный ступор.

Ночью она никак не могла заснуть. Её сковал страх. Казалось, что прямо сейчас раздастся жуткий звук, и за ней *вернется*. А с утра Фрол обнаружит в гостининой объект, про который он ей рассказывал, пожмёт своими мощными плечами, сдаст находку в спецхран... И всё. Больше про Ольгу никто никогда ничего не услышит и не вспомнит даже. Страшно. Не помогла и попытка спрятаться и одеяло, под которое она сразу же нырнула.

Следующий день был похож на предыдущий. Только Ольга проспала несколько часов на диване, пока было ещё светло. Ночью читала при свечах до изнеможения, едва добралась до постели и провалилась в сон. Ей стало легче справляться со своими страхами. Дни потекли стремительно и равномерно, как выпущенная из шлюза вода. Ольга прочитала несколько книг из шкафа, сожгла множество свечей, получила комплект тёплой одежды и с грустью встретила первый день осени. О том, что сегодня первое сентября, ей сообщил Фрол. В номере не было календаря. Стояла обычная тишина. Такая, будто бы во всём *санатории* и на много вёрст вокруг не было ни души. Ольга пыталась стучать по стенам, по батарее, но быстро оставила это занятие — ей никто не отвечал.

Фрол оставался всё таким же таинственным. Два раза Ольга пыталась начать с ним разговор личного характера, узнать, например, сколько ему лет и какое у него любимое время года. Но он лишь отмалчивался, словно намекал ей, что это вовсе не её дело. С каждым днём она чувствовала всё большую нужду в общении, и она принялась за завтраками, обедами и ужинами рассказывать Фролу о том, что прочла вечером и что собиралась читать. Как она сдала бы ЕГЭ и поехала бы в столицу поступать в институт. Фрол кивал, и это было единственным проявлением его интереса. Накормив её, он уходил, не задерживаясь ни на минуту. Ольга тихонько просила его остаться подольше, однажды она вскочила со стула и подбежала к двери. Но Фрол грозно взглянул на неё и прикрикнул:

— Не смей!

В его взгляде ей почудилась такая злость, что Ольга остолбенела. Она вся внутренне сжалась и слушала, как щёлкают запираемые замки. Она долго не могла двинуться с места. Её будто бы ударили по лицу.

В середине сентября полдень стал ей казаться каким-то особенным, белым и словно наполненным томительной усталостью. Солнце будто застывало в небе, и всё казалось очерченным чёткими, жёсткими контурами. Остывающее море лизало прибрежную гальку, песок между камнями становился мертвенно-белым, будто бы и камни попадали в зону пропавшего времени и никак не могли из неё выбраться. К счастью, *белые полдни* длились недолго, всего пару часов в день, и большую часть этого времени Ольга читала. Она больше не донимала Фрола попытками завязать разговор, и его устраивало такое положение дел.

Мир преодолел, наконец, неспешный сентябрь и двинулся навстречу зиме, рассекая просторы октябрьского межсезонья. Казалось, природа умирала: недавно ещё зелёные стебли трав и цветы падали в землю, убитые холо-

дом. В один из таких дней Фрол пришёл в необычное время — часа в три. Он принёс спортивную сумку с одеждой.

— Выбери, завтра едем, — сказал он и вышел.

Ольга отложила книгу. Она не сразу поверила в то, что её заточение пошло к концу. Расстегнула сумку. Внутри было несколько пар обуви: кроссовки, женские полуботинки, лакированные туфельки, кеды, осенние сапожки — на любой вкус. И одежда: юбки, джинсы и брюки, колготки, носки, свитера, рубашки...

Ольга перетащила тяжеленную сумку поближе к ванной, где было единственное зеркало, и начала подбирать одежду, прикладывая к себе. Внутри у неё словно запела туго натянутая струна: подумать только, впервые за три месяца ей предстояло выйти из дома. Нужно подготовиться. Однако через некоторое время она остановила себя. “Ну и дура!” — подумала она с раздражением, затолкала обратно юбки и рубашки, достала лишь джинсы и чёрный свитер. Он сидел на ней в обтяжку, зато был совсем не броский.

На следующий день ранним утром она покинула свой номер. Переступила порог, черту, за которую её нога не ступала долгие дни, но мир даже не вздрогнул. Прошла по коридору, на белых стенах висели круглые светильники. Слева окна — все плотно занавешены чёрными шторами. Справа — одинаковые стальные двери, такие же, как у Ольгиного номера. На полу — зеленовато-серый ковролин. Фрол всё время шёл рядом. Они не встретили ни единого человека. Казалось, что *санаторий* был совершенно пуст. Тишина на лестницах и в огромном холле, который тоже освещался круглыми светильниками. Везде были одинаковые белые стены, завешенные окна.

Оказавшись на открытом воздухе, Ольга инстинктивно втянула голову в плечи — слишком бездонным было предрассветное безоблачное небо, а пространство вокруг казалось беспредельным. У парадного входа стояла чёрная иномарка. “На такой машине только иностранных министров возить”, — подумала Ольга. Фрол открыл для неё дверцу, и Ольга забралась внутрь.

— Думала, меня хоть провозжать выйдут, — проворчала она...

— Заняты, — спокойно ответил Фрол.

Машина тронулась. Ольга собралась рассматривать пейзажи за окном, но Фрол протянул ей зелёную бандану и попросил завязать глаза. Чтобы постоить думали, что её везут на допрос, неуклюже попытался объяснить он. Ольга никак не могла справиться с повязкой — уголки ткани выскальзывали из пальцев. Тогда Фрол остановил машину и сам затянул узлы. Получилось плотно и крепко.

Поездка была долгой и утомительной. Ольга пыталась поспать, но её слегка укачивало. Временами ей казалось, что она лежит посреди огромной лужи, которая содрогается от мелких волн. Внутри салона было тихо, слышалось только мерное урчание мотора. Он работал так тихо, будто демонстрировал полное подчинение воле водителя.

В пути были остановки, и тогда Фрол разрешал Ольге снимать повязку. С удивлением девушка обнаруживала, что они стояли где-нибудь посреди поля или на лесной поляне. Но вопросы задавать было некогда. Фрол протягивал ей термос и бутерброды, а потом молча ждал, пока она поест. Он разрешал ей слегка размять ноги, но недолго. Ольга осторожно ступала по траве, ощущая, что с каждой остановкой воздух становится холоднее, а леса — всё прозрачнее. Под вечер она увидела на земле снег. Они двигались на север и уже успели преодолеть огромное расстояние.

Их путь закончился тогда, когда солнце коснулось горизонта. Фрол решил Ольге снять повязку, и через несколько минут они подъехали к огромным металлическим воротам, сваренными из толстых стальных листов. Как по команде, створки разъехались в стороны и вновь закрылись, стоило автомобилю проехать мимо них. За воротами была обширная асфальтовая площадка, со всех сторон окружённая лесом. Фрол заглушил двигатель, но, не выключая фар, внимательно смотрел на лес. Вероятно, не увидев того, чего опасался, он открыл бардачок и достал оттуда две деревянные маски. Ольге он сказал:

— Нам нужно надеть их. На затылок.

Ольга, всё ещё пребывая в лёгком ступоре после столь долгой поездки, в недоумении посмотрела на Фрола.

— Понимаешь, мы пропустили время, не успели засветло. Но с маской *они* посчитают, что ты *их* все время видишь, не выпускаешь из поля зрения. Тогда не набросятся со спины.

Ольга взглянула на маску: резная, разноцветная, особенно были выделены глаза — две огромные окружности, покрытые светящейся краской, в центре каждой — красный круг, изображающий зрачок. Искусно вырезанные рты с клыками, на маске Фрола виднелся ещё и зелёный язык.

— Кого мы так опасаемся? — спросила Ольга.

— *Духов* этого места. Мерзость та ещё. Но *они* не пустят сюда того, что опустошило твою станицу...

Ольга почувствовала озноб. Ей не хотелось вылезать из автомобиля, но про себя она повторяла, как заклинание: “Есть шанс вернуть, есть шанс спасти, не будь трусливой дурой”, — и это придавало ей смелости.

В воздухе уже чувствовался небольшой морозец. Фрол был одет в лёгкий серый пуховик, в его руках оказался мощный фонарь. На лбу — шнурок, которым крепилась маска. Ольга осмотрелась. За спиной шёл высокий, в два человеческих роста, бетонный забор. Сверху — колючая проволока.

Фрол подошёл к краю асфальтовой площадки и сделал шаг, как казалось, в пропасть, где начинались мрачные ели, усыпавшие землю мёртвыми иглами. Кроме них здесь больше ничего не росло.

Асфальтовая площадка располагалась на бетонных блоках. Фрол спустился с неё по железной лестнице, у подножия которой начиналась тропинка, вымощенная старыми бетонными плитами.

— Иди за мной, не отставай, — скомандовал Фрол.

Но Ольга и так шла за своим проводником след в след, борясь с желанием вцепиться руками в его пуховик. Фонарь заставлял стволы елей, из которых в разные стороны торчали ветки, отбрасывать сотни странных, догоняющих друг друга теней. Ольга механически переставляла ноги, запрещая себе думать о том, что может быть за спиной. Она уповала на маску, смотрящую своими светящимися глазами в еловую тьму позади. Со спины Фрол был похож на огромное чудовище, идущее задом наперёд.

Лес менялся, из елового он вдруг стал смешанным. Дорога пошла сквозь густой орешник. На некоторых деревьях ещё висели последние листья, но на земле уже лежал жиденький снег.

— Долго ещё? — не вытерпела Ольга.

— Держись, почти пришли, — сказал Фрол как-то неожиданно тепло.

Лес расступился, возникла невысокая железная калитка в заборе, который тянулся в обе стороны от тропинки. За ним находился ухоженный двор, засеянный газонной травой, и странный особняк. Он был будто бы целиком отлит из бетона. Причём настолько грубо, что остались даже следы от досок опалубки. В ту часть стены, где не было окон, были вмурованы огромные гранитные глыбы, словно вырванные из скалы. Казалось, что их будто и не касалась никогда рука человека. Довершали вид окна с алюминиевыми рамами, будто бы случайно встроенные в фасад этого дома.

В особняке было два этажа, часть крыши нависала над двором. В одном из окон первого этажа за занавесками брезжил тёплый желтоватый свет.

Посреди двора Фрол остановился и обернулся к Ольге:

— Подойдешь и позвонишь в дверь, — сказал он тихо.

Ольга не поверила своим глазам — по щекам Фрола текли слёзы. Внезапно он бросил фонарь на траву и крепко обнял Ольгу.

— Почему же, ну почему ты заставлял меня терпеть это одиночество? — спросила Ольга, чувствуя, как подступают слёзы.

— Прости, — Фрол, наконец, отпустил девушку и поднял фонарь с земли, — один неверный шаг — и я мог бы в тебя влюбиться до смерти... Прости, — ещё раз сказал он и пошёл к калитке, — иди, звони в дверь, тебе сюда.

Ольга стояла на бетонной дорожке, которая вела к двери особняка, и смотрела в спину Фролу. На неё смотрели круглые, слабо светящиеся гла-

за маски, они удалялись. Тихо скрипнула калитка — протяжный металлический звук, наполненный осенью. Девушка не выдержала и заплакала. Она не знала, почему. Но если бы могла, хотела бы пережить эти три месяца заново. И тогда бы точно постаралась поговорить Фрола.

Её встретил худой мужчина, почти старик. Его волосы уже поддались седине, но осанка и манера говорить были полны достоинства и силы. Было件нятно, что его ещё рано списывать со счетов. Одет он был в серый свитер и тёмно-синие хлопковые штаны, на ногах оказались мягкие тапочки. Мужчина был выше Ольги на целую голову. Он с порога сказал ей, что ждёт её давно, и одобрительно кивнул, увидев, что она не сняла с затылка маску.

— Фрол тебя, наверное, напугал, сказав, что в лесу живут духи, — говорил он, помогая Ольге снять куртку. — Можно сказать, что так оно и есть. Но это скорее *намерения* этого места, и люди действительно могут видеть их проявления: тёмные фигуры, выходящие из-за елей. И если им удастся заморочить тебя — точно заблудишься.

Ольга слушала его и мрачно смотрела прямо перед собой, надеясь, что маска всё-таки защитила её от ельника и его странного *намерения* увести людей с верного пути.

— Вот это и есть проявление здешних сил. Потому и дорожка к моему дому идёт строго по прямой — чтобы с неё было сложнее сойти.

Он повесил куртку на вешалку и убрал её в шкаф.

Ольга сняла обувь, освободилась от маски и огляделась. Внутри особняк был полной противоположностью своей наружности. На стенах — деревянные панели, паркетный пол, высокие потолки, изогнутые светильники, стилизованные под цветы. Они горели мягким янтарным светом, создавая ощущение наполненности пространства эфемерным теплом.

— Ну что ж, добро пожаловать. Меня зовут Константин Матвеевич, а тебя, насколько я помню, Оля, верно? — Мужчина приподнял брови, словно ожидая от неё одобрения.

Ольга кивнула. Надела мягкие тапочки и замерла в неподвижности.

— Стоять в прихожей, конечно, можно долго, но ты, наверное, не за тем сюда пришла? — спросил Константин Матвеевич. — Пойдём.

И он повёл её по коридору, все выходящие в него двери были закрыты.

Коридор заканчивался двойными дверями. Они вели в зал овальной формы. Вероятно, это был самый большой зал в доме. Он был словно разделён на две части. Одну стену, примыкавшую к дверям, занимали книжные шкафы. Плавные линии, ненавязчивые цветочные мотивы — стиль модерн, наверно, был близок хозяину. Входные двери составляли часть грандиозного собрания книг. Но особенно поразила Ольгу противоположная стена, стеклянная от пола до потолка. Стекло изгибалось, повторяя очертания зала.

Константин Матвеевич предложил Ольге сесть. Девушка медленно опустилась в кресло. Но всё её внимание было приковано к изогнутому стеклу. Особняк стоял на границе обрыва, а овальный зал был вынесен дальше, опираясь на вкопанные в склон бетонные сваи. За оврагом поднимался лес, сейчас тонувший во тьме осенней ночи. Ольга не могла видеть, как со дна оврага начал медленно подниматься туман. И ни единого огонька, сколько ни вглядывайся в ночь.

Ольга до сих пор держала в руках маску. Она положила её на стеклянный стол. Мужчина сел в свободное кресло.

— Заблудиться здесь, конечно же, нельзя, есть прямая дорожка, но, — Константин Матвеевич едва заметно улыбнулся, — взаимодействие с этим клочком леса сказывается на работе приборов. Придётся подождать несколько дней, но ты же не хочешь ждать? — мягким голосом спросил он.

Ольга не понимала, зачем она оказалась в этом особняке, но ответила:

— Да.

— Ты знаешь, тебе в какой-то мере повезло, — он вновь приподнял брови. — Ты вернулась и сохранила свою *цельность*. — Он ненадолго умолк. — Тяжело работать с теми, у кого нет, например, кожи на лице, ты не находишь?

Ольга почувствовала, как её дыхание на мгновение прервалось.

— Или с теми, кто смотрит в стену и не реагирует ни на что, — продолжал говорить Константин Матвеевич. Лёгкая улыбка на его лице сменилась выражением глубокой озадаченности. Но сам предмет разговора не внушал ему ужаса, скорее, это был профессиональный, исследовательский интерес. Будто бы это не люди лишились разума и органов, а некие *объекты изучения*. И каждое увечье, полученное жертвой, вернувшейся после исчезновения, он рассматривал, как разноцветную бабочку, которую ему удалось, наконец, заполучить в свою коллекцию, чтобы потом, никуда не спеша, часами наблюдать за нею в микроскоп.

— Ты совершенно не повреждена, только сильно расстроена, — мужчина смотрел Ольге в глаза, и голос его становился всё резче, — но это бывает и с теми, кто никогда и никуда не исчезал, верно?

Ольга слабо кивнула. Она чувствовала напряжение в горле.

Внезапно, будто бы *из ниоткуда*, у стола возникла женщина в тёмно-синем платье. Она принесла поднос, на котором стоял серебряный заварной чайник и две серебряные чашки.

— Спасибо, Маргарита, — поблагодарил её Константин Матвеевич. Она едва заметно поклонилась и вышла. Ольга успела заметить, что в стене, там, где заканчивался книжный шкаф, была небольшая дверца, которую не сразу можно было разглядеть.

Ольга взяла чашку и отпила маленький глоток — было ещё слишком горячо.

— Доклад о тебе я изучил досконально, — сказал мужчина, наливая в свою чашку чай. — Семьсот двадцать часов. Тебе предстоит вспомнить всё, что с тобой произошло за это время. И это будут не самые приятные воспоминания. К сожалению, это совершенно необходимо. Для нас, для дела. — Он помолчал. — Для тебя.

Ольга молчала. Константин Матвеевич едва заметно нахмурился и спросил:

— Ты хоть немного представляешь себе, что произошло с тобой?

Он не сводил с неё напряженного взгляда.

— Да. Мне рассказывал Фрол. О том, как исчезают люди, а потом на их месте находят *объекты*... — последнее слово далось Ольге нелегко, но она внутренне похвалила себя за то, что проговорила его, не позволив голосу сорваться.

— Всё верно. Иногда, очень редко, находят людей, которые вернулись. Иногда находят тех, кто просто остался жив, — мужчина помедлил, — им не повезло. Мы стараемся собрать всю информацию, какую только можем. И тут передо мной — мыслящий, живой, говорящий человек, побывавший там, откуда возвращаются обрубками тел с выжженными мозгами. Зачастую такие, — он поискал слово, — *...особи* оказываются неспособными к продолжительной жизнедеятельности. Очень часто они заражены некими психическими *вирусами*. Их приходится изолировать, причём нередко глубоко под землёй, поскольку попасть под их влияние можно в радиусе нескольких десятков метров. — Мужчина откинулся на спинку кресла. — Но у тебя совсем другая история. Мне просто не терпится узнать, в чём же твой секрет.

Ольге было нечего сказать. Повисло молчание, затем девушка всё же спросила:

— Когда вы получите от меня все ответы, вырвете из моей памяти ценные сведения, изучите тайну моего исчезновения, вы отпустите меня? И что мне дальше делать? Ведь у меня теперь никого нет. — Ольга начала говорить громко, но потом произносила слова всё тише и тише, пока вовсе не смолкла.

Мужчина глубоко вздохнул. Он был почти уверен, что девушка, сидящая перед ним в кресле с серебряной чашкой в руках, не доживёт до окончания расследования. Семьсот двадцать часов — это слишком много. Даже сто часов, вероятно, навсегда искажают психику. Ничто не смогло бы подготовить Ольгу к тому, что ей предстояло вспомнить. Константин Матвеевич знал, что он, по сути, будет *медленно убивать* совсем ещё юную девушку, заставляя её шаг за шагом погружаться в ад, где не действуют привычные для земного со-

знания законы. Но всегда оставалась надежда. Он не хотел отвечать Ольге либо собирался сплести ей какую-нибудь замысловатую бессмыслицу, дескать, перед ней распахнутся все двери... Он сидел и смотрел на неё, мысленно отсчитывая секунды. Ольга держала серебряную чашку. Горячий чай был для неё сейчас настоящим сокровищем, и казалось, девушка была полностью поглощена им.

Константин Матвеевич не заметил, как его бесстрастный отсчёт секунд превратился в откровенное любование собеседницей. Вот она касается губами кромки чашки, легко, невесомо приподнимает её своими изящными пальчиками. Вот она почувствовала вкус чая. К её щекам возвращается цвет, исстает нервное напряжение. Как мало ей надо, чтобы снова стать самой собой! Девушка ставит чашку на блюдце, приподнимает глаза и уже окрепшим голосом спрашивает, не отводя глаз:

— После изучения этих *семисот двадцати часов* я буду свободна? — И в её взгляде сквозит почти детская наивность, чистое и безусловное желание получить то, что она называет *свободой*. Девушка моргает, её веки движутся медленно-медленно. Кажется, что время почти остановилось: взмах её ресниц длится и длится... Он продолжает смотреть на неё, словно позабыв, что хотел сказать.

— Поймите, — говорит она, — чтобы преодолеть все ужасы исследования, мне нужно хотя бы знать, что со мной будет, — говорит Ольга, и в её голосе сквозит боль. Она едва заметно прикусывает нижнюю губу. И каждое её движение искренне, неподдельно. В эти мгновения в сознании Константина Матвеевича происходит катастрофа, звучат чьи-то суровые слова: “Она должна умереть”...

Он вскакивает со стула, прикрывает глаза ладонью и обрушивает на Ольгу, словно гранитные плиты:

— Тебя ждёт смерть, — он не смотрит на неё, он не может вынести того ужаса, который она должна будет сейчас испытать. Стиснув зубы, он молча ждёт ответа. Она говорит:

— И у меня нет шанса спастись? Совсем?

Она спрашивает его об этом обыденным голосом, рассудительно и спокойно. Константин Матвеевич опускается перед ней на колени и берёт её ладони в свои:

— Шанс есть. Но тебе придётся быть очень сильной, негибаемой, непробиваемой. И отсрочить мы ничего не можем. У нас почти не осталось времени на поиски ответов.

Ольга наклоняется к нему поближе и, глядя в его серые печальные глаза, говорит:

— Я буду твёрдой, как камень, — она крепко сжимает его руки, — но и от вас потребую того же. Вы готовы?

Константин Матвеевич отрывисто кивает, на лбу его проступает испарина. Ему придётся доставить этой девушке страдания, такие, каких она, сейчас такая храбрая, даже не представляет себе, краешком сознания полагая всё же, что это *такая игра*. И в его голове повисает вопрос: “А готов ли я?”

ВЯЧЕСЛАВ БОГДАНОВ

1937–1975 гг.

Вячеславу Богданову – талантливому русскому поэту – исполнилось бы 75 лет.

Малая родина, Тамбовщина, одарила его поэтической душой, а вторая малая родина – Урал – дала ему поэтическую судьбу.

При жизни поэта было издано семь его стихотворных сборников, а после безвременной гибели ещё шесть.

Ежегодные Богдановские чтения проходят на Тамбовщине, где открыт музей поэта, названы его именем библиотека и улица, где ежегодно в его честь вручается литературная премия “Светунец”, где установлен памятник ему работы народного художника Н. А. Селиванова.

“Вячеслав Богданов принадлежал к тому поколению крестьянских детей, которые с невероятными усилиями, преодолевая нужду, лишения, безотцовщину, не имея опоры на знатных родителей, на семейные традиции, вышли из простонародья и стали в 1960-е годы настоящими творцами русской культуры”.

Станислав Куняев, Москва

“В стихах Богданова отчётливо слышится голос подлинной жизни, в которую автор вошёл уверенно хотя бы потому, что “по дорогам нетореным, тряским из-под рук моих песня и труд далеко уходили, как сказки”... Полные достоинства слова поэта о том, что у него “завод-отец, деревня-мать, и чёрный труд — учитель!” — не декларация, а неотъемлемая часть биографии — металлургической и поэтической”.

Николай Кузин, Екатеринбург

“Бывая в Москве, Слава любил приходить в Центральный Дом литераторов. Его тянуло к друзьям, в атмосферу этого дома. Однажды он пригласил меня. Его многие знали. Когда он дружески здоровался с известными поэтами, я тихо ему завидовал и гордился им. Самым памятным было знакомство с Николаем Тряпкиным. Их с Богдановым связывала многолетняя дружба. Мы сидели за столиком, Тряпкин напевал свои стихи, закрыв глаза и отбивая ногой такт. Потом он положил руку на плечо Богданову и сказал: “Завидую тебе. Село — это да. Знаю хорошо. Стихи о нём получаются как надо. Живу в Москве, а стихов о городе нет. Хочу написать, а не могу. У тебя и то, и другое. И хлеб, и железо. Молодец. Завидую”.

Геннадий Суздаев, Челябинск

И КЛАНЯЮСЬ Я ПРОШЛОМУ ОПЯТЬ...

РУСЬ

Обжитый мир под Солнцем, под Луной
И под лучами звёздными косыми,
Где дух веков кружится надо мной
И распахнулся далями России.
И я иду навстречу тем векам,
Голубоглазый, русский, коренастый.
Колосья прикасаются к рукам,
Озёра колыхаются глазасто.
Земля всю вращается, кричит
Холмом, золой,
Что с ней на свете было...
Роняет Солнце тихие лучи
На обелиск,
На братские могилы.
И кланяюсь я прошлому опять,
Родной земле за все крутые были.
Я в мир пришёл — творить,
А не рыдать,
Века и так к нам на слезах приплыли...
Нам прошлое сегодня,
Как броня,
И в нас живут его земные боли.
Не потому ль мы встали у огня,
Не потому ль мы распахали поле?!
И, вглядываясь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни,
Неба,
Пущи...
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.

1973 г.

ОЗЕРО

Откипело озеро степное,
Синевой пронизано насквозь,
В берега,
Оплавленные зноем,
Присмирив на время,
Улеглось.
Что его негаданно
взъярило?
Не бывает бури
без причин!
И какая
Зоревая сила
Вырывала камни из глубин?
Озеро бунтует
не впервые,
Раздвигая берега,
Как тьму.
Назвенели воды дождевые
Про свободу-волюшку ему...
Потому металось так мятежно!
Может быть,
Поднявшись на дыбы,
Океан увидело безбрежный
Из своей
Кольцованной судьбы!
Но ему
Из берегов разбитых
В океан прорваться не дано!
И крутые камни,
Как обиду,
Засосало илистое дно.
Всё равно при утреннем тумане
Забунтует озеро насквозь.
Пусть оно не выйдет к океану,
Но зато к великому рвалось.

СТОГ

— *А кой тебе годик?*
— *Шестой миновал.*
Н. А. Некрасов

Тяжёлый год. Нетопленая печь.
Глухая ночь,
А в доме — ни полена.
Над стогом месяц висится,
Как меч,
Крадусь в степи,
Как будто бы из плена.
Огонь в избе объездчика потух...
И не страшны мне ни погост,
Ни волки...
Лишь скрип салазок напрягает слух,
Торчит стерня,
Острее, чем иголки...

Я стогу в бок вогнал железный крюк,
Обучен рано ремеслу такому...
Но только стог упрям,
Как жадный друг,
Мне по клочочку выдавал солому.
И дёргал я солому сколько мог,
Искал места,
Где легче подступиться.
Вгонял я крюк.
И, оседая, стог
Стонал в ночи, как раненая птица.
И я, мальчишка десяти годов,
По-взрослому,
Совсем не без опаски,
Между чужих запутанных следов
Тянул домой с соломою салазки.
Такая даль искрилась впереди!
Такие звёзды крупные сияли!
Хотелось всю деревню разбудить,
Но брёл тайком,
Чтоб люди не видали...
Я отдохнуть присел на бугорке, —
Спасителем от всех морозных бедствий
Колхозный стог виднелся вдалеке,
Раздёрганный кругом,
Как наше детство.
Я это всё запомнил и сберёг.
И сердце оттого не каменеет...
И душу мне,
Как тот колхозный стог,
Никто вовек раздёргать не сумеет!..

1972 г.

Я ЖИВУ...

Я живу на озёрном Урале,
Ты живёшь на великой реке.
От моей полуночной печали
Почернело кольцо на руке.
Упаду, как ослепшая птица,
Путеводной не видя звезды.
Из какого резного копытца
Выпить мудрость волшебной воды?
Доживу без любви
И без ласки
И тебя никогда не дождусь.
Всё равно,
Как царевич из сказки,
Я однажды тебе пригожусь.
Ты очнёшься,
Но будет уж поздно,
Слишком жизнь у людей коротка.
Укачает упавшие звёзды
Голубая речная тоска.

1960 г.

СЕНТЯБРЬ

Весёлая,
Сквозная,
Продувная
Пришла она, осенняя пора.
На стол легла горячим караваем,
Листою закружилась у двора.
Пришла с нарядной красною рябиной,
Её ветвей упругих не щадя,
С пугливой суетою воробьиной
И с серостью настырного дождя.
Родной сентябрь!
До радости, до пенья
Своим лучом прощальным обогрей!
О, добрый месяц моего рожденья,
Меня всегда ты делаешь добрей.
Я никакой обиды не припомню
И никому беды не причиню,
А лишь уйду к берёзам через пойму
И поклонюсь серебряному дню.
И станет память чище и милее
О поле, о заводе, о руде...
И закипят в душе,
Как муравейник,
Былые дни, прожитые в труде...

1974 г.

АЛЕКСЕЙ СЕЧИНСКИЙ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Алексей Антонович Сечинский* – младший брат Сергея Антоновича Клычкова. В конце 60-х годов XX века он был одним из немногих, кто пытался возродить некогда широко известное литературное имя Сергея Клычкова. Достаточно вспомнить, что даже после политической реабилитации поэта в 1956 году произведения его не издавались, а имя надолго было вычеркнуто из списка русских писателей-мыслителей начала прошлого столетия. Алексей Сечинский долго добивался переиздания книг своего брата: он обращался и к Брежневу, и к заведующему отделом культуры ЦК КПСС Шауро, и к Шолохову, но всегда получал отказ.

В 1974 году Алексей Антонович Сечинский написал воспоминания «О родном крае, поэте, писателе и переводчике Сергее Антоновиче Клычкове». В них он описывает жизнь и быт города Талдома и своей родной деревни Дубровки, где жила большая семья будущего знаменитого поэта.

Алексей Сечинский в своих воспоминаниях рассказывает о старшем брате Сергее. Здесь он впервые поведал о пути Сергея Антоновича Клычкова в литературу, о его родных, о тех людях, с кем сводила его судьба. Благодаря воспоминаниям Алексея Сечинского были написаны статьи, стали возможны научные публикации, книги о жизни и творчестве Сергея Клычкова.

В нашей публикации вашему вниманию предлагается несколько сокращённых глав из воспоминаний Алексея Антоновича Сечинского. Для создания масштабного контекста творчества Сергея Клычкова хотелось бы воспоминания его брата Алексея издать полностью, поскольку они дополняют творческий образ теперь уже признанного поэта и писателя. В 1983 году Алексей Антонович Сечинский на 86-м году жизни скончался, так и не дожив до полной литературной реабилитации старшего брата.

Наша деревня Дубровки

Мне с детства памятен трактир вблизи станции Талдом с постоянным двором Бендрышева Ал. Николаевича, возле которого на протяжении 150–160 метров ранней весной и осенью тянулась не дорога, а непролазная грязь.

* Сечинский Алексей Антонович – родной брат Сергея Клычкова. Точно не известно, по какой причине в 1919 году вся семья поэта переменяла свою фамилию на Сечинских. Однако Сергей Антонович Клычков остался при своей прежней фамилии. По рассказам родственников, их мать носила фамилию Сечинская.

По этой дороге колёса телеги катились в густом, липком месиве и были видны лишь наполовину, а в глубоких местах их не было видно вовсе.

С большим трудом лошадь доезжала до железнодорожного переезда. За ним направо располагалась паровая мельница с чайной и постоянным двором Кашехлебова Ивана Андреевича.

С левой стороны был лесной склад Дмитриева. Вот с этих мест и начиналась из села Талдома дорога в деревню Дубровки. Эта дорога более чем на 200 метров представляла собой дорожную колею с довольно глубокими колдобинами. Сразу за маленьким мостиком через когда-то выкопанную, а теперь заросшую травой и кустарником канаву, были положены в ряд тонкие бревешки метров 4–5 длиной. В сухое время года они вплотную лежали в углублении, и лошадь с телегой шла по ним без труда.

Ранней весной и осенью, после дождей, вода приподнимала эти бревёшки, и лошадь, шагая по ним, скользила и спотыкалась, а колёса телеги крутились неравномерно. Лошадь, видя метра за два более надёжное место, выходила с передком телеги – подушкой-осью, отдыхала на “безопасном” месте, а телега с людьми вытаскивалась из грязи без её помощи.

Дальше дорога по талдомской земле шла с теми же колдобинами до мостика, с которого начиналась уже дубровская земля.

В деревне Дубровки было 30 домов, а жителей в них – около 130 человек.

Расположена была деревня на реке Куйменке, впадающей в Дубну. С трёх сторон узкие полоски земли засеивались рожью, овсом, льном. Урожаи были очень низкие. В дождливую осень или весну концы этих полосок вымокали, и урожай был сам-третей.

За рекой Куйменкой были дубровские леса Потапиха, Чертухино, Осинник и леса купцов Колыгина, Замлезко, а дальше Малый и Большой или Великий мох со Светлым болотом. Как только начинались тёплые ясные весенние дни, гомон птиц далеко-далеко разносился по утренним и вечерним росам, а ночью раздавались то жалобные, то как бы смеющиеся голоса ночных птиц, рысей и барсуков.

Вся эта загадочная гармония разнообразных звуков ещё больше укрепляла в деревенском народе веру в леших, домовых, чертей и русалок.

Сами по себе Дубровки ничем особенным привлекательны не были, но леса, река, низменная, зачастую болотистая местность, обилие певчих птиц, дичи, грибов, ягод, утренние и вечерние росы, туманы, зарождающиеся над рекой и на нашем болоте, замечательная игра на рожке в ночном пастуха Нила, мерцающие звёзды, как будто кто-то там на них дует и они никак не могут погаснуть на тёмно-синем небе, – всё это приводило в волнение душу.

При входе в Колыгинский лес стояла удивительно красивая, причудливой формы ель. Она была необычайно высока, имела сплошную густую зелёную крону лапчатых ветвей, спускающихся до самой земли. В сильный проливной дождь она давала приют под своими ветвями и малым, и старым, оказавшимся в непогоду в лесу.

Впоследствии купец Колыгин свой лес вырубил. А про эту ель с сожалением вспоминали не только мы, дети природы, но и взрослые, в ту пору жившие в нашей деревне.

Через пару лет по колыгинской вырубке появились заросли малинника, и к Ильину дню здесь было столько малины, что хватало многим запасти на всю зиму.

Троицын день – праздник весны

В Дубровках весьма был приметен праздник Святой Троицы и Духов день.

Жители деревни к нему готовились загодя: мыли все в домах, а около домов и в огородах подметали и прибирали. При входе в дом ставились ветки распутившейся берёзы с молоденькими, липкими ещё и пахучими листочками. Праздник старались встретить и отметить лучшей едой, хмельным. Многие говорили: “В лепёшку расшибусь, а сделаю так, чтобы не было стыдно ни перед гостями, ни перед соседями”. Для того чтобы не было стыдно, у купцов и богатеев брали деньги под будущую работу или продавали скотину.

Празднование в домах начиналось после того, как поп – Егор или Михаил – окончит обход всех домов с иконой из талдомской церкви и отслужит молебен за деревней на выгоне, где пасли деревенское стадо.

Посреди деревни на лужке уже водили хороводы и пели “Во кругу” с приплясом и с гармонистом, распевала звучным голосом развесёлая вдова Ори-на Морковкина или Варвара Кислиха со вьюном из полевых цветов на плече:

*Положу я вьюн на правое плечо,
А со правого на лево положу,
А со левого к милому положу.*

Кому клался вьюн (венки), тот входил во круг. Его или её просили спеть или сплясать. Часто для общей потехи выбирали старушку, которая долго не соглашалась выйти, но потом, очевидно, вспомнив свою молодость, пускалась со вьюном в такой пляс, что своей весёлостью заражала даже и тех, кто пел редко или вовсе не любил петь. Все пели и плясали, причем пускались в пляс с прибаутками, хлопками и остротами.

Пелась и такая хороводная песня:

*Вдоль по морю, морю синему, хвалынскому,
Морю синему хвалынскому,
Плыла лебедь со лебятками,
Со малыми, со ребятами.*

В хороводы часто вставал и брат, а потом он писал о том стихи:

*В хороводе Лада ходит,
Белой, белой ручкой водит,
Следом парень разудалый,
Парень, парень холостой:
— Ой, красавушка, постой!
Погоди — постой чуток,
Не стеряла ль ленты алой,
Не сронила ль ты платок!
Ходит Лада павой, павой,
Машет ручкой правой, правой,
Жмёт платочек на груди —
Забегает парень русый,
Закликает парень:
— Ты постой да погоди!
Не сронила ли ты бусы,
Не стеряла ли серёг!..*

(Из книги “Кольцо Лады”)

Близился вечер. Домохозяйки готовились в своих домах к приходу скотины с выгона. В хороводах оставалась только молодёжь. Гости из Талдома и других деревень старались засветло вернуться домой.

Ильин день – начало уборки урожая

В Ильин день в Дубровках тётка Катерина Кульчиха в ржаном поле зажинала первый сноп и ставила этот сноп в переднем углу своей большой избы. Это был сигнал, что рожь поспела, надо жать.

Катерина уже в годах была, но необычайно сильна и энергична, и она была единственной в Дубровках, кто занимался только крестьянским трудом. Были ещё дома, где крестьянство было поставлено хорошо, но там ещё и башмаки тачали, к примеру, Василий Иванович Морковкин, Куприян Кондратьевич Каблуков, Анисим Антипович Козлов, Анна Егоровна Голубкова, Терентий Иванович Клычков, Филипп Макеев и ещё три-четыре хозяйства.

В Дубровках многие имели родных и знакомых в Талдоме и в Ильин день уходили туда в гости. В Талдоме тогда собиралось много народа из ближайших деревень.

Праздник праздником, а Кульчиха принесла сжатый сноп ржи с поля, значит, рожь поспела. И все гостящие спешили засветло придти домой, что-

бы завтра рано утром быть в ржаном поле. Дубровские крестьяне быстро сжи-нали свои узкие полоски, дружно подвозили снопы к овинам. Снопы складывались в скирды, потом просушивались в овине, натопленном наколотыми из пней дровами. Молотили на гумне цепами, веяли лопатой на ветру ржаное или овсяное зерно.

*Над рекой туман косматый,
Пахнет, пахнет в поле мятой,
Плачет перепел во ржи,
Луг покошен, рожь пожата,
Месяц клонится щербатый
В васильки сырой межи.*

А вот ещё стихи моего брата Сергея об этой благословенной поре:

*Синий дым по луговине,
В ряд сидят снопы в овине,
Дремлет дед за камельком,
Звёзды падают мельком.*

Близится осень

Вскоре после Ильина дня пахали пар и сеяли рожь. Обмолот сжатой ржи и овса был уже закончен. Одновременно с обмолотом надо было повыдергать лён и обмолотить его. В яровом поле копали картошку, сушили её у дома, чтобы убрать в подпол и сохранить до весны. Подпол был устроен в выкопанной на высоком месте грушеобразной глубокой яме. Всё это делали в большинстве своём хозяйки, их дочери и дети.

Мужья-башмачники, не покидая своих *липок*, сидели за шитьём башмаков с раннего утра до поздней ночи. Да, признаться, некоторые из башмарей и не умели ни пахать, ни запрячь лошадь в телегу или сани. Но по просьбе жены-хозяйки всегда старались помочь. Дугу в гужи хомута и в оглобли закладывали назад кольцо (в дуге находилось кольцо, в которое от обороти пропускался повод). Супонь у хомута стягивали не вплотную.

Вышла домохозяйка-крестьянка, села в сани или телегу, тронула вожжами лошадь, а лошадь-то и вышла из оглобель. Спокойная, весёлая баба расхохочется на всю деревню, а сварливая, характерная возьмёт своего “крестьянина” в работу, а он ответ ей – и пошёл крик на всю деревню.

Конец хмурому октябрю: полевые, огородные работы закончены рубкой капусты на зиму. Обработан лён и готов к продаже.

Наступает ноябрь месяц. Со снегом, с дождём и холодным ветром – и тёмными-тёмными ночами. В эти тёмные, ветренные вечера и ночи со стороны Талдома слышались охрипшие голоса и залиvistые звуки гармошки. Это возвращались из Талдома рекруты-новобранцы, которых призывали в армию, для чего из уездного города Калязина приезжала военная комиссия. День проводов всегда был очень трогателен и печален.

Неделя за неделей проходила – и постепенно забывались грустные проводы в армию новобранцев-рекрутов. Погода менялась, ночи становились звёздными, светлыми. Утро наступало с морозцем и мелким сухим снежком. День проходил с холодным, но ярким солнцем. Небо – без единой тучки. День ото дня снег все плотнее покрывал землю своим тёплым одеялом.

И об этом можно прочесть в стихах Сергея Клычкова:

*Где овраги, где луга,
Где дремучий тёмный лес,
Где огорок до небес,
Запеленутый в снега...*

В зимнюю пору с раннего утра до поздней ночи кустари-башмачники, не разгибая спины, сидели за работой, а под базарный день зачастую и ночь напролёт: с *липки* – сразу в Талдом, на базар. *Липка* – это круглое сидение из липового дерева, выдолбленного изнутри. Верх *липки* был обит брезентом или кожей, куда зачастую мастера после работы складывали нож, тер-

пуг, урезник, такмачок, шило, форштук, грифель, молоток, тупичок и другие инструменты.

Домохозяйки были заняты своей работой, да ещё и мужу помогали: надо было на зингерской ножной машине делать заготовки для башмаков.

Дни летели быстро, незаметно подкрадывалось Рождество (старого стиля – 25 декабря, нового стиля – 7 января), а потом и Крещение (6 января старого стиля и нового стиля – 19 января).

За долгие зимние праздники башмари чуть-чуть очухаются – отдохнут, придут в себя.

После Крещения – Святки, которые продолжались до Масленой недели. На Святках для *поседок*, или, как ещё называли их по-другому, – *бесед*, снимали девки большую избу с широкими аршинными лавками по двум сторонам, широкими же, чуть не по аршину шириной сосновыми половицами.

Старинная добротная изба часто снималась у Катерины Кульчихи, которая сама управлялась со своим крестьянским хозяйством не хуже, чем семейные.

На этих *поседках-беседах* вечерами в продолжение всех Святков девки и парни водили *кадрили* и играли в *соседи*. Парни из других деревень приезжали на *поседки-беседы* к нашим дубровским девкам. И не было случая, чтобы кто-то затевал из-за девок драку. Нож был главным орудием в работе башмачника, но ни один парень при себе никогда не носил ножа.

Наезды парней в деревни были *смотринами* – выбором невест. Понравившиеся друг другу девица и молодец сообщали о том своим родителям. Родители невесты зачастую приезжали посмотреть на жениха: какая семья, какие бытовые, жизненные условия, где будет жить их дочь. Кроме всего этого, родные жениха и невесты узнавали через сватов, *кумушек* подробнейшие биографические данные – вплоть до прадеда и прабабки, подчас уже умерших лет 20 тому назад.

Первыми условиями для сговора были такие: невеста должна была быть заготовщицей, а жених – хорошим мастером рантовой, гвоздевой и шитной или воротной обуви. В почёте были женихи, шившие дамскую обувь со строченой шёлковой ниткой в ранте, с французским деревянным каблуком, из шевровой или *лак-шевро* – хромовой заграничной кожи.

Были мастера, так называемые *волчки*, шившие изящные *лодочки*, *венгерки*, *румынки* из заграничной кожи, причем не более 2-3 пар в неделю.

Были ещё мастера *гусарочки*, некоторых из них звали *лепилами*, потому что мастер вместе с учеником или с подмастерьем в неделю “лепили” – шили более ста пар детских башмачков.

Таких *гусарочников-лепил* в наших Дубровках не было, но в Нушпольской, Семёновской, Ново-Семёновской волостях их было много.

Но *гусарочки-лепилы* не были в почёте и никогда не подсылали своих сватов к невесте с хорошим приданым, зная, что родители невесты своего согласия на такой брак не дадут.

Невеста, родители которой более или менее материально крепкие, должна была иметь пальто плюшевое или суконное на лисьем меху. Не менее четырёх одежин, на каждое время года, несколько подушек, перин, два-три одеяла, несколько платьев, швейную ножную машину зингерскую. Невеста бедных родителей ограничивалась не периной, а постельником и могла быть и без машины. Но пальто на лисьем меху было обязательно, хотя и недорогое, но обязательно *на лисьем*. Если жених был *фартовый* – мастер хороший, семья почётная, – то родители невесты, как говорили раньше, *в лепёшку расшибутся*, а всё для неё справят. Если достаток был небольшой, то залезали в долги или продавали скотину. Боялись, что дочь упустит жениха, а в другие Святки сваты и свахи могут и не подъехать к ним, а девке идёт уже восемнадцатый год, а за двадцать лет будет – то тогда может посватать какой-нибудь вдовец, да с детьми, или же *лепило-гусарочник*.

Девица за 19–20 лет считалась *переростком*, почти старухой. Она ходила на *поседки-беседы*, а выбирали её на *кадриль*, только если не было помоложе, или же её выбирали такие же парни – *переростки*, *старики*, которых было очень мало.

Готовое приданое жениху отвозили подружки невесты. Перед отъездом невеста собирала девичник – вечер прощания с девичеством.

На девичнике подружки невесты пели песни о том, что “покидает их подруженька Алёнушка и улетает навеки вечные к ясному соколу Егорушке”.

Девушки, отвозившие к жениху приданое, старались показать, что приданого много. Раскладывали его на 3–4 лошадиные упряжки в деревенских санях-розвальнях. В санях-розвальнях самые голосистые девушки пели развесёлые песни. А когда проезжали селом Талдомом или какой-нибудь деревней – пели как можно громче.

Привезённое к жениху приданое никогда не отдавали просто так. Девушки требовали денежный выкуп и угощения. После торга приходили к взаимному соглашению, жених выкупал приданое и ставил угощение. Но необходимо заметить: до поставленного на стол *белого* и *красного* вина ни одна девушка не дотрагивалась. Среди деревенских девиц считалось постыдным пить вино и водку.

Первый день свадьбы гуляли у жениха, второй – у невесты, на третий день делали складчину и пир продолжался в Талдоме, в трактире Кузьмича или Чернова, с плясками и песнями. На свадьбу приходили ряженые, которыми ставили угощение и давали денег.

В суевежных семьях (а таких было много!) очень боялись прихода колдуна на свадьбу, который мог принести новобрачным несчастье и испортить их семейную жизнь.

Свадьба кончалась, и привезённая молодуха и её муж усаживались за башмачную работу.

Ждали прихода Масленицы, поскольку молодожёнам надо было встретить и проводить её так, чтобы к отцу жены в деревню, в Талдом или Кимры, приехать на лошади, которая бы *плясала на месте*, и сбруя была бы вся блестящая, и лошадь бы в маленьких лёгких саночках всех лошадей обгоняла, а на жене и на муже был бы виден пушистый отворот лисьей шубы.

Молодые, неженатые люди тоже старались прокатиться в хороших санках, на быстрой лошади с девицей, которую заприметили ещё на Красной горке, чтобы на будущих Святках заслать к ней сватов.

Все эти недешёвые приобретения хорошим башмачникам доставались упорным трудом. Работали они по 15–18 часов в сутки. Про таких мастеров говорили: “Он и днём – с огнём”. Всякому овощу свое время. Так и тут: праздник весны, Троицу и Духов день встречали в Дубровках ветками берёзок с только что распустившимися липкими листочками, раскладывая их при входе в дом. Масленицу встречали и провожали *красой*. Почти у каждого дома (кроме тех домов, где жили уж очень старые люди) на длинной жерди прикрепляли ёлочку с полметра высотой или другое деревце, украшали его цветной бумагой. Из картона вырезывали или свивали из соломы голубков, ангелочков, куколок или другие игрушки, вешали на ёлочку бумажные или настоящие блины. Эту *красу* устраивали молодые женщины и девушки, проявляя и свой женский вкус, и наблюдательность, и умение. Каждый старался как можно красивее и смешнее нарядить свою *ёлочку-красу*, чтобы она была лучше, чем у соседей.

На некоторых ёлочках укрепляли *парня*, который размахивал руками с блинами. Блины эти, картонные или хлебные, от малейшего ветерка приходили в движение, а у *парня* так было углем лицо размалёвано, будто он этим блином улыбался.

Эти *ёлочки-красы* стояли до воскресенья Масленой недели. Вот пришла и суббота, а вечером в субботу у ребячьей ватаги, да и у тех, кто постарше нас, было много забот: устройство масленичного прощального костра на *огорке* за Дубровками.

На *огорок* свозили солому, ступицы от колёс, пропитанные дёгтем дрова, старые сани, ветошь, ящички из-под колёсной мази. Приносились и *ёлочки-красы*, вздетые на жерди.

На *огорке* укреплялись, как у шатра, четыре-пять высоких жердей. В середину складывали дрова попеременно с соломой и всем тем, что было принесено для костра. Ставились в этот шатёр и некоторые *красы*.

Другие ёлочки и ящички укреплялись на жердях чуть в стороне от костра. А выше всего в этом костре-шатре было чучело *парня* с блинами в руках, укрепленное на шесте.

И вот, наконец, масленичное воскресенье, наступил вечер. К нашему шатру-костру стекается дубровский народ... Вот мы увидели, как загорелась Масленица в Талдоме, Костине, Серебряне... Пора и нам зажигать. Мы зажигать свою Масленицу никому не давали. Наконец, с четырёх, с пяти сторон поджигаем.

Наверху, над шатром, масленичный парень долго машет блинами. Жердь, на которой он висел, постепенно подгорала, и он падал, объятый пламенем, в середину костра. Мы кричали: “Конец Масленице! Блины сгорели!” — и все собравшиеся, молодые и старые, кричали и хлопали в ладоши.

Стоящие поодаль красы опускали и поджигали, а потом вновь поднимали их пылающие фигуры в вышину на шестах.

А вот как мой брат описывал Масленицу в своих стихах:

*На поляне, на поляне
Вкруг костра весёлый крик,
На костре худые сани,
В санях парень и старик.
Песни, пляски на поляне,
Старый, старый трубит в рог.
Яркий змей пополз под сани
И в костре, свернувшись, лёг.*

Костёр потух, красы и ящички сгорели, огорок опустел. Из деревни был чуть заметен ползущий и вспыхивающий огонёк догорающего костра.

Проводившие Масленицу сельчане доедали остатки блинов и рыбы. Завтра понедельник, первый день Великого поста. Башмари опять примутся за свою изнурительную работу, а у хозяек хватает забот и по дому, и в лесу: нужно вывезти сучья, дрова, да и мужу в башмачном деле помочь. Дни летели быстро. Зима шла к концу.

О зиме Сергей писал:

*Ой ты, лютая зима!
Погуляла вдоль села,
Подобрала закрома,
Все сусеки подмела!
Собиралась восвояси:
Шубу белую, дублённую
Уложила в сундуки,
Лишь подкладочку зелёную
Обронила у реки.*

Дед и бабушка поэта

Дед поэта, Никита Родионович Клычков, происходил из крестьян Тверской губернии, Калязинского уезда, Талдомской волости, деревни Дубровки. Был Никита Родионович кустарем-башмачником. Жил бедно, в развалившейся хате, с дырявой соломенной крышей. В Дубровках, однако, он прожил недолго. В то время Савёловской железной дороги не было, и пошёл он из деревни в Москву пешком.

В Москве Никита Родионович женился на кухарке Евдокии Михайловне, служившей у господ-поляков. По словам нашего отца Антона Никитича, она была полька.

У них в 1865 году в Москве родился сын Антон — отец поэта. Перед уходом из Москвы в Дубровки его 9 лет от роду отдали в ученье петербургскому башмачнику.

Никита Родионович в деревне Дубровки надолго не задерживался. Оставив жену с родившейся уже в деревне дочкой Анной, отправился он в Святые места на богомолье. Его паломничество продолжалось около года. По словам нашего отца, Никита Родионович побывал и на Афоне.

Во время остановок дед в сёлах и деревнях чинил обувь, помогал крестьянам по хозяйству.

Денег за работу не брал, говорил: “Если я иду Богу молиться, то денег за работу не должен брать, а помогать задаром, тогда моя молитва будет угодна Богу”.

Возвратясь с богомолья, Никита Родионович помогал жене по хозяйству, отдыхая от долгого пути.

И снова уходил, но умер он в своих Дубровках.

Жена Никиты Родионовича – наша бабка Авдотья обладала хорошей физической силой, была статной, красивой, волевой женщиной, легко справлялась с тяжёлой физической работой. На своей любимой лошади Сивко возила лес, дрова, сучья. Часто говорила: “Умрём мы с тобой, Сивко, вместе”. Как будто знала она, что вместе с Сивко трагически погибнет под колёсами поезда на железной дороге...

Родители поэта

Хозяева и мастера-башмачники с учениками обращались бесчеловечно, не чураясь и телесных наказаний. Это испытал на себе и девятилетний Антон, отец поэта. Не выдержав истязаний, из Петербурга он с обозом убежал в Москву, где с большим трудом, лишь через несколько лет добился совершенства в башмачном ремесле.

В Петербург он вернулся хорошим мастером. Женился на 17-летней башмачнице-заготовщице Фёкле Алексеевне Кузнецовой, жившей в услужении у своего дяди, Чулкова Алексея Васильевича.

В восьмидесятых годах прошлого столетия Антон Никитич с Фёклой Алексеевной из Петербурга вернулись в свою деревню Дубровки.

В деревне Антон Никитич построил деревянный дом, который впоследствии сгорел. Тогда он начал строить дом из кирпича, и строил его долго.

Наша мать Фёкла Алексеевна пешком ходила в Москву с коробом изготовленных башмаков за плечами. Она выходила из дома часов в 10–11 ночи, шла всю ночь, весь день, вечер и только часа в 2–3 следующей ночи приходила в Москву.

Продав утром башмаки палаточникам у Кремлёвской стены или в магазины города, отправлялась в обратный путь пешком – 100 верст от Москвы до Дубровки. После трагической смерти бабки Авдотьи у нашей матери, очевидно, на почве нервного расстройства случился паралич правой ноги и всей правой части тела.

Эта болезнь уложила нашу мать в постель больше чем на полгода. Земский врач Жардецкий в лечении матери принимал большое участие, но положительных результатов не было.

Однажды летним солнечным днем мы вынесли ее на улицу. И в тот же день пришедшая к нам старая нищенка, увидев нашу мать, посоветовала взять большую деревянную бочку, насыпать до половины сеной трухи – свежей, с цветочками. Влить кипящую воду и закрыть бочку одеялом. Потом взять у мясников мозги двух старых лошадей, размешать их в горячей воде, влить в бочку с сеной трухой, снова закрыть её и дать постоять. Когда вода в бочке немного остынет, поместить в неё больную, покрыть её и держать в бочке, пока не остынет вода. Этот совет нищенки мы использовали три или четыре раза, и наша мать начала постепенно ходить, только нога стала чуть короче, и она до самой смерти слегка прихрамывала.

Фёкла Алексеевна – наша мать – была женщина неграмотная, но в обращении со всеми ласковая, добродушная и простая. Под праздники незаметно, таясь даже от своих детей, одиноким старушкам и многосемейным – очень бедным – клала в чулан хлеб или муку, творог и другие продукты, хотя мы зачастую и сами терпели нужду.

Все семейные заботы лежали на плечах нашей матери-труженицы, которая, благодаря её светлomu разуму и большому трудолюбию, все же сводила концы с концами.

При урожае яблок в нашем саду в базарные дни мать торговала ими в Талдоме. Часть яблок доставалась и нам, и деревенским ребятишкам. Возвращаясь с базара, она всегда раздавала яблоки, и дети встречали её при въезде в деревню, ожидая сладких гостинцев.

Жизнь нашей матери была очень нелёгкой. Она подорвала своё здоровье непосильной работой и последние 20 лет страдала нервными припадками.

Отец наш часто выпивал, но когда брат Сергей был дома, то отец выпивал реже, чему мы были очень рады. В особенности мы радовались за нашу мать, которая в это время могла обрести покой и отдохнуть.

Наши родители были старообрядцами, и в деревне нас звали *столоверами*. Поп был из своих же, полуграмотный, но хорошо знавший церковные обряды.

Старообрядцев в Талдомской волости было не более 30–40 семей. В нашей деревне таких семей было пять. Церковь наша находилась в селе Талдоме, была она маленькая, деревянная. При входе в неё, на паперти стоял шкаф. В этот шкаф верующие мужчины вешали верхнюю одежду, надевая чёрный, до колен длиной, пиджак с бортами, и носили его до конца службы в церкви. Женщины ходили в церковь, одетые во всё чёрное. Каждый молящийся имел свой собственный коврик, который стелил перед собой на пол при земных поклонах. Кроме того, некоторые верующие имели ещё и лестовку, представлявшую собой очень узкий ремешок с выпуклыми, сделанными из кожи узелками-делениями.

При каждом земном поклоне большой палец левой руки переходил с узелка на узелок – так производился отсчёт земных поклонов.

Всех делений на лестовке было 50 или 100.

Внутренний вид нашей церкви отличался строгостью икон. Книги, по которым отправлялась церковная служба, производились чтения и песнопения, были с крупным церковно-славянским шрифтом, и начальная буква слова на каждой странице была выполнена по витиеватой трафаретке киноварью.

Были они в толстых деревянных переплётках – досках, обтянутых кожей, и запирались кожаными створками.

Родители наши всех обрядов не соблюдали, но считали себя верующими. Я слышал не однажды, что отца и мать другие верующие осуждали за неаккуратное соблюдение церковных правил: они-де редко ходили в церковь, не постились, не исповедовались, не причащались так часто, как полагалось верующему человеку.

Осуждавшим мать не раз говорила в ответ: “Можно и в церковь не ходить, но в Бога верить”.

Наши родители, как и большинство деревенских людей, родившихся во второй половине XIX века, были суеверны. Верили в колдунов, в порчу, в дурной глаз: образовался какой-нибудь чирей на теле – они считали, что это колдун присадил килу.

Когда кому-нибудь нездоровилось – глаза воспалённые, жар в теле, – они считали, что его *сглазили*.

Заплелась или запуталась грива у лошади – считали, что гриву запутал *домовой*.

Тёмной ночью крик или завывание в лесу – считали, что в лесу завелась *нечистая сила, черти, ведьмы*.

Но и вера в бога, и вера в сказочных, мифических персонажей с годами у наших родителей *повыветрилась*.

Охота на глухаря

Раза два-три брат брал меня с собой на охоту на глухаря.

Эта красивая большая птица жила и множилась в казённых вековых лесах.

От деревни Дубровки такой лес был в 8–9 километрах. Дорога к нему вела по мосту через реку Куйменку и луговину, а потом вдоль реки шла стороной, около Дубровского осинника и смешанного мелкоколесья, и выводила к стене векового, высоченного казённого леса.

Вот от этой *лесной стены* и начиналась дорога, временами переплетаемая корнями вековых елей и сосен, которая вела к реке Дубне.

Там когда-то в затоне стояла водяная мельница, от которой остались только сваи и часть остова, погружённая в воду. Об этой чудесной водяной мельнице написано Сергеем стихотворение “Мельница в лесу”:

*Льётся речка лугом, лесом,
А в лесу волшебный плёс
Словно чаша под навесом
Частых елей и берёз.
У лазоревого плёса
Посредине нету дна,
В пене вертятся колёса,
В чаще мельница видна.
Дуб зелёный у порога,*

*Крыша словно на весу:
Говорят, что к ней дорога
Затерялася в лесу...
У ворот, как пики, ельник,
От колёс по лесу гул!
Сто годов прошло, как мельник
У плотины утонул.
И темно в речной пучине,
И поныне его дочь
Саван шьёт, поёт в кручине
При лучине в полночь.
В окнах сумрак, паутина
И не видно огонька.
Только слышно, как с плотины
В пене падает река,
Как шумит колючий ельник,
Плачет в ельнике сова,
Как зерно стонувший мельник
Посыпает в жернова.
И аukaется призрак
На диковинном плесу,
Дочку мельникову теша
Звонким посвистом в лесу.*

По корневой дороге идти, в особенности ночью, было трудно: ноги скользили, а после дождя она становилась как отполированная, и я на ней часто падал.

Чтобы добраться до токующих глухарей, надо пройти дубнинскую дорогу больше, чем наполовину. Шли мы ночью, скользя по корням.

... Вот в лесной тиши и жуткой, непроглядной тьме брат уловил какие-то звуки.

“Это, — тихо сказал мне Серёжа, — токует глухарь”. Я иду за ним. Оба мы старались идти только во время песни глухаря. Пение замолкало, и мы замирали на месте. Вновь начиналось пение-токование, и мы двигались дальше.

Звуки слышались все ближе и ближе. Брат довольно точно определил расстояние до глухаря, знал он и дальноточность нашего ружья. И вот — выстрел. В темноте что-то падает... Это оказался большой петух с красными серёжками.

Уже светало. Через просвет между макушками высоких елей были видны клочки хмурого неба. Вся лесная величественная природа пробуждалась от зимней спячки под музыкальные трели птичьих напевов.

Брат Серёжа садился на замшелый старый пенёк, вслушивался в птичий гомон, то печальный, то весёлый, и принимался рассказывать. Казалось, что он сказку делал былью, а быль превращал в сказку: “Слышишь жалобное пение? Этот плач — весть о несчастье, случившемся с её милым другом, а весёлый посвист на разные голоса успокаивает её и утешает, и развлекает её своим пением. Вся эта звуковая симфония создана неподражаемым композитором природы, без какого-либо видимого управления”.

“Сами птицы веками вырабатывали свои мелодии — часть человек у них взяла, часть они человеку дали.

Человек без природы, окружающей его, не мог бы существовать на земле”.

Когда мы с братом бывали то на глухом болоте, то в тёмном лесу, я мог услышать от него: “Лёнъка! Какая кругом красота, как всё радостно в природе. Замечал ли ты когда-либо, чтобы природа была бы не любима нами?”

Наблюдая за Серёжей, я думал, что он безумно любил лес, реку, поле, болото, чашобу, даже такую, куда трудно добраться.

Выйдя на дубнинскую дорогу, мы малость отдохали на замшелых пнях и шли в Дубровки. Когда миновали казённый, оставалось уже не более 3 километров до деревни.

Поднимешь мох, — поднимается он без труда целым одеялом, а берёзка или сосёнка наклоняется и опять встанут на своё место, взглядишься в корни — они состоят из множества мелких корешков, расположенных почти поверх торфяной земли.

А красавица клюква — да и не только красавица, а вкуснотища какая! Несколькo ягод бросишь в рот, а там и сладко, и щекочет в горле, но вкусно и приятно. Растёт-то клюква на тонком волоске и опять же во мху.

Кругом ягоды, ягоды... куда ни глянь. Глаза разгораются, и не знаешь, что собирать, — то ли клюкву, то ли куманику, то ли бруснику.

На охоту я всегда брал с собой корзинку, в которой была еда, да ещё и два-три мешочка. Дичь, бывало, не приносили, но ягод или грибов — целую гору.

Сергей все леса, все грибные и ягодные места знал так, что выйдет в тёмную ночь — и найдёт.

... Солнце клонилось всё ниже и ниже. В воздухе чувствовалась прохлада. Это объяснялось тем, что Светлое болото, Большой или Великий мох находились в низине.

Собирая куманику и клюкву, мы с братом порядком устали. Уже хотелось домой, да и еда вся вышла, а ягод сколько хочешь ешь — ими не наешься.

Выйдя со Светлого болота и Большого мха, мы дошли до дороги, ведущей в Дубровки.

До деревни километра за два доносился жалобный хрипящий звук, подобный лягушачьему кваканью.

Подойдя ближе к реке, мы с братом направились в ту сторону, откуда раздавался лягушачий крик. Почти у самого берега, в камышах, извивалась змея, а у неё из гортани и доносились эти жалобные хрипящие звуки.

Брат тут же сказал: “Это же не змея, а довольно старый уж, потому он такой большой. У него в горле застряла лягушка, которую он не может ни проглотить, ни выбросить обратно, а она полуживая сидит в его горле и кричит”.

Сергей попробовал из камышей перенести ужа на берег, но тот из его рук выскользнул и уплыл дальше в камыши...

Наш осинник мне запомнился именно осенью, потому что ни в Чертухинском, ни в Потапихинском лесах не было лиственных деревьев, а осинник сплошь состоял из осин, берёз, изредка попадались там рябина и черёмуха. Не раз я и с Сергеем, и один ходил в эти солнечные, тёплые, ясные, листопадные дни в наш дубровский осинник.

Коненков Сергей Тимофеевич в деревне Дубровки

Коненков Сергей Тимофеевич летом 1908 или 1909 года (точно не помню) жил со своей женой и сыном (если не ошибаюсь, звать его было Кириллом) у нас в Дубровках.

Ходил он в белых холщовых штанах, такой же толстовке и часто, как и брат Сергей, босиком.

Сергей Тимофеевич, как и Сергей, очень любил природу: часто он уходил если не с братом, то один на реку, в лес, в поле, на болото с ружьём, а то и так, без него.

Любил он ходить на реку Дубну. Однажды поздним вечером мы втроем вышли из дома, прошли казённый и к рассвету пришли к остоу водяной мельницы. Я, не показывая усталости, наскоро набрал сухого валежника и развёл *грудок*.

Оба Сергея обошли весь затон, у которого середина заросла высоким камышом, а вода была сплошь покрыта тиной. В таких камышовых зарослях утки, бекасы и кулички выводили своё потомство.

Но в это утро в камышах дичи не было. Охотники лишь спугнули в камышах большую сову и несколько кобчиков.

Обратно Сергей Тимофеевич вернулся чуть раньше Сергея. По своему обыкновению, он всегда что-нибудь приносил из леса. Вот и на этот раз принесённые корни он мастерски обрезал, и они стали напоминать то ли странника с котомкой, то ли старика с сумой. Он показал своего *корневого старика* моему брату.

Надо сказать, что когда брат был в настроении, он был остроумен, находчив, весел и, посмотрев на изделие художника, запел:

*Старикашка за скалой,
С перевязанной скулой,
Горбунок скалу лягнул,
Старичок скалу надул.*

И добавил:

*Одет колдун в онучах,
В онучах серых тучах.*

А брат, надо сказать, прекрасно копировал деревенские хороводы со вьюном на плече:

*Положу я вьюн на правое плечо,
А со правого на лево положу.*

Декламировал и пел из Пушкина, Лермонтова и других поэтов...

Сергей Тимофеевич — это всегда чувствовалось — не просто уважал, а любил Сергея как близкого друга и такого же, как и он сам, любителя и ценителя старины глубокой, преданий, сказок, поверий, древних славянских мифов.

Сергей Тимофеевич и брат Сергей не раз были на Дубне, но меня брат не всегда брал с собою, так как до реки Дубны было вёрст 8–9, и я очень уставал. Но в один из походов, благодаря просьбе Сергея Тимофеевича, они меня взяли с собой.

На рассвете — ещё не показалось солнце — мы пришли в затон реки Дубны. Развели *грудок*, напекли картошки, поели её с чёрным хлебом и зелёным луком. В это утро в затоне прилёта и отлёта дичи не было. Два Сергея отправились в казённый вековой лес.

Из леса Сергей Тимофеевич вернулся с причудливыми корнями деревьев и с зарисовкой одной сосны, растущей не как все деревья. А вскоре со своей добычей — случайно вылетевшим из-под ног тетеревом — вернулся домой и брат Сергей.

Было раннее утро. Роса ещё не была слизана солнечными лучами, и голос в эту пору делается звучным и бывает слышен далеко-далеко.

Сергей запел народную песню:

*Над серебряной рекой
На златом песочке
Долго девы молодой
Я искал следочки,
А следов уж тех и нет,
Их и не бывало...*

Сергей Тимофеевич громко хлопал в ладоши. От восторженного шума в камышах, в мелком ивняке, склонившемся в воду, даже примолк соловей.

Возвращаясь домой, они много говорили о литературе и искусстве, о Врубеле, Репине, Городецком, Клюеве. Сергей читал свои стихи про Ладу.

... Сергей Тимофеевич по своей натуре был человек выносливый и здоровый. На охоте он, бывало, — в лесу ли, на болоте — избродит все места, и после таких походов он никогда подолгу не отдыхал.

Наша мать, Фёкла Алексеевна, часто делала *мурцовку*, по-теперешнему — окрошку: домашний квас из ржаных сухарей, толчёный зелёный лук, яйцо, сваренное вкрутую, свежие, мелко нарезанные огурцы и так же мелко — мяско кусочками. И эта еда Сергею Тимофеевичу очень нравилась. В наше простое деревенское кушание Сергей Тимофеевич ввёл нечто новое — это была селёдка с антоновскими яблоками, нарезанными кружочками.

Сергей Тимофеевич своей простотой в обращении и с малыми, и со старыми вносил в нашу семью, имеющую несколько сумрачный характер, весёлую, радостную нотку.

Сергей Тимофеевич брал деревянную лестницу с 10–12 ступеньками, ставил её на указательный палец правой руки, держал лестницу в равновесии несколько секунд, а потом молниеносно сбрасывал её на землю, где она несколько секунд оставалась в стоячем положении.

Он что-то тесал топором, лепил из глины или отливал из разведённого гипса.

Незадолго до отъезда в Москву познакомился Коненков с нашим соседом Голубковым Михаилом Васильевичем, который был церковным старостой

в нашей старообрядческой церкви. Сергей Тимофеевич, бывая в церкви, слушал его рассказы о старинных иконах и книгах.

Был случай, что и Сергей Тимофеевич, и Михаил Васильевич возвращались из Талдома в *весёлом настроении*, то есть в подпитии. По дороге от села Талдома до дома Михаила Васильевича пели они церковные песни. Начало одной из них – “Достойно есть яко воистину...”. Голубков Михаил Васильевич пел только молитвы, песни народные петь считал большим грехом.

У дома Михаила Васильевича высаживался из тарантаса Сергей Тимофеевич, обнимался с хозяином, и расходились они хорошими друзьями.

В письме заслуженному работнику культуры РСФСР, члену Союза журналистов Ивану Ивановичу Илюхину Коненков Сергей Тимофеевич писал: “Я дружил с Клычковым. Он прекрасный поэт, можно сказать, предшественник Есенина. Он был и хороший человек, стремящийся к светлой и радостной будущности. Я с глубоким чувством вспоминаю о нём. С. Коненков”.

Дружба Сергея с Журовым Петром Алексеевичем

Журов Пётр Алексеевич познакомился с Сергеем в 1908 году в Московском университете, когда был студентом филологического факультета. А в 1910 году Пётр Алексеевич летом был у нас в Дубровках.

Из Дубровок друзья прошли пешком по Волге от Савёлова до Клина. Летом 1913 года Сергей был под городом Иваново у Петра Алексеевича, и от него направились они пешком в город Китеж и на озеро Светлояр.

В своём очерке “Две встречи с молодым Клычковым” (журнал “Русская литература”, 1971 г. № 2) Пётр Алексеевич даёт краткое, но красочное художественное описание праздника на Светлояре 22–23 июня старого стиля – в Иванов день.

Само озеро Светлояр в вечернее время всё горело от свечей, пущенных паломниками на дощечках или кусках коры. Со всех сторон оно было окружено полями с золотистой рожью, лугами, берёзовым леском с полянками в нём, на которых собирались пришедшие издалека верующие, паломники, старики и молодые девушки необычайной красоты.

Подмечены в очерке и иконописные лица старцев, будто сошедших с картин художника Нестерова.

От Светлояра обратно до Нижнего через Семёнов они шли сплошными сосновыми лесами, без деревень, без прохожих на все сто вёрст пути, и проделали его за два дня. Руками ловили они молодых тетеревят и отпускали их на волю.

На Керженце ночевали в лесном женском монастыре. Дородные матушки тянули бредень в тенистом монастырском пруду. И Серёжа, шутя, подговаривал молоденькую монахиню, которая принесла им обед от игуменьи, бежать с ним из монастыря.

“Только в творчестве для меня соль и значение моей беспутной жизни”, – писал Сергей Журову в 1911 году. Пётр вспоминал о нём: “Он был человек широкой, открытой души, – но встреченный сурово, враждебно в жестоком до-революционном быту, замкнулся и ожесточился. Ему свойственна была какая-то неизбывная печаль”.

Критики 20–30-х годов ославили его *кулацким поэтом*. Для брата это было оскорбительно и обидно: Клычков всю жизнь нуждался и жил своим трудом.

В молодости он был беден и гол как сокол. Родительская семья, в которой он был старшим сыном, хотя и жила в деревне в просторном каменном доме, бедствовала, а иногда и голодала.

Никаких запасов и богатой обстановки в доме не было. Клычков ненавидел кулачество, зло и насилие. Он не любил богатых и зажиточных, считал их духовно ограниченными. Он тяготел к простому, трудовому народу.

Сергей часто получал письма от Журова, написанные мелким разборчивым почерком, в которых тот кратко, но образно рассказывал о природе, о впечатлениях от прочитанных книг, о молодых поэтах и писателях. И Сергей часто в семейном кругу читал нам эти письма с большим увлечением.

В 1971 году я случайно узнал, что Журов Пётр Алексеевич здравствует. При встрече мы долго говорили о творчестве Сергея, о взаимоотношениях его с людьми, о его семейной жизни, о службе в старой армии и обо всём том, что осталось в памяти.

Журов заинтересовался моими воспоминаниями о Сергее, нашёл, что они весьма ценны и нужны для биографии Сергея, поскольку относятся к периоду формирования самобытного его таланта.

Из письма мне от Журова Петра Алексеевича за 1973 год. “В нём, Сергее, чудесна сохранившаяся и древняя вера в младших духовных существ (леших, домовых, русалок), которых он *ощущал* в жизни, как мы с Вами ощущаем внешний мир. Не будь этого живого чувства в нём, все его, как Вы говорите, фантазии были бы невозможны.

Серёжа, конечно, любил меня, как и я его, он чувствовал, что я понимаю его и так же, как он, верю и в тайных духов, и в леших, и в домовых. Талант его и эта способность ощущать духовный мир были необыкновенными”.

Я согласен с Петром Алексеевичем, что в Сергее “чудесно сохранилась древняя вера в младших духовных существ (леших, домовых, русалок)”, но “ощущал” он их в жизни совсем не так, как верил и верит в них Пётр Алексеевич.

При своём природном, самобытном таланте, он в своей поэзии и прозе легендарным, сказочным героям, созданным народом в очень далёкие времена, придавал *ощутимую* форму. Без неё эти фантастические, очень древние “духовные существа” были бы бледны и еле заметны.

Что же касается того, что Сергей любил и уважал Петра Алексеевича, то это неоспоримо. В семейном нашем кругу Сергей с большой любовью отзывался о письмах Петра Алексеевича, в которых он писал Сергею о природе, о прочитанном, о новинках в литературе.

Не один раз мне приходилось с братом бывать в таких чащобах, где одни волчицы выводили своё потомство, да медведь устраивал под большой вековой корягой свою зимнюю “квартиру”.

Теперь я только вспомнил (читая письма Петра Алексеевича), какое же было здесь раздолье, какое же было приволье в этих прекрасных, тёмных, загадочных местах *младшим духам* наших народных сказок, преданий и поверий.

Я вспомнил, что Сергей в ту пору был сосредоточен и задумчив.

Мы оба порядком устали, собирая белые грибы, которых было много. Усталость нас торопила домой.

Сергей, очевидно, незаметно для меня, “наговорился” в чащобе со своими *младшими духами*, и в этот раз, как и после других походов, он усаживался за работу и записывал стихами свои “разговоры”.

Из письма Петра Алексеевича: “Относительно верований Сергея скажу, что он не написал бы своих романов, если бы не верил в то, о чём пишет”.

Но “ощущать и верить” — это одно, а знать, какие они, как ведут себя, каковы их нравы — это совсем другое. Сможем ли мы это своё *ощущение* перенести на бумагу? Нет, не сможем, хотя, может быть, и чувствуем их, а Сергей сумел и нас познакомить с ними:

*Встал в овраге леший старый,
Оживают кочки, пни...
Вон с очей его огни
Сыпятся по яру.
Лист пробился на осине,
В мох уходит лопоток,
А у ног его поток,
Сумрак синий, синий!
Бродит он один по лесу...
Свисли уши, как лопух...
И поёт глухарь-петух
На плече у беса...*

Сергей благодаря своему самобытному таланту воплощал в слове предания, легенды, сказки, поверья, пришедшие к нам из далёкого прошлого.

ИННА РОСТОВЦЕВА

ЛИРИЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ЛИРИЧЕСКОЕ...

*Ещё пылает мак, как пламя,
Как душ непогребённых след...*

С. К.*

Есть в биографии Сергея Клычкова факт, мимо которого не пройдёт ни один исследователь его творчества. Да и современный критик, изрядно поотвыкший от серьёзного и ответственного высказывания писателя о себе, возможно, остановится, поражённый, и задумается, какие трагические проблемы выбора решает художник...

Это было в 1924 году. На одном из московских литературных собраний, – а в то послереволюционное время им было несть числа, – молодой Сергей Клычков послал самому мэтру Андрею Белому записку следующего содержания: “Что важнее сейчас: жизнь (старая, новая или даже, может быть, уже заранее будущая) или искусство? Что нужно спасать: себя, жизнь или искусство?..”

Мы не знаем, что ответил Андрей Белый тридцатипятилетнему поэту, уже издавшему к тому времени несколько книг и пристально всматривавшемуся в будущее, вызывавшее у него тревогу, но мы знаем сегодня, в начале XXI века, как ответил своей судьбой Клычков. Он не смог спасти ни себя, ни свою личную жизнь, но он спасал в первую очередь и спас своё искусство для “большого времени” (в понимании М. Бахтина).

И не искусство вообще, а искусство в частности, – лирику как древнейший и важнейший род поэзии. И себя как лирика прежде всего, для которого лирическое, слишком лирическое было и стало синонимом человеческого, слишком человеческого, граничащего с тем бессознательным жестом доброты, с каким природа тянется к человеку: “Была душа моя светла// Той добротой человечьей, // С какою глупая ветла// Хватает путника за плечи!..”

Бросается в глаза эпитет: “глупая”: здесь – добрая, бескорыстная, безыскусственная (не исключена отсылка к пушкинскому пониманию природы поэзии).

Не только отдельные строки стихотворений, но и весь целиком корпус книг, где уже в самих названиях сохранены традиционные образы лирической

* Все стихотворные цитаты из Клычкова даются по: Сергей Клычков. Собр. соч. в двух томах, т. 1. М., Эллис-Лак, 2000.

поэзии – такие, как *сад, песни, сердце*, выступает у него с характерными, глубоко индивидуальными, клычковскими эпитетами. Они становятся лирическим камертоном и смыслообразующим фактором этой поэзии. *Символами*.

Сад потаённый (“Он стоит невидим другу, невидим врагу”) – это символ красоты, слагаемый из первых сокровенных чувств “печали – радости”, пантеистического восприятия природы, спрятанного в “небесной горнице” христианского образа Троиручицы – мир, который нужно сохранить и затаить от резко ощущаемого посягательства чужеродных влияний и негативных тенденций времени.

Песни *домашние* – это символ души родины, родной Дубравки, крестьянского дома, с его вековым, традиционным укладом (“И песни – как стада овец // В тумане раннем у реки”), вбирающий в себя фольклор предков, языческую стихию поверий и легенд, “широкую, шипучую русскую... удаль” (слова Клычкова в письме к П. Журову) сказочных героев (Садко, Королевица Бовы, Леля, Лады, Купавны) – одним словом, целые мифологические пласты русской национальной культуры.

Клычков рано понял: этот лирический космос, его собственный космос, чтобы выжить в современности и современном искусстве 20-х годов, порой напомиравшем ему “маскарад культурных зверей”, будет нуждаться в защите, но не головной. И в противовес умозрительной рассудочности и абстрактной человечности он выставляет образ-символ: щит-сердце, которым наделит простого рубаху-парня Иванушку (“Иванушка нескладно скроен, // Крепко сбит, // Воскормлен землёй, слезами впоен, // И весь он – как Аника – воин, // А сердце – как Аникин щит”).

Но “щит-сердце” – образ подлинной художественной оснастки, а не механической выделки его мастером, – не выдерживал постоянной внутренней тревоги Клычкова перед обступавшей – со всех сторон – сложностью времени. “Кто враг? Где друг? В чём жизнь и что судьба?”

Воистину трещина мира прошла сквозь сердце лирического поэта:

*И не спастись, не скрыться и не крикнуть,
Разбившись головою о погост,
И к этим синим ключьям не привыкнуть,
Где нет ни крыл заоблачных, ни звёзд!*

На первый взгляд может показаться, что Клычков просто оберегал природу своего дарования, преимущественно лирико-романтического свойства, утверждая её особыми художественными средствами, и это было его частным, личным делом.

Но это глубокое заблуждение. То противодействие, неприятие, которое вызывало творчество Клычкова со стороны господствующей идеологии, различных направлений и стилевых течений начала XX века, лишний раз свидетельствует, помимо прочего, ещё и о том, что лирика воспринималась далеко не безобидным жанром. Лирика оказалась в эпицентре всеобщего внимания.

И в этом нет ничего удивительного.

Ведь именно лирика – парадигма модерного, как считал немецкий филолог Ханс-Роберт Яусс, и именно она в XIX–XX веке была первопроходцем и двигателем литературы мира, способствуя сохранению архетипов культуры и её обновлению путем возможности видеть мир под новым углом зрения.

Клычков – осознавал он это или нет – оказался в самом центре борьбы за современное искусство. Вспомним, его современниками были крупнейшие лирические поэты начала XX века, с одной стороны, Блок, Белый, Гумилёв, Мандельштам, Ахматова, Цветаева, с другой – близкие ему по происхождению, по положению в обществе так называемые крестьянские или новокрестьянские поэты, такие, как Есенин, Клюев, Орешин, Ширяевец, с третьей, безоговорочно ставшие на сторону идей революции, поддержавшие политику партии в области литературы – Маяковский, Безыменский и другие.

Всеми этими конкретными людьми вершилась живая история современности; со многими из них Клычкова связывали сложные личные отношения приятни – дружбы – вражды, стояли различные мировоззренческие и эстетические позиции и платформы. В силу редкого своеобразия своей человеческой натуры, в силу врождённого, естественного артистизма и поведения Клычков не вписался ни в одну из них, оставаясь в своём творчестве непохожим ни на кого.

Хотя его и пытались подверстать то к одному, то к другому стилевому течению, он, насколько это было возможно, в условиях “расстрельного” времени старался быть, по его собственным словам, “в стороне от литературной возни” (в письме к П. Журову).

Несмотря на то, что лирика Клычкова изъяснялась на языке образов-символов, его символика имела другие корни. Н. Солнцева пронизательно замечает: “В поэзии Клычкова таилась стихия, во многом противоположная эстетике символизма. Пантеистическое восприятие природы, фольклорная символика, простота языка, песенная организация стиха – всё это отличало его лирику от поэзии символистов, её тогдашнего психологизма, эллинского замеса, рафинированного образа, намеренной философичности. Свою творческую родословную Клычков вёл от “речистой матки”, мудрого в своём косноязычии отца, от бабушки Авдотьи и Чертухинского леса”¹.

Исследователь опирается в своих выводах на документы, исходя в первую очередь из автобиографии поэта.

Но, думаяея, творческая родословная Клычкова на этом не останавливается, а имеет важное продолжение, вытекающее из особенностей художественного строя лирики автора.

Клычков, как никто другой, строил свою литературную родословную – и прежде всего лирическую – в ощущении теснейшего родства с русской классической традицией XIX века. Который не только не закончился для него с приходом XX, а “дышал в затылок” как живое, кровное, близкое существо, хотя нарождавшиеся новаторы от искусства и пытались всячески сбросить его, целый XIX век, с “парохода современности”².

Симптоматично: Клычкова можно отнести к тем редким лирикам, у которых отношения с традицией складывались не в системе умозрительных философских построений, когда мыслитель побеждает поэта. Нет, каким-то безошибочным художественным способом чувствуя лирическую стихию своего дарования, поэт выбрал близкую себе русскую классическую традицию и своих учителей. Ими стали Кольцов, Лермонтов, Пушкин – именно в такой последовательности имён, отвечающей его внутреннему духовному развитию, движению лирических циклов и нарастанию трагической развязки судьбы: “И жду я – вот в ночи придет громила// С отмычкой от тела и души...”

Отсылки к именам Лермонтова, Тютчева, Пушкина (а также Л. Толстого) не случайно возникают в столь принципиальном документе, как эстетический трактат “Лысая гора” (1923). Они – тыл, опора, поддержка позиции Клычкова – мировоззренческой и художественной – в его споре с обозначавшейся тенденцией современной поэзии, которой он даст определение – “внутренняя работа разложения и рассасывания болезни слова”. Её зловещие симптомы он наблюдает в “аспекте сегодняшнего поэтического дня” в творчестве известных поэтов.

Имени Кольцова в этом трактате нет, но оно естественно и органично всплывает, когда мы говорим не только о песенной организации клычковского стиха, о неразрывной связи его песен с крестьянским трудом, когда лирический герой одновременно выступает в двух ипостасях (“И я и пахарь, и я певец...”), но и о понимании истины как простоты – об особенностях лирического чувства, характере эмоции...

Не случайно Белинский, много думавший о природе таланта, связывал его именно с чувством – “этим даром природы”, силой фантазии, “посредством которой всякое чувство высказывается полно и верно”.

Примечательно, заканчивая свою статью стихотворением Кольцова “К другу”, критик пророчески замечает, что, пока Кольцов будет сохранять

¹ Солнцева Н. Сорочье царство Сергея Клычкова//Сергей Клычков, Собр. соч. в двух томах, т. 1. М., Эллис-Лак, 2000, с 23.

² Дело доходило даже до того, что поэту, однофамильцу классика, инкриминировалась и отсталость “художественных форм и приёмов, якобы не отвечающих” новаторскому духу современности. Как это было в случае с Владимиром Державиным (1908–1975), выходцем из Костромской губернии. Его поэма “Первоначальное накопление”, написанная октавами, была подвергнута прицельной критике со стороны С. Кирсанова и В. Инбер на первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году. От последствий такой критики, возможных репрессий Державина спас Горький, упрятав в Болшевскую коммуны.

чувства, подобные тем, какие выразились в этом стихе, и будет “основывать на них неизменное правило жизни, его талант не угаснет”...¹

Таким образом, талант поэта поставлен критиком в прямую зависимость от сохранения чувства и его нравственности.

В связи с этим сразу же возникает вопрос: как же распознать природу чувства, что отличает его в лирической поэзии? Как мы угадываем, узнаем, что перед нами чувство художника – “неподделное и ненатянутое”?

К великому удовлетворению своих потомков, Белинский оставил нам не только пронизательные суждения об эстетической природе искусства, но и – на конкретных примерах – показал, что считать подлинным, а что фальшивым блеском в поэзии, что достойно восхищения в лирическом стихотворении.

Свое соображение о том, что иные лирические вещи (Белинский их называл пьесами), не заключая в себе особенного смысла, хотя и не будучи лишены обыкновенного, выражают собою бесконечно знаменательный смысл одной музыкальностью своих стихов, критик подкрепил следующими строками из песен сумасшедшей Офелии в переводе Н. Полевого:

*Он во гробе лежал с непокрытым лицом,
С непокрытым, с открытым лицом.*

Непокрытый, поясняет Белинский, есть то же, что открытый, а открытый – то же, что непокрытый, но какое глубокое впечатление производит на душу это повторение одного и того же слова с незначительным грамматическим изменением.

Не так ли в лирике Клычкова: мы постоянно сталкиваемся с повторением одного и того же слова, как будто не выражающего никакого определенного смысла, но тем не менее заключающего в себе мысль, отрешившуюся от слова, бессильного выразить её, и превратившуюся в чувство. В звук музыкальный. И этот звук глубоко западает в сердце, волнует читателя завораживающим волшебством стиха:

*А звёзды льются, льются в горницу,
А ночь долга, долга, долга...*

*За рекой, за туманом угрюмым
Так легко перед вечером даль,
Так легко моим песням и думам
Слиться с вечным берёзовым шумом,
Так легко умереть и не жаль...*

Иногда стихотворение, начинающееся как спокойно-повествовательный эпический рассказ: “Мне говорила мать, что в розовой сорочке // Багряною зарёй родился я на свет”, вдруг буквально взрывается к середине столь мощно прорвавшимся чувством, что так и движется до конца, образуя композиционное лирическое кольцо:

*Не верь же, друг, не верь ты мне, не верь мне,
Хотя я без тебя и дня не проживу.
Струится жизнь, как на заре вечерней
С земли туман струится в синеву!*

*Но верь мне: не в обман в заплочном узелочке —
Чудесный талисман от злых невзгод и бед.
Ведь говорила мать, что в розовой сорочке
Багряною зарёй родился я на свет.*

Все эти повторы с вариациями, нередко оксюморонного характера, ведь бытие трагично! (“...за туманом угрюмым так легка перед вечером даль...”) создают особую магию лирического пространства стиха, не сводимую, однако, к фольклорно-песенной простоте.

¹ Белинский В. Г. Стихотворения Кольцова // Собр. сочинений в 9 томах, т. 1. Худ. лит. М., 1976, с. 213.

По Клычкову, истина вмещает в себя простоту, но как сложное образование, “как составное из множества элементов (существенных и несущественных), теряющих каждый раз характер непререкаемости и обязательности” (“Лысая гора”).

В состав существенных элементов истины, — а речь идет именно о художественной истине, — входит понятие красоты.

Это — чудесный талисман, бесценный дар, который человек получает от рождения вместе с материнским благословением и носит всю жизнь “в заплечном узелочке”, не растрачивая попусту, а приумножая, обогащая, возводя в высшую степень искусства.

Лирическое у Клычкова потому слишком лирическое — человеческое, что вещи, предметы, явления природы постоянно преобразуются красотой.

Так много серебряного света, сияния, волшебства разлито в его художественном мире: “месяц в серебряной одежде плывёт по старине”, “тихо бродит вокруг села серебряная мглица”, “в росе серебрятся следы оленей”, “в трубу серебряную с поймы по зорям трубят журавли”, “один в туманном серебре// Спит очарованный Бова.// Очарованных очей// Течёт серебряный ручей”.

Красота заснеженного сада столь фантастически неправдоподобна, что лирический герой задаётся вопросом: “Во сне ещё иль это в самом деле?” и готов скорее обманываться нас “возвышающим обманом”, чем признать правоту “низкой жизни”: “Что, если смерть, и нет ли там, за гробом// Похожего на этот сад?”

Иннокентий Анненский, современник Клычкова по веку, пронизательно заметивший, что “всего любопытнее проявление в поэзии идеи красоты¹ (курсив И. А. — И. Р.), в статье “Символы красоты у русских писателей” дал своё объяснение подобного рода феномену: “Поэзия возникает из мечтательного общения человека с жизнью. Отсюда понятно, что идея красоты не может оставаться в ней одной чистою идеей. Красота обращается в чувство (курсив наш. — И. Р.) и в желание поэта и живёт в поэзии как нечто гораздо более конкретное, сложное и, главное, более узкое, чем в словаре, чем в мысли”.

Стендаль где-то назвал красоту обещанием счастья (La promesse de bonheur). В том признании и можно найти один из ключей к пониманию поэтической концепции красоты вообще².

Это так недалеко от мысли Клычкова, что проводником красоты является образ, и он должен быть “праздником в строке, нечаянным, чудесным и желанным” (“Лысая гора”).

Отсутствие именно такого “праздника” в современной поэзии казалось ему отступлением не только от богатейших фольклорных традиций, но и от классических литературных, и прежде всего русской лирики XIX века.

С каким трепетом в том же трактате “Лысая гора” Клычков вспоминает “чудесные строки” Лермонтова “Дубовый листок оторвался от ветки родимой”, которые, по его словам, “лучше всего... прочесть как заклиательную молитву против наваждения словесных бесов”. И другие, не менее прекрасные: “Ночевала тучка золотая// На груди утёса-великана”, что “хорошо прочесть перед бессмысленными стихами” модного поэта о девочке величиною “с сад”.

Если отвлечься от полемического контекста, в каком это сказано, то Лермонтов для автора “Потаённого сада” — близкая духовная величина, поэт неразгаданной до конца космической мощи и силы, таинственного волшебства мироздания (“На воздушном океане// Без руля и без ветрил,// Тихо плавают в тумане// Хоры стройные светил...”

“Лермонтовский элемент” (определение Белинского) отчётливо просматривается у Клычкова в одушевлённых метафорах, типа: “И лишь улыбка чистых уст// Плывёт спасательным ковчегом”, в романтическом желании лирического героя укрыться “от дикой ненавистной злобы” людей в “голубую сень” (“сень” — слово из лексики XIX века), “чтоб два крыла мои цвели,// Что лишь незримо шелестели,// В дорожной волочась пыли...” (ассоциация с поверженным лермонтовским Демоном); в ощущении космоса, звёзд, луны, неба — пространства без границ, в философии вопрошания: “Куда плывет про-

¹ Анненский И. Символы красоты у русских писателей// Избранное. М., Правда, 1987, с. 337.

² Там же, с. 337.

стор бескрайний, // Откуда лётся свет?” и трансцендентного восклицания-ответа: “Всё это тайна... тайна, // И ей разгадки нет!”; в характере религиозного чувства: “Люблю наедине слагать свои молитвы”; “и не хожу я молиться в многолюдный монастырь...”.

Присматриваясь к символам красоты у русских писателей, в том числе и Лермонтова (ему посвящена отдельная статья “Юмор Лермонтова”), И. Анненский говорит о “своеобразии эстетической эмоции” у поэта, о том, что... “ему всегда нужен был фильтр для той душевной мути, которую мы теперь так часто оставляем бить высоким фонтаном”¹.

От тяжёлой душевной мути, от подступавших навязчивых мыслей о смерти и тревожных предчувствий, имевших, однако, под собой вполне реальную подоплёку, Клычков пытался спастись идеей красоты, разлитой в божьем мире: “...глянь, утром против на погосте, // Как в молоке, в цвету плывут кусты, // И гонят из-за них лихую гостью // Руками распростёртыми кресты”. Но красота уже не спасала мир, и сквозь романтические одежды просвечивал иной, зловещий призрак. Клычков страшился смерти как ночного вора, который придёт “громилкой с отмычкой от тела и души” (это сказано в стихотворении 1922 года, за 15 лет до гибели).

Поэт предпринимает попытку заковать судьбу (лирический цикл “Заклятье смерти”) и выходит к Пушкину. Мы видим, как “ведёт” себя традиция Пушкина в художественном контексте клычковской лирики, но в свою очередь и его лирика непостижимым образом проявляет нам и самого Пушкина. Как трагического поэта Судьбы. Как беспощадного реалиста, с провиденциальной мистической зоркостью вглядывавшегося в фантомы уже нарождавшегося зла, обступавшего со всех сторон человека, и назвавшего их на языке символов – бесы, метель, наводнение – разгулявшиеся стихии природы и стихии страстей человеческих...

И это закономерно. Ведь традиция, как справедливо замечает критик И. Шайтанов в статье “В согласии и споре”², – “это... процесс двусторонний, не монолог, когда один говорит, а второй почтительно внимает и усваивает, а диалог, в котором по-новому выглядит и тот, кто оказывает влияние, и тот, кто воспринимает”³.

В этом диалоге отчетливо видно и Время, движение времени “воспринимающего” поэта.

Как разительно изменилось лицо природы в поздней лирике Клычкова: отчаянье, доведшее себя до самоубийства: “у закуты головою бьётся ель”, “берёзы... хлещут ветками друг друга прямо по лицу”, “и лежит ничком враспяжку верба под окном”. Всё это приметы – без единого эпитета, одни глаголы, по которым лирический герой – без иллюзий – отчётливо читает свою трагическую судьбу человека в постреволюционную эпоху, когда разом рухнул традиционный уклад жизни, русская литература в её классическом изводе, крестьянские мифы и предания... Уходят романтическое серебро и символика.

Клычков пишет своё лирическое завещание в строгой, ясной и безыскусной форме, по-пушкински – прозрачной: мысль о самом главном уроке, что вынесен из жизни:

*Как свеча, горит холодный
На немом сугробе луч.
Не страшишь судьбы безродной:
Ни тревогою бесплодной,
Ни тоской себя не мучь!*

*Слёзы, горечь и страданье
Смерть возьмет привычной данью,
Вечно лишь души сиянье,
Заглянувшей в мрак и тьму!..*

(Конец 20-х – начало 1930-х годов)

¹ Анненский И. Символы красоты у русских писателей // Избранное. М., Правда, 1987, с. 349.

² См. об этом содержательную статью А. Филимонова “Пушкинские мотивы в поэзии С. Клычкова”.

³ Литературная учеба, 1979, № 2.

Это лирическое завещание, верное духу русской классической традиции, отдано другим поколениям. Потому что судьба Клычкова пошла именно по тому трагическому сценарию, который предсказала его лирика – смерть пришла как ночной вор (в ночь на 1 августа 1937 года арест, Бутырская тюрьма, расстрел), и забрала жизнь.

Но не поэзию, лирику, где, по мысли Гегеля, сам человек в его субъективной внутренней жизни становится художественным произведением.

“Золотые пики” клычковских строк “остались на страже” “обогащённой, созданной наново, возвышенной и облагороженной” (В. Ходасевич) художественной реальности, что встаёт на книжную полку. Приходит к читателю...

... Секрет лирического долголетия Клычкова (“в поэтическом языке нет старости”), а именно об этом мы можем говорить сегодня, спустя почти столетие, кроется в особом отношении его к языку и слову, которое, по убеждению поэта, не идёт “сухим филологическим путём”. “Повечеровый дым”, “мглица”, “перелесица”, “яблочник огонь”, “сугорбый день”, “чернополосный нивный дух” – всё это найдено в природе, которая сама по себе является великим творцом живых и духовных форм. Впрочем, подлинному художнику искать их особо и не надо, надо только открыть, что “скрыто в строках звёзд”, “услышать”, как “спутаются с листьями слова”, увидеть, что “поля... как рукопись, лежат”.

Именно эту рукопись – как бы из первых уст природы – и предлагает лирический поэт читателю – отсюда её первозданная свежесть, непосредственность, новизна.

Мы не можем со всей определённостью, с фактами в руках, говорить о влиянии Клычкова на последующие поколения советской поэзии: его трагическая судьба и стихи долгое время находились под спудом, и потребовались немалые усилия таких серьёзных первооткрывателей – исследователей, как М. Никё, С. Субботин, Н. Солнцева, чтобы вернуть клычковскую лирику в контекст отечественной литературы.

Но мы можем наблюдать и видеть, как сам характер лиризма, свойственный Клычкову, не иссяк, а своеобразным образом преломился в таком явлении, как “тихая лирика”, возникшем во второй половине XX века (60–70-е годы) и объединившем столь разных “тихих лириков”, как Вл. Соколов, Н. Рубцов, А. Прасолов, А. Передреев, В. Казанцев, А. Жигулин, Н. Тряпкин. Ожил перерезанный корень русской классической традиции XIX века. Ожил и голос чувства, эмоции, чудом сохранившийся в русской провинции: “Как я хочу, чтоб строчки эти// Забыли, что они слова,// А стали небо, крыши, ветер,// Сырых бульваров дерева!// Чтоб из распахнутой страницы,// Как из открытого окна// Раздался свет, запели птицы,// Дохнула жизни глубина” (Владимир Соколов).

Наиболее яркая вспышка такого открытия выпала на долю Н. Рубцова, поэта с редким лирическим даром, по-клычковски, непреднамеренно и непредвзято, просто и ясно сумевшего сказать о живых слезах души и родины (“Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно// Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!”), души и красоты таинства (“Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,// Что, выплыв из лодки, повсюду достану шестом...”), души и памяти (“Душа, как лист, звенит, перекликаясь// Со всей звенящей солнечной листвой,// Перекликаясь с теми, кто прошёл,// Перекликаясь с теми, кто проходит...”), души и нравственности (“До конца,// До тихого креста,// Пусть душа останется чиста!”).

По воспоминаниям С. Ю. Куняева, Рубцов, оценивая чьи-либо стихи, прежде всего смотрел, лирические ли они. “Стихи не лирические!” – было самым суровым его приговором. И это лишний раз свидетельствует не только о безошибочном чутье поэта к фальши или, говоря словами Клычкова, “пару словесному”, “приросшей к затылку заковырке” (“Лысая гора”), но и о понимании самой природы лирического жанра, полученном от изучения Фета и Тютчева, традиции которых поэт хотел “продолжить книгою Рубцова”...

Есть у Клычкова стихотворения, не совсем характерные для него, такие, как “Земля и небо, плоть и дух...”, “Мы отошли с путей природы и потеряли вехи звёзд...”, “День и ночь златой печатью навсегда закреплены...”, где мысль преобладает над чувством, интонация размышления над песенной интонацией.

Отпусти судьба поэту нормальный срок жизни, а не трагически урезанный временем, не исключено, жанр философского раздумья утвердился бы более

прочно и самостоятельно в его творчестве. Но мост был перекинут в будущее, и лирика “философского поэта из провинции”¹ Алексея Прасолова (1930–1972) – через посредничество с лермонтовской традицией² – проявляет нам возможный вектор развития темы земли и неба (“Полёт и бег быстрее и выше. // Сближаю землю и звезду”), преломленной сквозь субъективный, исполненный противоречий мир внутреннего человека: “Звезда обнажилась в просторе. // О дай к тебе верно прокрасться! // Не страшно споткнуться о горе, // Боюсь наступить я на счастье”.

Впечатление, что это говорит не Прасолов, а ещё неизвестный, не открытый нами Клычков. При всей традиционности, его лирика имеет ошеломительные выходы к новизне (а не к трафаретам) – в образах, рифмах, в ритмах и стихотворных размерах, в подходах к мифу и фольклору, что указывает на острую, не утраченную со временем современность: “Катятся звёздами слёзы”, “Грибы садятся у дороги”, “Ловлю я – по чернобылью”, “калиткою – калиткою”; или о Бове: “С его могучей головы // Волна широкая кудрей // Лежит в долинах мир травы // И стелется по дну морей, // Цветут цветы у алых губ, // Из сердца вырастает дуб! // Высоко в небе дуб стоит, // Над ним, прозрачна и светла, // Корона звёздная горит, // А корни омывает мгла // И глина земли таит...”

Это – не эпичный Юрий Кузнецов, “поэт с резко выраженным мифическим сознанием”, по его собственной аттестации, это – его предшественник, ранний Сергей Клычков, сильно чувствующий и мастерски умеющий делать многое из того, о чём мы даже и не догадывались.

Это – старое хорошее в искусстве, что всегда ново...

... Современные философы, и в частности, Жиль Делёз, предупреждают нас: классическая мысль не является мыслью спокойной. Тревога, внутреннее беспокойство Клычкова по поводу состояния поэзии 20–30-х годов XX века, находящейся в чаду “словесного наваждения...”, производящей “стихи для сверхзнатоков”, искусно и механистически сработанных всех этих “технических тонкостей, приёмцев и приёмов”, – передаётся и нам.

Пристально вглядываясь в лицо сегодняшней поэзии начала XX века, отмечая присутствие в ней многих неизжитых завихрений и отклонений, прозорливо схваченных в своё время Клычковым, как-то “формальная и подчас шкурническая спайка так наз[ываемых] школ и направлений”, апашеская круговая порука “стоять за своих”, во что бы то ни стало “выручать” – манера далеко не рыцарей “без страха и упрёка”³ и т. д., мы добавляем к ним ещё одно – эмоциональную недостаточность. Болезнь, что похуже СПИДа, как метко выразился известный культуролог М. Эпштейн. И здесь лирическое, слишком лирическое у Клычкова служит бесценным опытом для новых поколений поэтов, уроком и талисманом одновременно.

¹ Волдан Алоиз. Алексей Прасолов – философская поэзия из провинции // Алексей Прасолов. Я встретил ночь твою. М., Хроникёр, 2003, с. 559–575.

² Ростовцева И. Лермонтовский элемент // “День поэзии”, 2009, с. 148–156.

³ Клычков С. Лысая гора. Собр. соч. в 2-х томах. Т. 2, с. 476.

Ни один природный ресурс в России не уничтожается так безжалостно и варварски, как лес. Особенно вопиющим положение стало после введения в действие в 2007 году нового Лесного кодекса, открывшего широкую дорогу в лес всякого рода нечистым на руку арендаторам, коммерсантам и порубщикам. Как тут не вспомнить слова великого русского писателя Леонида Максимовича Леонова из его, оказавшегося крайне актуальным ныне, романа “Русский лес”: “Прогресс в обнимку с барышом вторгаются в хвойные дебри, позади остаются хаос беспримерной сечи, тяжкое похмелье и несоразмерно малое количество мелких промышленных предприятий. Такая круговерть обогащения случалась раньше только при открытии золотых россыпей”. Сказано как будто точно о нашем дне, что и подтверждает, с фактами в руках, в статье наш постоянный автор Анатолий Николаевич Грешневилов, известный политический деятель, депутат Государственной Думы от партии “Справедливая Россия”.

АНАТОЛИЙ ГРЕШНЕВИКОВ

РУССКИЙ ЛЕС ОТДАН НА РАЗГРАБЛЕНИЕ

Чем больше экологи доказывают в правительстве и парламенте, что леса стоят у истоков формирования духовных, нравственных и физических основ русской нации, чем громче бьют тревогу, тем губительнее становятся масштабы истребления нашего главного национального богатства – леса.

Если вчера и позавчера коммерсанты прикрывали свою ненасытность восклицаниями о том, что лес – это кладовая, то сегодня их крутой, миллиардными доходами пахнувший бизнес потребовал другого определения, и лес быстро переименовали в товар и движимое имущество.

Чтобы окончательно убрать все препоны и барьеры на лёгком пути обогащения за счёт вырубки и продажи леса, нужен был новый Лесной кодекс, согласно которому истинным хозяином леса становится арендатор. Правительство разработало такой закон, и благодаря единодушному голосованию депутатов от партии чиновников “Единая Россия” он был принят в Госдуме.

После вступления кодекса в силу ведущий лесовод страны, академик с мировым именем Александр Исаев заявил на всю страну: **“Если бы я захотел уничтожить лесное хозяйство в России, то не смог бы изобрести такие методы, которые придумали люди, отвечающие за лес в масштабах страны”.**

История ликвидации в нашей стране лесной государственной политики трагична и в то же время поучительна. Трагична, ибо невозполнимы её поте-

ри, и к тому же она развивалась на моих глазах. Поучительна, поскольку ошибки всегда можно признать, поправить и не повторять впредь.

Началось всё с желания кремлёвских политиков во главе с неудержимым и малокомпетентным Борисом Ельциным сделать нашу экономику рыночной в один-два прыжка. **Так как эти горе-реформаторы выбрали самый простой и самый ошибочный путь приведения страны к светлому капиталистическому будущему – замены существующей государственной формы собственности на частную, то страна покатилась в пропасть.** В каждой отрасли народного хозяйства стали приниматься абсурдные, а порой и преступные решения. Так, развал лесного хозяйства страны начался с закрытия профильного министерства, а затем и Федеральной службы лесного хозяйства, а его ускорение стало набирать высокие разрушительные темпы после ликвидации лесхозов.

Правительство запуталось в реформах и потому не знало, как поступить и кому подчинить Федеральное агентство лесного хозяйства. Изначально ему была отведена роль падчерицы. Рослесхоз то подчинялся Министерству природных ресурсов, то Министерству сельского хозяйства, а потом, спустя годы, его и вовсе перевели в прямое подчинение самому правительству. Лишь одного высокопоставленные чиновники не желают делать – **восстановить Министерство лесного хозяйства** и всю вертикаль управления в полном объёме.

Всякая новая реформа системы управления лесами сводилась к децентрализации. Если во всём мире функции по распоряжению лесным фондом государство ужесточало и сужало, то в России шёл обратный процесс. Федеральный центр добровольно ущемлял свой экономический потенциал и интерес и передавал распорядительные полномочия регионам. В субъектах Российской Федерации такую порочную политику восприняли на ура, так как лес для них был на вес золота, он шёл на продажу во все концы света и пополнял бюджет.

На сессии Верховного Совета Российской Федерации в 1993 году, при обсуждении Основ лесного законодательства и моей поправки о формировании особо защитных участков леса с ограниченным режимом лесопользования, **я настаивал на том, чтобы правительство в каждом регионе определило те экологически ценные лесные участки, которые ни при каких условиях нельзя отдавать под топор.** Но правительственные чиновники сделали всё наоборот.

На заседании Государственной Думы РФ в 1996 году в ходе принятия первого отечественного Лесного кодекса **я предлагал правительству восстановить упраздненное Министерство лесного хозяйства**, включить в закон статью об экологическом сертификате для всех лесопромышленников, которые безнаказанно увеличивают вывоз необработанной древесины, “кругляка”, за границу. Правительство опять все сделало наоборот.

На заседании Государственной Думы в 2007 году принимался новый вариант Лесного кодекса, дающий арендатору, новому хозяину сосновых боров и березовых рощ неограниченные права распоряжаться зелёным богатством, **и мне пришлось уже не просить, а взывать к совести и требовать оставить полномочия по управлению лесами за государством и восстановить систему лесхозов.** Но и на этот раз всё было сделано по-другому...

С принятием нового Кодекса наступил упадок лесного хозяйства, разрушена вертикаль управления им, наше зелёное богатство стало предметом хищнического разворовывания.

Единственное, что удалось отстоять усилиями экологов и общественности, – это государственную собственность на леса страны. В начальном варианте Кодекса предусматривался институт частной собственности на лесные ресурсы.

Когда в Госдуме депутаты от “Единой России” голосовали за **ликвидацию лесоохранной службы** и передачу леса в руки арендаторов, они напрочь забыли слова гениального создателя российской науки о лесе Г. Ф. Морозова: **“Лес должен принадлежать только государству, и последнее должно быть хозяином в нём. Не только принципиальная сторона, но и уроки и факты истории доказали право государства вести лесное хозяйство... Государственность – это общность интересов; лес, принадлежа государству, принадлежит тем самым всем, и только государство может целенаправленно распоряжаться им в интересах всенародных”.**

Партия власти бездумно попала всенародные интересы.

Для наших чиновников пример других стран – не пример. Общеизвестно, что в Канаде леса принадлежат государству, и там оно успешно справляется с функциями охраны, контроля и управления. В Соединённых Штатах половина лесов в государственной собственности, половина – в частной. Но доля частных участков понемногу сокращается, так как идёт выкуп и возврат их в лоно государства.

После ликвидации в начале 2000-х годов Федеральной службы лесного хозяйства никто из кремлёвских чиновников уже не боялся лишиться новый орган государственного управления – Рослесхоз – всех контрольных функций. Отняли всё, даже право законодательческой инициативы. Даже полномочия по управлению лесами в регионах.

Отсутствие единого координирующего центра охраны лесов привело к тому, что один из главных экологических ресурсов страны потерял всякую защищённость. Недавние съёмки из космоса показали, что **только незаконные рубки лесов в десять раз превышают законные!** А что говорить про алчных арендаторов, получивших по закону право рубить всё и вся, то есть и ценные породы деревьев, и обычные?! По данным учёных, из ежегодно экспортируемых во всём мире 130 млн куб. м необработанной древесины 51 млн куб. м приходится на Россию. Сохранять лес как экологический и климатообразующий фактор, как природный кондиционер никто не собирается. Россия ратифицировала Киотский протокол, но не хочет восстанавливать устойчивое управление лесами, беречь рощи и дубравы. Между тем, **учёные давно отметили нарастание по всей планете проблем глобального потепления климата, связанных с неразумными интенсивными вырубками как тропических и субтропических, так и российских лесов.**

Потенциал лесной и лесоперерабатывающей отрасли в России остался на прежнем отсталом уровне. Валовой продукт составляет 9–10 миллиардов долларов в год. А вот соседняя Финляндия получает от зелёного богатства валовой продукции на 30 миллиардов долларов в год. Сравнение продуктивности лесов тоже не в пользу России.

После принятия Кодекса правительственные чиновники были уверены, что все проблемы, порождённые законами дикого рынка, решатся в течение года. Однако они лишь усугублялись с каждым наступающим годом. И первыми забили тревогу регионы. Получив широкие властные полномочия и не найдя финансовых средств на их исполнение, они поставили под удар саму реформу. Чтобы передать лесные участки в аренду, необходимо провести межевание, а оно стоит около 6 миллиардов рублей. Бывший министр финансов РФ Алексей Кудрин отказал Министерству природных ресурсов, в чьём подчинении тогда ещё был Рослесхоз, в переводе денег не только на проведение мероприятий по межеванию лесных угодий, но и на подготовку лесных регламентов, на составление лесных планов, на ведение лесного реестра.

Так как лесопромышленный комплекс оставался без поддержки и государства, и бизнеса, прежний первый вице-премьер Сергей Иванов уже через год после действия Лесного кодекса заявил на заседании правительства, что **лес стоит без хозяина, а перерабатывающие предприятия впадают в кризисное положение.** Условия для привлечения инвестиций требуют одного – сбывать продукцию в виде “кругляка” по дешёвке за границу. Вывод очевиден: отечественные олигархи не купились на посулы нового Кодекса и не вложили свои средства-инвестиции в этот призрачный бизнес. **Одно дело – рубить и продавать, другое дело – восстанавливать, выращивать и беречь лес.** Последнее требует огромных затрат. Потому арендаторами стал малый и средний бизнес. “Кругляк” они продают успешно, а вот на посадки саженцев тратят копейки.

Уничтожение лесной охраны привело к катастрофе. Огромные площади лесов уничтожаются пожарами и браконьерами. Сегодня особенно заметно уменьшение площадей под хвойными породами. Их рубят нещадно, а восстановление идёт в недостаточных объёмах. В Центральном и Северо-Западном федеральных округах смена ценных пород на сорные и лиственные идёт опасными нарастающими темпами.

Во многих печатных изданиях стали появляться критические статьи о печальных последствиях ликвидации лесхозов, упразднения единой федеральной пожарной службы и Авиалесоохраны, занимающихся лесами. **Я собрал многие газетные материалы и 7 июля 2009 года направил их в Генераль-**

ную прокуратуру РФ. В запросе стоял конкретный вопрос: помогает ли принятие нового лесного законодательства правоохранительным органам в борьбе за сохранение природы?

Заместитель Генерального прокурора России А. Э. Буксман ответил:

“В 2008 году в сфере лесопользования прокурорами выявлено 31334 правонарушения, в том числе 1664 незаконных правовых акта. Для устранения нарушений закона внесено 4919 представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 2396 лиц. По постановлениям прокуроров к административной ответственности привлечено 4293 правонарушителя. По направленным в органы следствия 1995 материалам прокурорских проверок возбуждено 1502 уголовных дела.

Практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что исключение из числа полномочий прокурора права на возбуждение уголовного дела, в том числе по делам о нарушениях в сфере природопользования негативно сказывается на обеспечении законности и правопорядка, своевременного устранения выявленных прокурором правонарушений, неотвратимости ответственности виновных лиц и полного возмещения причиненного окружающей среде вреда”.

Последствия лишения Рослесхоза самостоятельности оказались печальными. **Прокуроры – не экологи, но и те поняли, что лес нельзя рассматривать только как экономический ресурс. Это важная основа экосистемы, к которой необходимо особо бережное государственное отношение.**

Во время отчета председателя правительства Владимира Путина на сессии Государственной Думы РФ я напомнил ему о последствиях ликвидации как Министерства экологии, так и Министерства лесного хозяйства, а также обратился с предложением, которое в этой ситуации сформулировал бы каждый честный лесник страны.

– Владимир Владимирович, – сказал я, – просьба от экологов восстановить государственную охрану лесов. Региональное управление лесами, к сожалению, себя не оправдывает. С мест поступает очень много тревожных сигналов о разграблении лесных ресурсов, о миллиардных убытках. Страна, лесопромышленный комплекс ждут закона о “кругляке”. Вы знаете эту проблему. Поэтому хотелось бы, чтобы государство все-таки вернулось в лесной комплекс как можно быстрее.

– Вы считаете, что раньше леса лучше охранялись где-то и, если будет создано специальное ведомство, больше будет порядка?

Я не успел дать утвердительный ответ, как за меня это хором сделал зал.

– Да!!! Петр I ещё двести лет назад создал систему охраны лесов, и она успешно работала!

– Двести лет назад? – переспросил Владимир Путин, видимо, даже не подозревавший о таком историческом факте. – Вы знаете, нам просто не хочется плодить всё новые и новые структуры. Но посмотреть можно, конечно, давайте посмотрим. Я вам обещаю, мы в правительстве рассмотрим этот вопрос, послушаем все “за” и “против”, потом примем решение и вас проинформируем.

Никто после этой оживленной дискуссии нас, конечно же, не проинформировал... На несколько своих запросов я всё же получил ответ, что правительство рассматривало моё предложение и пришло к выводу, что оно сегодня **экономически не целесообразно.**

Прошло время, и Путину, видимо, пришлось столкнуться в регионах с серьёзными проблемами лесной отрасли. Он понял, **что отсутствие чётко выраженного руководства отраслью, как и отсутствие хозяина в лесу, – результат непродуманной реформы и принятия некачественного Лесного кодекса.** Во время поездки в Республику Коми он неожиданно сделал революционное заявление: **“Мы планируем создать единый регулятор, сконцентрировать в одном федеральном органе и полномочия, и ответственность за состояние лесного хозяйства. Причём речь идёт не только о лесном фонде. Думаю, что в дальнейшем Рослесхоз должен регулярно составлять рейтинг качества работы регионов в сфере лесных отношений. И по его итогам мы будем делать выводы и принимать управленческие решения”.**

Во многих газетах решение премьер-министра, подписавшего когда-то смертный приговор лесному ведомству, прокомментировали положительно

с одинаковыми и многообещающими заголовками “Появится Министерство леса”.

Однако одну только уступку экологам и лесникам Владимир Путин сделал. После того как у Рослесхоза были отняты контрольные и управленческие функции, и он стал государственным органом без полномочий, премьер-министр **вернул ему статус федерального органа по управлению лесами**. Это хоть и полумера, но она теперь позволяет вести хотя бы небольшой контроль за лесопользователями.

* * *

В информационной политике, направленной на ликвидацию государственного контроля за лесом, главную роль, несомненно, сыграла лесная мафия.

Коммерсантов не волнует ни ежегодный нынешний ущерб от нелегальных рубок, достигающий более 5 миллиардов рублей в год, ни та катастрофическая картина опустошённых лесных участков, на которых сотни лет не будут произрастать дубравы и сосняки.

Они не знают, что американцы, вырубив у себя 95 процентов девственных лесов и поголовно пересев на автомашины, тем самым обрекли транспорт и промышленность на кислородное голодание. В настоящее время 40 процентов необходимого США кислорода вырабатывают Мировой океан и сибирская тайга.

Лесопромышленникам удалось понудить правительственных чиновников принять вместо лесоохранного кодекса – лесоторговый, в котором проблема контроля за незаконными рубками не затронута вообще. Теперь им необходимо внушить обществу, что новый закон приведёт в лес арендатора, который сумеет эффективнее распорядиться зелёным богатством, даст мощный импульс развитию деревообработки. О том, что в последние годы в стране объём производства деревообрабатывающего оборудования сократился в пять раз – с 22 до 4,6 тысячи станков в год, они умалчивают. Как стараются не слышать и про увеличивающийся объём нелегальных рубок. В одном только Приморском крае, например, он составляет около 80 процентов!

Заказ лесопромышленников тотчас отрабатывается на газетных полосах. Журналисты навязчиво пишут о том, будто в России сегодня используется лишь четверть расчётной лесосеки – то есть того объема древесины, который можно ежегодно рубить без ущерба для природы. А раз можно вести масштабную заготовку, то нужны крупные объёмы инвестиций.

Коммерсанты искренне верят в неисчерпаемость запасов леса. Верят, потому что лес для них – не среда нашего жизненного обитания, не преграда на пути наступления пустынь, а всего лишь **сырьё**. И деревья, по их представлениям, живут лишь для того, чтобы быть спиленными и пойти на доски и фанеру.

Они наверняка слышали в школе, что лес обеспечивает полноводность рек, но о реках должны беспокоиться специалисты водного хозяйства. О том, где будет жить уссурийский тигр или редкий филин после того, как уничтожена их среда обитания, пусть думают биологи. Задача лесопромышленников – вырубить и продать.

И вот они бездумно пилят, рубят, выкладывают “кругляк” штабелями. **Вместо того чтобы сконцентрироваться на глубокой переработке древесины, на стопроцентном использовании в деле сучков, опилок, всех отходов производства, коммерсанты кинулись заваливать зарубежные страны дешёвым “кругляком”**. А при таком размахе бизнеса, жажде наживы, погоне за прибылью не только забываются интересы народа, но и напрочь вылетают из головы всякие думы и тревоги об экологии.

Лес перестал быть для коммерсантов кладовой, а уж тем более храмом или мастерской. Жадный рынок подтолкнул их к мысли называть лес “огородом”.

Теперь во всех дискуссиях, публикациях в ведомственных журналах лесопромышленники глубокомысленно рассуждают, как с лесного “огорода” взять побольше продукции. Понятие “лес – огород” быстро прижилось.

В их понятиях кедр – как свёкла, а берёза – как капуста, посадил, вырастил, затем срезал и использовал.

Только кедр не может быть свёклой. Уж больно долго растёт, и внимания к себе, и затрат требует значительных.

К тому же не у всякого коммерсанта хватает средств и знаний восстановить лес после рубок на арендованных участках. Как правило, саженцы высаживают едва на половине обработанного “огорода”. Затем этот посадочный материал гибнет от засухи и всяких болезней.

Примеров истощительного лесопользования, равнодушного отношения бизнесменов к будущему своих “огородов” так много, что регионы перестают давать объективные статистические данные о том, какова приживаемость саженцев на вырубленных участках, и как скоро регион останется без лесного сырья. Недавно сотрудники Рослесхоза проверяли в Карелии деятельность известного крупного холдинга “Инвестлеспром” по выращиванию саженцев и рубок ухода в молодняках. Оказалось, что одно из подразделений холдинга посадило лесных культур только на 30% от необходимых по условиям лесорубочного билета, а рубки ухода в молодняках провело на 40%. И это не вся беда. Так как заданные объемы лесовосстановительных работ изначально здесь были крупно занижены, то потеря перспективного сырья лишает регион весомого дохода и устойчивого развития. Про ущерб экологии вообще говорить не приходится.

Коммерсант не знает, что при восстановлении леса естественным путем, как правило, возникает масса побочных серьёзных проблем. Во-первых, лес на делянках вырастает “дремучим”, не устойчивым. Во-вторых, на месте коммерческого леса вырастают малоценные породы.

Такова месть природы человеку за его алчность, за то, что тот возмнил себя великим “огородником” и полагает, что любую потерю участка дико-го леса в регионах можно свободно заменить коммерческими посадками.

Случается так, что порой и любви к лесу недостаточно для того, чтобы на месте вырубленного соснового бора вырос, восстановился точно такой же бор. **Опыт Европы показывает, что превращение лесных участков в “огороды” привело к потере не отдельных пород ценных деревьев, а к утрате целых зелёных массивов.** Лишилась многих дубрав, сосновых боров, кедрочай и Россия. Недавно русские ученые-лесоводы во главе с академиком Александром Исаевым нашли ответ не только на вопрос, почему это происходит, но и на вопрос, как растёт лес. Исаев пришёл к такому выводу: “Допустим, сосновый бор вырублен. Вскоре на этом месте появится береза, а под ней – если есть, конечно, осеменение – начнёт пробиваться сосна. С возрастом ель и сосна выходят на устойчивое состояние, начинается перегруппировка внутри экосистемы, она немного теряет в биомассе, но становится стабильной. Сосновый лес останется стоять тысячу лет, если его не вырубят или он не сгорит. Это и называется “дремучий лес”.

У академика есть много примеров неприживаемости лесов, отторжения, безвозвратных потерь. Человек пытается восстановить лес, но этот пустой участок “протестует”, превращается в “зелёную пустыню”, то есть зарастает кустарником. Одна из таких трагедий произошла на Дальнем Востоке между Комсомольском-на-Амуре и Хабаровском. Сорок лет назад там вырубил чудесный здоровый кедровник. И теперь этот участок лишь горит и производит кустарник. **Лес там не растёт.**

Ни одна статья нового Лесного кодекса не даёт ответа на вызов природы и на те требования к экосистеме, о значимости которой для роста леса говорят учёные.

* * *

До принятия печально известного Лесного кодекса низовой производственной единицей в системе управления лесным хозяйством был лесхоз, который выполнял весь сложный комплекс необходимых работ. **Теперь лесхозы преобразовали-ликвидировали, и их функции в единый миг перешли к арендаторам.** Лесники пополнили ряды безработных. А новоявленные хозяева ринулись в сосновые и берёзовые чащи с топорами и бензопилами.

Чтобы коммерсанты имели облегчённый доступ к зелёному богатству, авторы кодекса пошли на беспрецедентное решение: **разрешительный принцип лесопользования они заменили на заявительный! Цифры ущерба от**

нелегальной заготовки древесины стали расти с космической скоростью каждый месяц.

Как только на арендатора свалились тревоги и радости лесопользования, он быстро стал забывать про свои обязанности. Ему “невмоготу” – и подача лесной декларации, заявления об использовании лесов в соответствии с проектом освоения лесов, и предоставление информации об объемах изъятых лесных ресурсов, их товарной структуре, и представление отчета об охране и защите зеленого друга. Но ещё большее равнодушие и нежелание арендаторов вызывало требование предоставлять отчёты о воспроизводстве лесов и лесоразведении.

Во всём мире принято считать, что лесное хозяйство – одно из самых затратных и долго окупаемых. Может, оттого, что заготовка и торговля древесиной дают прибыль, а посадка, уход и выращивание деревьев приносят лишь убытки? Чтобы это понять, достаточно поинтересоваться статистикой: сколько современные лесопромышленники покупают лесозаготовительной техники и сколько – посадочной. Оказывается, у наших арендаторов не пользуется большим спросом не только лизинг посадочной техники, но и лизинг оборудования для глубокой переработки древесины.

За свою жизнь я встречал много и лесников, и арендаторов. Так вот, редко какой лесник допускал, чтобы при заготовке древесины под топор попадали ценные породы деревьев – дуб, кедр, ясень, ильма, граб. **Сегодня редко какой коммерсант с топором оставит на лесосеке жизнеспособную особь, занесённую в Красную книгу РФ.**

Ещё недавно в Карачаево-Черкесской Республике нельзя было срубить даже одну реликтовую сосну. Лес здесь охранялся не только как заповедный, но и как стратегический запас. За уничтоженное дерево браконьер получал тюремный срок.

А как сегодняшние коммерсанты распоряжаются национальным достоянием – соснами Архыза и Махара? Преступно. В уникальном, изумительном по красоте Архызе открыта лесоперевалочная база. Жадные до денег люди пилят деревья даже высоко в горах и ущельях, где теперь невозможно без риска для жизни посадить и вырастить саженцы. Так как лес пилят днём и ночью воры и не воры, то карачаевского леса скоро вообще не будет. Его древесина быстро перетекает на рынки Турции.

Через год после принятия Лесного кодекса в России зафиксировано **около 50 тысяч преступлений против леса, ущерб от незаконных рубок составил почти 25 миллиардов рублей.** Эти ужасающие цифры нарушений законодательства всё же дают неполную картину варварского поведения человека, ибо большое количество хищений древесины не попадает в поле зрения правоохранительных органов и в статистические отчёты.

По оценкам Рослесхоза, ежегодный объем нелегальных рубок составляет до 20 миллионов кубометров. Выходит, говорить о том, что запущенный в лес новый хозяин-арендатор остановит разбазаривание зеленого богатства и даст государству стабильный, внушительный доход – не приходится. Денежки текут мимо казны, а лес тает на глазах. Если **в одной только Ленинградской области за первую половину 2009 года отмечено 630 случаев незаконной рубки,** то как можно верить, что коммерсанты там лучше лесников работают?!

Сказать, что Лесной кодекс осложнил борьбу с нелегальной рубкой леса, значит, ничего не сказать. Кодекс открыл дорогу для “чёрных лесорубов”. И когда Министерствами природных ресурсов и внутренних дел России была создана Межведомственная комиссия по противодействию незаконным заготовкам и нелегальному обороту древесины, то экологи лишь печально улыбнулись. Ежегодные убытки от незаконного оборота древесины в стране оцениваются в 1 миллиард долларов, а правительственные чиновники создают очередную комиссию...

Вместе с браконьерами за счёт леса обогащаются и служители Фемиды. Если в России ежегодно незаконно вырубается до 35 миллионов кубометров леса, и государство не получает миллионы долларов прибыли, то это означает, что **в таком государстве не работают законы.** Из-за того, что заготовка древесины в краях и областях стала выгодным, высокодоходным бизнесом, к обогащению принаоровились и “охранники” леса. **Иначе Россия не вышла бы в число лидирующих стран в мировом сообществе по объемам нелегального вывоза сырья.**

Порой “чёрные дровосеки” не боятся и ужесточения законодательства. Стоило Госдуме РФ внести поправки в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, увеличить штрафы за незаконную вырубку деревьев в пять раз, как преступники тотчас увеличили незаконную деятельность. Значит, подобные меры наказания не срабатывают. А когда Владимир Путин наделил специалистов по государственному лесному надзору правом носить и применять резиновые палки, слезоточивый газ и наручники, то “чёрные лесорубы” облегченно вздохнули. Против их автоматов, против их суперсовременной техники и коррупционных связей резиновые палки ничего серьезного не представляют. Смешно. **Нужны кардинальные карательные меры и реальная уголовная ответственность.**

На следующий год после вступления Кодекса в силу зафиксировано 24 тысячи преступлений. В Сибири и на Дальнем Востоке браконьерская вырубка составила сразу 44% всех экологических нарушений. На Дальнем Востоке исчезает на глазах великая уссурийская тайга. Погибает от рук приезжих коммерсантов. Разномастные дельцы смекают быстро. Как только тайга стала редеть, гореть и чахнуть, так они тотчас наострили свои топоры на приморский север, в долины рек Иман и Самарги. Масштабы незаконной вырубки там достигли полутора миллионов кубометров в год.

Что же делают наши “правоохранительные органы”? Прокуроров и милиционеров не интересуют миллионные убытки, то, что десятки складов в Дальнореченске и Лесозаводске на 80% завалены нелегальной древесиной. **Они гордятся тем, что на три пенсии оштрафовали старика из села Чугуевка за срубленные на дрова три дерева...**

Браконьерскую статистику по паркам и заповедникам никто не ведёт. Между тем, она печальна, там цифры преступлений в три-четыре раза выше. Особенно случаи грабежа заповедного богатства увеличились после принятия поправок в Лесной и Земельный кодексы, которые исключают понятие “лесопарк”. Затем из основного кодекса депутатами фракции “Единая Россия” был изъят пункт о запрете на хозяйственную деятельность, в том числе строительство в пригородных санитарно-защитных зонах. Все эти депутатские поправки открыли колоссальные возможности для коммерческого освоения защитных лесов крупных городов России. **Над известным “зелёным поясом” Москвы нависла серьезная угроза. В подмосковных лесах теперь часто арендуют леса якобы для рекреационной деятельности, а на самом деле там возводятся разные строения.**

Та же ситуация и вокруг других городов. Территория Строгановского парка в Приморском районе Петербурга попала под коммерческий топор. Власти Брянска начали обустривать город с помощью массовой вырубки городских парков. Преследуя коммерческие интересы, чиновники города Горячий Ключ массово вырубает деревья в пойме реки Псекупс. Коллективные письма и протесты граждан остались, как всегда, без внимания. И теперь на месте отдыха образовался огромный пустырь. А жителям Пятигорска не удалось отстоять зеленую зону, расположенную рядом со здравницей “Белая Ромашка”. Топор равнодушных властолюбцев нанёс существенный экологический урон уникальной Михайловской роще в Томске, парковой зоне Комсомольска-на-Амуре.

Десятки депутатских запросов я направлял губернатору Ярославской области по поводу сохранения деревьев в парках и зеленых зонах областного мегаполиса. Всё напрасно. В подобных конфликтных ситуациях главы городов и районов равняются на губернатора. Не стесняются запустить топор в парки и зеленые зоны и мэр Углича, и мэр Рыбинска. Особенным рвением и старанием по изведению реликтовых сосен отличился глава Борисоглебского муниципального района Виктор Почернин. Никаких распоряжений он официальных не подписывает, а между тем редчайший по красоте и старейший в регионе сосновый бор уменьшается, как шагреневая кожа.

Воронежская область известна знаменитым Усманским бором, воспетым замечательным писателем-натуралистом Василием Песковым, и двумя уникальными памятниками природы. Один из них – “Питомцы столетий” – уютно располагается в Теллермановском лесничестве. Другой под названием “Золотой фонд” находится в опытном лесничестве Института лесоведения Российской академии наук. Но статус заповедных территорий не остановил “чёрных дровосеков”. Большая часть “Золотого фонда” легла под топор. В двух его кварталах здоровых деревьев в тридцать пять метров высотой почти не оста-

лось. Прокуратура трижды возбуждала уголовные дела. Только все они как открывались, так, как по мановению волшебной палочки, и закрывались... Некоторым уникальным дубам-сторожилам было по триста лет! Когда губернатор области узнал про эти и другие преступления, то разразился речью против коррупции и тотчас без доли жалости уволил начальника управления лесного хозяйства Виктора Маликова. Тот уехал в Москву на хороший руководящий пост в федеральных структурах. Вскоре он появился в области, но уже в качестве директора крупнейшего Воронежского государственного природного биосферного заповедника.

Сколько бы фактов браконьерского отношения к лесу экологи ни приводили, деревья от этого не перестают безжалостно падать под топором. И в какой бы регион необъятной нашей страны ни пришёл новый коммерческий хозяин, лес тотчас начинает тихо стонать...

* * *

После поездки Владимира Путина в 2008 году на Дальний Восток правительство решилось на беспрецедентные меры по сокращению экспорта круглого леса. Экологи, конечно же, приветствовали решение о поэтапном повышении вывозных пошлин на необработанную древесину. Но их не покидало сомнение – удастся ли Путину сдержать натиск отечественных и зарубежных лоббистов и перекрыть все дороги-лазейки для разбазаривания народного богатства?..

На памяти неудачные попытки Путина добиться аналогичного решения в 2006 году. Крупные бизнесмены и олигархи, сколотившие несметные состояния на торговле лесом и в первую очередь “кругляком”, пугали политиков крахом лесопромышленного комплекса. По их мнению, запрет на вывоз необработанной древесины понизит инновационную активность, не позволит заменить устаревшие технологии, машины и оборудование с большой долей ручного труда. **У Путина лежали на столе данные о масштабах разграбления лесного богатства страны, и он пытался добиться прекращения вывоза “кругляка”.**

Неожиданное наступление Путина на интересы лесных олигархов поддержали ведущие политики страны.

Первый заместитель премьер-министра Виктор Зубков заявил: “Нужно закончить сугубо сырьевые поставки и перейти к созданию высокотехнологичных совместных предприятий на российской территории”. Для того чтобы снять возникающие барьеры на пути инвестиций в отрасль, чтобы кредиты дошли до производства, Зубков создал при правительстве специальный совет по развитию лесной отрасли и возглавил его.

На третьем Дальневосточном международном экономическом форуме тогдашний спикер Госдумы РФ Борис Грызлов выступил с резким и заслуживающим особого внимания заявлением. Он предложил запретить законом экспорт круглого леса на несколько лет с тем, чтобы предотвратить контрабанду в огромных размерах. По его мнению, **“только закон о полном запрете экспорта круглого леса позволит сохранить наше лесное богатство и повысить количество предприятий, занимающихся лесопереработкой”.** Обычно такие предложения звучали только из уст экологов-экстремалов.

Однако у лесопромышленников сохранилась прежняя точка зрения на вывоз “кругляка”. Глава комитета Торгово-промышленной палаты по лесной промышленности коммерсант Александр Беляков выступил за полный запрет экспорта ценных пород деревьев, но за более гибкие механизмы регулирования вывоза хвойных пород. Конечно, подобный компромисс таил в себе хитрость. **В России кедра, граба, ясеня и других реликтов флоры осталось так мало, что они занесены в Красную книгу,** и сегодня торговый бизнес на них не сделать. Другое дело – сосны и ель. Хвойный лес ещё есть в ряде регионов, и в первую очередь – в Сибири. Тут-то интерес коммерсантов и остаётся прежним: **не мешать им вывозить “кругляк” за границу.**

Если Россия и впредь будет производить продукции из дерева всего лишь на 7–8 миллиардов долларов в год, **а не на 100 миллиардов, как должно,** то её экономике будет навечно уготован сырьевой и полукOLONиальный характер.

Правительство пошло на компромисс – не запретило вывоз “кругляка”, но ввело заградительные экспортные пошлины, чтобы стимулировать переработку леса в стране. Ведь российский лес уплывает за границу в необработанном виде, то есть с нулевой добавленной стоимостью. Порой и невероятно дешево. Так, например, полная фура “кругляка”, уходящая из порта Санкт-Петербурга, стоит 500 долларов. А в Швеции одна сосна продаётся за 50.

И вот тут поднялся шум чуть ли не во всем мире. Как это Россия могла в одностороннем порядке изменить таможенно-тарифную политику? С таким поведением в ВТО не вступают. Повышение вывозных пошлин на необработанную древесину противоречит принципам и правилам ВТО.

Чем настойчивее кабинет Путина начинал проводить борьбу с нелегальным оборотом древесины и против сохранения сырьевой ориентации российского экспорта, тем мощнее был резонанс среди мирового сообщества. **И за всем этим скандалом стояло желание Запада ничего не менять в политике грабежа зелёного богатства России.** Общеизвестно, что наша страна обеспечивает 40% предложения необработанной хвойной древесины на мировом рынке, покрывает 80% потребностей Китая и Финляндии, а также значительный процент – Японии и Южной Кореи.

Первой запретовала Финляндия. Следом раздались крики возмущения со стороны Китая, Швеции и Японии. Дело понятное: шведы ежегодно получают из России до 3 миллиардов кубометров “кругляка”. Потребности Китая в древесине на 50% покрывают поставки из Дальнего Востока и Сибири. **Днём и ночью китайцы грузят вагоны, заполненные нашими природными богатствами, и отправляют их на свою родину, а там строят фабрики, мастерские, заводы, деревни и даже целые города.** Большая часть китайской бумаги производится из нашей древесины. Когда Владимир Путин узнал, что на территории хватких соседей за годы гайдаро-чубайсовских реформ построено 12 больших ЦБК и создано 2 миллиона рабочих мест, а у нас ни одного ЦБК, то гнев его вылился в решение запретить торговлю дешёвым “кругляком”.

В Китае любая вырубка собственного леса запрещена под страхом расстрела. А бурно развивающаяся деревопереработка идет за счёт русского леса. В год принятия у нас Лесного кодекса **китайцы только из Приморья вывезли древесины на 3 миллиарда долларов. И ввезли обратно изделий из того же дерева на 6 миллиардов.**

Бюджет Финляндии существенно пополняется за счет ввоза из России дешёвого лесного сырья. Местные лесорубы это хорошо знают, так как у себя они заготавливают лишь 6% древесины, а у сторонних поставщиков закупают 87%. Их, конечно же, устраивает то, что нашей стране отведена роль поставщика. И отсутствие у нас полноценной деревоперерабатывающей отрасли, способной выпускать конкурентоспособную продукцию, позволяет Финляндии формировать ВВП на 16% за счет русского леса. Стоило Путину сказать про заслон экспорту “сырой” древесины, как моментально проявилась зависимость модернизации деревообрабатывающей промышленности от объёмов вывоза “кругляка”.

Премьер Финляндии Матти Ванханен встретилась с Путиным и откровенно намекнула ему, что если тот не отложит повышение пошлин, то прокладка газопровода “Северный поток” не получит поддержки у Финляндии. Цинично. Но Путин услышал угрозы и объявил о решении притормозить рост пошлин.

Я направил В. В. Путину большой депутатский запрос. В нём речь шла о необходимости принятия закона о запрете торговли “кругляком”, о поддержке таможенной политики, которая стимулировала бы глубокую переработку древесины. Затем, осуждая уступки Финляндии, я поинтересовался, а не приведёт ли отсрочка повышения пошлин к пересмотру ранее продекларированной стратегии правительства о модернизации ЛПК (лесопромышленного комплекса), и каким образом мы будем решать теперь проблему вывоза необработанного леса. Получил ответ не от В. В. Путина, а от заместителя министра промышленности и торговли России А. В. Дементьева. Суть его сводилась к банальному поразительному выводу, что “перезапуск отрасли на внутренний рынок невозможен в столь сжатые сроки”.

Россия по-прежнему не входит даже в первую десятку стран мира по производству самой распространенной продукции – бумаги и картона,

зато остаётся главным поставщиком первичного лесного сырья на мировые рынки.

* * *

Рубить кедр – грех. Это заповедное слово в стародавние времена передавалось из уст в уста по всей матушке Сибири.

Теперь грех не срубить кедр или пихту, ежели кругом под топор арендатора идёт весь русский лес от сосны до берёзы и осины, а в целом по стране олигархи распродают природные ресурсы и хвастливо публикуют отчёты о заработанных на этом жутком бизнесе миллиардах.

В конце XX века кедровые леса были сильно истощены интенсивными промышленными рубками. На глазах одного-двух поколений исчезли самые продуктивные участки редких деревьев. **Площадь кедровых лесов сократилась более чем в два раза, а ресурсы этого сибирского “хлебного дерева” уменьшились в 4 раза!**

Сибиряки и приморцы, вступив в торговые отношения с вездесущими китайцами, томимые безработицей и борьбой за выживание в рыночной России, ежедневно за гроши сплавляют за границу кедровые орехи, папоротник, грибы, женьшень, аралию, пушнину, продукты разделки изюбра и медведя, хищных птиц, лягушек и, конечно же, древесину ценных пород. **Питомцам Мао Цзэдуна и захватывать Дальний Восток ни к чему, все природные богатства отдаём сами, притом за бесценок.**

Хищническому уничтожению на Дальнем Востоке и Сибири подвергаются, прежде всего, валютоёмкие породы – кедр, дуб, ясень. Их жадно ждут рынки не только Китая, но и Кореи, Японии. Зная о востребованности ценного русского леса, наша таможня решила сократить количество пунктов пропуска, полагая, что тем самым будет сокращён поток вывоза зеленого богатства. Однако этого не произошло.

Мой любимый писатель-эколог Владимир Чивилихин всю жизнь искал ответ на вопрос: зачем отдавать короля лесов – кедр под топор, когда его орехи и масло дают гораздо больший доход в казну государства? В одной из своих книг о природе он на всю страну прославил ученых из сибирского поселения Кедроград, которые практически доказали, что сохранение кедровников выгоднее любого покушения на них. Глядя в будущее и желая достучаться до чёрствых сердец чиновников, он писал: “Кедроградцы заготовили в первый год сто тонн ореха. Дело это очень выгодное. Одна тонна кедрового ореха по коммерческой цене равнозначна сорока кубометрам древесины, только древесину взял – и пустошь, а орех можно брать сотни лет. На кедроградской территории со временем можно будет заготавливать пятнадцать-двадцать тысяч тонн ореха”.

Но чиновники не пожелали услышать ни писателя-эколога Чивилихина, ни учёных из Кедрограда. По сей день мы не имеем запланированных трёх кедрово-маслобояльных заводов. Зато есть другой – трагический результат. **Сибирь скоротечно потеряла свыше 600 тысяч гектаров драгоценных кедровников, с которых народ собирал в год в среднем 20 тысяч тонн орехов...** Ещё более страшный урон понесли отборные генотипы кедра, уцелевшие на Алтае, но также попавшие под топор. Бесконтрольный рынок уничтожил там **свыше 70% этого уникального природного фонда.** Даже после запрета на рубки главного пользования наступление на кедрач продолжилось.

... Однажды мне довелось побывать на греческом острове Корфу, где старики поведали мне историю о том, каким богатством прирастала их малая родина и в целом вся древняя страна. Все было просто. Греки завозили и высаживали на плохой земле сотни и тысячи оливковых деревьев. Пришел день, и оливковое масло затребовало тару. На острове появились бондари, гончары, столяры. Затем масло понадобилось медицине, туризму, ресторанному бизнесу. Стали активно зарождаться другие профессии. Для отправки масла за границу был нужен флот. И греки начали строить корабли. Таким образом, оливки дали стране тысячи рабочих мест, стабильный доход в бюджет и прочее, прочее.

Кедр, в сравнении с оливками, может быть использован гораздо выгоднее. **Кедровые орехи лечат огромное количество тяжелых заболеваний,**

начиная от язвы и повышенного артериального давления и заканчивая атеросклерозом. Про доходы в бюджет и говорить не приходится. **Кедр – это золото.** И когда мы его рубим, мы отказываем собственной стране в бедном будущем.

Приморский краевой закон от 29 октября 1999 года “О ценных и редких видах деревьев, кустарников и лиан, не подлежащих рубке на территории Приморского края” обязывал предпринимателей оставлять на лесосеках нетронутыми все краснокнижные породы. На деле нелегальный оборот только древесины кедра и только в Японию, начиная с 2002 года, ежегодно составляет около двух миллионов кубометров! Выходит, чем больше принимается запретов, чем чаще слышится тревога по поводу неотложного и оперативного вмешательства в судьбу редких пород деревьев, тем шире их экспорт. Ученые подводят итоги борьбы и свидетельствуют, что за последние 50 лет уничтожено более половины дальневосточных кедровых лесов!

Власть “рыночного” топора привела Россию к тому, что на её обширных территориях сегодня уже почти не встретишь зелёные анклавы из дубов, ясени, липы, клёна, граба. Это в старорежимные времена уставший охотник мог отдохнуть в тени прохладных дубрав, а тургеневские девушки погулять среди липовых аллей. Это великий преобразователь России Пётр I мог позволить себе заложить под Петербургом “корабельную рощу” из лиственниц и тем самым превратить обычную посадку деревьев в государственное дело. Он любил сажать деревья лично и приучал других бережно относиться к зелёному богатству. Ярким свидетельством тому явился указ “О приучении дровосеков к распиловке дров”, в котором предписывалось готовить лес экономичными ручными пилами, а не топором.

Государство расписывается в беспомощности. **После вступления в силу нового Лесного кодекса лес вообще никому охранять. Раньше под контролем лесника находилась 1 тысяча га леса, теперь – 10 тысяч за ту же зарплату.**

Порой заповедные уголки, находящиеся рядом с населенными пунктами, приходится защищать не государевым людям, а простым деревенским жителям. Именно такая история произошла в Приморском крае осенью 2002 года, когда жители села Анисимовка сожгли технику лесозаготовителей. Все иные миролюбивые методы сохранения лесных экосистем Ливадийского хребта не принесли результата.

История восстановления российских лесов заслуживает особого внимания, ибо она не так хороша, как свидетельствует статистика, и тем более не похожа на зарубежную. У нас подсчет восстановленного леса ведут по цифрам высаженных саженцев, а у иностранцев – по цифрам выросших деревьев. В настоящее время лидерами по восстановлению лесных плантаций являются Скандинавские страны. В Испании и Австралии успешно выращивают сосну лучистую, в Бразилии – эвкалипт, который в основном идет на нужды целлюлозно-бумажных комбинатов. При этом рубки леса в таких странах, как Финляндия и Канада, проводятся только для внутрихозяйственных целей. Скандинавы богаты древесиной, но в торговлю её не пускают, боры и рощи берегут, ужесточая законы об охране.

Какой прок, например, от тех отчётов, коими печально славятся коммерсанты из “Томской лесопромышленной компании”, если они посадили сосновые саженцы на трёх гектарах и те разом все засохли? Если лесовосстановление будет и дальше идти таким чередом, то Кемеровская область, где засветилась данная компания, превратится в пустыню.

* * *

Яростная схватка жителей подмосковного города Химки с чиновниками всех мастей и рангов за свой реликтовый лес прогремела на всю страну. При опросе общественного мнения сотрудники “Левада-Центра” получили сногшибательные сведения: две трети граждан России поддерживают защитников Химкинского леса. Почему эта ожесточенная кровавая битва за природу стала неизбежной? Для меня ответ очевиден.

Во-первых, **новый Лесной кодекс исключил понятие “лесопарк”, а также убрал статью о запрете на хозяйственную деятельность, в том**

числе строительство в пригородных санитарно-защитных зонах. Грубо говоря, чиновникам закон открыл колоссальные возможности для коммерческого освоения защитных лесов всех крупных городов.

Во-вторых, **проблема Химкинского леса упирается в проблему гражданского общества.** С одной стороны, очевидно наличие гражданского общества, реального противостояния жителей города и чиновников, массовые митинги, покушения на журналистов. С другой стороны, ясно, что гражданское общество ещё слабо, разрозненно, что любой мало-мальский окрик начальников сводит порой на нет все результаты борьбы. В городе, безусловно, у отдельных граждан существует желание быть гражданами. Они даже попробовали заявить об этом и тотчас узнали, как это тяжело и опасно. Жители Химок узнали о трагической судьбе их любимого зеленого массива в 2007 году, хотя тогдашний губернатор области Б. Громов утвердил соответствующее постановление годом раньше. Скоростная платная автомобильная дорога Москва–Санкт-Петербург должна проходить сквозь центр леса, широко пересекая его на две части. При этом она затронет три объекта, подпадающих под статус особо охраняемых природных территорий: вековую дубраву, сфагновые болота и долину реки Клязьмы.

Чтобы оценить ущерб природе и горожанам, наносимый данной стройкой, не надо быть профессиональным экологом. Достаточно взглянуть на проблему объективно. Согласно первоначальному плану ширина вырубаемой просеки, которая потребуется для обустройства “инфраструктуры” федеральной трассы, **равнялась 3 километрам по обе стороны!** При общей ширине в 6 километров **Химкинский лесопарк полностью лёг бы под топор.**

Горожане призадумались: если ещё десять лет назад на одного москвича приходилось 24 кв. м зелени, то в настоящее время – лишь 18. Зачем усугублять экологическую ситуацию и бездумно уничтожать собственные “лёгкие”?

Как только в прессе и на митингах протеста прозвучали обвинения в коррупции в адрес авторов коммерческой автотрассы, так ширина трассы незаметно и быстро уменьшилась, и теперь просека составит всего лишь 100 метров! Нетрудно догадаться, что изначально дорога с таким размахом рубок по обе её стороны должна была очень хорошо подкормить чиновников. А торговля дорогой землёй под офисы, автозаправки, торговые комплексы, склады, парковки, коттеджи и гаражи достигла бы невиданного размаха. Зато неизбежная гибель лесопарка чиновников мало волновала.

Работники Красногорского спецлесхоза заявили о том, что раз в зоне планируемой стройки расположен реликтовый лес площадью 1 тысяча гектаров, то уничтожать его не следует. Позицию лесников поддержали в Министерстве регионального развития РФ. Там отметили, что “масштабную вырубку Химкинского леса следует рассматривать как недопустимое нарушение прав граждан и законодательства в целом”.

Следующую попытку спасти лес от смертельной опасности предприняли депутаты Мосгордумы. 16 июля 2008 года они направили от всех фракций Владимиру Путину обращение: **“Жители Москвы и Московской области возмущены тем, что уникальные для Подмосковья реликтовые дубовые рощи могут быть уничтожены, несмотря на то, что существуют альтернативные решения для прокладки дороги”.** И настоятельно просили пересмотреть проект строительства платной скоростной автодороги, чтобы она не проходила по территории Химкинского лесопарка. Не стали скрывать своей позиции в защиту химкинских дубрав и в Государственно-правовом управлении Президента РФ, заявив, что “проблема их сохранения не вызывает сомнения”.

Однако Путин подписал распоряжение № 1642-р о переводе земель Химкинского лесопарка в категорию земель транспорта. . .

Жители Химок поняли, что в своей борьбе они могут рассчитывать лишь на собственные силы да на горячую поддержку журналистов и представителей экологических и общественных организаций. Нешуточное противостояние власти и народа вновь обострилось. За один только 2008 год горожане провели шесть митингов и десятков пикетов. **Владимиру Путину вновь было послано обращение в защиту леса, в котором содержалось уже 5 тысяч подписей!**

Ряд независимых газет выступили с жесткой критикой как местного мэра, не пожелавшего разделить позицию избирателей, так и скандального проекта. Особенно последовательную и грамотную политику в защиту леса прово-

дило местное издание “Химкинская правда”, возглавляемое известным журналистом Михаилом Бекетовым. Он жил в деревне, а не среди асфальта и небоскребов, потому воспринимать беды природы, как чужие, не мог. Он не боялся писать правду о коррупционном беспределе химкинских чиновников. Рост популярности газеты, как и рост протестных настроений, могло остановить только преступление. К сожалению, оно произошло. **Покушение преступников на жизнь Михаила Бекетова вызвало взрыв негодования в обществе и получило общенациональную известность.**

Президент страны дал поручение Генеральной прокуратуре РФ найти и изблечить подонков, совершивших зверское избиение журналиста.

Михаил Бекетов чудом выжил, но потерял ногу. После избиения бейсбольными битами ему приходится передвигаться на инвалидной коляске. Прокуратура, как и власть в целом, демонстрирует беспомощность в расследовании уголовного дела... О беспомощности и деградации власти говорит, прежде всего, тот факт, что в Химках подобное преступление против журналистов было не первое. Режут ножом редактора Юрова, бьют по голове железной трубой редактора Гранина...

Озверевшие киллеры по приказу “неустановленных заказчиков” учиняют расправу и над экологами. Бьют всех подряд: молодых и старых, девушек и мужчин. После одной акции в руки бандитов попал эколог Константин Фетисов. Он был так жестоко избит, что попал в реанимацию, после тяжелой операции едва вышел из комы. Правоохранительные органы вновь возбудили уголовное дело. По их заявлениям, предполагаемый организатор преступления работает в администрации Химок.

Избиение Фетисова подтолкнуло Союз десантников России к участию в защите Химкинской природы. Представитель “голубых беретов” Николай Гриненко прокомментировал такое решение достаточно четко: “То, что произошло с Фетисовым, — это вызов нам всем, и поэтому важно показать, что нас не запугаешь”.

Высокопоставленные чиновники надеялись, что оппозиция испугается, отступит... Но они просчитались. **Защитники Химкинского леса, возглавляемые экологом Евгенией Чириковой, соорудили баррикады, похожие на противотанковые “ежи”, на месте подъезда строителей трассы к территории вырубки.** Дорога рабочим была плотно преграждена. На лагерь, разбитый молодыми любителями природы, вскоре напали “неизвестные бандиты”.

В Москве рядом со зданием Министерства природных ресурсов сотня жителей Химок провела митинг. На нем главенствовал лозунг: **“Вырубить лес — один день. Построить дорогу — один год. Вырастить лес — 100 лет”.**

Методы травли у чиновников отработаны давно. Вначале палаточные лагеря экологов подвергались разбойным нападениям. Для “доблестной” милиции-полиции установление неизвестных бандитов, как всегда, оказывалось делом трудным и невыполнимым. Зато всякий раз после разгрома лагеря экологов рубка деревьев в парке и дубравы на берегу канала имени Москвы вблизи бывшей Станции юнатов шла очень активно.

Стычки с “неизвестными” в масках всегда заканчивались серьезными травмами для экологов. Сопrotивление же милиции, несогласие с решением коллегии Верховного суда, почему-то признавшего законность вырубки Химкинского лесопарка, всегда сопровождалось заталкиванием активистов зеленого движения в “воронки” и “каталажки”. Так, Евгению Чирикову продержали в КПЗ целую ночь, отняв у неё право не только быть дома с малолетними детьми, но и позвонить им. А жителя города Михаила Матвеева молодчики в масках избивали аж дважды!

Несмотря на такую травлю, борьба за лесопарк не прекратилась. Конечно, никто из молодых побитых граждан не обращался в Госдуму РФ, так как все понимали, что парламент — “не место для дискуссий”, а всего лишь орган для одобрения высочайших решений. Они знали и про решение суда, и про то, что в поддержку трассы выступил тогдашний мэр Москвы Юрий Лужков. Этот любитель пчёл разразился огромной одобрительной статьёй в “Российской газете”.

Экологи продолжали настаивать на своей правоте. Ушла жалоба в Европейский суд по правам человека, указывающая на найденные в проекте трассы грубейшие нарушения природоохранного законодательства. Не забыли экологи обратиться с письмом и к директору Европейского банка реконструк-

ции и развития с призывом выйти из вредного для природы и людей проекта. Правда экологов зиждилась и на том, что решение, которое приняла власть, незаконно. В соответствии с федеральным законодательством нельзя переводить земли в другие категории из лесного фонда, если есть иные варианты прокладки трассы. В данном случае такие варианты есть, и о них экологи сообщали во всевозможные инстанции. Два варианта ведут трассу, минуя лес. Например, через село Молжаниново. Однако сносить недвижимость для чиновников труднее, чем лес.

После многочисленных общественных протестов и критики в СМИ тогдашний президент страны А. Медведев вдруг приостановил строительство трассы. Он был вынужден признать, что случившийся конфликт между народом и властью имеет “особый повышенный общественный резонанс”. В поручении В. Путину было сказано, что данное решение продиктовано необходимостью проведения дополнительных общественных слушаний. Однако сбор людей на слушания был организован с массовым нарушением законодательства. В местной газете даже не было объявления о дате и месте этого президентского мероприятия. Слушания оказались фарсом.

Во исполнение поручения Д. Медведева от имени правительства выступил С. Иванов. Он пообещал на всю страну, что после одобрения проекта **на месте вырубленных деревьев на 100 гектарах будут заново засажены 500 гектаров.** К тому же строители произведут компенсационные выплаты за экологический ущерб в размере 4 миллиардов рублей. Кому выплатят? Если чиновникам, то они и так нажились на народном горе. Если экологам и иным протестующим, то для них важнее денег сохранение редкой дубравы, а их в подмосковных лесах осталось всего около 3%.

В стане экологов появилась надежда, что наконец-то власть услышала оппозицию. У меня лично не было никаких оснований верить власти, принявшей антиэкологический кодекс и отдавшей лес на разграбление.

Игра в демократию вскоре завершилась **заявлением пресс-секретаря главы государства о том, что проект строительства трассы Москва–Санкт-Петербург вышел на ту стадию, когда остановить его практически невозможно.** Таким образом, пар был выпущен, активных представителей гражданского общества поставили на место. Строители вновь взялись за топор. Столетние лещиновые дубы затрещали, сфагновые болота с клюквой замерли в ожидании трагического исхода.

Так как верховная власть продемонстрировала, как она намерена относиться к мнению и позиции народа, то чиновники всех мастей тоже решили показать свое пренебрежение. Так, Рослесхоз заявил, что **правительство не может выполнить обещание высадить 500 га леса вместо вырубаемых деревьев.** Не замедлили появиться и новые правительственные решения о наступлении на подмосковную природу. Теперь не только в Химкинском, а в Солнечногорском районе строители рассекут лес на четыре части. Здесь для строительства крупной кольцевой дорожной развязки **будет вырублено 140 тысяч га леса. По мнению ученых, это будет катастрофический удар по экологии Москвы.** В Люберцах запланировали пустить под топор городской парк “Наташинские пруды”. В Жуковском федеральная трасса пройдет через замечательный цаговский сосновый лес, где разгорелась острая борьба народа с местным порубщиком мэром Бобовниковым. В Балашихе военные наметили вырубку деревьев близ микрорайонов Николо-Архангельского и Дзержинского. Жители всех этих городов застрочили письма президенту... Только надежд на спасение природы нет.

* * *

Результатом введения нового Лесного кодекса и были те жуткие пожары 2010 года, охватившие чуть ли не всю страну, после чего партия власти “Единая Россия” получила от Дмитрия Медведева прямое указание – **провести тщательную ревизию и пересмотр лесного законодательства. В государственной Думе РФ была создана межфракционная рабочая группа по подготовке поправок и изменений в Лесной кодекс.** Каждая парламентская партия делегировала туда своих депутатов. Я принял участие в её рабо-

те от фракции “Справедливая Россия”. Возглавил рабочую группу председатель Комитета по безопасности Владимир Васильев.

Большинство поправок по этой проблеме я подготовил вместе с лесниками и экологами. На каждом заседании рабочей группы я озвучивал их в надежде на принятие. **Предлагал восстановить Министерство лесного хозяйства и сделать хозяином леса не арендатора, как сейчас, а лесника, возродить лесничество, превратить лесной сектор экономики из сырьевого придатка лесоперерабатывающей промышленности в индустрию по глубокой переработке древесины.** Остановить на Дальнем Востоке уничтожение кедровых лесов, передачу уссурийской тайги в аренду с правом любых рубок и построить там серию заводов по переработке орехов.

Увы, депутаты от партии власти не услышали ни моих предложений, ни боли за судьбу зелёного богатства страны. **Все поправки депутатов были положены в потайной, далекий и никому ненужный ящик.** Рабочая группа по пересмотру Кодекса и спасению лесов тихо прекратила свою работу, не отчитавшись даже перед парламентом, который её создавал, не поставив на голосование ни одной поправки. . .

“Единороссовский” Комитет по природным ресурсам и экологии вместо “рабочих” поправок вынес недавно на рассмотрение Госдумы другие поправки, направленные на дальнейшую порочную практику передачи полномочий регионам. В этот раз на откуп местечковым интересам было отдано лесовосстановление. К сожалению, им уже лет двадцать никто серьёзно не занимался. **Сегодня вырубается то, что сажали наши отцы и деды в начале 50-х годов.** Так как прирост лесной биомассы составляет 3–4 кубометра в год на душу населения, то России не очень-то стоит хвастать бескрайними богатствами. Их не так и много. Это в Финляндии прирост больше 10 кубометров в год. Страна маленькая, а отношение к лесовосстановлению государственное, масштабное и отнюдь не местечковое.

Лесоустройство – вещь серьёзная, это научно обоснованные мероприятия, затратные очень. Кто же будет проводить это лесоустройство, если разогнана лесная служба, и где регионам взять средства, если их не заложил в федеральном бюджете? Потому эти мероприятия в регионах не будут выполнены. Старания экологов остановить процесс передачи в регионы полномочий по проведению лесоустройства оказались безуспешными. Как всегда.

* * *

Первыми забили тревогу лесники. Подключились к борьбе экологи. Коррупционная составляющая и Лесного кодекса, и последующих законодательных поправок в него проявлялась столь очевидно, что молчать было нельзя.

Моё стремление включить в Лесной кодекс статью, устанавливающую правовой статус леса, дать чёткое определение лесу, закрепить норму, что лес – это не товар и недвижимость, а объект правового регулирования, не было поддержано ни разработчиками законопроекта, ни членами думского Комитета по природным ресурсам. Выступал я и в защиту лесов первой группы. . . Потерпел фиаско. В Кодексе вместо них появились защитные леса. И теперь в них разрешаются сплошные рубки. **Раньше это считалось преступлением, было под строжайшим запретом и серьёзно наказывалось.** Теперь у любого коммерсанта появилась возможность купить себе десяток гектаров соснового бора или вырубить дубраву под строительство коттеджа с бассейном. Законодательные препятствия умело устранены. Ещё пять лет назад подобный проект стройки с вырубкой лесов первой группы требовал перевода леса в иную категорию. Такими полномочиями обладало лишь правительство. Потому даже строить федеральную трассу, дать разрешение вырубить под неё подмосковный лес, который входил в состав лесов первой группы, практически было невозможно. Строителям необходимо было доказать правительственной комиссии необходимость перевода лесов из одной категории в другую. Новый Кодекс подобную процедуру перевода отменил. Более того, он написан с таким коррупционным пристрастием, что чиновникам не составляет труда найти возможность предоставить участок сосняка или березовой рощи в собственность “хорошему” коммерсанту либо дорогому родственнику.

Но этого мало. Коммерсанты выразили неодобрение тому процессу оформления земельных участков леса, который затягивался, по их мнению, надолго. Они понудили Министерство экономического развития и торговли подготовить и внести в Госдуму законопроект, унифицирующий и упрощающий процедуру оформления участков. Но тут последовало возражение специалистов Рослесхоза. Они заявили, что предложенный унифицированный порядок предоставления участков не подходит для земель лесного фонда. Однако разработчикам Кодекса удалось добиться главного – **перевести лес из категории экологической в экономическую. А раз лес теперь является товаром и недвижимостью, то все лесные отношения регулируются земельным законодательством, а имущественные – Гражданским кодексом.**

Удар по экологически ценным лесам, берегущим климат, воздух, воду, нанесён **непоправимый**. Коррупционность некоторых статей Кодекса проявляется не только при строительстве в зоне защитных лесов, но и на территориях заповедников, парков, памятников природы.

Времена, когда государство не разрешало никакой хозяйственную деятельность в заповедниках, не позволяло строить коттеджи в национальных парках, ибо строго за всем этим следило, в настоящее время ушли в прошлое. Чиновники без промедления воспользовались поправками и лазейками в законодательстве и начали вырубать заповедный лес, возводить в зеленых зонах строительные объекты.

Самым значительным и шумевшим обвинением в коррумпированном содержании некоторых статей Лесного кодекса стали **нормы о проведении аукционов**. И первыми забили тревогу регионы. Как только там начали искать новые механизмы борьбы с нелегальным оборотом древесины экономическими методами, создавать биржевые склады и лесные товарные биржи, так преступники начали думать о сохранении прежнего вольного бизнеса. Они нашли “дырки” в законе и продолжили продавать лес китайцам так, как продавали, то есть минуя аукционы. Губернатор Иркутской области Александр Тишанин был вынужден одним из первых признать, что Кодекс плохой помощник, а созданная Байкальская лесная биржа реализует с молотка всего лишь 20 процентов древесины. У коммерсантов нет интереса идти на биржу, поскольку там всё гласно и открыто. Чиновники же не прибегают к мерам воздействия и ответственности, так как **открытые торги мешают им зарабатывать**, то есть проявлять коррупционные связи.

Питерские журналисты обратили внимание на открытые аукционы, проводимые местной властью. Обнаружилась любопытная деталь: в отчётах зафиксировано, что некая таинственная коммерческая структура ООО “Компания “Скандинавия” не участвовала в конкурсах, но каким-то образом получила в распоряжение земли со статусом особо охраняемой природной зоны. Более того, эта компания является крупнейшим землевладельцем на Карельском перешейке, но в региональных СМИ нет ни одного упоминания о ней. Секреты многих крупных компаний и мелких фирм, захватывающих лучшие территории Ленинградской области, узнала глава народного движения “Против захвата озер” Ирина Андрианова. По ее утверждениям, **фирмы создаются чиновниками с одной-единственной целью – приобретать дешево и без реальной конкуренции дорогостоящую землю**. И когда для этого требуется перевод подобной земли из заповедного лесного фонда в земли поселений либо промышленности, то тут роль чиновников и приговаривается.

В Ленинградской области сегодня не только экологи, но и простые жители уже не удивляются, почему так случилось, что земли четырёх лесхозов на Карельском перешейке, а конкретно Северо-Западного, Приозерского, Соновского и Роцинского, сдаются коммерческой структуре в аренду по одной цене, а та предлагает их другим бизнесменам, но уже в сто раз дороже!

Не менее интересным был скандал вокруг лесных аукционов в Красноярском крае. Так как Лесной кодекс уничтожил лесхозы, отпуская лес на корню всем бизнесменам и гражданам, то чиновники решили найти им замену и открыли краевое государственное автономное учреждение “Красноярсклес” с филиалами во всех районах. На этом интерес чиновников не закончился. Отлаженный годами механизм отпуска леса под рубку тихо прекратил свое существование. Настал черед аукционов... Всё вроде как в Кодексе написано... Только любой проводимый в регионе аукцион почему-то выигрывали не прежние предприниматели, а именно “Красноярсклес”. На торгах с участием

монопольного учреждения-гиганта стали происходить странные истории, свидетельствующие как об отсутствии рыночной конкуренции, так и об открытии небывалых способов “кошмарить” малый бизнес. Некоторые фирмы не могли поторговаться за право вести заготовку древесины, потому что не были допущены до аукциона, а другим фирмам не дано было победить. Успех всегда сопутствовал “Красноярсклесу”.

Некогда устойчивый лесной бизнес стал заметно разоряться. Тут бы крайним закоперщикам нового учреждения-гиганта дать задний ход. Уступить дорогу. Поделиться. Найти взаимоприемлемые решения. Но не тут-то было. На смену одним ухищрениям чиновников пришли другие. Например, для “Красноярсклеса” наступает время пресыщения, но он не отказывается от аукциона, а, получив право на вырубку древесины, передаёт его нужному предпринимателю. Если в регионе не находится таковой, готовый лечь под монополиста и выполнять его требования, то поиск переключается на другие области.

Однако самый заметный скандальный след в проведении аукционов оставили подмосковные чиновники. Про их аферу с продажей прав на аренду элитной земли по ценам в тысячи раз ниже рыночных больше всего писали СМИ.

Сделка проходила тайно. Заявления от желающих поучаствовать в торгах принимались Мослесхозом в течение всего нескольких часов. На кону стояли – 69 лесных участков общей площадью 991 гектар, расположенных в основном в Истринском и Одинцовском районах да на престижной Рублёвке. Стартовые цены не превышали... 1 тысячу рублей за сотку, хотя рыночная стоимость сотки составляла до 30 тысяч долларов!

Конечно, желающих купить сотку земли у Истринского водохранилища за тысячки нашлось бы много в Москве и за её пределами. Но **везунчиками оказались избранные**, то есть те, кого пригласили на аукцион. Среди них: главные “защитники” русского леса – **олигарх Роман Абрамович, президент Союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин, актриса Юлия Рутберг, депутат Думы Николай Гоголь**. Все они заявили обиженному народу, что взяли лес для того, чтобы защитить его от некультурных граждан, склонных к незаконным вырубкам.

Таким образом, самая дорогая в стране земля ушла за копейки. **Олигархи заплатили в 1 200 раз меньше (!), чем полагалось. Федеральному бюджету был причинён ущерб в размере 4,35 миллиарда рублей**. Не зря в народе говорят, что чем человек богаче, тем жаднее. Олигарх Абрамович заполучил 397 га “дешёвой” земли. Александру Шохину пришлось довольствоваться малым куском, всего лишь 2 гектарами, но зато он их успел сразу огородить забором. Документов на руки ещё не получил, а забор и собак уже завёл.

В день проведения скандальных торгов мне удалось выступить против них на сессии Государственной Думы России. В зале присутствовал руководитель Рослесхоза. Перед началом работы парламента ко мне подошел крупный чиновник из правительства и втихаря дал информацию о беспределе на московском аукционе, просил озвучить её и заступиться за заповедные леса. Конечно, хорошо, что в правительстве есть люди, переживающие за сосняки и рощи, но жалко, что они боятся сами выступить против коррупции и беззакония.

Дума никаким образом не отреагировала ни на моё выступление, ни на заверения руководителя Рослесхоза, что ему ничего не известно про участие физических лиц в аукционе, однако подобные торги проводятся и будут проводиться каждый месяц в течение полугода...

Судебные иски от разных коммерческих структур вынудили тогдашнего министра природных ресурсов Юрия Трутнева пойти на беспрецедентное решение об отмене торгов и принудительном расторжении договоров аренды. Министр признал, что формально Мослесхоз действовал по правилам. Повысить стоимость лотов можно лишь на торгах, увеличивая число претендентов на каждый лот. Но организаторы аукциона нашли лазейки в Лесном кодексе, принятом депутатами партии чиновников “Единая Россия”, и сократили число покупателей. Нельзя было в кодексе прописывать, что место и время сбора заявок определяет организатор аукциона. Между тем я предупреждал коллег-депутатов в Думе, что эта коррупционная норма, и она обязательно “выстрелит”, чиновники найдут сотни причин, чтобы не пускать “лишних” людей на аукцион. Так и случилось.

Для меня все эти истории с коррупционными аукционами, произошедшие и в Ленинградской области, и в Красноярском крае, и в Подмосковье, не являются неожиданными. Подобные трагедии разыгрались и у меня на родине – в Ярославской области. Правда, здешние чиновники изначально “подыгрывали” чужакам. Большинство аукционов выигрывали не местные предприниматели, а неизвестная фирма с минимальным уставным капиталом из Ивановской области. В речах губернатора этот произвол находил своё объяснение, мол, власть заинтересована в таких аукционах, на которых лесные участки продаются за большую сумму.

Всю печальную и бесплодную историю борьбы с фальшивыми фирмами-арендаторами, занимающимися лишь наглой продажей древесины, я подробно изложил одному из авторов Лесного кодекса, председателю парламентского Комитета по природным ресурсам Наталье Комаровой. Она пообещала поправки в законодательство с тем, чтобы запретить арендаторам огораживать свои лесные участки и не допускать туда население, повысить ответственность за лесовосстановление. Еще посоветовала лишить ивановцев права аренды. Но как это сделать, если в её Кодексе об этом ничего не сказано? Следующий её совет – занести нарушителей в реестр недобросовестных предпринимателей – вообще обернулся комедией. Как только ярославские правоохранительные органы пошли по моей подсказке по этому пути, так недобросовестные ивановские предприниматели зарегистрировали другую фирму под иным названием и вновь вышли на лесные аукционы.

Выходит, **законодатели заложили в Кодекс такие коррупционные нормы, которые позволяют недобросовестным и браконьерским структурам легко уходить от ответственности.** В нынешней авральской ситуации нужны не советы и вздохи, а конкретное изменение законодательства, нужно дать контролирующим лесным органам возможность досрочного расторжения договора аренды в случае невыполнения обязательств по охране, защите и воспроизводству лесов.

Только без коренного пересмотра Кодекса, без восстановления государственной лесной охраны и эта мера, боюсь, окажется полумерой.

* * *

Сегодня не только лесникам, но и политикам, принимавшим новый Лесной кодекс, стало очевидно, что этот закон не выдержал испытания огненной стихией.

Все три года подряд пожары беспрепятственно сжигали тысячи и тысячи гектаров лесных угодий. Уже в начале 2008 года пожаров в стране стало в 41 раз больше, чем за аналогичный период 2007 года. И площадь, пройденная огнём, выросла в 547 раз.

Президент страны и премьер-министр строго указывали министрам на плохую подготовку к пожароопасному периоду, учиняли разнос за десятки сгоревших деревень, грозили отставкой за то, что горящие торфяники заволочли Москву едким дымом, требовали восстановить в деревнях пруды безопасности. **Лишь одного не желали делать кремлёвские чиновники – признавать собственной ошибки, каяться, что внедрились в жизнь статьи варварского Лесного кодекса, по которым были уничтожены все структуры государственной лесной охраны.** В один миг 170 тысяч специалистов остались без работы.

Президент хоть и заикнулся по поводу пересмотра лесного законодательства, однако менять его концепцию не решился. О лесах продолжали “заботиться” арендаторы. И результат выполнения ими функций охраны и защиты зеленого богатства оказался трагичным. В 2010 году огонь вновь охватил всю страну и уничтожил теперь свыше 2 миллионов гектаров леса и сотни жилых домов. Всю Центральную Россию, включая Москву, заволочило дымом.

Власть упорно наступает на одни и те же грабли. Предупреждать беду некому, тушить огонь тоже... Да, бюджет Рослесхоза увеличили почти в два раза, само ведомство наконец-то сделали самостоятельным и переподчинили напрямую правительству. Запланировали выделить 15 миллиардов рублей на приобретение лесопожарной техники. Но пока в лесу полноправным хозяином остается арендатор, а не лесник, никакие правительственные новшества, ни-

какие финансовые затраты, никакие добровольные дружины не спасут ситуацию. В доме порядок зависит от главы семьи, а не от квартиросъемщиков и гостей.

Арендатор, обеспокоенный единственной целью получить прибыль, не будет делать то, что раньше вменялось в обязанности лесника. Он уже по кодексу обязан осуществлять меры по профилактике пожаров, но игнорирует это. Не делает минерализованных полос, не опаживает сухие участки, не содержит пожарную технику и запасы ГСМ. Леснику всё это приходилось делать, ибо такова его работа. Арендатор запрограммирован зарабатывать на том, что выгодно, а очищать делянки от порубочных остатков или патрулировать-дежурить с утра до вечера на кордонах — это крайне невыгодно.

Раньше в каждом структурном подразделении лесхоза были пожарные химические станции. Когда чиновники от партии “Единая Россия” ликвидировали лесную охрану и лесхозы, то не догадались передать эти станции на содержание арендаторов.

В лесном хозяйстве сложилась трагическая ситуация. Нет настоящего хозяина в лесу, значит, и нет присмотра за ним. А в бесхозяйственном сосновом бору или берёзовой роще всегда творится неладное. Оттуда всегда приходит беда. Об этом не раз говорили и **сотрудники Института прикладной математики РАН, предсказывая катастрофическое развитие событий во время наступления засухи.** Жаль, что их тревогу не услышали в правительстве. А заявление было пророческим: **“В имеющейся ситуации, после ввода в действие нового Лесного кодекса... любой достаточно засушливый год может стать катастрофическим.** Необходимо признать, что подразделения МЧС, по всей видимости, не готовы к тушению лесных пожаров в большом объёме, так как не обладают ни соответствующей техникой, ни средствами мониторинга, ни знаниями”.

Даже губернаторы, боящиеся попасть в немилость власти и сказать слово поперёк, заголосили про необходимость незамедлительного изменения Лесного кодекса. Они, может, и не знают, для чего лесные участки делились на обходы, зачем лесники патрулировали их, строили наблюдательные вышки... Они, может, меньше экологов переживают, каким злом оборачивается для регионов разрушение системы государственной охраны лесов и отсутствие системы контроля над планированием и осуществлением лесопользования. Зато им ведомо другое, то, что неэффективное использование лесного ресурса приведёт к неэффективной экономике, а это в свою очередь приведёт к долгосрочным негативным социальным последствиям. Пришёл в лес по указке из Москвы арендатор, не имеющий никаких обязательств ни перед жителями региона, ни перед природой, повыврубал одну часть леса, а другую не уберёт от огня, а за все катастрофы — социальные и экологические — нести ответственность придётся губернатору. Вот иногда, в минуты озарений и глубоких дум, и ропщут они, подают голос тревоги, вроде губернатора Новгородской области Сергея Митина, разразившегося статьёй в правительственном журнале “Российская Федерация” с претенциозным названием “Не только жара палит лес, но и несовершенные законы”.

Увы, так считают не все. Сегодняшние пожары опять не могут заставить кремлёвских чиновников с их монопольной партией власти переписать ущербный Лесной кодекс. **Губернаторы, учёные, лесники, экологи, граждане страны, все, в конце-то концов, пришли к выводу, что складывающаяся система управления лесами катастрофична.** И леса продолжают гореть на Дальнем Востоке, в Бурятии, Туве, Алтайском и Красноярском краях, в Новосибирской, Иркутской и Рязанской областях. В Свердловской области горит заповедник “Денежкин камень”, в Нижегородской области — Павловский лесхоз и так далее...

Огонь уничтожает лесную державу. Огромное, фантастическое зелёное богатство России исчезает на глазах. **Спасти лес может только иная система управления им, совершенно другой Лесной кодекс, и только та армия профессионалов, которая любит лес и служит ему по совести, а не за деньги.** Испокон веков в России хозяином в сосновых борах и берёзовых рощах был лесничий.

Чтобы избежать трагедии, лес нужно вернуть тому, кому он нужен, кто его знает и бережёт, кто навечно связывает его будущее с будущим России. Чем раньше мы поймем, что сегодня время не арендаторов, а лесников, тем быстрее в общество вернётся жажда созидания, творческого труда и умение жить в ладу с природой.

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

ГОД ИСТОРИИ? ЭТОГО МАЛО

Указ бывшего президента РФ Д. А. Медведева о проведении Года истории вызывает смешанные чувства. С одной стороны, недавний опыт показывает, что интерес государства к истории, рожденный сиюминутными политическими соображениями, может дать малозначительные результаты. Об этом свидетельствует судьба президентского указа № 549 от 15 мая 2009 года, в соответствии с которым была создана комиссия при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Уже спустя почти три года стало ясно, что комиссия оказалась бесплодной, так как фальсификация истории в материалах средств массовой информации беспрепятственно продолжалась. 14 февраля 2012 года указом президента комиссия была ликвидирована.

С другой стороны, вряд ли стоит ограничивать внимание к истории каким-то одним годом или периодом. Интерес к истории России постоянно проявляют многие граждане нашей страны, занятые изучением прошлого или распространением исторических знаний. Помимо преподавателей, профильных НИИ, работников музеев к ним относятся миллионы людей, включая членов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, участников поисковых отрядов, посетителей сайтов в интернете, посвященных исторической тематике.

подавляющая часть населения страны считает: знать прошлое страны необходимо. Отвечая на вопрос службы РОМИР, 67% согласились с тем, что «каждый гражданин России должен хорошо знать историю своей страны». Скорее согласились с этим утверждением, чем не согласились, 26% опрошенных. Категорически не согласились с этим лишь 2%, а 7% скорее были не согласны, чем согласны. Но насколько такие настроения соответствуют уровню знаний об истории среди населения?

Известно, что даже самые отсталые в техническом развитии племена, не имевшие письменности и не умевшие добывать огонь, прочно сохраняли в памяти предания о деяниях своих предков. Этнографы записали длинные родословные, а также сказания о природных катастрофах, сражениях с врагами племени, своих героях и вождях, которые неграмотные люди знали наизусть. Порой по архаическим словам, использованным в эпосе, удавалось установить, что его создание относится к невероятно далеким временам. Так, в ритуальных песнях современного племени тода, живущего на юге Индии, этнограф Л. В. Шапошникова обнаружила слова, схожие с лексикой народов древней Месопотамии. Сохранение в неприкосновенности элементов языка народа, исчезнувшего несколько тысячелетий назад, свидетельствует о высо-

ко развитой памяти тех, кого считают примитивными и чуть ли не умственно отсталыми.

Помнят ли граждане России памятные события прошлого, имена великих людей?

Знают ли у нас историю?

“По сути – это пиррова победа, – говорю я студентам и тут же спрашиваю их: – Кто такой Пирр?” Увы, как и на другие подобные вопросы, я не получаю ответа.

“Что такое “пятая колонна?”” В ответ – молчание. “Когда произошел поджог рейхстага?”. Решается ответить лишь староста курса: “Рейхстаг был подожжен, когда наши войска брали Берлин”. Про Ван дер Люббе, Лейпцигский процесс, а также про то, что понятия “поджог рейхстага”, “пиррова победа”, “пятая колонна” стали нарицательными для обозначения схожих событий, студенты последнего курса гуманитарного института не знают.

Я думаю, что у студентов плохо с буквой “П”, а поэтому пробую задавать вопросы относительно предметов, начинающихся с других букв: “Вы – москвичи, а потому слышали про улицу Миклухо-Маклая и Мичуринский проспект. Кем были Мичурин и Миклухо-Маклай?”. Я вижу перед собой лишь недоуменные лица. О том, что имена многих русских ученых неизвестны нынешней молодежи, я уже знал по опросу, проведенному среди старшеклассников одного из регионов России. В то время, как они назвали два десятка марок автомобилей и около полутора десятков “брендов” жевательной резинки, они смогли назвать лишь двух отечественных ученых – Ломоносова и Менделеева.

Плохие знания по истории обнаруживают не только представители молодого поколения. Ещё три года назад в России ВЦИОМ провел опрос, в ходе которого были проверены знания истории населением страны всех возрастных групп. Оказалось, что на 8 вопросов по истории из программы 11-го класса смогли ответить верно лишь 2% опрошенных. Лишь 4% смогли правильно ответить на 7 вопросов. Лишь 8% дали правильные ответы на 6 вопросов. И это несмотря на то, что в стране много людей, глубоко интересующихся историей.

О том, что даже наиболее значительные события в истории нашей страны многие не знают, убедилась моя супруга, когда она в беседе со своей знакомой сказала, что скоро поедет на Куликово поле. Услыдав это, ее знакомая расхохоталась. Очень уж смешным показалось ей слово “Куликово”. Оказалось, что эта уже немолодая женщина, которая принадлежит к зажиточному слою населения и увлекается писанием икон, никогда не слышала о поле, на котором произошла великая битва. Увы, она не одинока. Опрос, проведенный в прошлом году, показал, что для 39% россиян словосочетание “Куликовская битва” ничего не говорит. Среди остальных лишь немногие могли точно назвать время этого сражения. При этом иные считали, что оно произошло не то в XIX, не то в XX веке.

“С чего начинается Родина?”

Страница, на которой была описана Куликовская битва в школьном учебнике, была перевернута и вскоре забыта.

Такое не могло произойти со многими из моих сверстников в нашем детстве. Вместе со всеми детьми военной и довоенной поры я узнал про Куликовскую битву задолго до поступления в школу. Мне было три года, когда мне подарили набор картонных солдатиков, которые изображали воинов Куликовской битвы из войск Дмитрия Донского и Мамаю. Такие наборы были выпущены в 1940 году по случаю 560-летия этого сражения. Не будучи еще знакомым с историей, я разыгрывал Куликовскую битву, распевая “Бородино”. Я запомнил наизусть это стихотворение Лермонтова, пока моя сестра учила его вслух, готовя домашнее задание.

Так же рано узнавали мы про Ледовое побоище. Через пару лет я и мои сверстники в Барнауле, в котором я оказался во время эвакуации, бегали по двору с фанерными щитами, на каждом из которых был изображен леопард,

как у Александра Невского из одноименного фильма. Примечательно: мы играли в “разгром немцев под Москвой”! Такое совмещение исторических эпох было естественным в то время. На стенах барнаульских домов можно было видеть плакаты со стихами: “Бьёмся мы здорово! Рубим отчаянно! Внуки Суворова, дети Чапаева!”. На этом плакате художники Кукрыниксы изобразили бойцов Красной Армии, а за ними – силуэты Чапаева, Суворова и Александра Невского.

Там в Барнауле, едва научившись читать, я по многу раз перечитывал журнал “Мурзилка”, в котором был очерк о Куликовской битве. Очерк был “с картинками”. На рисунке, который занимал две журнальные страницы, русские воины держали хоругви с ликами Иисуса Христа. В центре рисунка сошлись в смертельной схватке инок Пересвет и батыр Челобей. Текст сопровождался выдержками из поэмы Рылеева об этом сражении.

Вместе со строками Лермонтова и Рылеева в сознании прочно внедрялись даже такие незнакомые слова, как “инок”, “дружина”, “дубрава”, “бивак”, “кивер”, “драгуны”, “уланы”. Завораживали лермонтовские строки: “Звучал булат, картечь визжала”. Страшно становилось от слов: “И ядрам пролетать мешала гора кровавых тел”. Восторг вызывала фраза из поэмы Рылеева: “К концу клонился бой кровавый и черный стяг был пасть готов, как вдруг орлом из-за дубравы Волынский грянул на врагов!”. В памяти оставалось неизгладимое впечатление о величии и героизме сражений за свободу и независимость нашей Родины, о чем чуть ли не ежедневно напоминали приказы Верховного Главнокомандующего.

Во что же играют нынешние дети и по каким источникам они впервые узнают о прошлом нашего народа? Баталии в “стрелялках” и других компьютерных играх, как правило, разворачиваются в неких странах неопределенного местоположения. Первые мультфильмы, которые смотрят наши дети, сработаны в студии Уолта Диснея. Затем дети привыкают к кинофантазиям про хоббитов и школу колдунов, в которой учится Гарри Поттер. Удивительно ли, что, поступая в школу, слова “Куликовская битва”, “Полтавский бой”, “Александр Невский”, “Александр Суворов” не вызывают в их памяти отклика, а читая “Бородино”, они могут споткаться на словах “лафет”, “редут”, “бусурманы”?

И все же есть исключения. 4 марта этого года я был наблюдателем на одном избирательном участке Москвы во время президентских выборов. Некоторые избиратели по сложившейся еще в советские годы привычке приходили с детьми и внуками, чтобы те опустили избирательные бюллетени в урны для голосования. Одна из бабушек пришла с внуком, который для членов избирательной комиссии и наблюдателей стал декламировать “Бородино”. Маленькому Саше всего пять лет, но стихотворение Лермонтова он знает наизусть.

“Эту песню не задушишь, не убьешь!”

Помимо детских игр и стихотворений, заученных в детстве, с первых лет жизни запоминаются песни, которые несут в содержании и происхождении память о далекой истории. 2500 лет назад Конфуций учредил песенный канон, который он рассматривал как важный инструмент сохранения исторической памяти китайского народа, особенно необходимый в тогдашний период безвременья и разложения Китая. Прошло 1800 лет после смерти великого мыслителя, Китай оказался под властью монгольской Юаньской династии, а в пьесах, которые ставили в китайских театрах конца XIII века, действующие лица напоминали зрителям о “Книге песен”, составленной Конфуцием. В этих спектаклях звучали древние песни страны, а сами песни были посвящены еще более давним временам. Так театр помогал своей аудитории не забывать о великой истории Китая.

История нашей страны не столь длинна, как китайская, и все же у нашего народа сохранилось немало песен, имеющих более чем вековую историю. 70 с лишним лет назад известную и ныне песню “Метелица” с блеском исполнял в фильме “Музыкальная история” знаменитый Сергей Лемешев. Но еще в начале XIX века благодаря писателю И. И. Лажечникову стало ясно, что эта песня имеет давнюю историю: в его романе “Ледяной дом”, действие которого происходит при Анне Иоанновне, князь Волынский поет “Метелицу” на улице Санкт-Петербурга. Но песня влюбленного родилась еще

раньше. Некоторые исследователи утверждают, что она была сочинена в Москве в середине XVII века.

Песня семейных застолий про Ермака, который “сидел объятый думой... на тихом берегу Иртыша”, также уводит в далекую старину. Сочинил текст этой песни Рылеев, и речь в ней идет о событиях 6 августа 1585 года.

В давние времена уводят звучащие и ныне песни о Степане Разине. Память о героических и трагических событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. хранят “На сопках Маньчжурии” и разные варианты песни о походе “Варяга”.

Но часто ли мы можем услышать эти песни по радио или по телевидению? Зато непрерывно гремят песни, не имеющие ничего общего ни с музыкальной, ни с исторической традицией наших народов. Нередко русские исполнители поют на английском языке. Между тем, как и в древнем Китае, песни могли бы послужить инструментом возрождения исторической памяти. Возможно, это понимают энтузиасты, которые размещают на сайтах интернета тексты и мелодии тысяч любимых народом песен.

Первые уроки истории

В течение многих тысячелетий свои первые уроки истории люди получали через воспоминания родных и близких. Пару десятилетий назад я часто наблюдал повторяющуюся сцену: житель нашего дома Иван Андреевич выходит со своим внуком и идет в сторону парка. Я знал, что весь долгий путь Иван Андреевич будет рассказывать внуку о прожитой жизни. Он расскажет ему про сибирский город, в котором он начинал трудовую жизнь, про то, как выучился на шофера, а затем, став танкистом, прошел боевой путь от Дона до Балатона.

По себе знаю, какое неизгладимое впечатление оставляли рассказы моих родителей о прожитой ими жизни. Вспоминая про дореволюционную жизнь в приволжских городах, моя мама рассказывала о приезде в Кострому царской семьи в 1913 году по случаю 300-летия дома Романовых. Она говорила, как расплакалась, обнаружив, что ничего не видит за спинами взрослых, а жанدارм, услышав ее плач, поставил её впереди себя, и тогда она смогла созерцать всю царскую семью. Мама сохранила в памяти детское восхищение великими князьями, жалость при виде больного цесаревича, которого на руках нес матрос, и разочарование “простым” видом царя, которого ожидала увидеть в короне и мантии. Вспоминала мама, как через пять лет она декламировала отрывок из “Полтавы” на школьном концерте в 1918 году, а ее похвалил нарком Луначарский, который потом читал отрывок из собственной поэмы о Фаусте, который строил идеальный город. Этот город автор поэмы назвал Троицбургом.

Отец, который в раннем детстве с родителями выехал из-под волжского города Хвалынского в Баку, вспоминал своего деда, награжденного медалью “За покорение Чечни и Дагестана”. Отец запомнил, как в 1905 году незнакомый офицер приказал установить возле их домика из досок пушку, чтобы выстрелами в воздух разогнать участников кровавого столкновения между армянами и азербайджанцами. Офицер боялся, что халупа, в которой жила семья отца, развалится от сотрясения воздуха во время пушечной стрельбы, и приказал всем покинуть жилище. Резня между представителями двух народов вспыхивала и впоследствии. Отец вспоминал, как их полк Бакинской коммуны, состоявший в основном из русских, взбунтовался, когда красноармейцы стали свидетелями расправ армян из другого красного полка над азербайджанскими крестьянами.

Отец и мать были членами партии, но они рассказывали то, о чем не писали в советских учебниках по истории и что даже вступало в противоречие с ними. Хватает ли сейчас времени у нынешних отцов и матерей, дедушек и бабушек, чтобы рассказать про свою былую жизнь? Есть ли терпение у нынешних детей и внуков, чтобы выслушать эти рассказы? Порой кажется, что традиция семейных воспоминаний угасает под натиском телевидения и интернета. Наконец, насколько нынешние люди свободны от того, чтобы не подогнать свои воспоминания под представления о прошлом, настойчиво внедряемые большинством средств массовой информации?

И все же семейных рассказов о прошлом недостаточно для формирования исторического сознания. Для того чтобы первые впечатления о прошлом стра-

ны превратились в основы исторического сознания, нужна хорошая школьная подготовка, в ходе которой отрывочные сведения укладываются в строгий порядок хронологических таблиц и четкой периодизации. В советской школе первые уроки истории проходили в 4-м классе, затем к пройденным этапам прошлого возвращались, постепенно углубляя знания из года в год.

Успешному усвоению знаний способствовало мастерство преподавателей. Наш преподаватель истории Николай Игнатъевич Ермишкин вел уроки увлеченно и изобретательно. Николай Игнатъевич постоянно контролировал, как мы усваиваем обильный материал. Помимо тех, кого он вызывал отвечать к доске, он усаживал на первые парты шестерых школьников, которым приказывал писать сочинения по истории.

Николай Игнатъевич оценивал эти сочинения строго. Важно было не просто назвать верные даты и имена царей, а дать осмысленное объяснение исторических событий и процессов. Так он обучал нас историческому мышлению. Вряд ли с помощью тестов ЕГЭ можно этому научить.

Телевидение как окно в прошлое

Однако изучение истории не завершается школьной программой. В течение всей жизни люди могут получать новую информацию о прошлом. На вопрос службы РОМИР: “Что для Вас служит основным источником информации по истории нашей страны?” 60% из опрошенных ответили: “Телевидение”.

Известно, что картинка воспринимается гораздо эффективнее, чем слово. Другой особенностью зрительного восприятия является его конкретность. Изображение заменяет абстрактные понятия. В своей книге “Ответный удар” Маршалл Маклюэн писал, что кинематограф и телевидение вернули человечество к символам, стоящим за словами языка, и таким образом отбросили его на 3000 лет назад к дословному языку звуковых и зрительных образов.

Следствием этого является неспособность многих телезрителей рассказать об увиденном. Американские социологи установили, что подавляющее большинство телезрителей не могли пересказать содержание передачи, даже если их об этом спрашивали тотчас после ее окончания. Конкретные зрительные образы, воспринятые телезрителями, не были осмыслены ими, и им трудно было перевести увиденное в слова.

После урагана “Катрин” российский тележурналист встретился с группой русских студентов, оказавшихся в Новом Орлеане во время природной катастрофы. Беседы не получались: юноши и девушки могли лишь размахивать руками и ограничиваться односложными невразумительными восклицаниями.

Телеизображение может послужить яркой иллюстрацией для уже сложившихся представлений об историческом событии. Но как можно по-настоящему узнать о прошлом, лишь бегло упоминая об исторических характеристиках событий, именах людей, принимавших в них участие, географических названиях?

Между тем, зная особенность своего жанра, телережиссеры стараются как можно меньше показывать “говорящие головы” и как можно больше — “картинки”. Поэтому в сюжете передачи “Сегодня” от 9 мая 2012 года историк, который добросовестно говорил о значении Смоленского сражения 1941 года для срыва германского блицкрига, заметно проигрывал по сравнению с журналистом Ю. Кучинским, который показывал могилы красноармейцев и гать, проложенную в болотистой местности. Игнорируя слова историка, Кучинский создавал впечатление, что Смоленское сражение было лишь грандиозным поражением Красной Армии. В подтверждение этой идеи мы видели, как тележурналист шел по болотам, в которых могли потонуть солдаты, и кладбищу, на котором они могли быть захоронены. Какой-то парнишка, который, судя по его виду, не мог быть даже сыном участника сражений, бойко сообщал, что на участке в 7 километров погибло 200 тысяч красноармейцев. Зная, что, следя за его передвижением по гати и могилам, зрители не смогут запомнить цифры, Кучинский смело добавлял, что к началу сражения в советских дивизиях было не более 500 человек. Получается, что только на этой переправе через Днепр было уничтожено около 400 советских дивизий, то есть раза в 2 больше, чем всех дивизий Красной Армии, сражавшихся в это время против гитлеровских войск.

Краткие словесные заявления служат лишь для закрепления в сознании смысла увиденного. Зная эффективность зрительного образа, телемастера настойчиво повторяют одни и те же кадры черно-белой кинохроники из передачи в передачу: снова и снова с колоколен сбрасывают колокола, кого-то расстреливают, множество людей возит тачки или что-то приколачивает, по Красной площади идут колонны демонстрантов с гигантскими портретами Сталина. Эти образы прочно соединяются с повторяющимися словами: “ГУЛАГ”, “массовые расстрелы”, “сталинские репрессии”, “тоталитарный режим”.

Другой особенностью телепередачи является ее краткость. Во время передачи “Суд времени”, в которой я не раз принимал участие, Н. Сванидзе предупреждал: “Вам будет дано не более трех минут на изложение ваших взглядов. Три минуты на телевидении – это очень много!” Нередко целые исторические периоды, которым посвящены пухлые тома, излагаются за полчаса или час в передаче, еще и прерываемой рекламой. В соответствии с жанром телепередачи (вне зависимости от того, показывают ли серию “мыльной оперы” или реконструкцию исторических событий) мы должны увидеть ее завязку, кульминацию и развязку. Разумеется, при этом многие сложности и противоречия исторического события уходят на задний план или исчезают.

Поэтому изложение исторической правды происходит в стиле бурно развивающейся драматической сцены с привлечением трюков. Рассказ о двух предвоенных годах (1939–1941 гг.) в телепередаче “Роковые решения” (продюсер – Алексей Пивоваров) знаменателен тем, что в нем активно используются приемы цирковых фокусников, которые вытаскивают из хитроумных конструкций нужные им предметы. Вместо географических карт и реальных документов нам постоянно показывали комнаты с картонными стенами, которые должны были олицетворять европейские страны. Если иллюзионист с помощью искусно сделанного ящика или чемодана может создать впечатление того, что в нем бесследно пропали люди и предметы, то в фильме Пивоварова в этих картонных комнатах исчезли подлинные события между октябрем 1939 года и июлем 1940 года. Зато зрители видели, как в комнаты из картона, в которых “обитали” поляки, белорусы, украинцы, эстонцы, латыши и литовцы, вламывались красноармейцы. Они теснили обитателей прикладами. Один из красноармейцев грубо схватил квартиранта и вытолкнул его из дома. Расчет создателей прост: географическую карту и текст документа телезрителю не так легко воспринять, а сцены вторжения в кукольные домики даже невнимательные зрители могут запомнить.

По Пивоварову, Красная Армия не освобождала украинцев и белорусов от многолетнего гнета польских панов, а лишь грубо ворвалась в домик, населенный мирными жителями довоенной Польши. Лишь на несколько секунд мелькнули документальные кадры, и мы увидели на улицах городов и сел множество людей, приветствующих приход Красной Армии в сентябре 1939 года. Но авторы фильма поспешили сообщить, что местное население просто хотело заполнить офицеров-квартирантов, чтобы на этом подзаработать. До фильма Пивоварова даже злые враги Советской власти не додумались утверждать, будто сотни тысяч украинцев и белорусов, вышедших радостно встречать красноармейцев, это – владельцы квартир, заманивающие потенциальных жильцов.

Правда, степень воздействия телепередач на зрителей не безгранична. Только в том случае, если на телеэкране развертывается зрелище, захватывающее аудиторию, будь то футбольный матч или фильм, сделанный столь же искусно, как сериал “Семнадцать мгновений весны”, внимание зрителя предельно сосредоточено. Во многих случаях телепередачи просматриваются рассеянно, а их содержание не закрепляется в памяти. Гораздо внимательнее зрители смотрят спектакли в театре или фильмы в кинотеатрах.

Дело в том, что степень мобилизованности внимания театрального зрителя или посетителя кинотеатра намного выше, чем у телезрителя. Еще до того, как вы уселись в зрительном зале театра или кинотеатра, вы начали настраиваться на предстоящее зрелище. Более того, чем больше усилий у вас ушло на подготовку к посещению, тем выше уровень вашей внутренней мобилизованности.

Осенью 1978 года я стал свидетелем разговора народного артиста СССР Аркадия Райкина с космонавтом СССР Георгием Гречко перед началом прямой связи с космическим кораблем, на котором находились космонавты

В. В. Ковалёнок и А. С. Иванченков. В ответ на замечание Георгия Гречко о том, с каким трудом ему приходилось в юности доставать билет на спектакль Райкина, последний сказал: “Вот это и хорошо, что с трудом”. Артист рассказал, что он и другие актеры не любили так называемые “шефские” концерты. На них они выступали перед зрителями, которые получили билеты без труда, а потому были более озабочены тем, как вели себя в зрительном зале их коллеги по работе, чем содержанием спектакля. “А так как вы выстрадали ваш билет, ваше внимание было полностью приковано к сцене”, – утверждал Райкин.

Для просмотра телепередачи зритель не должен покупать билет. Он находится в привычной домашней обстановке, которая располагает к “демобилизованному” состоянию. А ведь освоение исторического материала требует сосредоточенного внимания к датам, историческим событиям, видным деятелям прошлого, географическим названиям, а также оценкам и выводам историков. Чтобы запомнить многие непривычные имена, цифры, часто необходимо вернуться к ним, но зритель может это сделать лишь в том случае, если записывает передачу или пересматривает ее в интернете. На практике подавляющее большинство так не поступает.

Поэтому телевидение – это сильно замутненное окно в историю. Телепередачи на исторические темы – вряд ли могут служить надежным источником знаний о прошлом.

Магия кино и историческая тема

Опрос службы РОМИР показал, что 7% населения считает “основным источником информации по истории нашей страны кинофильмы”. Известно, что сейчас отечественные фильмы составляют малую часть того, что показывают в кинотеатрах. Российских же кинокартин на исторические темы – ничтожное число. Вряд ли сколько-нибудь значительная часть населения идет в современный кинотеатр, чтобы пополнить свои знания об истории. Скорее всего, те, кто формируют представления о прошлом страны по кинофильмам, имеют в виду советские фильмы, которые они когда-то смотрели в кинотеатрах.

Явная нехватка современных художественных фильмов о прошлом заставляет российское телевидение обращаться к кинолентам, созданным советским кинематографом. Перед учрежденным нынешней властью Днем народного единства теперь постоянно показывают советский фильм “Минин и Пожарский”. Показывают порой советские фильмы и о других выдающихся дореволюционных деятелях нашей страны и событиях в ее истории.

Но по сути все советские фильмы стали картинками о прошлой жизни, а стало быть, историческими. В отличие от современных имитаций советского прошлого, в этих кинокартинах сохранились реальные черты ушедшей эпохи. Даже фильмы о советской истории создавались в то время таким образом, чтобы предельно точно воспроизвести уже исчезнувшие приметы прошлого. В этом я убедился, приняв участие в съемках фильмов из киноэпопеи “Освобождение”. В сцене Тегеранской конференции из фильма “Прорыв”, в которой я изображал переводчика И. В. Сталина, Ю. Н. Озеров и руководимая им киногруппа старались как можно правильнее воспроизвести обстановку и стиль жизни 1943 года. Мундиры военных были пошиты по образцам отечественной и иностранной формы того времени. Мне, как гражданскому переводчику, подобрали костюм начала 40-х годов. На круглом столе конференции лежали ручки, карандаши и блокноты, производившиеся в то время. Реплики, которые произносили актеры, соответствовали словам из подлинной стенограммы конференции.

Мне лично очень понравилась естественность, с которой актер переводил пленного немецкого солдата в небольшом эпизоде. Оказалось, что в съемках участвовал бывший советский офицер, который действительно был штабным переводчиком. Он помог точно восстановить ход допроса, его одели в форму того времени, а с помощью грима “омолодили” (съемка происходила через 25 лет после Курской дуги).

Реальности батальных сцен в фильме способствовало то обстоятельство, что сам Юрий Николаевич Озеров, автор киносценария Юрий Васильевич Бондарев и некоторые сотрудники киногруппы были участниками Великой

Отечественной войны. Советские танки Т-34 были подлинными, а другие советские танки обшивали специальными щитами, чтобы они выглядели как немецкие “тигры”. Немецких офицеров и генералов, высших деятелей нацистской верхушки играли актеры из ГДР. Зачастую съемки боев производились там, где происходили настоящие сражения, а сцены, посвященные Ялтинской конференции, были сняты в том зале Ливадийского дворца, где она состоялась. Правдивость изображенного на экране обеспечивалась тем, что создатели киноэпопеи помнили дух военного времени и старались передать его с максимальной достоверностью.

Продуманность каждой крохотной сцены, съемка двухминутного эпизода в течение целого рабочего дня, кропотливая работа с отснятым материалом позволяли в итоге достичь максимального правдоподобия. Киномагия стирала в сознании зрителей грань между правдой и вымыслом. Актер Николай Олялин, сыгравший главную роль в киноэпопее Озерова, рассказывал о неловкости, которую он испытывал, когда ветераны войны воспринимали его как участника великих сражений.

В фильмах, которые снимают сегодня, пренебрегают не только приметами прошлого, но и сутью изображаемых в них реальных событий. Из показанных в конце прошлого года на телеэкране четырех серий фильма “Товарищ Сталин” правде соответствовало лишь упоминание о том, что И. В. Сталин умер 5 марта 1953 года. Кажется, что вопиющее невежество авторов фильма облегчало им сочинение вздорных фантазий. Видимо, поэтому они решили, что Суслов был заклятым врагом Сталина. По ходу фильма этот секретарь ЦК пытается то застрелить Сталина из винтовки, то подсунуть ему отравленные конфеты. По причине полного незнания истории тех лет творцы фильма позволили Сулову трясти Берию за лацканы пиджака.

Зрителей убеждали в том, что актер Сергей Юрский в овчинном тулупе, мечтающий о глобальной ядерной катастрофе, это – Сталин. Зрителям внушалось, что несчастный истопник на сталинской даче, жестоко обманутой Сталиным, но слепо верящий в него – это олицетворение русского народа.

Столь же лживы и другие телесериалы на темы советской истории (“Московская сага”, “Штрафбат” и многие другие). Поскольку же эти поделки преобладают на экране, то очевидно, что и этот источник исторических знаний, которому доверяет 7% населения, изрядно замутнен и отчасти отравлен.

История на страницах художественной литературы

Для 17% опрошенных службой РОМИР основным источником информации по истории служит “художественная литература”. Творческая мысль художника может оживить тексты законодательных документов и международных договоров, внести психологическую глубину в служебные характеристики, придать человечность протоколам совещаний, раскрасить сухие хроники описаниями природы и зарисовками городского быта.

В лучших произведениях на историческую тему их создатели поднимаются от констатации исторического факта до уровня высокого философского осмысления событий прошлого. На таком уровне создавались великолепные исторические романы и другие произведения о прошлом России, написанные лучшими мастерами русской литературы. Достаточно вспомнить романы и повести “Война и мир”, “Капитанская дочка”, “Тарас Бульба”, драму “Борис Годунов”, поэму “Полтава”, стихотворение “Бородино” и многие другие. До революции популярные исторические романы создавали И. И. Лажечников, М. Н. Загоскин, А. К. Толстой, Г. П. Данилевский, Д. С. Мережковский. В советское время многие считывались произведениями на исторические темы, написанными Алексеем Толстым, Ольгой Форш, Сергеем Бородиным, Сергеем Сергеевым-Ценским, Анной Антоновской, Валерием Язвицким, Василием Яном, Валентином Пикулем, Дмитрием Балашовым.

Однако в середине 80-х годов появляются произведения, авторы которых произвольно обращались с историческими фактами, тенденциозно изображали известных деятелей. Для литературы этого рода характерен нашумевший роман А. Рыбакова “Дети Арбата”. В сочиненных Рыбаковым “внутренних монологах” Сталин декларирует свои зловещие планы. Как ни странно, этот нехитрый прием произвел сильное впечатление на многих читателей, и они по-

верили, что Сталин на самом деле подготовил убийство Кирова и много других злодейств, так как у них создалось впечатление, что они узнали его заветные мысли.

Но вот прошло более 20 лет. Политически конъюнктурный роман благополучно забыт. Попытки вызвать к нему интерес с помощью телеэкранизации оказались безуспешными. Однако плевелы, посеянные Рыбаковым, проросли. Забыв отдельные сцены и даже сюжет романа, читатели повторяют отдельные фразы, приписанные автором Сталину. Так, замышляя убийство Кирова, Сталин в одном из своих “внутренних монологов” говорит: “Смерть решает все проблемы. Нет человека, и нет проблем”. И хотя впоследствии Рыбаков признался, что он сам придумал эту фразу, слова стали считать сталинскими. Не так давно В. В. Путин заявил: “Как сказал Сталин: есть человек, есть проблема, нет человека – нет проблемы”. К сожалению, даже такие высокопоставленные читатели готовы слепо довериться авторитету исторического романа.

“Что-то с памятью моей стало...”

Художественные произведения, написанные очевидцами происходивших событий, максимально приближаются к мемуарной литературе. Хотя из опроса РОМИР неясно, считали ли опрашиваемые воспоминания “художественной литературой” или нет, несомненно, что многие мемуары признаны художественными произведениями. Также нет сомнения в том, что чтение воспоминаний во многом формирует представления о прошлом. Хотя авторы мемуаров могут проигрывать по сравнению с создателями вымышленных произведений в драматизме сюжетов, яркости фраз, но зато они более достоверны. Они могут описать не только реальные события, но также их закулисную сторону, которая долго оставалась недоступной для журналистов и других хроникеров.

Лишь благодаря мемуарам люди узнали о глубоких переживаниях видных государственных деятелей. Так, на страницах мемуаров “железный канцлер” Бисмарк сообщил о своем отчаянии, когда король Пруссии отверг его план действий в отношении Австрии: “Я был в таком настроении, что мне пришло на ум, не лучше ли броситься из открытого окна четвертого этажа”. В своих воспоминаниях Генри Киссинджер запечатлел Ричарда Никсона, который во время расследования Уотергейтского дела падал на колени в Овальном кабинете Белого дома и истово молился христианскому Богу, предлагая и своему государственному секретарю-иудею присоединиться к его молитвам. Немало конфиденциальных и шокирующих деталей о поведении первого президента России сообщил в своих воспоминаниях глава его охраны В. В. Коржаков.

Однако полностью полагаться на достоверность мемуаров также нельзя.

В этом нетрудно убедиться, если обратиться к мемуарам тех немногих людей, которые работали со Сталиным накануне начала войны. Казалось бы, эти дни, наполненные роковыми событиями, которые врезались в память всех советских людей, живших в то время, должны были отчетливо запомниться тем, кто стоял близко к рулю управления страной, а потому их воспоминания должны быть схожими. Однако выясняется, что каждый из мемуаристов запомнил эти события по-своему, а документальные свидетельства показывают, что все они допустили существенные ошибки.

В книге “Воспоминания и размышления” Г. К. Жуков писал о том, что вечером 21 июня он вместе с его первым заместителем Н. Ф. Ватутиним и наркомом обороны С. К. Тимошенко прибыл к Сталину в Кремль, чтобы сообщить сведения, переданные перебежчиком с немецкой стороны. “И. В. Сталин был один. Он был явно озабочен. “А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?” – спросил он. “Нет, – ответил С. К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду”. Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро”. Судя по дальнейшему рассказу Жукова, совещание в кабинете Сталина завершилось около полуночи, так как, описывая возвращение из Кремля в наркомат обороны, он писал: “Давно стемнело. Заканчивался день 21 июня”. Очевидно, когда Жуков прибыл в наркомат обороны, ему “примерно в 12 часов ночи 21 июня командующий Киевским округом М. П. Кирпонос... доложил по “ВЧ” еще об од-

ном перебежчике. Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 0.30 минут ночи Сталину”.

После того как поэт и публицист Феликс Чуев зачитал этот рассказ Жукова Молотову, тот стал возражать: “Да неточно, неправильно”. По словам Молотова, события в окружении Сталина разворачивались следующим образом: “21 июня, вечером мы были на даче у Сталина часов до одиннадцати-двенадцати. Может быть, даже кино смотрели... Потом разошлись...” Затем “позвонил Жуков. Он не сказал, что война началась, но опасность на границе уже была. Либо бомбежка, либо получили другие тревожные сведения. Вполне возможно, что настоящей войны еще не было, но уже накал был такой, что в штабе поняли: необходимо собраться. В крайнем случае, около двух часов ночи мы собрались в Кремле, у Сталина... все члены Политбюро были вызваны”.

А. М. Микоян в своей книге “Так было” излагает события ночи с 21 на 22 июня по-иному: “В субботу 21 вечером, мы, члены Политбюро, были у Сталина на квартире (не в кабинете, как в версии Жукова, и не на даче, как у Молотова. — **Прим. авт.**)... Неожиданно туда приехали Тимошенко, Жуков и Ватутин. Они сообщили о том, что только что получены сведения от перебежчика, что 22 июня в 4 часа утра немецкие войска перейдут нашу границу... Мы разошлись около трех часов ночи 22 июня...”

Однако записи в книге посетителей кремлевского кабинета Сталина, сделанные вечером 21 июня, свидетельствуют о том, что все три мемуариста неточны. Из содержания записей следует, что последняя встреча руководителей и высших военачальников страны перед началом войны состоялась не на даче и не в сталинской квартире в Кремле (как утверждали Молотов и Микоян), а в его кремлевском рабочем кабинете (как писал Жуков) и продолжалась до 23.00. В то же время, вопреки воспоминаниям Жукова, Сталин был не один, а в кабинете помимо него находились два члена Политбюро (Молотов и Ворошилов) и три кандидата в члены Политбюро (Берия, Маленков и Вознесенский), а также Кузнецов и Сафонов. Жуков прибыл к Сталину не с Ватутиным и Тимошенко. Ватутина вообще не было, а Тимошенко находился у Сталина до Жукова, но на время выходил из кабинета, а затем вошел вместе с Жуковым. Вместе с Жуковым прибыл и Буденный. Через час прибыл и Мехлис. Вопреки его мемуарам Микоян вообще не присутствовал на этом совещании, а поэтому он много напутал.

Если столь разноречивы и неточны воспоминания о столь неординарных событиях истории, то что же можно ожидать от книг, представляющих собой открытые фальшивки. За полвека на Западе было создано немало фальсифицированных мемуаров. Среди них “Заметки для дневника” наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова (“Notes for a Journal”), “Материалы Олега Пеньковского” (“The Penkovsky Papers”), “Материалы Лаврентия Берии” (“The Beria Papers”), “Исповедь любовницы Сталина” (фальшивые воспоминания певицы Давыдовой, которые она никогда не писала, были переведены и изданы в Минске в 1994 году).

Этот ряд продолжают опубликованные в постсоветской России “воспоминания” бывшего секретаря Сталина Бориса Георгиевича Бажанова, который в 1928 году бежал из СССР. Фантастичность описываемых событий (утверждение, что Бажанов лично сочинил устав партии, что не Сталин, а Бажанов фактически управлял страной в конце 20-х годов, авантюрная история про бегство Бажанова от агентов ОГПУ через Иран и Белуджистан на верблюдах, подозрительно напоминающая злоключения Бендера и Корейко во время их переезда через Туркестан) должна вызывать по меньшей мере сомнения в точности излагаемых событий. Вопиющие же ошибки в датах, именах и описании событий тех лет свидетельствуют о том, что автор “воспоминаний” не имеет никакого отношения к подлинному Бажанову и плохо знает нашу страну.

Поскольку некоторые слова и целые фразы в книге являются плохим переводом с английского языка, это наводит на мысль об её англо-американском происхождении. Например, слова “Грациозное Величество” применительно к королю Великобритании убеждают в том, что книга была переведена с английского языка, а переводчик прибег к побуквенному переложению на русский язык английского слова “gracious”. А это слово по-русски означает не “грациозный”, а “милостивый”.

Калькой с английского являются слова “лейтенанты Сталина”. В тексте имеются в виду не офицеры армии, а “помощники Сталина”, видимо автор

в оригинале употребил обычные для англоговорящих людей слова “Stalin’s lieutenants” (“lieutenant” означает не только “лейтенант”, но и “помощник”). Плохим переводом с английского является и фраза “имел привилегию слушать”. Обычную для англоговорящих людей фразу “had a privilege to listen” лучше было бы перевести “ему довелось слушать”, чтобы она не выдавала английского происхождения. Фраза, в которой говорится, что деятельность Троцкого в качестве наркома путей сообщения (он на самом деле никогда не занимал этот пост) “ничего не дает, кроме конфуза”, на английском языке, возможно, звучала так: “produces nothing except confusion”. А поскольку слово “confusion” на английском языке означает не “конфуз”, а “путаница” или “беспорядок”, то фразу следует перевести: “из этого ничего не получается, кроме путаницы”. Речь шла именно о “путанице” в делах, которая, по утверждению автора, последовала вследствие неумелых действий Троцкого.

Скорее всего “мемуары Бажанова” были сочинены на английском языке, а стало быть, не Бажановым, поскольку тот не знал этого языка. Очевидно, что “мемуары Бажанова”, как и “мемуары” Литвинова, Бери, Пеньковского, Давыдовой и другие подобные фальшивки, были сфабрикованы в США или Великобритании.

Тем удивительнее, что эта грубая фальшивка, скорее всего сработанная в США или Англии 30 лет назад, рекомендована в предисловии, подписанном старшим научным сотрудником ИРИ РАН В. А. Шестаковым, как книга, которая “представляет несомненный интерес и для историков и, особенно, для широкой аудитории, представителей нового поколения”. Известно, что благодаря такой рекомендации немало читателей приняли грубую подделку за документ, правдиво и точно описывающий Сталина и его время.

О том, что фальшивку приняли за подлинный документ, свидетельствует также справка о Бажанове, содержащаяся в книге “Библиографический энциклопедический словарь. Империя Сталина” (автор – К. А. Залесский). В справке о Бажанове сказано: “По собственным воспоминаниям, являлся автором нового Устава ВКП(б)”. Остальные сведения, содержащиеся в справке (мнимая подготовка Бажановым статей и выступлений для Кагановича, обстоятельства побега из СССР, в ходе которого “ему удалось обмануть посланных за ним сотрудников ОГПУ” и прочее) также взяты из “мемуаров” Бажанова.

К сожалению, не критическое отношение к мемуарам, а тем более фальсифицированным книжонкам, которые выдаются за мемуары, лишь способствует загрязнению исторического сознания нашего общества.

Там, где никогда не ступала нога Прохорова

О том, что фальсифицировать можно не только мемуары, но и экспонаты, собранные в музеях, известно по многочисленным экспозициям, выставленным в ряде постсоветских республик. Когда бывшие работники КГБ пришли в “музей советской оккупации” в Литве, они с удивлением обнаружили там невиданные ими прежде средневековые палицы, которые якобы использовались при ведении допросов. Великое множество фальшивок выставлено в музеях “ветеранов чехословацкого корпуса”, которых возникло немало в Чехии.

К сожалению, и в советское время экспозиции в музеях нередко подвергались перетасовкам, вызванным очередными политическими переменами. Однако я помню, как сотрудники Хабаровского музея дали в 1977 году отпор видному, но невежественному деятелю профсоюзного движения из Москвы, когда тот потребовал убрать стенды, посвященные Бохайскому царству, на том основании, что внешний вид бохайцев напоминал ему китайцев, а те, мол, увидев экспозицию в музее, потребуют себе Хабаровский край.

И все же, несмотря на негативные последствия политической конъюнктуры для познания исторической правды, посетитель музея, выставки или древнего сооружения получает возможность совершить путешествие по времени, которое не заменит ни книга, ни кинофильм, ни телепередача. Вместо яркой, но двухмерной и смонтированной телекартинки посетитель музея видит подлинные предметы. Даже краткие посещения музеев невольно заставляют задуматься о том, как ты еще мало знаешь о прошлом. Увиденное стимулирует желание больше узнать об истории своей страны. Такое посещение становится

ся особенно плодотворным, когда экскурсоводы глубокими и яркими рассказами захватывают внимание посетителей.

Ликвидация неграмотности и рост образования в СССР сопровождался бурным развитием музейного дела. Только с 1940 г. по 1982 год число посетителей музеев в СССР выросло с 34 миллионов до 166 миллионов. Нет сомнений в том, что музеи стимулировали интерес к высшему образованию и служили питательной средой для развития науки.

Казалось бы, за последние годы число музеев выросло, но главным образом за счет экспозиций по отдельным предметам материальной культуры. Появились музеи чайников, утюгов, пастилы. Зато были закрыты или перефилированы многие историко-революционные и мемориальные музеи. Остальные музеи, существовавшие в советское время, как правило, переживают огромные трудности. Правда, в своем отчете перед Государственной думой 14 апреля В. В. Путин пообещал увеличить финансирование музеев в 4 раза. Остается надеяться, что он не забудет об этом за прочими делами.

Михаил Прохоров, видимо, полагает, что музеи не нужны. Олигарх заявил, что при посещении незнакомого города он никогда не пойдет в музей. Ныне пренебрежительное отношение к музеям характерно и для значительной части населения страны. Как свидетельствуют данные службы РОМИР, лишь 3% опрошенных службой сочли «основным источником» исторических знаний «посещение музеев, выставок, экскурсий».

Возможно, одни перестали путешествовать из-за дороговизны, а поэтому не ходят по музеям, находящимся в других городах. Но меньше стали ходить и по музеям в своих городах. Не исключено, что электронные средства информации считаются многими более удобным средством изучения истории. Не удивительно, что доля людей, для которых телевидение является главным источником исторических знаний, в 20 раз превышает долю тех, кто видит такой источник в музеях.

Об устойчивости ложных версий

Несмотря на склонность многих граждан страны удовлетвориться теми источниками для изучения истории, которые не требуют от них больших физических и умственных усилий, желание глубоко проникнуть в тайны прошлого нашей страны не исчезло. 15% опрошенных назвали своим «основным источником знаний по истории» «научную литературу».

Однако научные исследования также не свободны от ошибок.

При этом неверные сведения относительно даже значительных событий и крупных деятелей прошлого нередко сохраняются долгие годы. Примером этого является поразительная устойчивость утверждения о том, что Адольф Гитлер менял свою фамилию. Такую информацию распространили в начале 30-х годов австрийские журналисты, объявившие, что отца Адольфа Гитлера звали Алоиз Шикльгрубер, а следовательно, и Гитлера надо звать Шикльгрубером. Это сенсационное сообщение было крайне неудобным для нацистов. Получалось, что Гитлер что-то скрывал и поэтому сменил фамилию. Нацисты возмущались, говорили, что это – ложь, но им никто не верил.

Однако в 1953 году была опубликована биография Гитлера, которую написал английский историк Алан Баллок. В начале книги он опровергал утверждение о том, что настоящая фамилия Гитлера – Шикльгрубер. Тщательно изучив архивы, он установил, что отец Гитлера был рожден вне брака и действительно получил фамилию по своей матери Марии Шикльгрубер. Но, когда Алоизу Шикльгруберу исполнилось 52 года, его беспутный отец Иоганн Георг Хидлер (впоследствии писавший свою фамилию как Хитлер, или в русском варианте – Гитлер) признал сына своим, и тот стал Гитлером. Это произошло за 13 лет до рождения у Алоиза сына Адольфа, который был зарегистрирован при рождении как Адольф Гитлер. В 1959 году вышла в свет книга американского историка Уильяма Ширера «Подъем и падение третьего рейха», в которой с такой же дотошностью повторялась история, рассказанная Баллоком. Книга Ширера считается наиболее авторитетной работой по истории нацистской Германии.

Но очевидно, что некоторые советские историки либо не удосужились прочесть эти известные и авторитетные исследования, либо решили по ка-

ким-то соображением проигнорировать доказательства иностранных историков. Поэтому в изданном в 1963 году 4-м томе “Советской исторической энциклопедии” на 457-й странице было написано: “ГИТЛЕР (Hitler), Адольф (наст. фам. – Шикльгрубер, Schicklgruber) (20.IV.1889–30.IV.1945) – лидер герм. фашистской (национал-социалистской) партии...”

Выпущенный в 1987 году “Советский энциклопедический словарь” с завидным упорством на 310-й странице повторял: “ГИТЛЕР (Hitler) (наст. фам. – Шикльгрубер) Адольф (1889–1945), главный нем.-фаш. воен. преступник, главарь (фюрер) Национал-социалистской партии...”

Наступил XXI век, но ошибочная версия о том, что Гитлер на самом деле Шикльгрубер, сохранилась. Так, в книге “Иосиф Виссарионович Сталин. Энциклопедия”, выпущенной в России в 2006 году, было написано: “ГИТЛЕР (Hitler) (настоящая фамилия – Шикльгрубер) Адольф, главный немецко-фашистский военный преступник...” В книге “Секретная миссия в Париже”, выпущенной в 2009 году, была напечатана фотография немецкого солдата Первой мировой войны. Подпись гласила: “Ефрейтор А. Шикельгрубер (Гитлер)”.

Лишь в 2011 году вышел в свет “Энциклопедический словарь”, изданный “Большой Российской энциклопедией”, в котором написано: “ГИТЛЕР, Хитлер (Hitler) Адольф (1889–1945 гг.), фюрер (вождь) Национал-социалистич. рабочей партии (с 1921 г.)...” Получается, что понадобилось почти 60 лет, чтобы ошибочное утверждение было отвергнуто. И все же иногда эта версия по-прежнему используется в ряде публикаций. Если так долго сохранялись неверные биографические сведения о столь известном персонаже истории, то не трудно предположить, что информация относительно других, менее значимых фигур прошлого может быть ненадежной.

Число ошибок стало умножаться по мере того, как книги, выдаваемые за научные исследования, стали писать люди, не имеющие исторического образования и никогда прежде не занимавшиеся историей. К сожалению, многие замечательные специалисты в других областях науки и техники решили, что им по плечу писать исследования о прошлом, так как, по их мнению, история не требует специальных и глубоких знаний.

Еще в начале 80-х гг. на заседании Отделения истории АН СССР выдающийся историк З. В. Удальцова с возмущением рассказала о шарлатанских сочинениях видного математика А. Т. Фоменко, которые вопиющим образом перечеркивали все представления о прошлом под видом отказа от “устаревших” версий. За последние тридцать лет Фоменко и его последователи наплодили множество фантастических сочинений, которые не имеют ничего общего с историей.

Успех этих книг объяснялся просто: их читатели зачастую ничегошеньки не смыслили в истории. Мой школьный друг, профессор в техническом институте, уже успевший позабыть школьные уроки истории, говорил мне, что в сочинениях Фоменко “наверняка что-то есть”. Такая позиция глубоко порочна. Мирное сосуществование абсурда и истины в сознании людей – верный путь для разрушения исторической памяти.

Порой, стремясь раскрыть исторические тайны, некоторые исследователи смело выдвигали гипотезы, которые оказывались ошибочными. Считая, что главный удар в ходе репрессий 1937–1938 гг. был нанесен по коммунистической партии, Вадим Кожинов напоминал, что общее число членов и кандидатов в члены ВКП(б) к XVII съезду партии составляло около 2,8 млн чел. Он указывал, что к XVIII съезду полноправными членами ВКП(б) должны были стать не менее 2,8 млн чел. “Однако, – подчеркивал Кожинов, – к марту 1939 года членов ВКП(б) имелось не около 2,8 млн, а всего лишь 1 млн 588 тыс. 852 человека – то есть на 1 млн 220 тыс. 932 человека меньше, чем насчитывалось совместно членов и кандидатов в члены в январе 1934-го! И эта цифра, фиксирующая “убыль” в составе ВКП(б), близка к... цифре, зафиксировавшей количество репрессированных (“политических”) в 1937–1938 годах (1 млн 344 тыс. 923 человека)”. Получалось, что более 90% репрессированных были коммунистами.

Вывод Кожинова был повторен авторами учебного пособия “Основы курса истории России” под редакцией А. С. Орлова, В. А. Георгиева, А. В. Полунова, Ю. Я. Терещенко. В пособии утверждалось, что, хотя “точных и официальных данных о числе репрессированных коммунистов нет, ... по данным историков: их численность превысила 1,3 миллиона человек”.

На самом деле наибольшее число репрессированных в те два года приходилось на бывших “кулаков” (около половины). Свыше 28% — на уголовников, уже отбывших наказание или находившихся в заключении. Около четверти репрессированных составляли так называемые “контрреволюционеры”. Среди них были бывшие полицейские, члены белогвардейских формирований, члены несоветских политических партий, а также священники (на их долю пришлось до 3% от всех репрессированных). К той же категории отнесли 116 885 членов и кандидатов в члены партии, обвиненных в “контрреволюционной деятельности”. Таким образом, их было в 11 раз меньше, чем считал Кожин, а их доля составляла 8,5%, а не 90% среди репрессированных. (Ошибка Кожина была вызвана тем, что он не учел одного: на каждого репрессированного приходилось до десятка коммунистов, которых в 1937–1938 гг. исключали из партии “за потерю бдительности” в отношении арестованного. В 1939 году их, как правило, восстанавливали в партии.)

К сожалению, многие читатели, ищущие “научную литературу”, не обладают достаточными знаниями для того, чтобы обнаружить искажения исторических фактов, особенно в произведениях тех авторов, которые, в отличие от упомянутых выше, сознательно идут на подлог. Подобно собирателям грибов, которые не умеют отличить съедобные от ядовитых, неискушенные читатели становятся жертвами своего незнания. Поганки же, что в лесу, что на поле исторической литературы, претендуют на съедобность, но на самом деле содержат смертельный яд.

Объясняя неактивные выступления профессиональных историков с опровержениями шарлатанских книжек Виктора Резуна, оправдывавшего нападение гитлеровской Германии на СССР с помощью геббельсовских фальшивок, Лев Безыменский писал, что он и другие историки “думали, что все знают подлинную историю немецкого нападения. Будто все знают, что приказ на немецкое сосредоточение был дан еще 23 декабря 1940 года. Будто все знают, что на Восток к маю 1941 года уже шли 17 тысяч воинских эшелонов. .. К февралю было переброшено 25 дивизий, в марте — еще 7 дивизий. В апреле прибыли 13, в мае — 30. Войска разгрузались к западу от линии Радом — Варшава и ночными маршами двигались к границе. Таким образом, к маю на границе уже были сосредоточены основные силы “Барбароссы”, на июнь оставались лишь 12 танковых и 12 моторизованных дивизий”.

Лев Безыменский признавал, что он и другие историки недооценили степень незнания событий, происходивших накануне войны, хотя о них было не раз и подробно рассказано в научной и популярной литературе. Содержанию фальшивок Резуна многие верили безоглядно. и их тиражи достигли миллионов экземпляров. При этом среди сторонников фальсификатора были люди с дипломами кандидатов наук, считавшие, что Резун открыл правду о предвоенных событиях. Некоторые же полагают, что, хотя Резун, возможно, не во всем прав, но не исключено, что в его сочинениях “что-то есть”. По этой причине книги Резуна по-прежнему находят своих читателей.

Информацию, искажающую подлинные исторические факты, можно также уподобить вирусам, распространяемым хакерами в интернет-пространстве. Как и компьютерные вирусы, ложная информация под видом подлинной проникает в пространство исторической науки, уничтожая правдивые сведения и разрушая понимание прошлого. Фальшивки вытесняют знания о сложных и противоречивых событиях прошлого и заменяют их однозначными и упрощенными истолкованиями ушедшего времени.

Много таких “вирусов” было запущено в докладе Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. По подсчетам американского исследователя Г. Ферра, лживых утверждений в этом докладе — более шестидесяти. Каждое из них сыграло роль разрушительного вируса, уничтожая правдивую информацию и разлагая общественное сознание.

Так, Хрущев уверял: “Накануне вторжения гитлеровской армии на территорию Советского Союза один немецкий гражданин перешел границу и заявил, что немецкие армии получили приказ начать военные действия против Советского Союза в ночь на 21 июня в 3 часа ночи. Об этом было сообщено Сталину, однако на это он не обратил никакого внимания”. Как мы уже говорили, реакция Сталина на это сообщение была неоднозначной. С одной стороны, как следовало из воспоминаний Жукова, Сталин был встревожен, а потому вызвал к себе высших военачальников СССР. С другой стороны

(и этим воспользовался Хрущев), Сталин сомневался, стоит ли доверять этому сообщению. Последнее обстоятельство придавало словам Хрущева видимость правдоподобия, в то же время он свел позицию Сталина к однозначной оценке.

О том, что 21 июня Сталин не раз отдавал распоряжения быть готовым к германскому нападению, Хрущев умолчал. Между тем через 4 года после доклада Хрущева, в 1960 году были опубликованы воспоминания генерала армии И. В. Тюленева “Через три войны”, разоблачавшие утверждение Хрущева. И. В. Тюленев, который в июне 1941 года руководил Московским военным округом, написал, что 21 июня ему позвонил Сталин: “В трубке слышу глуховатый голос: “Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?” Тюленев вспоминал, что он “коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня. В ответ услышал: “Учтите, положение неспокойное, и вам следует привести в боевую готовность войска противовоздушной обороны Москвы до семидесяти пяти процентов”. В результате этого короткого разговора у меня сложилось впечатление, что Сталин получил новые сведения о немецких военных планах. Я тут же отдал распоряжение своему помощнику по ПВО генерал-майору М. С. Громадину: в лагерь зенитную артиллерию не отправлять, привести ее в полную боевую готовность”.

Ложь Хрущева была разоблачена его собственными словами, которые видный деятель югославской компартии Милован Джилас привел в книге “Беседы со Сталиным”. Говоря о своем пребывании в Киеве весной 1945 года, Джилас писал, что Хрущев, который в 1941 году был Первым секретарем Компартии Украины, “вспомнил, как накануне нападения Германии Сталин позвонил ему из Москвы и предупредил о том, что надо быть начеку. Сталин получил информацию о том, что немцы могут начать операцию на следующий день – 22 июня”.

Можно предположить, что 21 июня 1941 года Сталин не ограничился предупреждениями Тюленева и Хрущева. Просто другие военные и партийные руководители не оставили соответствующих воспоминаний.

Однако созданный Хрущевым “вирус” оказался устойчивым.

Так, 2 апреля 2010 года во время телемоста с Киевом, проведенного в редакции АПН, заведующий Государственным архивом С. В. Мироненко показал резолюцию Сталина от 17 июня 1941 года на сообщении разведки о возможности нападения Германии, в которой он выразил недоверие к источнику информации. Когда я ответил, что Сталин не раз сомневался в таких сообщениях, но к 21 июня у него уже практически не осталось таких сомнений, и в тот день он не раз предупреждал о вероятном вторжении гитлеровских войск, то Мироненко огульно отрицал правдивость воспоминаний Тюленева и Джиласа. Это не удивительно. “Вирусы” исторического пространства, как и компьютерные вирусы, стремятся без остатка уничтожить все сложности в описании прошлого и таким образом исказить его.

Разрушение исторической памяти с помощью таких “вирусов” позволяет создавать новые лживые версии. Рассказывая о событиях последней предвоенной ночи, во время передачи “К барьеру” от 14 апреля 2005 года режиссер Марк Розовский уверял, что за несколько часов до начала войны советско-германскую границу перешел немецкий солдат-коммунист, который попытался предупредить советские войска о том, что через несколько часов начнется война. Получив это предупреждение, утверждал Розовский, Сталин якобы распорядился расстрелять солдата-коммуниста. И тут Розовский стал заламывать руки, возмущаясь одновременно и “глупостью” Сталина, и его “жестокостью”. Многие телезрители солидаризировались с режиссером и звонили на студию в его поддержку.

Другой хрущевский “вирус” касался поведения Сталина в первые дни войны. Хрущев уверял: “После первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: “Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда”. После этого в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте”.

Эта ложь была убедительно разоблачена после публикации книги посетителей сталинского кабинета в Кремле, из которой стало ясно, что, начиная с утра 22 июня 1941 года, Сталин подолгу находился на рабочем месте. Лишь 29 и 30 июня Сталина не было в кабинете. Но из многочисленных воспоминаний известно, что 29 июня он дважды приезжал в Наркомат обороны и работал на своей даче над проектом Директивы ЦК. 30 июня Сталин провел на даче совещание с членами Политбюро о создании Государственного комитета обороны. С 1 июля Сталин почти непрерывно находился в своем кабинете.

Однако разоблачение ложной информации не уничтожило хрущевский “вирус”. Утверждения о том, что “после начала войны Сталин растерялся и пребывал в прострации”, кочуют из одной книги по истории СССР в другую.

Одним из наиболее стойких “вирусов” является информация, распространенная геббельсовской пропагандой 13 апреля 1943 года относительно обстоятельств расстрела нескольких тысяч польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском. Журнал “Наш современник” не раз публиковал материалы, разоблачающие эту фальшивку.

Стремление переложить вину за преступления нацистов на советские власти не ограничено “катынской историей”. Для этого используются ложные утверждения о том, что потери Красной Армии во много раз превосходили потери немецко-фашистских войск.

Так, доктор географических наук Борис Соколов утверждает, что немецкие потери в годы войны были в 8–10 раз меньше советских. Между тем еще в 1990 году на основе подсчетов, осуществленных специальными комиссиями Генштаба Министерства обороны СССР и Отделения истории АН СССР с привлечением ранее закрытых статистических данных, было установлено, что человеческие жертвы в Вооруженных силах СССР, а также пограничных и внутренних войсках страны в ходе Великой Отечественной войны составили 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Известно, что потери немцев и их союзников на советско-германском фронте составляли, по данным новейших исследователей отечественных и западных документов, 8 649 500 человек. Таким образом, советские потери фактически равны потерям вооруженных сил Германии и ее союзников, сражавшихся против СССР.

При этом академик РАН Г. А. Куманев указывает на то, что небольшое “превышение безвозвратных потерь Красной Армии по сравнению с теми же потерями противника в немалой степени связано и с тем, что из 4 миллионов 126 тысяч взятых в плен советскими войсками военнопленных фашистского блока в плену от ран и болезней умерло 580 тысяч 548 человек, а остальные вернулись домой. Из фашистского же плена, куда попало, по отечественным документам, 4 миллиона 559 тысяч военнопленных Красной Армии (по немецким данным, даже от 5 миллионов 200 тысяч до 5 миллионов 700 тысяч), вернулись на Родину только 1 миллион 836 тысяч человек. Остальные в своем большинстве погибли в плену от рук фашистских палачей в результате их сознательного массового истребления расстрелами, голодом, холодом, истязаниями. Но если бы советские власти, со своей стороны, тоже бы уничтожили 2,5–3 миллиона попавших в плен военнопленных противника, то каково бы оказалось тогда соотношение этих безвозвратных демографических потерь? Разумеется, далеко не в пользу немецко-фашистских захватчиков”.

Преувеличение потерь Красной Армии на полях сражений позволяет скрыть преступления немецко-фашистских оккупантов не только против советских военнопленных, но и гражданского населения, так как большая часть человеческих жертв немецко-фашистского нашествия были мирные люди.

Если даже информация относительно Великой Отечественной войны и репрессий 1937–1938 гг., о которых постоянно идут острые споры, так сильно засорена неверными данными и выводами, то нетрудно предположить, что не меньше искажений имеется во многих источниках, считающихся “научной литературой” относительно других исторических событий.

Что творится в историческом сознании России?

Загрязненность источников информации, которыми пользуется подавляющая часть населения для получения сведений об истории, способствует существенному искажению представлений о прошлом. В то же время то обстоя-

ятельство, что более 80% населения черпает свои знания о прошлом, прежде всего, из источников, окрашенных вымыслом, в значительной степени связано с тем, что сведения о прошлом, которые потребляет большинство населения страны, нужны ему лишь для проведения необременительного досуга, а не для серьезного изучения истории.

Об этом же свидетельствует невнимание многих пользователей интернета к возможностям всемирной информационной паутины для получения информации об истории. А ведь на многочисленных сайтах размещена самая разнообразная информация о прошлом. Получить ее не составляет труда. В настоящее время 46% населения России пользуется интернетом, а на долю его активных пользователей приходится около трети населения. С помощью интернета многие читают книги, журналы, газеты, знакомятся с телепередачами, просматривают фильмы. К интернету обращаются для получения информации о товарах широкого потребления, медикаментах, маршрутах поездок, местах отдыха и так далее. Однако доля тех, кто в ходе опроса РОМИР назвал интернет «основным источником информации по истории», была так мала, что она затерялась среди 7 процентов опрошенных, назвавших «другие» источники.

Хотя многие пользователи обращаются за историческими справками к материалам, размещенным в интернете, их запросы, видимо, не носят систематический характер. Отчасти это связано с тем, что материалы интернета хаотичны и не всегда надежны. Зачастую справки на исторические темы составлены непрофессионально, и в этом также проявляется господствующее несерьезное отношение к истории. Наряду с ценными сведениями в интернете можно обнаружить массу недоброкачественной и ложной информации по вопросам истории.

Поэтому пользователи интернета могут легко стать жертвой обманщиков и фальсификаторов. Об этом свидетельствует содержание выступлений многих участников дискуссий на форумах интернета.

Подмена изучения истории легковесной болтовней на темы о прошлом произошла задолго до появления интернета. Она существовало еще в те времена, когда Достоевский изобразил в романе «Подросток» чиновника Петра Ипполитовича, который любил развлекать окружающих историческими анекдотами. В таких анекдотах история сводится к удивительному происшествию, которое используется для характеристики целой эпохи или выдающегося деятеля. При этом зачастую содержание анекдота не имеет никакого подтверждения в историческом прошлом, а в уста реальных исторических персонажей вкладываются фразы, которые те никогда не произносили. Герой Достоевского Версильов говорил своему сыну: «Все эти анекдоты — верх непорядочности... Желание соврать, с целью осчастливить своего ближнего, ты встретишь даже и в самом порядочном нашем обществе».

Но если во времена Достоевского в исторических анекдотах фигурировали Николай I и его министры, то с середины XX века героями таких анекдотов стали Сталин и люди из его близкого окружения. Любитель таких анекдотов публицист Юрий Боров без труда собрал более тысячи антисталинских баек, которые были опубликованы в сборнике «Сталиниада». Юрий Боров увидел в них «феномен особого рода — городской, интеллигентский фольклор». Судя по именам авторов устных рассказов, на которые ссылался Боров, многие из них были сочинены видными деятелями отечественной культуры.

Склонность воспринимать историю как легковесную забаву или светскую игру заставляя некоторых «любителей истории» прочно придерживаться ложных версий. Поверив телепередачам, книгам или статьям, в которых вопиющим образом искажена историческая правда, зритель или читатель с трудом отрывается от увиденного или прочитанного, даже если ему представлены убедительные опровержения.

Во-первых, многим трудно усомниться в правдивости создателей книг или передач, так как им не хватает собственных знаний для того, чтобы опровергнуть фальсификацию. Этому же способствует некритическое доверие к «авторитетным» источникам, вроде тех, кого пропагандирует телевидение. Несмотря на рост настороженного отношения к заграничным источникам, многие люди до сих пор склонны некритически принять лживые интерпретации нашей истории, рожденные злобной русофобией.

Во-вторых, потребители фальсифицированной продукции дорожат временем и усилиями, потраченными на ее просмотр или прочтение, а потому им

жаль отказываться от фальшивок. Убежденность в правоте лживой версии усиливается со временем. Люди привыкают к вымыслу, который сами распространяли, и им трудно пересмотреть свои взгляды, точно так же как трудно отказаться от любой вредной привычки.

В-третьих, ложная интерпретация истории нередко становится пропуском в круг друзей и знакомых, символом принадлежности к нему. Отказаться от нее часто означает ссору с теми людьми, чьим мнением дорожат. Если же кто-либо сам повторял сомнительные рассказы о прошлом, приносившие ему прежде известный успех в обществе, он тем более не желает отказываться от них.

Распространение лживой и вздорной информации о прошлом разлагает историческую память народа. Бесконечное повторение баек, иллюстрирующих одну и ту же фальшивую интерпретацию истории и увенчанных одной и той же плоской моралью, опошляет сознание людей, искажает даже подлинные личные воспоминания.

Вот немолодая женщина пересказывает историю пребывания своей тети в 1945 году в Берлине, на улицах которого та была регулировщицей. Поскольку регулировщицы не без оснований опасались за свою безопасность, они решили обзавестись оружием, которого им почему-то не выдали. Они пошли на железнодорожный узел, где были вагоны с военным имуществом, и вскрыли один вагон. Но внутри оказались лишь валенки. Этот, скорее всего, правдивый рассказ племянница ветерана войны завершает суровым приговором: "У наших не было оружия! Немцы стреляли из-за угла, а нашим солдатам предлагали отбиваться от них валенками!" И это говорится про армию, которая разбила немецко-фашистские войска, в том числе и благодаря превосходству в вооружениях!

Порой личные воспоминания сфальсифицированы от начала до конца в угоду политической конъюнктуре. Так, врач, являющаяся моей сверстницей, уверяет меня в том, что в советское время было запрещено вести дневники.

Распространение вздорного вымысла в рассказах о прошлом сочетается с вытеснением знаний об исторических фактах. Хотя за последние годы было выпущено немало трудов, написанных добросовестными исследователями на серьезной документальной основе, их тиражи, как правило, невелики, и это, прежде всего, означает, что огромное большинство людей не испытывают потребности в чтении такой литературы.

Крушение сложившихся представлений о прошлом, происшедшее 20 лет назад, убедило многих в неспособности историков защитить те положения, которые они ранее отстаивали. Даже многие патриотически настроенные люди усомнились в обоснованности исторических законов развития общества, а стало быть, и в ценности исторических знаний. Царящая ныне мешанина в исторической информации и оценках событий прошлого усилила скептическое отношение к исторической науке и заставляет многих ставить вопросы: "Нужна ли нам история? А не правы ли те, кто хочет исключить историю из обязательной школьной программы?"

Чтобы не превратить проведение Года Истории в пустую формальность, необходимо начать работу по восстановлению исторической памяти народа. Не только в течение одного года, а и в последующем следует добиваться пересмотра широко распространенного легковесного, несерьезного отношения к истории. Для этого необходимо очищать историческое сознание нашего народа от той чуши, которая проникла туда под видом "правды о прошлом", и распространять подлинные знания об истории.

НАЦИЯ ДОЛЖНА ВЫРАЖАТЬ СЕБЯ В КИНО

Беседа Игоря Шумейко с кинорежиссером Владимиром Бортко

Игорь Шумейко: Владимир Владимирович, начать я думал с вопроса об уникальной широте, если угодно – разбросе Вашей фильмографии: “Улицы разбитых фонарей” и “Собачье сердце”, “Идиот” и “Блондинка за углом”, “Бандитский Петербург” и “Мастер и Маргарита”... Надеюсь, что мы поговорим и об этом, но начать, похоже, следует с другого разброса. Вы, знаменитый российский кинорежиссер, сценарист, продюсер – теперь законодатель. Как зампреда Комитета по культуре, Вы *пробиваете* закон, радикально меняющий сложившуюся систему кинопроизводства. Что Вам в ней так не нравится?

Владимир Бортко: Как все уже убедились, *естественное* развитие кинобизнеса – вложения в дальнейшее производство фильмов денег, полученных от эксплуатации уже созданных картин, – невозможно. Но... великая нация должна выражать себя в кино! Остается только один путь – государственные вложения в кинематограф. Вообще-то это путь абсолютно тупиковый для любой экономики, но государство льстит себя надеждой (не без заверений кинематографистов), что вот-вот кинематограф станет на ноги, и дальнейшие безответные вливания в него денег не понадобятся. А пока для создания прогнозируемых киношедевров творцам выделяются немалые средства.

Самая темная для налоговых органов сфера – это искусство вообще и кинопроизводство в частности. “Священный ореол” творчества, круг трепетных творческих личностей, которым задать простой вопрос: “Где деньги, Зин?” – просто неудобно. Воровство в кинопроизводстве, или, скажем для приличия: *нецелевое использование средств* – одно из самых впечатляющих в нашей экономике. Достаточно вспомнить бюджеты нескольких отечественных блокбастеров и сравнить их с тем, что мы увидели на экране. Там видна, в лучшем случае, половина из выделенных на съемку фильма средств. Для профессионала это очевидно. Сравните расходы на производство фильмов (около 4 МИЛЛИАРДОВ рублей в год) с экономическими, да и творческими результатами!

БОРТКО Владимир Владимирович — кинорежиссёр, сценарист, продюсер, народный артист России (2000), лауреат Государственной премии РФ (1990), кавалер ордена Почёта (2006). Удостоен многих российских и европейских кинопремий. Депутат Государственной Думы VI созыва от фракции КПРФ.

Главное: отечественная киноиндустрия складывается из двух совершенно разных частей: производства фильмов и их эксплуатации – показа и получения за этот показ денег. Проблемы у этих двух частей разные, объединяет их одно ёмкое понятие – воровство.

И. Ш.: Перефразируя название вашего сериала: “Бандитский Голливуд”.

В. Б.: Да. По воровству на конечной стадии могу вспомнить жалобу журналиста Александра Гордона Путину: “Кинотеатры избавлены от НДС. Во втором чтении, – может, случайно, – исчезла главная статья этого закона, и сегодня единый электронный билет не является фискальным документом, то есть кинотеатр продает за деньги зрителю воздух. Нет чека. Билет не имеет никакой юридической силы. В результате из 1,7 тысячи кинозалов, которые обязаны отчитываться о количестве проданных билетов, регулярно, и то с враньем, отчитываются 100. Какое количество денег они воруют, я не знаю, но то, что эти деньги не доходят до производителя, – это точно”.

Гордона поддержал кинорежиссер и продюсер Федор Бондарчук: “Фискального номера на билете нет. Закон бессмыслен”.

Путин тогда поинтересовался, почему так вышло. Вице-премьер Александр Жуков: “Не готов ответить на этот вопрос. Но в первом чтении в законе эта норма была”. Путин: “Обязательно вернитесь к этому вопросу и покажите мне проект”.

Увы, “возвращаются” по сегодняшний день.

И. Ш.: Это, в общем, – *сбыт*. А если вспомнить знаменитый лозунг: “Производство – наша цель”?

В. Б.: Получение денег на производство фильмов, то есть государственных ссуд, очень зависит от личных и других связей *дающего* и *берущего*, в конечном итоге, это связано с коррупцией. Вспомним назначение *мажоров* – восьми практически произвольно выбранных кинокомпаний, получающих для производства “высококачественной кинопродукции” весьма значительные денежные средства. Каждая из этих компаний получила более 200 миллионов рублей. Из бюджета государства. В результате деятельности *мажоров* посещаемость отечественных фильмов снизилась с 27 до 10 процентов.

И. Ш.: Из этой *великолепной восьмерки* кого бы выбрали для анализа?

В. Б.: Да хоть “Централ партнершип”. Видели такую заставку перед фильмом: дирижабль летит к скале? Официально – это кипрская компания, фактически – американская. Крупнейший получатель вливаний из российского кинобюджета.

Основная проблема – в получении денег продюсерами от государства за так и в полной незаинтересованности продюсера в производстве фильмов, пользующихся спросом у зрителя. Допустим, продюсер X получил от государства 100.000.000 рублей. Он может вложить всё в производство, надеясь получить прибыль от проката, но надежда эта чрезвычайно туманна. Поэтому нормальная логика подсказывает ему, что снимать фильм нужно дешевле (в ущерб качеству), а какую-то часть денег, как бы это помягче выразиться... в общем, прикарманить. В дальнейшем, если фильм неожиданно окупится и принесет прибыль, – хорошо, не принесет – тоже ничего страшного. То есть продюсер НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАН или слабо заинтересован в получении прибыли от фильма. Он выполнил свою роль, поскольку получил свою прибыль *в процессе производства*.

Главной задачей продюсера становится получение государственных денег на максимальное количество фильмов с максимально большим бюджетом. Откуда, кстати, и появление *мажоров*. Кто понес убыток? Только государство. Проверить целевое использование денег в кино очень сложно, если вообще возможно. Ужесточение уголовного преследования никого по-настоящему не останавливало, а учитывая специфику производства – оно крайне неэффективно. В результате от вложенных в кинопроизводство 4 миллиардов рублей не возвращается практически ничего.

И. Ш.: А что Вы предлагаете в Вашем “Законе о кино”?

В. Б.: Главная задача Закона – увеличение доли отечественной продукции в кинопрокате, максимальное привлечение зрителя к просмотру отечественных фильмов. Путь для этого один: сделать нецелевое использование государственных средств при съемках фильма экономически невыгодным для производителя, максимально заинтересовать его в привлечении зрителя в кинотеатры. Цель: мотивировать продюсера получать максимальную прибыль от демонстрации картины.

Предусматривается существование двух вариантов производства фильмов:
А – государственное производство фильмов при возможности кооперации с частным капиталом.

Б – частное предпринимательство при производстве фильмов.

И. Ш.: Здесь Вы, конечно, не только своей профессиональной сферы касаетесь. Настоящая защита национального кино – это, в сущности, защита национальной идентичности. Барьер против размывания менталитета, вкусов, набора привычек, стиля поведения, мышления.

В. Б.: Крупные американские кинофирмы предлагают владельцу отечественного кинотеатра годовые пакеты фильмов или вообще могут обещать 52 кинопремьеры в год, то есть предложить кинотеатру премьеру фильма каждую неделю, что обеспечивает рентабельность кинотеатра или киносети, но чего, увы, пока не может предложить ни один из отечественных продюсеров... Аналогичное предложение со стороны национального производителя абсолютно необходимо для существования отечественной киноиндустрии, выживания ее в конкуренции с американским кинематографом. Таким образом, задача государственного кинематографа сводится к поддержанию отечественного кино на минимальном, но необходимом уровне кинопроизводства – 52 фильма в год.

И. Ш.: То есть начальный уровень конкурентоспособности: одна премьера в неделю...

В. Б.: Дальнейшее увеличение кинопроизводства крайне желательно, но не входит в задачи государственной поддержки кинематографии. Зато в интересы этой поддержки входит жанровое разнообразие национальных фильмов и их идеологическая направленность.

Учитывая снижение посещаемости отечественных фильмов, надо кардинально изменить ситуацию с государственным финансированием.

1. Перейти к выделению денег не в фирмы *мажоров*, а поддерживать представленный отдельным продюсером конкретный проект. Что в сочетании с предлагаемыми ниже мерами резко повысит прозрачность субсидирования и ответственность продюсера.

2. Продюсер, представивший проект, получает деньги для реализации этого проекта и использует средства так, как ему это кажется нужным и целесообразным, но распоряжаются деньгами (по указанию продюсера) директор картины и бухгалтер, прикрепленные к киногруппе от Госкино и получающие заработную плату в Госкино, а не в кинофирме продюсера.

3. Во время производства фильма продюсер получает только заранее оговоренную с Госкино зарплату, а свою прибыль он получает только по результатам эксплуатации или продажи фильма. Прибыль эта не ограничивается и после возврата ссуды (с нулевыми процентами) подлежит только общему для всех граждан РФ налогообложению. В случае если фильм не окупается, продюсер не получает ничего.

Таким образом, продюсер будет лишен возможности взять себе часть денег в процессе производства, но он будет крайне заинтересован в максимально широком прокате своего фильма. Он будет заинтересован и в качестве фильма, а потому и в максимально профессиональной группе, приглашенной для производства фильма.

И. Ш.: Как должно происходить выделение денег – продюсерам под кинопроекты?

В. Б.: До эпохи *мажоров* такое распределение происходило в рамках комиссии при Госкино. Как видно по результатам проката, это было, во всяком случае, лучше, чем существующая сейчас система. Комиссия Госкино тоже не обходилась без субъективного, предвзятого отношения, *вкусовщины*, влияния личных отношений между соискателями и членами комиссии. Анонимность автора была *секретом полишинеля*. Кроме того, представить себе комиссию, состоящую из высокопрофессиональных специалистов, внимательно читающих сотни сценариев и дающих им квалифицированное заключение, довольно сложно.

Бесспорно, что посредством кинематографа нация должна иметь возможность выражать себя, свой национальный дух. И при этом отечественному кинематографу необходимо стремиться к отображению жизни не только жителей столицы и ближайших областей, но и рассказывать о жизни всех, живущих на просторах России. Предлагаемый проект Закона направлен и на расширение

географии производства фильмов, на участие в создании кино как можно большего числа регионов и живущих в них людей.

Для этого надо вернуться к оправдавшей себя в советские времена системе распределения выделенных государством средств на государственные киностудии. Предлагается такая схема: государство выделяет деньги на получение ссуды для производства фильмов Госкино. Госкино согласно квотам распределяет эти деньги между четырьмя киностудиями: Мосфильм, Ленфильм, Свердловская студия и студия, вновь созданная на Востоке, назовем ее условно *Далькино*. Худсоветы студий рассматривают заявки продюсерско-искусствователей и распределяют деньги между ними, что обеспечивает:

1. Художественное и стилистическое разнообразие фильмов, учитывая развитие местных школ кинематографистов.

2. Независимый и точный учет личных способностей и пристрастий продюсеров.

3. Более полное участие регионов в культурной жизни страны. Реальное повышение культурного уровня регионов.

4. Более полное представление на экране географического и культурного разнообразия нашей громадной страны.

Студия, учитывая общий лимит выделенных Госкино средств, рассматривает поданные продюсерами сценарии и, выбрав лучшие, выделяет на них деньги.

Госкино участвует в процессе производства картины, назначая в киногруппу директора фильма, бухгалтера и его заместителя, которые осуществляют расходование выделенных продюсеру средств и контроль над ними.

И. Ш.: Но сегодня государственной киностудией является только Мосфильм...

В. Б.: Да. Ленфильм, преобразованный в акционерное общество, ведет борьбу за выживание, практически ничего не снимает. То же, насколько мне известно, происходит и со Свердловской киностудией. Это положение надо выправлять. Кроме того, абсолютно необходима организация еще одной киностудии на востоке страны, возможно, во Владивостоке.

Для создания реальной конкуренции с западной кинопродукцией необходимо предусмотреть среднюю стоимость фильма (учитывая затраты на рекламу) около 5 млн долларов. Значит, для создания конкурентоспособной киноиндустрии необходим фонд в размере $5 \times 52 = 260$ млн. Госкино должно распределять эти деньги в зависимости от производственных мощностей киностудий и возможностей освоения этих денег.

Средняя стоимость фильма вовсе не означает, что все фильмы должны иметь бюджет в 5 млн. Студия, в зависимости от поданных на конкурс сценариев, должна иметь возможность в пределах выделенных Госкино средств определять бюджеты своих картин. Малобюджетные фильмы можно поручать начинающим продюсерам и режиссерам.

В настоящее время владельцы кинотеатров освобождены от НДС (18% налогообложения) для строительства новых залов и поддержки отечественного кино.

В последние годы ими не был построен ни один кинотеатр, и отечественное кино никакой поддержки от них не видит.

В условиях жесточайшей конкуренции, которую предстоит выдержать отечественной киноиндустрии, представляется совершенно необходимым вернуть НДС за показ в кинотеатрах иностранных фильмов (то есть, по существу, американских). Это создаст преимущества для показа российских картин и, кроме того, явится достаточно весомым пополнением бюджета. По самым скромным подсчетам, это даст 180 миллионов долларов в год, которые сейчас фактически используются на субсидирование американской кинематографии.

Учитывая сегодняшнее государственное вливание в кинематограф в размере 130 млн долларов в год, общая сумма превысит необходимые 260 млн долларов. Государство получает новую статью дохода, и поэтому было бы справедливо, если бы продюсеру нужно было возвращать только половину полученной ссуды. Эти меры при нулевом или близком к нему проценте кредитования являются гарантией возврата ссуды и делают ЧЕСТНЫЙ кинобизнес выгодным и конкурентоспособным.

И. Ш.: Остается еще частное производство.

В. Б.: Здесь продюсер нуждается в:

- 1) снижении процента по банковской ссуде;
- 2) доступном страховании *окончания производства фильма*;
- 3) гарантии честного возвращения денег от реализации фильма как в кинотеатре, так и другими способами. Для этого необходимо повсеместное внедрение *электронного билета* и немедленный переход на *кассовую отчетность* кинотеатров перед налоговыми и финансовыми органами.

Собственно, эти требования – необходимое условие функционирования как частного, так и государственного производства фильмов.

И. Ш.: Уж и не знаю, Владимир Владимирович, предусмотрена ли у Вас специальная премия – девяти тысячному журналисту, задавшему вопрос о том, как сочетается Ваше членство в КПРФ и Ваше авторство “Собачьего сердца”... Но если задуматься, то критику советской власти можно увидеть и в вашем “Мастере...”

В. Б.: Я делал фильм не “по мотивам Булгакова”, а по – роману “Мастер и Маргарита” Булгакова, и уважение к великой книге требовало внимания ко всем деталям. Поверхностные исследователи относили действие романа к 1929 году. Но... Маргарита едет в троллейбусе, появившемся в Москве летом 33-го года! Соответственно использована кинохроника из архива тридцатых годов. И книга, и фильм о том, что нет на этом конкретном историческом отрезке места, пространства, воздуха ни для Мастера, ни для Маргариты. И здесь моя принадлежность к КПРФ никак не стесняет свободу и ответственность художника. Более того, я абсолютно убежден, что и автор, Михаил Булгаков, был бы доволен. Я совершенно спокойно смотрю этой тени в глаза. Причем уже во второй раз.

И. Ш.: Да уж, если экранизацией “Мастера...” Булгаков был бы доволен, то за “Собачье сердце” – горячо поблагодарил бы. Ведь самая первая попытка, правда, не экранизации, а театральной постановки “Собачьего сердца” во МХАТе в 1927 году, при с аншлагом идущих там “Турбинных”, то есть даже при давних, хороших рабочих отношениях, – закончилась разрывом, требованиями вернуть аванс... А вы, значит, какой-то ключ к этому тексту подобрали...

В. Б.: Просто я, как мне кажется, очень постарался точно передать то, что написал автор.

И. Ш.: Очень интересно было бы продолжить булгаковскую тему, например, уникальными рекордами телефильма “Мастер и Маргарита”, поговорить о 40-миллионной его аудитории, подсчитанной *Gallup Media* и ВЦИОМ... Но ближе к пику ваших гражданских, политических интересов лежит фильм, как ни странно, хронологически более удаленный, – “Тарас Бульба”. Вы сегодня столь прямо, отодвинув в сторону всяческую политкорректность, говорите о необходимости воссоединения русско-украинского народа. Как служит этой святой идее Ваш фильм? Ваши впечатления во время его съемок в таких знаковых местах, как остров Хортица, Каменец-Подольский, Хотин?

В. Б.: Фильм вызвал яростные нападки так называемых *свидомых* – сознательных, а попросту – местных националистов. Они обвиняли меня в том же, что и наши либералы, – в искажении Гоголя. Но меня можно обвинять в чем угодно – ну, не нравится фильм, что делать, нам тоже не всё нравится; но в искажении того, что написал автор, – увольте. И буква, и смысл переданы верно. Может быть, поэтому фильм на Украине посмотрело рекордное количество зрителей.

И. Ш.: Не буду оригинальничать с завершающим вопросом. Ваши творческие планы?

В. Б.: Несколько лет тому назад я думал, что это будет фильм об Иосифе Сталине. Проводил некоторую подготовительную работу, собирал материалы, но... Теперь бы я готов был даже из Госдумы уйти ради фильма о Владимире Крестителе. Вот фигура, как ни парадоксально, – самая актуальная для сегодняшнего дня. Я мучительно долго размышлял о том, какая персона может сегодня помочь отодвинуть надвигающийся кошмар нашего растущего разобщения с Украиной? И теперь я совершенно убежден – это князь Владимир, сделавший бесспорно важнейшее в истории дело именно в тот период, когда мы были (что так же бесспорно) единственным государством и единым народом. Я Вам, Игорь, как-то рассказывал, что Бортко происходит из Великого княжества Литовского, это все же – современная Белоруссия. Но моя жизнь

сложилась так, что детство и юность прошли в прекрасном городе Киеве, и украинскую культуру я ощущаю как свою родную.

Владимир Владимирович Бортко вырос в семье отца – крупнейшего советского украинского драматурга Александра Корнейчука, автора знаменитой пьесы “Фронт”. Как писали тогда – одного из любимых драматургов Иосифа Сталина.

В. Б.: Я как раз на послеобеденном заседании (Думы. – **И. Ш.**), буквально через час буду говорить об этом. А недавно по моей просьбе спикер Нарышкин написал запрос. Памятник Владимиру Крестителю – и кинематографический, и скульптурный на одной из площадей столицы – важное государственное дело. Я вижу, как постепенно растет понимание важности этого проекта. А Вы, Игорь, могли бы написать сценарий фильма о Великом князе Владимире?

И. Ш.: Владимир Владимирович, меня, честно говоря, очень смущает тема соратников князя Владимира. То есть будущих персонажей фильма – монарха надо же окружить, ему надо с кем-то идти в битвы, спорить, пировать. Плюс театральное правило: “короля играет свита”. Великий князь Владимир – персона великая, историческая, но рядом с ним – Добрыня Никитич, Алеша или Александр Попович, Илья Муромец... Давние герои были, сказок. Потому, по-моему, и был так успешен недавний мультфильм про Владимира.

В. Б.: Ну, так в том и задача. Населить пространство фильма героями. Сама-то история Владимира Крестителя, – безусловно, подлинная, и главное – наша общая!..

Я, конечно, не могу наверняка утверждать, что именно репетировал Владимир Бортко в этот момент, кем видел себя: политиком на думской трибуне (через час), убеждающим коллег. Или уже – режиссером на съемочной площадке (через... надеюсь, не слишком долгий период). Но в любом случае – наш знаменитый режиссёр, народный артист России, Украины, лауреат Государственной премии Владимир Бортко – пример громадного потенциала, плодотворности сочетания настоящего Творца и не менее настоящего Политика.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

академик РАН

ИСЛАМ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЁСТКЕ

Большинством мусульман, если они не погружены в повседневные заботы о хлебе насущном и думают о судьбе своих стран и своего общества, текущие события воспринимаются в гораздо более широкой исторической перспективе, чем основной массой россиян, западноевропейцев или американцев.

С их точки зрения, в течение многих веков исламское общество было величайшей цивилизацией на земле, самой развитой, самой богатой, самой могущественной, самой творческой во всех сферах человеческой жизни. Мусульмане дали миру величайшие открытия в области математики, физики, медицины, географии, астрономии, социальных наук, философии. Мусульманские армии, проповедники, торговцы наступали повсюду в Азии, Африке и Европе, принося свою высшую цивилизацию и высшую религию “неверным варварам” или же “людям Писания” – христианам, евреям, а также зороастрийцам, которые “исказили” и “забыли” учение своих пророков.

Ислам, безусловно, нес творческое начало первые три-четыре века после хиджры*, впитывая элементы христианства, греко-римской античности, зороастризма, индийской цивилизации. За эти столетия он превратился не только в развитую систему религиозных догматов, но и систему права, государственности, этики, эстетики, бытовой и семейной регламентации, философии, культуры, искусства. Немногочисленные аравийские арабы оказались дрожжами для теста, искрой, воспламенившей хворост и зажегшей пламя качественно новой цивилизации.

И вот уже прошло более двухсот лет, как ситуация, по мнению многих мусульман, особенно арабов, решительным образом изменилась. Вместо того чтобы повелевать миром и христианами и демонстрировать высочайшие достижения в области науки, экономики, культуры, исламский мир оказался в зависимости от христианских держав, которые превосходят его в военном деле, технике, организации, богатстве. В результате рождается отчаяние из-за того, что, по представлению мусульман, происходит нарушение как естествен-

* Хиджра – переселение Пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину в 622 г., от которого начинается исламское летоисчисление.

ных, так и божественных законов. Несмотря на формальное освобождение от колониальной или полуколониальной зависимости, ни одна из мусульманских стран не смогла вырваться вперед, приблизиться к Западу, как это сделали страны, принадлежащие к конфуцианской цивилизации с ее своеобразным менталитетом, психологией, организацией общества.

Чтобы показать, в каком кризисе находятся многие мусульманские страны, сравним социально-экономические показатели Египта и Южной Кореи. Сегодня эта попытка может вызвать улыбку, но в недавнем прошлом – в 1949 году – Египет превосходил Южную Корею по национальному доходу на душу населения. Средний египтянин тогда питался лучше среднего жителя юга Корейского полуострова. В 2010 году в Южной Корее валовой внутренний продукт на душу населения по номиналу (текущим ценам) был более чем в 7 раз выше, чем в Египте, а по паритету покупательной способности – в 5,5 раза.

Запад смотрел и смотрит на Восток с презрительным высокомерием превосходящей военной, экономической и технической мощи и общественной организации. Для полного сил и энергии Запада Восток был объектом колониальной экспансии, военного и экономического грабежа, и, если не считать формальную политическую независимость, полученную мусульманскими странами, многие из них остаются в таком же положении и в настоящее время.

Противоречивость ситуации заключается в том, что, несмотря на явный неуспех экономического, технического, материального развития, ислам переживает в наши дни период мощной экспансии и расширяет сферу своего воздействия от Южной Африки до берегов Волги, Рейна и Темзы, от западной оконечности Африки до Филиппин и от восточного до западного побережья Соединенных Штатов. По численности своих приверженцев ислам – наиболее быстро растущая религия наших дней.

Многие на Западе воспринимают мусульманский мир и как объект экспансии, и как угрозу.

Во время своего визита в Берлин в начале нулевых итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони заявил на пресс-конференции: “Мы должны быть уверены в превосходстве нашей цивилизации, основывающейся на системе ценностей, которые обеспечили народу широко распространенное процветание в принадлежащих к ней странах и которые гарантируют уважение прав человека и религии. Можно с уверенностью сказать, что этого уважения нет в мусульманских странах. Поэтому Запад должен вестернизировать остальную часть мира и привлечь на свою сторону новые народы. Ему уже удалось сделать это в коммунистическом мире и части исламского мира, но, к сожалению, другая часть исламского мира отстала на 1400 лет. Поэтому мы должны быть уверены в силе и мощи нашей цивилизации”.

Хотя эти высказывания вызвали бурю протестов в арабском и мусульманском мире и замешательство и опровержения со стороны европейских лидеров, а Берлускони пытался извиниться под предлогом, что его не так поняли, на закрытом заседании Европейского союза он повторил: “Мы должны защищать нашу цивилизацию и пропагандировать ее преимущества”.

Другие “защитники Запада” не стесняются в выражениях. “Ислам, прощя говоря, – религия войны”, – пишут в брошюрке под названием “Почему ислам представляет угрозу Америке и Западу” два американских ультраконсерватора Пол Уэйрич и Уильям Линд. Линд заявил об американских мусульманах: “Их надо поощрять к отъезду. Они – пятая колонна в нашей стране”.

Оказалось, что до взвешенного, уважительного отношения к исламу и мусульманам, выработанного университетским сообществом США за последние два десятилетия, еще далеко и массовому общественному сознанию, да и многим СМИ. Университетские интеллектуалы, занятые изучением Ближнего и Среднего Востока и всего мусульманского мира, могли присягать на верность идеям, высказанным Эдвардом Саидом в его книге “Ориентализм”. Он обвинил тогда западных востоковедов в предвзятости и расизме, и после выхода в свет его труда в 1980 году среди исследователей стало как бы неприличным применять к мусульманским социумам исключительно западные мерки. Но до массмедиа и многих политиков эти интеллектуальные изыски доходят с трудом. А в глобализованном мире через телевидение и интернет даже отдельные проявления враждебности к исламу, вроде карикатур на Пророка,

становятся широко известными в мусульманских странах и усиливают антизападные настроения мусульман.

Если бы ислам в действительности представлял собой ту карикатуру, которую на него рисуют его враги, то как можно объяснить, почему он стал самой быстро растущей религией и в наши дни? Что привлекает новых адептов? Может быть, отсутствие иерархичности и глубоко распространенный эгалитаризм, который дает чувство достоинства и самоуважения последователям этой религии? Чувство гостеприимства, более распространенное, чем в других социумах? Институционализованная система благотворительности для поддержки бедных? Хотя, как и любая другая религия, ислам проповедует недостижимые идеалы, пусть не на практике, но они все-таки существуют. Цитируемыми тех или иных мест из Корана, как из Евангелия или Библии, вырванных из контекста, можно объяснить всё что угодно.

Ни демонстративные встречи американских политиков с мусульманскими богословами, ни примирительный тон и осуждение Берлускони, ни заявления других европейских лидеров не в состоянии убедить мусульман в отсутствии растущей враждебности Запада по отношению к ним, к их ценностям, их убеждениям, их образу жизни.

А разве нередко встречающаяся скрытая или открытая антиисламская пропаганда в российских СМИ, которая приравнивает ислам к террору и отсталости, не действует в том же русле?

Вернемся снова к истории.

Многие века мусульманский мир жил несокрушимо убежденный в своем полном, несомненном и абсолютном превосходстве над “неверной” Европой. После божественной миссии Мухаммеда, “печати пророков”, христианство представлялось мусульманам цивилизацией заблудших людей, в лучшем случае достойных сожаления или опеки. Вплоть до XVI столетия мусульмане, торгуя или иным способом общаясь с европейцами, убеждались, что те не превосходят их ни научно-техническими достижениями, ни уровнем развития ремесел или сельского хозяйства. Правда, мусульмане знали поражения от “неверных” во время кончившихся крахом для завоевателей Крестовых походов в XI–XIII вв. и во время Реконкисты уступили аль-Андалус, вновь ставший Испанией и Португалией. Победа османского (мусульманского) оружия над “неверными” сделала для них смехотворной саму мысль о том, что у более слабого противника можно чему-либо учиться, что-либо перенимать. Все свое было совершенным, мудрым, добродетельным, все чужое – жалким, нелепым, отвратительным, греховным. Мощные жизнеспособные ростки новой западной цивилизации, начавшееся Возрождение, а затем Реформация не были замечены на Востоке.

Военные поражения турок в XVII–XVIII вв. от рук австрийцев и русских, поражение империи Великих Моголов в Индии от рук англичан, вторжение гренадеров Бонапарта в Египет, общий экономический упадок мусульманского мира заставили мусульман задуматься над своим общественным устройством и путях развития своего общества. Мусульмане убедились в превосходстве военной организации “неверных”, и копирование европейских (западных) военных образцов в попытке создать соответствующие западным стандартам вооруженные силы остается вплоть до сегодняшнего дня наваждением и головной болью правителей многих мусульманских государств. В первой половине XIX века решение этих задач, конечно, было проще, чем во второй половине XX или начале XXI века. Египет, например, с помощью европеизации армии, военных уставов и школ, использования бывших наполеоновских инструкторов, инженеров, строительства военных заводов и верфей превратился в первой половине XIX века в самую мощную военную силу Ближнего Востока и был разгромлен лишь в результате совместного вмешательства европейских держав.

Превосходство европейской научно-технической мысли уже 200 лет назад было настолько очевидным, что честные, думающие мусульмане могли сделать только один вывод – необходимо учиться у Европы математике, физике, химии, инженерному делу, медицине, промышленности, строительству, короче говоря, всему комплексу научно-технических знаний. Это признали даже многие улемы-богословы.

Но возник вопрос: как быть с социальной организацией, политической структурой, правом, идеологией, местом и ролью человека в обществе, по-

ложением женщин, литературой, искусством, обычаями? Существуют ли военные и научно-технические достижения сами по себе и можно ли их брать изолированно, не нарушая чистоты своей веры, основ своей цивилизации, или они – плоть от плоти, кровь от крови западной цивилизации в самом широком смысле? Но если признать превосходство Запада в социальной и духовной жизни и начать ему подражать, не подорвет ли копирование столпы веры и прежние социальные порядки? По этим вопросам мнения в мусульманском мире разделились уже более двухсот лет назад. Спор между сторонниками “озападнивания”, европеизации, модернизации, а сейчас – американизации, глобализации и ревнителями национальной, религиозной самобытности, особого “исламского” пути развития не прекращается до сегодняшнего дня.

“Крайние” западники призывали брать всю европейскую цивилизацию с ее розами и шипами и, отряхнув прах веков со своих ног, оттолкнув все исламское наследие как отжившее прошлое, идти по дороге полного и безусловного копирования Запада во всех сферах – от социально-политической и правовой до культуры, литературы и искусства. Дальше всех по этому пути зашла Турция Мустафы Кемалю Ататюрка. В других странах тоже были его сторонники, но нигде их голос не звучал достаточно весомо и авторитетно.

Однако все более мощно и уверенно в мусульманских странах раздавались призывы традиционалистов, которых в англосаксонской литературе и печати в 70–80-е годы XX века стали называть “фундаменталистами”, во французской – “интегритами”, а сейчас все чаще называют “исламистами”. В арабской литературе их нередко именуют “салафитами”.

Для традиционалистов Коран и Сунна – начало всех начал и конец всех концов. По их мнению, мусульманский мир пришел в упадок не потому, что опоздал вступить на западный путь развития, а потому, что забыл “истинную веру”, учение Пророка и праведных халифов, впал в грехи, морально деградировал. Возвращение “золотого века” должно принести не обезьянье копирование Запада, не попытки “осовремениться”, а обращение к первоисточникам, к истинному исламу, к Корану и “неповрежденной Сунне”. Возрожденная вера, повенчанная с западной технологией, должна вернуть исламскому миру военную мощь, достоинство, самоуважение, процветание.

Между крайними направлениями безоговорочного принятия западной цивилизации и полного ее отрицания существовало множество течений общественно-политической мысли и практики, отнюдь не разделенных глухой стеной. Одни считали, что, сохранив нетронутыми основы веры, нужно модернизировать ее, приспособить к требованиям эпохи, осознанно или неосознанно создавая социально-экономические, политические и идеологические рамки для возможного капиталистического развития. При этом использовался давно известный способ – по-новому интерпретировать старые положения Корана и Сунны, доказывая, что все новейшие идеи уже давным-давно были изобретены самими мусульманами.

Самыми крупными фигурами этого направления на рубеже XIX–XX вв. были Джамаль эд-Дин аль-Афгани, оказавший влияние на Османскую империю и Египет, на Иран и мусульманскую Индию, и его египетский последователь, оригинальный религиозный мыслитель Мохаммед Абдо.

Аль-Афгани был отцом панисламизма – идеи объединения мусульманских народов под началом всемусульманского правительства, возглавляемого османским султаном-халифом. Объединившись, мусульмане смогут противостоять колониальным устремлениям христианского Запада. Когда укрепится независимость, потребуется осовременить ислам ради обеспечения прогресса и процветания мусульман. Аль-Афгани был сторонником заимствования у Европы не только научно-технических, но и некоторых светских знаний и выступал за зачатки парламента и конституции. Вероучитель защищал право каждого мусульманина на свободное толкование Корана.

Но если его религиозные и социальные идеи были пронизаны духом реформации, то его политические лозунги оказались подходящими для махровой реакции, и османское правительство стало размахивать ими как знаменем, стремясь сохранить или даже расширить разваливавшуюся Османскую империю.

Параллельно с Аль-Афгани и Абдо в России выросла фигура мусульманского мыслителя-обновленца Исмаила Гаспринского, который в других выступлениях выступал за реформацию, за обновление ислама, но в рамках сожительства разных народов и религий в Российской империи.

Другие реформаторы, как правило, получившие западное образование и создавшие либеральное направление, полагали, что, сохранив религию в сфере культа, морали, может быть, семейного права, нужно следовать западной модели в социально-политической области, имея в виду сделать ее достоянием верхов, элиты, а религию оставить для того, чтобы держать в узде массы.

Развитие мусульманской общественной мысли проходило в странах, которые отнюдь не были изолированы от внешнего мира. Запад – не миролюбивый, доброжелательный сосед за забором. За ним нельзя было просто наблюдать, изучать его, спокойно прикидывая, что подходит из его опыта, а что – нет. Запад бесцеремонно ворвался в мусульманские страны своими займами, товарами, прямой военной оккупацией в XVIII, XIX и в первой половине XX в. Запад пришел не как филантроп, не как старший брат, протянувший руку помощи отставшим народам, не для того, чтобы поднять их на уровень своей цивилизации, а как циничный эксплуататор и грабитель, который обеспечивал прогресс только в том случае, если он был выгоден метрополии, и препятствовал прогрессу, если он ей был невыгоден.

Прекраснодушные иллюзии мусульманских либералов разбились вдребезги при столкновении с голым хищничеством Запада. Поэтому с XIX века до наших дней образ Запада в глазах мусульман противоречив, двойственен: Запад – и соблазнительный пример для подражания, и ненавистный угнетатель-эксплуататор и агрессор. Раздвоение оценок самих себя и внешнего мира привело к противоречивому сочетанию комплекса неполноценности по отношению к Западу с комплексом превосходства мусульманина над любым христианином.

Взгляды либералов формировались под воздействием Гоббса, Локка, Руссо, Сен-Жюста, Вольтера, Монтескье. Для мусульманской действительности даже Монтескье звучал достаточно революционно. Один из имамов египетских западников Ат-Тахтави так комментировал конституционную хартию Людовика XVIII: “И хотя то, что она (хартия) содержит, что вы не сыщете ни в Коране, ни в Сунне, вы, однако, поймете, что справедливость и правосудие суть средство обеспечить благосостояние государства и народа”. Либералы заметили новый для себя термин “свобода”. Для мусульманских правоведов термин “свобода” означал лишь юридическое состояние, противоположное рабству. Вслед за английскими и французскими мыслителями либералы стали считать свободу естественным состоянием человека, которое обеспечивает равенство людей перед законом, право на собственность. Поэтому власть не может быть неограниченной, не может быть оправдана ссылкой на волю Аллаха. Она должна быть ограничена представительным парламентом.

Напомним, что, с точки зрения мусульманских правоведов, источник власти и закона – Аллах. С точки зрения идеологов Французской революции, источник власти и закона – нация. Хотя и то и другое положение – юридическая фикция, между двумя системами политической мысли и государственного права лежит пропасть.

Однако, когда дело дошло до практики, оказалось, что конституция и либеральные лозунги были словами, в лучшем случае отвечавшими нуждам верхов и модернизированного сектора мусульманского общества, полукOLONиального капитализма, в худшем – просто “пиаром”. Зависимость от Запада принимала новые формы.

Буржуазная модернизация отвергалась абсолютным большинством населения исламских стран именно потому, что она означала усиление его эксплуатации и прямого ограбления и ассоциировалась в глазах масс с иностранным господством. Культурные и политические идеалы “западников” оставались чуждыми и враждебными массам и антизападно настроенной части элиты.

Само капиталистическое развитие, которое происходило в мусульманских странах в 20–40-х годах XX века, было деформированным, болезненным, уродливым, антинациональным. Такая ситуация привела к антизападным революциям в ряде этих стран прежде всего на основе новой идеологии национализма. Но одновременно она послужила стимулом мощного возрождения религиозно-политических движений.

Революционно-авторитарные эксперименты в разных странах отличались своей длительностью: например, они продолжались в Египте полтора десяти-

летия, в Сирии или Ираке – несколько десятилетий. Многие эксперименты имели социалистическую окраску.

Само понятие “национализм” принадлежит Новому времени, и оно импортировано в мусульманский мир из Европы. Оно – побочное дитя Французской революции, хотя слово “нация” гораздо старше.

У мусульман ни того, ни другого понятия не существовало. Слово “умма”, ставшее арабским эквивалентом “нация”, несет на себе печать двусмысленности. Этим словом как раньше, так и теперь обозначают общину верующих. Само слово “национализм” арабы произвели от слова “шум”, которое означает группу племен, народ и в лучшем случае переводится современным понятием “этнос”. В арабском языке наиболее близко к “национализму” понятие “асабия”, которое ввел в оборот Ибн Хальдун – великий магрибинец, отец арабской политологии и социологии, живший в XIV–XV вв. Но теперь это слово означает племенную солидарность, верность племени, роду, большой семье, их интересам, обычаям, традициям, а также соответствующий кодекс поведения.

Родина арабского национализма – Сирия, Ливан и в какой-то степени Ирак. В Египте в течение первой половины XX века господствовал египетский, а не арабский национализм, к которому вернулись во времена Анвара Садата. В политической форме движение арабских националистов разбилось на три потока. Один из них можно (хотя и не без поправки на национальные особенности) назвать марксистским: в Южном Йемене Движению арабских националистов удалось создать полукоммунистическое государство, которое рухнуло в начале 90-х годов. Вторым потоком был баасизм в Сирии и Ираке, и третьим – насеризм, остатки которого существуют в Египте. Поражение арабов в войне с Израилем в 1967 году стало началом конца национализма в прежнем виде.

Еще в 20–30-е годы Мустафа Кемаль Ататюрк, основатель современной Турции, мог провозглашать: “Мы будем следовать по пути к цивилизации и придем к ней. . . Те, которые задержатся, будут затоплены ревущим наводнением цивилизации. Цивилизация – такой сильный огонь, что тот, кто его игнорирует, будет сожжен и разрушен. . . Мы будем жить как прогрессивная цивилизованная нация”. Для кемалистов “цивилизация” означала турецкий национализм и бескомпромиссную европеизацию. Ататюрк служил примером и для неудачных попыток модернизации в Афганистане и псевдомодернизации в Иране. Его деятельность внимательно изучали насеристы и баасисты.

Но ислам и в самой Турции оказался отнюдь не “мертвой рукой прошлого”. Приход к власти в Турции исламистов в наши дни наглядно демонстрирует, насколько глубоко мусульманские чувства и в этой стране. Как показывает политическая практика Партии справедливости и развития, умеренным турецким исламистам в целом удастся совмещать свои взгляды с курсом на модернизацию страны в экономике, внутренней и внешней политике.

После Второй мировой войны уходила в прошлое эра старого колониализма, колониальных империй. Пришли в движение миллиардные массы азиатов и африканцев. В боли и муках, иногда с кровью и жертвами, с успехами и провалами рождался новый мир. Популистские лидеры бросали в массы лозунги возвращения национального и человеческого достоинства, политической независимости, экономического развития, социального и расового равенства. Для многих из них капитализм, свободный рынок ассоциировались с колониализмом и унижительным прошлым, а враг Запада – Советский Союз казался естественным союзником и символом прекрасного будущего. Разве не доказал он свою вселенскую историческую роль великой победой над нацистской Германией? Разве не демонстрировал свою мощь грохотом танков на военных парадах и запуском космических ракет? Разве он не развивался, с их точки зрения, экономически быстрее Запада? Разве не стал высокообразованной страной?

Элементы советской социалистической модели, подлинные и воображаемые, эффективные и обреченные на провал, стали проникать в лозунги и практику многих стран “третьего мира” с самыми различными политическими и социальными системами.

Государственный сектор в экономике – это тысячелетняя традиция стран мусульманского ареала, унаследованная мусульманской цивилизацией от предыдущих эпох. В Египте или Иране власть-собственность, или в переводе на наш язык – государственный сектор в экономике, существует уже тысяче-

летия, с самого возникновения древних цивилизаций. Подражание Советскому Союзу родило ататюркистский этатизм в Турции, насеровский эксперимент в Египте и баасистский – в Сирии и Ираке.

Гамаль Абдель Насер взял на вооружение антизападную (антиимпериалистическую) идеологию и стал почти союзником СССР. Президент Египта нарушил западную монополию на поставки оружия на Ближний Восток, закупив советское оружие через Чехословакию, затем национализировал Суэцкий канал. В ответ на это была совершена тройственная англо-франко-израильская агрессия 1956 года, остановленная как осуждением со стороны США, так и блефом Никиты Хрущёва, который намекал на возможность ядерного удара по агрессорам, никогда не собираясь применить его на деле. Всемирный банк не дал кредита на строительство высотной Асуанской плотины, которая спасла бы Египет от голода, его предоставил Советский Союз, и плотина вместе с мощной электростанцией была построена, значительно увеличив посевные площади Египта. (К слову сказать, Египет даже после Насера при Анваре Садате полностью расплатился за все советские поставки – как за строительство высотной Асуанской плотины, так и за оружие.)

Но Насер создал военно-репрессивный режим, не терпящий ни оппозиции, ни инакомыслия. Какое-то время в концлагерях были вместе и коммунисты, и “Братья-мусульмане”, их били и пытали. Затем некоторых коммунистов освободили и кооптировали в органы власти и пропаганды.

Насер проиграл войну с Израилем в 1967 году, что надломило его здоровье и позиции Египта в арабском мире. Новый президент Анвар Садат установил правую военную диктатуру, начал возвращать собственность, конфискованную у крупных предпринимателей, переметнулся на сторону США. Он начал в союзе с Сирией войну с Израилем, которая в первые дни благодаря внезапности удара и предварительной подготовке войск советскими офицерами и поставкам советского оружия и техники была успешной. К концу военных действий Египет оказался вновь на грани поражения. Война кончилась вничью, что в тех условиях означало победу Египта и Сирии и поражение Израиля. Впоследствии при посредничестве американцев он заключил мирный договор с Израилем, фактически отказавшись от поддержки дела палестинцев, но вернув в демилитаризованном виде египетскую территорию – Синайский полуостров.

Садат был убит в 1981 году мусульманскими экстремистами во время военного парада. Вице-президент Хосни Мубарак во время этого нападения чудом уцелел и стал президентом Египта. Перед своей смертью Садат пытался подавить всю оппозицию, бросив в тюрьму и коммунистов, и насеристов, и представителей коптов, и часть “Братьев-мусульман”. Именно из отколовшейся от “Братьев-мусульман” группировки вышли будущие убийцы Садата.

... Прошли десятилетия. Политический колониализм исчез, но новые пути зависимости – экономической, технологической, информационной – сковали “третий мир”. Наибольших успехов достигли лишь немногие из тех, кто пошел по пути рыночной, а не советской экономической модели. Но среди оказавшихся впереди почти не было мусульманских стран. Для многих расцвет оказался ложным. Рухнул и распался Советский Союз. И все же осталась мечта о человеческом и национальном достоинстве, лучшем будущем, социальной справедливости, которую символизировала эпоха Насера, Сукарно, Нкрумы, Ньерере. За исключением небольшого числа последователей этих лидеров, она трансформировалась в активизацию мусульманских политических движений.

Правда, были еще группы радикально настроенной молодежи, которые оказались левее и националистов, и коммунистов, и кемалистов. Они бредили революцией и мечтали разрушить существующий порядок, смутно представляя, каким должен быть новый. Многие из них привыкли видеть себя в западном зеркале, мерить себя западными мерками, впрочем, отрицая это. Левые радикалы смотрели на себя глазами западных “новых левых”.

Свою задачу молодые “леваки” в Турции, в арабских странах, в Иране видели в том, чтобы стряхнуть с себя бремя традиций, перестроиться, создать психологические предпосылки для революционных действий и глубоких социальных перемен. Молодые радикалы восхищались фаустовским аспектом западной цивилизации, считая, что она способна отрицать прошлое во имя будущего и заставлять людей двигаться и работать.

Отвергая империализм и неоколониализм, эксплуатацию и коррупцию,

они предлагали взять от Запада рационализм, научный подход к понятиям и явлениям. Накопление современного вооружения — современных машин — это еще не приобщение к современности, считали они. Необходим определенный настрой ума, главное — человеческий фактор. “Арабы, — писал сирийский мыслитель Садек аль-Азм, получивший образование в США, — импортировали продукцию научного творчества, но они не смогли уловить динамику отношений между человеческим бытием и материей, которая требует научной ориентации... Арабы потребляют, но не производят. Импортированные машины увеличивают отчуждение индивидуума от общества. Арабы имитируют потребление Запада, но не производство. Они вступают в контакт со вторичными продуктами науки, но они далеки от социального прогресса, который сделал возможным научный прогресс. Однако социальный прогресс невозможен без социальной революции”.

Левых радикалов объединяло презрение к традициям: их, говорили они, необходимо отбросить, если люди хотят преодолеть свое нынешнее положение, свою отсталость. Для них либерализм был анафемой, синонимом западного колониализма, а исламский фундаментализм — мрачной силой средневековья. Националистические идеи, по их мнению, потерпели неудачу.

Однако фразеология западных “новых левых”, завораживавшая арабских “леваков”, падала на уши, заткнутые воском, как только достигала масс. Их идеи вызвали восторг десятков, сотен, может, тысяч последователей, но в тысячу раз громче звучали призывы муэдзинов с мечетей и возгласы “Аллах акбар!”.

События в Иране, победа народно-мусульманской революции над шахом и его американскими покровителями, естественно, не могла не вызвать отклик в душах последователей ислама в других странах, хотя дальнейшее развитие событий принесло разочарование и у многих даже ненависть к “муллократии”, сложившейся в Иране. При этом следует иметь в виду, что религиозная ситуация в суннитских странах не совпадает с иранской, поскольку там все шиитское духовенство исторически находилось в оппозиции к светской власти, считая ее незаконной. Большинство суннитского духовенства — неотъемлемая часть государственного аппарата. В оппозиции к властям в определенные периоды становится народный ислам, ислам масс, но не мусульманский истеблишмент.

Однако и в иранском, и в турецком, и в египетском обществах существует ясно выраженный культурный дуализм, или дуализм цивилизаций, который несет в себе элементы неустойчивости. Они тем более очевидны, когда традиционные, а точнее неотрадиционные, и современные (или псевдосовременные) структуры существуют в обществе одновременно, когда рядом с большой семьей, религиозной или сельской общиной функционирует современная, ориентированная на рынок и извлечение прибыли структура. Положение становится невыносимым, когда вторые существуют за счет первых.

Если для носителей традиционной культуры, религиозных убеждений и ценностей ненавистны те, кто перестал быть самим собой и пытается влезть в кожу “западников”, то массы, разделяя эти чувства, больше озабочены хлебом насущным. Многим из них чужды и враждебны рыночная экономика, лозунг “прибыль превыше всего”, капиталистическая модернизация (псевдомодернизация). И первые, и вторые обращаются “к нетленным ценностям ислама” как образу жизни, идеологии, знамени политической борьбы.

Возрождение и влияние традиционных, точнее неотрадиционных, общественных структур, их идеологии имеют весьма прагматичное значение для любого политика. На политическую арену стали выходить широкие массы, раньше бывшие где-то за скобками общественной борьбы. Они принесли свой язык, свою систему символов, убеждений, предрассудков, свою политическую культуру. Народная культура в целом оказалась более устойчивой, чем могли предполагать модернисты самых разнообразных цветов и оттенков — от коммунистов до прозападных либералов.

Представление об исламе как просто о “мертвой руке прошлого” оказалось идеологически наивным и политически близоруким.

Президент Египта Анвар Садат попытался объединить рыночные реформы — инфитах* — с поддержкой умеренных исламистов. Он порвал с Советским Союзом и заключил мир с Израилем.

* Инфитах — политика “открытых дверей”, либерализации экономики.

Садат отказался от курса на полусоциалистические эксперименты, попытавшись ввести Египет в лоно рыночного хозяйства. Дело оказалось трудней, чем он предполагал. Но бывший крестьянин и офицер все же не натворил столько ошибок, сколько наделали лихие российские рыночники. В политике дело оказалось сложнее, и мир с Израилем стоил ему жизни. Он погиб от рук исламистов.

Реформы с социалистической окраской, упор на государственный сектор, на мобилизацию масс – все это было отброшено во имя политики либерализации. Однако, хотя либерализация иногда дает экономические и социальные плоды, она отвергается теми, за счет кого она проводится, кто несет материальные и духовные жертвы. Вместо националиста или патриота на пьедестале оказывается выжига-спекулянт. Пропаганда утверждает, что либерализация может приобщить мусульманские страны к современной технологии и катапультировать их в сообщество развитых стран без серьезных преобразований, без решения острейших социальных проблем. Слова остаются словами, а прожекты – следами на песке, которые затягивает даже легкий ветер реаллий.

Массы с недовольством или отчаянием смотрят и на паразитизм прослойки нуворишей (в Египте их называют “жирными котами инфитаха”), и на их увеличивающийся разрыв с религиозными и национальными традициями, на американизацию их быта, манеры поведения, взглядов, привычек. Активное неприятие этой тенденции во многом способствовало возникновению “цунами революций” в арабском мире.

У исламистов, умело воспользовавшихся настроениями масс, всё другое – логика поведения, лозунги, символы, система ценностей. В целом это другой мир. В нем не остается места для светских деятелей любой окраски. Феномен реисламизации охватил все страны – и традиционного ислама – от Египта и Туниса до Пакистана и Индонезии, и страны нового ислама, например, северную часть Нигерии. Растаяли, как мираж в пустыне, старые идеологические клише – “величие древних иранских империй”, “слава 16 турецких империй”, идеи “арабского единства” или “фараонизма”, лозунги об освобождении “третьего мира”. Оказалось, что иные чувства терзают обездоленных людей, вырванных из привычной среды, поселившихся в трущобах Каира и Стамбула, Тегерана или Алжира. Их не захватывают – во всяком случае, надолго – эти лозунги и мифы. Они думают о куске хлеба, жилье, школах, поликлиниках, о работе, о справедливости и надеются на лучшую жизнь. Им легче жить в скорлупе традиций, религиозных убеждений, ритуалов. Для них лозунг “ислам – решение проблем” не пустой звук.

Их лидерами, властителями дум становятся отнюдь не безграмотные люди, а интеллектуалы или полуинтеллектуалы, нахватавшиеся знаний или полужнаний, глубоко уязвленные униженным положением своего общества, полные религиозного рвения, готовые к политическим действиям. Они готовы жертвовать собой, но в еще большей степени – жертвовать другими. В них еще острее, чем раньше, переплетаются чувства неполноценности по отношению к Западу, зависти к западному образу жизни и “потребительскому обществу” с вековой мусульманской убежденностью в собственном превосходстве над “неверными” и стремлением устроить общество по образу и подобию “золотого века” ислама. Для них ясен ответ на старый вопрос, над которым мучились исламские мыслители начиная с XIX века: что брать на Западе, технические достижения или общественное устройство, нравы, культуру, искусство? Только технику, только военную организацию, только компьютеры – ничего другого, имеющего западное происхождение, им не нужно. Их общество – политическая и социальная организация, культура, мораль, эстетика, искусство, право – должно быть другим.

Правда, при категорическом ответе на этот вопрос сразу возникают разногласия, отнюдь не только в нюансах. Давать или не давать женщинам образование? Допускать или не допускать их на работу? Смотреть или не смотреть телевизор? Подчиняться или нет правилам международного поведения, международному праву, которое было выработано без их участия? Как вести себя в условиях глобализации при свободном движении капиталов, информации, товаров? Обеспечить или нет доступ гражданам в интернет? Разрешать или запрещать поездки на соблазнительный, но враждебный, коррумпированный Запад?

Религиозные экстремисты и умеренные исламисты фактически оттеснили с ведущих позиций в обществе своих естественных противников – и мусульманских модернизмов, и прозападно настроенных либералов, и социалистов, и националистов. Свои лозунги они выдают за чудодейственные рецепты избавления от нищеты, экономической, культурной, информационной зависимости от Запада. Они стали определять общий интеллектуальный настрой общества. Многие светские интеллектуалы обнаруживают, что стали чужими у себя дома, и эмигрируют или подделываются под господствующие религиозные цвета.

Выражением фундаменталистской тенденции стала организация “Братья-мусульмане”, возникшая в Египте в конце 20-х годов. Она появилась в период, когда в общественной мысли господствовали идеи либералов-западников, когда известнейший писатель и мыслитель, “декан арабской литературы” Таха Хусейн опубликовал книгу “Будущее культуры в Египте”, ставшую манифестом либеральных египетских “западников”. Он выразил желание элиты народа, находящегося в зависимости от Запада, быть принятым миром, который господствовал над ним, желание использовать для оправдания своей самобытности культурную мимикрию, уничтожая границы между Египтом и его оккупантами и утверждая, что Египет – часть Запада.

Манифест либерализма, написанный Таха Хусейном, вызвал яростные возражения набиравших силу мусульманских фундаменталистов. Другой египтянин – Сейид Кутб, религиозный политический мыслитель, ставший потом лидером ассоциации “Братья-мусульмане”, ответил Таха Хусейну, что разделение мира на Восток и Запад поражает своей ограниченностью и неполнотой. Прозападный либерал забыл целый мир, который имеет свое мировоззрение и целостность, – мир ислама. Именно к этому миру принадлежит Египет, а все остальное – от лукавого.

Сейида Кутба давно нет в живых. Он был вдохновителем выступлений против режима Гамалы Абдель Насера и сгинул в насеровской тюрьме, но мировоззрение, которое разработал его учитель Хасан аль-Банна, основатель ассоциации “Братья-мусульмане”, получает все большее распространение. Им вторил другой исламский мыслитель – пакистанец Мадуди. Призывы основателей современного исламского фундаментализма привлекают сторонников среди набожных юношей и девушек в многочисленных университетах тем, что они дают ответы, или точнее – убедительную видимость ответов, на сложные проблемы общества, оказавшегося в тупике.

Экономические беды, диспропорции, коррупция, усиление социального неравенства, распад старого общества и отсутствие видимой альтернативы ему, неспособность режимов защищать национальную самобытность – все это вносит смятение в души людей. Американизация, навязываемая массовому сознанию телевидением, открывает мир, настолько чуждый и недоступный большинству, что вызывает протест, отталкивание, заставляя людей искать чего-то устойчивого, постоянного, своего.

Борьба за сохранение ислама, по мнению “братьев”, это главная задача мусульман. Она важнее всех других социальных, экономических, политических целей. Давление на ислам коммунизма, а затем, в гораздо большей степени, Запада ставило целью лишить мусульман их истории, их идентичности и, в конце концов, их способности сопротивляться враждебному наступлению. Задача западных стран состоит в том, чтобы разграбить ресурсы мусульманского мира и разрушить ислам – единственную силу, которая может бросить вызов гегемонии Запада.

Дело не только в “Братьях-мусульманах”. Спектр тех, кто апеллирует к исламским ценностям, живет надеждой на возвращение “золотого века” ислама, широк. Только в Египте существует почти сотня религиозных организаций различного толка с разной долей политизации. В исламском мире их тысячи.

“Коран – наша конституция!” – провозгласил Хасан аль-Банна в середине 30-х годов. И этот лозунг с таким же энтузиазмом повторяют сегодня.

Но как можно приспособить законы, созданные 10–13 веков назад, к проблемам сегодняшнего дня? Не слишком ли противоречит строгое применение шариата реальностям нашей эпохи, общества, вступившего в XXI век? Нет, утверждают “братья”, предлагая вновь “открыть двери иджихада”. Под этим термином подразумевается право юристов-богословов выносить суждения о явлениях общественной жизни, не охваченных шариатом. В конце третьего

века хиджры, когда было кодифицировано мусульманское право, “двери иджихада” были закрыты, потому что предполагалось, что новые правовые нормы незачем создавать. Обращение к иджихаду должно было открыть возможности гибкого применения мусульманского права к потребностям эпохи.

Даже представители самой ортодоксальной из четырех правоверных школ мусульманского права – ханбалиты, которых их противники часто называют “ваххабитами”, считают, что возможность для иджихада существует. Есть несколько уровней применения права: действия, которые Аллах предписывает, действия, к которым он относится благожелательно, действия, которые он не одобряет, и действия, которые он запрещает. Но вне этих норм лежит “серая зона”, то есть зона правовых норм, не охваченных велением Аллаха, в которой Аллах как бы нейтрален. Это позволяет юристам на основе иджихада вводить новые правовые нормы, ибо они не противоречат первым четырем группам. Поэтому можно вводить и правила дорожного движения, и космическое право, и авиационное право, и новые торговые кодексы.

Любопытным ответом мусульманских правоведов и практиков-финансистов на вызовы эпохи стало создание так называемого исламского банковского дела. Мусульманское право запрещает банковский ссудный процент как незаконную прибыль, поэтому придумана формула, по которой вкладчик банка как бы несет вместе с банком, в соответствии с согласованными пропорциями, ответственность за удачу или неудачу банковской деятельности, за его вклады, например, в промышленное производство. Если эти инвестиции дают прибыль, она соответственным образом делится между вкладчиком и банком, если инвестиции убыточны, то финансовые потери тоже делятся между ними. Конечно, речь идет лишь об упрощенной схеме.

Когда европейцы и американцы пришли в мусульманские страны, они, как считают фундаменталисты, принесли с собой не только свои законы, школы, языки, науки, но также “вино, женщин и грех”. Внедрение традиций и ценностей Запада разложило общество, принесло аморальность и разрушило унаследованные традиционные ценности мусульманского общества. Социальная и семейная жизнь была коррумпирована “низменным” кино, театром, радио и музыкой. Моральные и социальные проблемы молодежи имеют прямое отношение к “обнаженным” женщинам на улицах, “грязным” фильмам, соблазнительной музыке, неконтролируемой прессе, разрешению употребления вина. Женщины потеряли свои мусульманские достоинства из-за нескромного участия в вечеринках и танцах, которые сопутствуют современной официальной и неофициальной жизни. Почему? Потому, что “так ведут себя европейские женщины, а мы хотим уподобиться Европе во всех отношениях”. Вследствие этого мусульманское общество разорвано между исламским и западным образом жизни. Некоторые остались мусульманами, другие “перезападнили” “западников”. “Братья” утверждают, что атака на мусульманскую семью была важным средством в арсенале внутренних и внешних врагов веры.

Заметим на полях, что наиболее важной особенностью “исламской одежды” во всех ее формах была идея о соответствующем сексуальном поведении, которое эта одежда выражала. По мнению “братьев”, мусульмане – мужчины и женщины – не чурались сексуальности, но она была легитимна для обоих полов только в браке. Поэтому мужчины и женщины должны были носить свободные одежды, которые скрывают контуры тела.

Состояние мусульманских стран в глазах “братьев” было удручающим. Религиозное безразличие, коррупция в многочисленных обличьях привели общество к психологическому и идеологическому хаосу. Европейская цивилизация решительно вторглась в разложившуюся и ослабленную мусульманскую общину и оставила ее в руинах. Европейская цивилизация коррумпировала мусульман. Она парализовала силу нации, человеческое достоинство, нарушила дух религии. Такая ситуация невыносима. Причем до распада СССР “братья” понимали под Западом как капиталистический мир, так и Советский Союз и его союзников.

Капитализм был эквивалентен беспардонному индивидуализму и, таким образом, социальному хаосу, а коммунизм – атеизму. Обе системы были материалистичными. Распад Советского Союза сфокусировал ненависть “братьев” на Западе.

“Изгоните империализм из ваших душ, и он оставит ваши земли”, – призывают “братья”. Они вспоминают предупреждения Сейида Кутба о том, что

подлинная опасность лежит в духовном и интеллектуальном империализме потому, что в отличие от военного и политического империализма, который рождает оппозицию, этот тип империализма усыпляет, успокаивает, обманывает свои жертвы.

Постоянным раздражителем, способствующим увеличению отчужденности мусульман от Запада, остается палестинская проблема и поддержка Израиля Западом, особенно Америкой. Судьба первой киблы (первоначально мусульмане обращались с молитвой по направлению не к Мекке, а к Иерусалиму) – Иерусалима будоражила мусульманское общественное мнение и способствовала все большей радикализации даже официального религиозного истеблишмента.

“Братья” рассматривают Палестину не только как объект “сионистской агрессии”, но и как “первую линию” защиты арабской нации, арабской родины. Она – сердце арабского мира, узел, связывающий мусульманские народы.

Противники египетских исламистов обвиняют их в использовании шиитской практики такыйя (сокрытие истины). После столетий жизни под гнетом суннитских правителей шиитам было позволено при соблюдении определенных обрядов говорить одно, а практиковать совсем другое, тайно соблюдая свою веру. По мнению светских деятелей, и радикальные организации боевиков-террористов, и менее радикальные группы, ведающие больницами и школами, и “Братья-мусульмане”, и мусульманские инвестиционные компании, и часть улемов – все они объединены стремлением заменить светское государство религиозным, основанным на законах шариата. А публичное отрицание этих целей лишь форма такыйи. В несколько другой фразеологии точно такие же обвинения предъявляются и турецким исламистам.

Официально руководство “Братьев-мусульман” в Египте перешло в руки умеренных деятелей, выступавших за взвешенную политику. Это противоречит решительным, боевым идеям Сейида Кутба, который выступал за смену государственного устройства путем насилия, и именно так думают активные, нетерпеливые, беспощадные молодые люди. Как и Сейид Кутб, они убеждены, что мусульманин, не придерживающийся мусульманских обычаев, поведения, убеждений, – на деле кяфир (гяур), “неверный”, что египетское общество ввергнуто в состояние джахилии*. А джахилия и ислам на одной земле, в одном обществе несовместимы. Подлинные мусульмане должны обратиться к джихаду, который в их толковании является вооруженной борьбой против “немусульманского правления”, которое руководствуется не шариатом, а светскими законами.

Активную роль в экстремистских мусульманских организациях играют так называемые афганцы.

Афганистан в 80-е годы стал мощным катализатором фундаменталистских и экстремистских движений в мусульманском мире. Тысячи добровольцев из многих мусульманских стран влились в ряды афганской оппозиции. Большинство из них работали в школах, больницах, гуманитарных организациях.

Несколько тысяч принимали участие в боевых действиях против советских и правительственных войск. В рядах вооруженной афганской оппозиции был и саудовский миллиардер Усама бен Ладен.

ЦРУ финансировало (вместе с Саудовской Аравией), вооружало и обучало исламистских боевиков в Афганистане, не сознавая, что оно, подобно доктору Франкенштейну, взращивает своего рода коллективное чудовище, которое позднее обратит оружие и против США.

После вывода советских войск из Афганистана тысячи “арабских афганцев” стали возвращаться в Алжир, Египет, Тунис, Судан, Саудовскую Аравию. Прошедшие военную подготовку и обстрелянные в боях, пропитанные воинствующим исламистским духом, не умеющие ничего делать, кроме как воевать, они стали костяком экстремистских группировок.

Конечно, экстремистское крыло мусульманских фундаменталистов, в том числе и то меньшинство, которое прибегает к террору и готово действовать террористическими методами, – это объективный результат развития исламистских движений.

Но ситуацию обострило то обстоятельство, что Вашингтон в течение нескольких десятков лет был сторонником именно исламского фундаментализ-

* Джахилия – эпоха “невежества” арабов до появления Пророка Мухаммеда.

ма, так как тот выступал, с одной стороны, против антизападных, националистических, революционно-авторитарных режимов, а с другой – против коммунистов и Советского Союза. США прямо или косвенно поддерживали “Братьев-мусульман” в Египте, исламских экстремистов в Афганистане, Исламский фронт спасения в Алжире. Эту практику они пытаются возродить и сегодня. Радикальные исламские организации вполне легально действуют в Великобритании и Швейцарии, Германии и Италии, Франции и Испании.

Считая себя защитниками мусульманской общины от наступления сил секуляризма и модернизма, ведущих тотальную войну против ислама, исламские фундаменталисты отвечают тотальной борьбой против источника или представителей зла.

Их воинственность и активность исламских экстремистов – показатель того, что в их глазах мир находится на критически важном историческом перекрестке: мусульмане или сохраняют свою религиозную и национальную идентичность, или в условиях глобализации потеряют ее под давлением Запада. Но одновременно они, во всяком случае их лидеры, чувствуют себя как бы творцами,демиургами будущего, ведомыми промыслом Божиим.

Хотя никто не знает, какую форму может приобрести будущее общество, сила фундаментализма заключается в его способности обещать радикальные перемены без уточнения их черт, без конкретики, так как Аллах считается гарантом будущего.

Кризисы идентичности, равнозначные цивилизационному надлому, происходили не раз в истории. Но когда-то это был процесс, растянувшийся на столетия. Сейчас ускорение всех событий многократно возросло, горение превращается во взрыв.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Борьба с будущим

Тот, кто полагал, будто Москва за летние месяцы расслабилась, размлела на солнышке да и позабыла о многотысячных протестах, ошибся. 15 сентября Бульварное кольцо вновь заполонила толпа. Сколько охватит глаз – люди. Голова шестивия поднимается на Рождественский бульвар, а хвост всё никак не спустится с Петровского.

В глазах полицейских, стоящих обочь, тоска. В нетерпении встают на цыпочки: смотрят – когда иссякнет поток. Не видно конца! Идут, идут, идут.

Преобладающий цвет – красный. Знамёна “Левого фронта” и КПРФ. Московские коммунисты приняли решение присоединиться к Маршу. Анархисты оторочили красные полотнища чёрным клином. Задорно скандируют: “Жулики и воры, пять минут на сборы”.

Под красными стягами идёт колонна столичных вузов. МГУ, РУДН – Университет Дружбы народов, МГПИ. Во всю ширину бульвара – растяжка “Против разрушения науки”.

Здесь не верят кремлёвской риторике, по научной привычке поверяют её фактами. Власти говорят о возрождении образования – и собираются закрыть каждый пятый вуз (“Независимая газета”, 04.09.2012). Твердят о бесплатном здравоохранении – и сокращают расходы на медицину: на 8,7% в 2013 году и на 17,8% в 2015-м (там же). Манифестанты настаивают: “Образование – для всех”, “Бесплатная медицина – для всех”, “Да – социальному государству”.

Стремительное возвышение “тагильского мужика” И. Холманских не убедило митингующих в любви президента к человеку труда. Они хотят больше: “Заводы – рабочим!”

Не вызывает доверия и официальный патриотизм. Президент пикируется с Америкой, но допускает самолёты НАТО на “аэродром подскока” в Ульяновске. Толпа негодует: “Путин ввёл НАТО в Россию”.

Средних лет мужчина щеголяет в куртке с надписью на спине: “Я отбилсь от клина и гуляю сам по себе”. Язвительный намёк на державного дельтапланериста, возомнившего себя вожаком журавлиной стаи.

Здесь собрались те, кто не согласен с политикой Путина. Тысячи и тысячи людей. А всего по стране, по данным недавнего опроса “Левада-центра”, таких 35%. Более трети населения (“Коммерсантъ”, 24.08.2012).

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 год; № 2, 3, 6, 7, 10 за 2011 год; № 1, 2, 6, 8 за 2012 год.

На Трубной озорная девчушка предлагает белые ленточки – символ протеста: “Пожалуйста, пропуск в автозак. Вы показываете – и вас везут бесплатно”. Перспектива “прокатиться” не пугает – от желающих нет отбоя.

А рядом агитаторы КПРФ раздают газету “Правда Москвы” с программной статьёй Геннадия Зюганова и броско оформленную листовку (молодцы, научились!), оповещающую о повышении тарифов ЖКХ: “Пока вы отдыхали – вас обворовали!”

Как всегда, замыкают шествие националисты. “Русский флаг над Кремлём”, – скандируют они, развернув многометровое чёрно-желто-белое полотнище. “Прямая демократия – русская традиция”, – напоминает эпических размеров плакат.

Широченный проспект Сахарова не вместил собравшихся. Люди теснятся на Тургеневской площади. Многие, чтобы уберечься от давки, протискиваются в оставленный омонейцами узкий выход из оцепления.

Автобусы с полицейскими стоят по всей Мясницкой, на Лубянке, на Театральной. Школьницы, стайкой выпорхнув из метро, звонко скандируют какие-то речёвки. Скорее всего они и не подозревают о проходящем неподалёку митинге. Кричат о своём. Когда же и пошуметь, как не в юности.

Но полицейские у металлических заграждений напрягаются. К ним подходит пузатый подполковник. “Всё! Никого не пропускаем!” – командует он. Полицейские уточняют: “Куда?” “Никуда, – обрывает начальник. – Только в метро”.

Это “никуда не пускаем” в последние месяцы различимо и в тезисах официальной пропаганды, и в действиях Кремля. Там предпринимают лихорадочные усилия, чтобы покончить с протестами. Меры столь радикальны, что некоторые обозреватели заговорили о “войне”. “Власти начали широкомасштабное наступление на оппозицию, – констатировал “МК”. – Война ведётся по всем направлениям” (“МК”, 28.06.2012).

Первые столкновения – увы, это не метафора – произошли 6 мая. О них много писали и даже кричали – с той и другой стороны.

Не буду пытаться воспроизвести дышащий взаимной ненавистью контент. Обращусь к свидетельству эксперта в области дорожного движения Михаила Блинкина. Без уточнений специалиста трудно разобраться, что же на самом деле произошло на выходе с Малого Каменного моста.

Выступая на слушаниях, организованных Общественной палатой, эксперт пояснил: “Полиция сама спровоцировала беспорядки, когда решила развернуть плотный пешеходный поток на 90 градусов вправо... Это просто невозможно сделать, началась давка” (“Коммерсантъ”, 16.05.2012).

Являлись ли действия полиции преднамеренными? Тут придётся сослаться на заявление участника событий – депутата Госдумы И. Пономарёва, одного из организаторов митинга. В беседе с журналистом Д. Губиным на телеканале “Совершенно секретно” (27.05.2012) он утверждал, что полиция нарушила соглашение с оргкомитетом и перенесла оцепление на 100 метров ближе к мосту. В результате людской поток шириной сорок метров на повороте должен был ужаться до двадцати.

Насколько мне известно, эти технические детали, имеющие немаловажное значение для объективного анализа произошедшего, правоохранители не оспаривали.

Сдавленный поток забурлил. Толпа, где было немало пожилых людей, а также семей с детьми, которые могли пострадать в толчее, вступила в пререкания с полицейскими. И вдруг в оцепление полетели куски асфальта, будто специально нагромождённые неподалёку.

Кто выступил застрельщиком, не прояснено до сих пор. О возможных провокациях предупреждали ещё накануне. 4 мая Сергей Удальцов сказал корреспонденту “МК”: “Совсем недавно я обнаружил, что в интернете появилось много “троллей”, которые уже после согласования акции (московские власти долго не давали разрешения на митинг, что накалило обстановку. – А. К.) призывают 6 мая штурмовать Кремль, идти на Манежную”. Оппозиционер подчеркнул: “Очевидно, что это провокаторы... У меня складывается впечатление, что многие работают по заказу властей” (“МК”, 05.05.2012).

Есть и прямые свидетельства участия провластных структур. Депутат И. Пономарёв утверждал: "... Мы при помощи фотографий идентифицировали людей из движения "Наши", которые кидали камни" ("МК", 22.06.2012).

К слову, нечто похожее происходило на Манежной в декабре 2010 года, когда молодёжь, возмущённая тем, что следователи отпустили убийц Е. Свиридова, вышла на площадь. Я писал об этом в "Нашем современнике" (№ 1, 2011).

Не исключено, что бесчинствовали и переодетые силовики. Председатель профсоюза сотрудников столичной полиции М. Пашкин привёл слова своих коллег, стоявших в оцеплении: "6 мая притащили сверхактивного оппозиционера. Потом выпустили – показал удостоверение сотрудника" (echo.msk.ru/blog/pashkin/892098-echo).

Проверить эти сведения невозможно. Впрочем, оппозиционеры не исключают того, что среди "метателей" могли быть и несогласные. И. Пономарёв, в частности, упоминал "радикальных анархистов" ("МК", 22.06.2012).

Воспользовавшись инцидентом, полиция действовала предельно жёстко. "Били зверски", – отметил депутат-оппозиционер Д. Гудков ("МК", 10.05.2012). По данным пресс-службы ГУ МВД по Москве, было задержано 436 человек (там же).

Прокремлёвская общественность заходила в ярости. Небезызвестная К. Потупчик писала: "Организаторы Марша запятали свои белые ленты кровью" (Бегающая строка, "Коммерсантъ ТВ", 07.05.2012).

Кровь, замечу, не пролилась. Хотя пострадали 29 правоохранителей ("МК", 10.05.2012). Избитых демонстрантов никто не считал.

В интернете раздался призывы примерно наказать участников митинга. "Зачинщики и участники беспорядков должны быть арестованы", – писал некто Пятницкий (Бегающая строка, "Коммерсантъ ТВ", 07.05.2012). "Должны получить реальные сроки", – вторил ему другой блогер (там же).

Насколько правомерна эта реакция? Разумеется, противоправные действия достойны осуждения. Хотя те, кто без всякой причины получил полицейской дубиной по голове – а их было немало, – на мой взгляд, имеют право на отпор. Любопытно, что с такой точкой зрения солидаризовались судьи Верховного суда РФ. В прессе появились сообщения о постановлении пленума ВС, разрешающего гражданам сопротивляться в случае неправомерного применения силы полицией ("МК", 29.06.2012)*.

Как бы то ни было, ничего "потрясающего устои" демонстранты не совершили. Тяжкого ущерба здоровью силовиков не причинили. Не разбили ни одной витрины кинотеатра "Ударник". Не сожгли ни один из припаркованных поблизости автомобилей.

Столкновения 6 мая укладываются в стандартную схему протестных выступлений, которая сложилась в современной Европе, где власти без истерики ищут баланс между свободой собраний и общественным порядком.

В тот же день, 6 мая, в Бонне произошли столкновения мусульман и неонацистов. Досталось и полиции, пытавшейся встать между ними ("Новости", Евроньюс, 07.05.2012). 11 мая в Неаполе и Риме протестующие напали на здания агентств по сбору налогов ("Коммерсантъ ТВ", 12.05.2012). Причиной стало самоубийство итальянца, у которого не было денег, чтобы заплатить мытарям. В Риме участники акции взорвали три бомбы. В Чикаго 20 мая перед саммитом НАТО демонстранты схлестнулись с полицией. Четыре правоохранителя ранены ("Новости", РБК, 21.05.2012). 2 июня в Гамбурге левачи напали на шествие неонацистов. Полиция пыталась предотвратить потасовку. В результате пострадали 38 стражей порядка, сожжено 10 полицейских машин, материальный ущерб составил 1,5 млн евро ("Независимая газета", 04.06.2012).

Все эти сообщения проходили даже не вторым – третьим планом. Никто не считал их чем-то необыкновенным: рутинные издержки свободы шествий. Можно спорить с таким подходом, обвинять западные государства в излишней мягкотелости, потакании уличной агрессии. Однако статистика показывает, что защищённость законопослушных граждан на Западе выше, чем в России. И мы видели, что в случае действительно серьёзных беспорядков, произошедших в Лондоне два года назад, полиция, а затем

* В окончательную версию постановления это положение, увы, не попало.

и суды действовали жёстко. Видимо, это и есть разумная норма: резкий отпор погромщикам и известная снисходительность к любителям побуждать на миру.

Если сравнить инцидент на Болотной с западными, придётся признать, что у нас демонстранты действовали куда сдержаннее. Это подчеркнул уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин: “Как бы ни относиться к событиям, развернувшимся 6 мая 2012 года на Болотной площади, мой долг состоит в том, чтобы зафиксировать: они не были массовыми беспорядками” (“Независимая газета”, 02.06.2012).

Между тем, власти раздули происшествие до размеров чуть ли не путча. К расследованию привлекли 160 сотрудников СК со всей страны (“МК”, 21.06.2012). В разработке оказалось около 600 человек (“Независимая газета”, 19.06.2012).

Такая реакция не случайна. Пытались решить сразу несколько задач. Скомпрометировать несогласных, представить их “опасными экстремистами”. Подготовить почву для зачистки Москвы перед инаугурацией В. Путина. “Выбить” из задержанных компромат на лидеров протеста. Корреспондент “МК” Юлия Калинина поясняла: “Тактика такая... Любыми путями закрыть человека в СИЗО – зачастую абсолютно противозаконно, без оснований – и там вымучивать из него “имена, пароли, явки” (“МК”, 21.06.2012). **И наконец создать благоприятный фон для принятия драконовских поправок в закон о митингах.**

Решить первую задачу удалось. 7 и 8 мая потенциальных “смутьянов” задерживали не только на улицах, но и в кафе (история с опрокидыванием столов в “Жан-Жак” стала частью современного московского фольклора). 7 мая Путин ехал в Кремль по безлюдному городу.

С “вымучиванием” компромата до сих пор ничего не вышло. Арестованные держатся, хотя некоторые из них – большие-хроники, и пребывание в СИЗО представляет угрозу их здоровью.

Не дождавшись “паролей и явок”, власть нанесла второй удар. 11 июня в квартирах А. Навального, С. Удальцова, координатора “Левого фронта” А. Сахнина, помощника депутата Пономарёва М. Бароновой и К. Собчак провели обыски. О том, как они проходили, свидетельствуют фотографии разгромленной квартиры Навального, выложенные в интернете. Цели прозрачны – запугать, попытаться извлечь компромат из “вещдоков”, лишиться оппозицию финансирования: у К. Собчак изъяли крупную сумму в валюте.

Между прочим, если в Кремле и впрямь полагают, будто протестующие выходят на улицы из-за денег, то случай с изъятой валютой должен показать, что это не так. Протест бескорыстен. О конфискованных полутора миллионах СМИ раструбили накануне шествия 12 июня. Если бы манифестанты рассчитывали на мзду, они бы не пришли. Однако на Пушкинскую вышло даже больше людей, чем обычно!

Не удалось и запугать лидеров. Тогда в дело вступил УК. Это третий удар, нанесённый сверху.

5 июля глава Следственного комитета А. Бастрыкин, выступая перед сотрудниками, обрушился на следователей из Кировской области, закрывших давнее уголовное дело против А. Навального. Он обвинялся в том, что в 2009–10 годах, будучи общественным помощником губернатора области Н. Белых, “вынудил” директора ГУП “Кировлес” “заключить невыгодный договор на поставку древесины” (“Коммерсантъ”, 29.08.2012). Расследование проводилось в течение года и не выявило состава преступления.

Бастрыкин негодовал: “У вас было уголовное дело против этого человека, и вы его втихаря прекратили!” (там же). Тут главный следователь погрешил против истины. Даже если бы кировчане хотели закрыть дело “втихаря”, это у них не вышло бы. Навальный – фигура такого масштаба, что всё с ним связанное тут же получает огласку. СМИ активно комментировали благоприятный для блогера исход дела, и Бастрыкин не мог не знать о решении подчинённых.

Почему же давнюю историю потребовалось поднять вновь? Потому что за это время Навальный из блогера стал политиком. И не просто политиком – известным оппозиционером.

Вновь открытое уголовное дело позволяет оказывать на Навального постоянное давление. В частности, “вести наружное наблюдение, прослушивать телефон и изымать любые документы” (“Коммерсантъ”, 29.08.2012).

У Бастрыкина есть и личный повод поквитаться с Навальным. В июле тот обвинил следователя во владении бизнесом за рубежом (в Чехии), что запрещено законом.

Не является ли пристальное внимание Бастрыкина к провинциальному делу проявлением пресловутого “конфликта интересов”? Власть таким вопросом предпочитает не заморачиваться. А вот отношениями А. Навального с губернатором Н. Белых она заинтересовалась.

Летом электронная почта оппозиционера была взломана. Ответственность взял на себя хакер с претенциозным именем “Хелл” (ад). Сам Навальный считает, что это дело рук следователей, изъявших его компьютер во время обыска 11 июня. Якобы сыскари воспользовались чужим “ником”, чтобы обнародовать старую переписку блогера с кировским губернатором. Ничего криминального в ней нет, но отдельные “тёмные” места обнаруживаются. Что, согласитесь, характерно для личной переписки давних знакомых.

Однако член Совета Федерации Руслан Гаттаров, известный оппонент несогласных, обратился в Генпрокуратуру с просьбой проверить содержание выкраденной переписки. Депутат Госдумы от “Единой России” Михаил Маркелов пошёл ещё дальше. Он дал протокольное поручение Комитету по конституционному законодательству “проработать возможность отстранения кировского губернатора Никиты Белых от должности именно на основании данных из добытой хакером переписки” (“МК”, 06.07.2012).

Даром, что ни Госдума, ни тем более её комитет не имеют полномочий назначать или снимать губернатора. Даром, что материалы краденые. Депутаты знают, что делают: поднятый шум призван создать вокруг Навального выжженную зону. Любому следует уразуметь: с ним нельзя поддерживать контакты.

Но и этого неумным преследователям мало! На исходе августа СК провёл обыск на подмосковной фабрике по лозоплетению, принадлежащей родителям Навального (“Коммерсантъ”, 29.08.2012). Что уж хотели найти в плетёных игрушках – неведомо. Но то, что это способ постоянно держать неугодного и его близких “на нервах”, несомненно.

Да простит мне читатель такое внимание к злключениям Алексея Навального. Это лишь отражение, причём далеко не всеобъемлющее, жгучего административного интереса, который власть проявляет к автору термина “партия жуликов и воров”.

С Сергеем Удальцовым сложнее. Этот аскет, постоянно перекочёвывающий с митингов в СИЗО и обратно, кажется, вообще никакой собственности не имеет. Зашли с другой стороны! 27 июня суд в Ульяновске приговорил оппозиционера к 240 часам обязательных работ, признав его виновным в “избиении активистки “Молодой гвардии” (“Коммерсантъ”, 28.06.2012).

Сообщая об этом, газета пересказывает суть дела. Барышня из проправительственной организации подошла к Удальцову на митинге против базы НАТО в Ульяновске и стала задавать вопросы, снимая на телефон. Удальцов попросил её отойти, а затем закрыл камеру рукой. Активистка утверждает, что после этого она “получила закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение мозга и ушиб мягких тканей головы” (там же).

Обвинение сомнительное, если учесть, что всё происходило на людях. Сомнения усиливает видеозапись, на которой заявительница “радостно прыгает после якобы удара Удальцова”, а на её лице “не видно никаких повреждений” (там же). Адвокаты оппозиционера просили приобщить видеозапись к делу, но судья отказала (там же).

Показательную экзекуцию устроили Геннадия Гудкову. Его предпринимательской деятельностью (её нельзя совмещать с парламентской) заинтересовались СК и Генпрокуратура разом. Ю. Чайка прислал в Госдуму официальное письмо с предложением лишить Гудкова депутатского мандата. И хотя само предложение было незаконным (генпрокурор может просить лишь о снятии неприкосновенности), а “изобличающий” Гудкова документ сомнительным (подлинность его подписи не проверяли*), после скоропалительного обсуждения оппозиционера лишили мандата.

* “МК”, 15.09.2012.

Соратники Г. Гудкова по “Справедливой России” пачками публикуют сведения о бизнесе депутатов-единороссов – куда более масштабном, чем у него. Обнаружилось, что проблемы есть даже у главы Комитета по депутатской этике Владимира Пехтина. “Наш комиссар по этике увяз по самые помидоры”, – не слишком почтительно, зато образно, выразился И. Пономарёв (“МК”, 31.08.2012).

Но покарали только оппозиционера.

Впрочем, каждая из перечисленных историй – частный случай. Конечно, и случаем можно ловко распорядиться, чтобы создать массу проблем неудобному. Но совсем другое дело – закон, разом ставящий внесистемную оппозицию вне правового поля.

Летом 2012 года Федеральное собрание приняло несколько запретительных законов, призванных существенно ограничить протестную активность. Это поправки к закону о митингах, закон о клевете. На очереди законопроекты, запрещающие критику судей и приравнивающие хакерские атаки на государственные интернет-сайты к “попытке захвата органов власти” (“Независимая газета”, 27.08.2012).

Принимали наспех, с нарушением процедур. “В состоянии социально-политического ажиотажа”, – как деликатно выразилась бывшая судья Конституционного суда Т. Морщакова (“Независимая газета”, 04.06.2012). Поправки не разослали в регионы, хотя часть из них относится к так называемому “совместному ведению” и требует заключений с мест. Из-за спешки в текст попали нелепые формулировки: запрещается “массовое одновременное пребывание и передвижение граждан” (цит. по: “МК”, 07.06.2012). Как теперь ходить по улицам, не нарушая закон? Полпреду президента в Совете Федерации пришлось специально разъяснять: “Вы вправе собираться и идти куда угодно (ну, спасибо, разрешил! – А. К.), если это не является политическим мероприятием” (“МК”, 07.06.2012).

Лидер “Справедливой России” С. Миронов назвал поправки “законом о затыкании рта” (newsru.com/russia/06jun2012/twitterzak.html). Эксперты охарактеризовали их как “правовое безумие” (“Независимая газета”, 04.06.2012).

Широкой публике эти юридические препирательства не слишком интересны. Но представьте конкретную ситуацию – в неё может попасть каждый. Вас увольняют с работы, несправедливо, на ваш взгляд. Вы выступаете с обвинениями в адрес руководства. И тут же напарываетесь на закон о клевете. Чем подтвердите обвинения? За голословные – пожалуйте, в тюрьму.

Та же ситуация, если боретесь с “точной” застройкой: слово против застройщика – клевета! То же с экологами. Ну, а журналисту, особенно если он пишет о коррупции, или о международных отношениях, или на любую другую острую тему, впору сразу вешать на грудь табличку “Клеветник”.

Допустим, ваши товарищи решили вас поддержать (ситуация в нынешней РФ труднопредставимая, но в том-то и дело, что она начинает меняться). Люди выходят на митинг. “Кто разрешил?!” За участие в несанкционированном митинге, по новому закону, полагается штраф – до 300 тысяч для физических лиц и до 1 млн для юридических. У ваших друзей есть такие деньги? Они возмущаются, критикуют судью. Пока могут. Закон, запрещающий такую критику, ещё не принят. Но кто помешает принять!

Существенное уточнение: ужесточение законодательства проведено голосами единороссов. Помните, после выборов 4 декабря, которые несогласные назвали “нечестными”, многие говорили: да какая разница, как их избрали! Меня это “не колышет”. Но депутаты, получившие мандаты под свист оппозиции, утёрлись от “клеветы”, обжились на новых-старых местах да и на принимали законы, способные “колыхнуть” каждого.

А что вы хотели? “Если ты не занимаешься политикой, политика займётся тобой”.

И всё-таки несогласные выстояли! После Марша 12 июня аналитики отмечали: “...Протестное движение вопреки прогнозам и чьим-то надеждам, что это невсерьёз и ненадолго, стало устойчивым фактором политической жизни” (“Ведомости”, 13.06.2012).

Произошли серьёзные изменения в сознании общества, во всяком случае, его наиболее активной части. Люди поборолли страх. “Автозак – это реально нестрашно”, – приводят журналисты слова девушки, задержанной 6 мая (“МК”, 17.05.2012). И это не пустое бодрчество. По данным экспресс-исследования известного социолога Ольги Крыштановской, проведённого у памятника Абаю, “15% опрошенных признали, что они так или иначе пострадали от действий правоохранительных органов” (там же). Но это не заставило их отсиживаться по домам.

“Сегодня протестующими преодолён психологический порог”, – констатировали эксперты (“Независимая газета”, 05.06.2012).

Раскрепощение сознания придало акциям оппозиции черты праздника, карнавала. Озорные “народные гулянья”, каждодневно проводившиеся в мае, “прогулки” писателей и художников, вылившиеся в многотысячные шествия, – таков был в е с ё л ы й, а потому п о б е д и т е л ь н ы й ответ на политику “закручивания гаек”.

Но грош цена была бы движению, если бы его участники только пели и “прогуливались”. За праздничным фасадом все эти месяцы шла напряжённая внутренняя работа. В результате протестующие сменили и лидеров и лозунги.

Изменения зафиксировал летний опрос ВЦИОМа: “В феврале наибольшее уважение и симпатию у респондентов вызывал Григорий Явлинский (29%), рейтинг которого теперь снизился до 4%. Лидирующую позицию занял Алексей Навальный, получивший поддержку 46% (в феврале 18%), за ним следует Сергей Удальцов (26%) и Илья Яшин (10%)” (“Коммерсантъ”, 28.06.2012).

Это результат не столько стихийного порыва, сколько вполне осознанного выбора. Протестующие разочаровались в либералах – Г. Явлинском, Б. Немцове, В. Рыжкове. Оппозиционный депутат Илья Пономарёв прямо сказал, что в составе координационного совета, отвечающего за проведение митингов, не должно быть политиков, “которые несут заряд 1990-х” (newsru.com/russia/14jun2012/protestscenario.html).

Скажут: “А как же нам Немцова по телевизору показывают?” В том-то и дело, что либеральные СМИ “нам показывают”, а фактически на в я з ы в а ю т потерявшего поддержку улицы политика. А мы своими аханиями: “Немцов, Немцов” включаемся в их игру, придавая Борису Ефимовичу вес, которого на самом деле у него давно уже нет.

Новые лидеры, прежде всего С. Удальцов, выдвинули социальные лозунги. В резолюции сентябрьского митинга включены требования “замораживания тарифов ЖКХ до проведения общественного аудита, прекращения развала пенсионной системы, увеличения расходов на здравоохранение и образование за счёт сокращения чиновников и репрессивного аппарата, а также возвращения права на забастовки и независимые профсоюзы” (“Независимая газета”, 14.09.2012).

Особо подчеркнут – Удальцов представляется мне чрезвычайно перспективной фигурой. И не только как предводитель протестующей улицы. Наблюдатели отмечают “спрос региональных руководителей КПРФ на Удальцова, которого пытаются сделать неофициальным публичным лицом Компартии” (“Независимая газета”, 21.08.2012). Убеждён – этот волевой, устремлённый человек мог бы удачно дополнить опытного Г. Зюганова в руководстве КПРФ. Более того, объединить потенциал уличной и думской оппозиции.

Трансформация протестного движения заметна и в лозунгах последних митингов. “Россия без буржуев”, – кричал в мегафон Удальцов, идя во главе колонны левых сил. Анархисты подхватывали: “Капитализм – не пройдёт!”

Атмосферу характеризует забавный эпизод. В конце колонны анархистов пристроилась небольшая группа носатых как на подбор граждан. Дождавшись, пока красно-чёрные отошли на приличное расстояние, предводитель вполголоса произнёс: “Ну что же, начнём, пока никто не слышит”. И группа стала скандировать: “Предприниматель не скотина! Предприниматель не скотина!”

Даже посочувствовать можно: бизнес вынужден оправдываться. А давно ли глядел победителем! Лично я ничего не имею против ч е с т н ы х предпринимателей. Но оправдания в любом случае красят человека: совестливее будет.

Левый крен движения не по душе его либеральной части. Им милее Немцов и лозунги вроде “Россия будет свободной”. Они тоже звучали во время

шествия, но на фоне социальной конкретики левых воспринимались как абстрактные.

Что же до лидеров, то сторонникам “Демвыбора” и “Яблока” следовало бы помнить слова едва ли не самого глубокого современного либерального мыслителя Дмитрия Фурмана. Незадолго до смерти он опубликовал в “НГ” статью, где рассматривал возможность возвращения политиков типа Немцова. Философ озаглавил её “Плохой сценарий”. Фурман писал: “...Они пришли в 1991 году к власти и затем тщательно и последовательно затаптывали все ростки демократии... И если в результате кризиса теперешней системы к власти придут люди с психологией, моралью и кругозором демократов 1991 года, это будет означать, что всё может повториться” (“Независимая газета”, 09.06.2010).

Полевение движения не привело к утрате многоцветия. Рядом со сторонниками С. Удальцова шагают русские националисты. Да, были и споры и даже ссоры (впрочем, не с левыми, а с либералами), но сегодня они снова вместе. Над толпой звучит: “Русский порядок на русской земле”.

Для националистов массовые выступления, начавшиеся в минувшем декабре, стали пропуском в реальную политику. До этого им дозволялось маршировать лишь на окраинах Москвы. И такое же место на отшибе они занимали в политической жизни. Если качественная печать и освещала их митинги, то писала о них как о сходках каких-то варваров. Так-то россиянская элита относится к русскому народу! Однако широкие протесты выдвинули националистов вперед.

Их лидер А. Навальный стал самым популярным представителем протестного движения. И хотя мне в его речах не хватает определённости, той прямоты, которая присуща “старым” националистам – Д. Дёмушкину и А. Белову, люди слушают его, затаив дыхание.

Любопытный эксперимент провели сотрудники Центра стратегических разработок. Они предъявили респондентам 15 роликов с речами политиков. Имен не называли, чтобы исключить давление авторитета или предубеждений. Оценивая выступления, люди поставили ведущих политиков “Единой России” в конце списка, а на первое место – Алексея Навального (“МК”, 27.06.2012).

Для меня, человека верующего, значимо участие в движении православных. Власть и её пропагандистская машина пытаются убедить общественность в том, что верующие – поголовно лоялисты, верноподданные. Народ намеренно раскалывают на “наших” с Поклонной, всегда и во всём поддерживающих “верхи”, и “ненаших”, этаких отщепенцев, противостоящих не только правительству, но и русской духовной традиции.

Опасная игра. Она может обернуться гражданской войной.

Но посмотрите, сколько флагов с ликом Спаса реют над площадями. Николай Шабуров, руководитель Центра изучения религий РГГУ, подчёркивает: “Немалое количество верующих, в том числе и молодых людей, участвуют в протестном движении” (“НГ-Религии”, 05.09.2012).

В либеральной среде перегруппировка сил в рядах несогласных вызывает острую неприязнь. До поры ограничивались разговорами между собой, где “первую Болотную” отделяли от последующих акций. Но Марш 15 сентября заставил не только высказаться публично – принять организационные решения.

“Яблоко” и сторонники Прохорова объявили, что участия в нём не примут. Что сказалось на численности: сентябрьское шествие, несмотря на впечатляющий масштаб, всё же существенно уступало июньскому. Оценки, как всегда, разнятся, но журналисты насчитали от 30 до 50 тысяч участников (“Независимая газета”, 17.09.2012). И тут же с мстительным торжеством указали на потери левым. “Болотники ошиблись с массовой”, “Креативный класс проигнорировал субботний марш”, – кричали заголовки в “НГ” (там же).

Авторы обильно цитировали идеологов либеральной тусовки. Высказывание Б. Акунина в блоге “Эха Москвы” о том, что “митинговая стилистика себя изжила”, и заявление Ю. Латыниной в эфире той же радиостанции: “Они (“креативный класс” – А. К.) не хотят до десяти слушать Удальцова, у них есть дела поважнее. И если эти дела поважнее включают в себя поход в фитнес-центр, то, извините, так тому и быть” (“Независимая газета”, 17.09.2012).

О тех, кому фитнес-центр дороже, не стоит сожалеть. Но их отсутствие следует компенсировать привлечением новых участников. Тех, чьи социальные интересы вызвались защищать сторонники Удальцова. Их круг потенциально столь широк, что мог бы с лихвой перекрыть отток самовлюблённых “креативщиков”. Но, как это бывает на Руси, “своя своих не познаша”. Пока о недостатке людей говорить не приходится. Однако проблема привлечения сторонников поставлена в повестку дня.

Широкая публика до сих пор убеждена, что митинги несогласных представляют собой великосветский междусобойчик с участием таких персонажей, как Собчак и Касьянов. Пропаганда в сто глоток убеждает в этом. Причём не только официальная – тут всё ясно. Не менее тенденциозны те, кто претендует на “объективность”, высказываются от имени “простых людей”.

Показательна статья некоего Игоря Малышева. “Ни Акунину, ни Навальному нет ни малейшего дела до страны. – заявляет он. – До миллионов бездомных и беспризорных. До ВПК и армии. До промышленности и сельского хозяйства” (“МК”, 02.06.2012).

Так и хочется сказать обличителю: разуй глаза! Акунина давно уже нет среди лидеров несогласных. Тогда как Навальный и Удальцов на первый план выдвигают именно социальные вопросы.

Да и что это за приём: обвинять в развале ВПК и армии активистов гражданского движения, не обладающих и толикой властных полномочий. Попробовали бы они сунуться на какой-нибудь закрытый завод или в военную часть! Элементарная порядочность требует спрашивать за состояние оборонки и вооружённых сил с власти.

Ну ладно, безвестные авторы, возможно, они не дорожат своим именем. Но как может Никита Кричевский заявлять: “Лидеры оппозиции говорят обо всём, кроме реальных проблем страны” (“МК”, 06.09.2012). Почему Станислав Белковский позволяет себе в конце лета безапелляционно утверждать: “Политическая осень (разрядка моя. – А. К.)... профукана” (“МК”, 31.08.2012). Откуда это ему неизвестно? В августе осень ещё не началась.

Критики несогласных выглядели убедительно до тех пор, пока не выявились приоритеты движения. Бориса Немцова и я бы раздраконил за милую душу! Но когда в либерализме обвиняют активистов “Левого фронта”, это заставляет усомниться в объективности и даже в адекватности “строгих судей”.

Скажу и о некоторых коллегах из левопатриотических изданий. Мне непонятна логика, толкнувшая их в лагерь противников Удальцова и сторонников Путина. Вместо того чтобы бросить силы на углубление антибуржуазного тренда, они из месяца в месяц мусолят тезис официальной пропаганды об “опасности оранжевой революции”. Сегодня, после того как Немцов и Рыжков оттеснены от руководства, ясно, что “оранжевая угроза” окончательно превратилась в миф. Что же касается форм политической борьбы, то с каких это пор, товарищи, вас пугают революции?

Пришло время для классического вопроса: с кем вы, мастера культуры? С буржуазным правительством, где что либералы, что “государственники” – сторонники капиталистического пути развития, который превратил Россию в сырьевой припадок Запада. Или с лидером “Левого фронта”, возглавившим уличный протест?

Под статью критикам и мнимые сочувствующие. Они упрекают несогласных, что те до сих пор не объединились в политическую партию. Дескать, создайте партию – и все проблемы, в том числе вопрос о смене власти, решатся чуть ли не сами собой.

Справедливы ли упрёки?

Как сформировать партию из столь разнородных политических течений? Директор Института национальной стратегии М. Ремизов резонно заметил: “До тех пор, пока в одном “антипутинском котле” варятся либералы, националисты, анархисты и коммунисты, трудно ожидать возникновения нового серьёзного политического субъекта” (newsru.com/russia/14jun2012/protestscenario.html).

Политическая неоднородность не единственное препятствие к объединению. Политолог А. Рябов выделил в движении три течения. “Одно из них,

только набирающее силу... ставит во главу угла социально-экономические требования... Второе – политическое. Его участников не устраивает отсутствие в российской политике реальной конкуренции, выборы с заранее известным результатом, фактически несменяемая власть. И, наконец, третье... движение за человеческое достоинство” (“Ведомости”, 13.06.2012).

Ну и как вы предлагаете свести всё это к единому партийному знаменателю?

Завышенные ожидания общества – свидетельство его собственной незрелости. Значительная его часть по-прежнему ожидает, что кто-то со стороны волшебным образом решит его проблемы. Правда, теперь надежды начинают связывать не столько с правительством, сколько с его оппонентами.

Мгновенный приход к власти – и вовсе из области фантастики. Несогласным не раз ставили в пример Махатму Ганди. Забывая, что духовный лидер Индии шёл к цели три десятка лет. Первые антиколониальные выступления он организовал в 1919 году, а независимость страна обрела в 1947-м. (Полонская Л. Махатма Ганди: смысл жизни. – “Новая и новейшая история”, № 4, 1991).

Нет уж, если спрашивать, то с себя. До тех пор, пока на избирательные участки будут приходиться 17%, как в Омске нынешним летом, и половина из них станет голосовать за кандидата “Единой России”, смена власти невозможна.

Так что же, правы те, кто утверждает, будто протесты ничего не дали? Ни в коем случае!

Они дали то, что могли. Коренным образом изменили атмосферу. Одним из первых это почувствовал опытный Г. Павловский: “Всё это полностью изменило политический климат в стране – вся структура на месте, а мифология власти (разрядка моя. – А. К.) оказалась разрушена” (“Независимая газета”, 12.03.2012).

Мифология, или, на современный лад, харизматичность власти имеет огромное значение в России. Руководителям государства могут многое ставить в вину, их могут не любить, но обычно это нисколько не меняет почти сакрального отношения к ним. Каждый правитель – нынешние “демократы”, большевики, цари – стремится прежде всего добиться такого отношения. Когда не удавалось (Василий Шуйский, Пётр III, Павел, Керенский, Горбачёв), это приводило к неизбежному краху.

Выступления несогласных, ответивших на репрессии майским карнавалом, лишили кремлёвскую элиту ореола всемогущества. “Случилось самое худшее для власти – над ней потешаются”, – констатировал “МК” (07.04.2012).

Перемена столь разительна, что её заметили даже из-за рубежа. “Физической силы для поддержания правопорядка у властей больше чем достаточно, – отметил обозреватель ВВС Ховард Эймос. – Но и сама власть, и ОМОН, исполняющий её волю, стали выглядеть смешно” (newsru.com/russia/10may2012/comments.html).

Оппозиционеры, скорее всего интуитивно, нащупали наиболее эффективный ответ слабым на применение силы. Они создали негативный для власти информационный фон. Перевели борьбу в сферу культурных коммуникаций, формирующих общественное сознание.

Ещё в 30-е годы прошлого века о действенности такого метода плодотворно рассуждал Антонио Грамши. Он выдвинул термин “Культурная гегемония” – скорее всего, в расчёте на то, что европейские левые, проигравшие политическую схватку силам реакции (Италия, Германия), смогут сконцентрировать усилия на трансформации культурного поля. Добиться изменения сознания людей, чтобы они приняли идеалы, а затем и политические цели левых и отвергли идеалы правых.

Процесс уже захватывает культурную элиту. На вручении премии “Маска” Кирилл Серебренников заявил: “Эту премию я хотел бы посвятить всем людям, которые борются в России за справедливость. Которые делают это на площадях, сидят за неё в тюрьме, которые за неё голодают. Я уверен, что правда победит ложь, воровство, мрак” (“Коммерсантъ”, 18.04.2012)*.

* К сожалению, получив под начало театр им. Н. Гоголя, Серебренников повёл себя отнюдь не как демократ, о чём много писали. Это не ставит под сомнение справедливость процитированной декларации, но побуждает ещё раз вспомнить о мудром предостережении Д. Фурмана насчёт опасностей, связанных с победой “демократов”.

На другой престижной церемонии – открытии телевизионного конкурса ТЭФИ известный актёр Михаил Ефремов читал сатирические стихи, затрагивающие “национального лидера” – и публика хохотала! Обозреватель “МК” писал об этом с негодованием: “Да, речь шла об их патроне, о президенте великой страны, но теперь над ним положено смеяться. Это мода такая. И обслуживающий власть народ тихо хихикал. Попробовали бы они не засмеяться! Их бы просто не поняла демократическая общественность, они бы сразу стали нулевыми” (“МК”, 28.05.2012).

Знаковая реакция. Что же до возмущения газетчика, то оно заставило меня вспомнить эпизод перестроечного времени. В Москву приехал оркестр из ГДР. То ли Берлинский симфонический, то ли “Гевандхаус”. Открытие гастролей обставили с максимальной помпезностью – с речами выступили советский и немецкий министры культуры.

Наш, не стану называть фамилию, начал с цитат Маркса–Энгельса. Не сообразил, что времена изменились и люди, пришедшие на концерт, не будут слушать идеологическую лабуду. Зал глумливо захлопал, затопал и наконец засмеялся. Начальник советской культуры долго не мог понять, что происходит. А когда понял, обмяк и почти трагически возгласил: “Хорошо ли это, когда смеются над министром?”

Меня, человека иерархии и порядка, будто током ударило! Но выступление министра культуры ГДР позволило найти ответ на вопрос. Ханс Пишнер был не только чиновником высокого ранга, но и выдающимся музыкантом. Он сразу же заговорил о музыке – в высшей степени профессионально. И зал ответил ему не шутовской – настоящей овацией. Тогда я раз и навсегда понял: от насмешек оберегает не ранг, а ум. Другое дело, что ум должен соответствовать рангу. Министр не имеет права быть идиотом.

Трудно не засмеяться, приходится уточнить – с оттенком горечи, когда читаешь о действиях властей, особенно в регионах. Вот заголовки корреспонденций: “Полиция Барнаула решила наказать игрушки, которые устроили “наномитинг” за честные выборы” (newsru.com/russia/25jan2012/toystory_print.html); “В Новосибирске будут судить участников “Поклонения холопов” перед офисом “ЕР” (newsru.com/russia/15jan2012/nsk_print.html). Весёлые перформансы протестующей молодёжи натываются на тугой полицейский кулак.

А разве умнее бесчисленные инициативы единороссов в Думе и Совете Федерации, стесняющие оппозиционеров? Никто не мог нанести столько ущерба власти, как её истовые (вот уж точно – “лоб расшибут”) защитники! Во что они превратили Закон? Разве можно на каждый чих несогласных отвечать ужесточением законодательства? Желаете наказать (хотя умнее было бы договориться!), наказывайте. Статей в УК хватает. Но нельзя использовать законы в качестве отряда быстрого реагирования. Это же – пусть в идеале – вечные максимы, призванные регулировать жизнь государства*.

Несогласные высветили конструктивные недостатки системы, нелепости, а порой и уродства, кроющиеся за пышным фасадом. Это уже немало! С этого начинают ся политические преобразования в стране. Да, всего лишь начинаются, не обещая скорую победу. Обществу следует привыкнуть к тому, что всякие перемены – результат его собственной работы, а серьёзные дела “с маху”, за один день не делаются.

Уличный протест работает не только на разрушение (или очищение – как кому нравится). Он даёт выход энергии людей, думающих о судьбе страны, её будущем. Кто-то оборвёт: “Не так думают!” Тут можно спорить. Но ведь думают! А много ли таких было ещё вчера?

Обратите внимание: большинство лидеров несогласных начинали не как политики. А Навальный прославился разоблачениями коррупционных схем. Е. Чирикова – борьбой за Химкинский лес. Есть и представители движения за права автомобилистов. Люди искали решения конкретных проблем. Что, кстати, развенчивает теорию прокремлёвских конспирологов, именующих их “агентами Госдепа”. Идея строительства платной автотрассы через “зелёные

* Дошло до того, что спикер Госдумы С. Нарышкин вынужден был одёрнуть коллег, напомнив: “...Далеко не всё, что кажется важным с точки зрения общественной морали или партийной идеологии, можно и нужно оформлять федеральными законами” (“Независимая газета”, 12.09.2012).

лёгкие” Химок никакому Госдепу в голову не могла придти! Боролись за насущное и лишь потом обнаружили, что столкнулись с системой.

Это люди различных политических взглядов. То, что объединяет их, лежит в другой плоскости, имеет иную ценность и смысл. Не равнодушные. Это сближает их не только между собой, не только с тысячами участников протестных выступлений, но и с куда более широким кругом. С теми, кто не желает безучастно наблюдать за происходящим в его дворе, городе, Отечестве.

Перед нами новое явление. Примета именно последнего времени. Давно ли всё было “по барабану”, а сегодня – не всё равно.

Сотрудники Института социологии РАН провели исследование на тему “Образ желаемого будущего”. Журналисты афористично перефразировали – “Русская мечта”.

О чём же она? Как и следовало ожидать, наиболее распространённое желание – “жить в достатке” (40%). Но уже второе-третье места наряду со столь же материальным – “иметь хорошее здоровье” – занимает “жить в более справедливо и разумно устроенном (разрядка моя. – А. К.) обществе”. Ещё через пару позиций – “жить интересно, реализовать себя”. Заключает заветную десятку – “быть полезным обществу” (“Московские новости”, 15.06.2012).

Давненько не читали ничего подобного! Трудились адепты рынка, с корнем выпалывая всё идеальное, всё связанное с человеческой взаимопомощью, стремлением к высокой цели. Ан нет, повывезали, как трава из-под асфальта, нерыночные, непрактичные желания: “быть полезным обществу”, “реализовать себя”.

Люди как бы заново открыли, что они – люди. Не биологические особи с набором потребительских нужд, а социальные существа, связанные общественными, согретыми человеческим теплом, связями.

Известный певец Ю. Шевчук ко времени напомнил простую истину: “Человеку мало механического существования: родился, учился, женился, нарожал детей, походил на работу, посмотрел футбол, порыбачил на пенсии, умер. Благополучие – это не смысл жизни... И кухни у нас с кнопками могут быть, и каждый вечер по телевизору – позитив, но это не есть то понимание счастья, о котором мы говорим. Это всего лишь поверхностная, бытовая среда обитания. И многие люди в очередной раз это осознали” (“АиФ”, № 20, 2012).

Из этого “осознания” Шевчук выводит генеалогию нынешних протестов. Но повторю – ими дело не ограничивается. Волна неравнодушных, захватившая общество, приподнявшая его над бездуховно-материальным существованием (“кухня с кнопками”), выносит людей не только на московские площади, но и, к примеру, на заиленные, заваленные обломками улицы Крымска.

В пострадавшем от наводнения городе работали свыше тысячи волонтеров (“Вести-FM”, 15.07.2012). И ещё больше по всей стране собирали помощь, управляли, везли, распределяли её. Впервые движение добровольцев приобрело такой масштаб.

Среди них было немало несогласных: А. Попова, Д. Линделе, И. Пономарёв и др. Это не случайно! Те, кто “заболел” общественными вопросами и нуждами, не делят работу на политическую и бытовую. Для них и та и другая значима как мощь людям.

И столь же закономерен ответ власти на их усилия. Глава Крымска Василий Крутьков не постеснялся обвинить добровольных помощников, которым поручали наиболее грязную и опасную работу, в “дестабилизации обстановки”. По его словам, процитированным “Русской службой новостей”, люди из других регионов России “пытаются породить хаос... есть силы, которые пытаются разжечь, усугубить ситуацию” (top.rbc.ru/society/09/07/2012/658957.shtml).

Понятно, чего опасался Крутьков: приезжие могли рассказать о бездействии местной власти во время наводнения и её неспособности организовать работу после него. “Верхи” – что местные, что федеральные – боятся общественного контроля. К счастью, скрываемая чинушами неприглядная правда вышла наружу, и главу города арестовали.

По-новому реагирует общество и на частную беду. Минувшим летом в поезде Кишинёв–Москва произошёл омерзительный инцидент. Двое “вы-

пивших”, как писали в интернете, молдаван избили русскую беременную женщину и её мать. Якобы мужчинам пришлось слишком долго ждать, “пока эти шлюхи зарубежные переоденутся” (здесь и далее: newsru.com/russia/21aug2012/mold_print.html). Мало того, распоясавшиеся хулиганы пригрозили, что женщины в Москве с “вокзала не выйдут”, так как молдаван придут встречать соотечественники.

Как бы развивалась эта история, если бы атмосфера не изменилась? Женщины утёрлись бы и, сойдя с поезда, пугливо озирались в родном городе.

Полиция? Муж избитой обратился в ОВД на Киевском вокзале, но там, по его словам, заявление не приняли, “так как всё произошло на территории другого государства”.

И тогда он выложил историю в интернет, попросив сочувствующих прийти на вокзал и оградить женщин от угроз. Пришло несколько сотен! А заодно и доблестный ОМОН, который, чтобы не допустить столкновений, задержал молдаван-хулиганов.

Как отмечают эксперты, “социальные сети начинают заменять отсутствующие институты гражданской солидарности” (“Коммерсантъ”, 13.02.2012). Блогеры не только собирают “группы поддержки”, способные защитить людей в трудных ситуациях. Они принимают участие в поисках преступников. Зачастую делая это более оперативно и успешно, чем полиция.

Классическим стал случай, когда интернет-пользователи за несколько часов нашли хулиганов, нападавших на автомобилистов. Правоохранители искали их много дней, с озабоченным видом рассуждая о “недобитках из 90-х”.

Блогеры, объединившись на форуме, вычислили места, где парковались хулиганы, записали номера машин, установили личности владельцев и даже выложили их фото в сетях. “Недобитки из 90-х” оказались молоденькими сынками местных начальников, членов “Единой России” (newsru.com/criminal/03sen2010/blogermclassural_print.html).

Интернетчики раскрывали и куда более серьёзные преступления. Так, во Владивостоке они нашли убийцу девушки (newsru.com/criminal/16sen2010/annabuzilo_print.html).

В те дни СМИ писали: “Власти вынуждены всё чаще реагировать на активные действия российских блогеров... Только за последние месяцы интернет-пользователи провели сразу несколько громких акций. Их итогом стал уход в отставку лидера политсовета “Молодой гвардии” Руслана Гаттарова и его зама Владимира Бурматова, арест членов “банды отпрысков единороссов”, увольнение и возбуждение дела против чиновницы, распорядившейся выбросить на свалку гуманитарную помощь для погорельцев” (newsru.com/russia/09sen2010/scandal_print.html).

История Руслана Гаттарова и Владимира Бурматова, забытая ныне, весьма характерна. Летом 2010 года по всей стране горели леса. МЧС не справлялось, и десятки добровольцев вызвались тушить огонь. С этого и началось движение волонтеров. К кампании решила подключиться прокремлёвская молодёжь.

На сайте воронежского отделения “Единой России” появилась фотография, на которой молодые люди в майках и жилетах с символикой партии в дыму разбирают лесные завалы. Фото иллюстрировало появившуюся 2 августа заметку под заголовком “Воронежские единороссы помогают пострадавшим от пожара”. Далее цитирую: “Как выяснил интернет-пользователь, снимок был сделан два года назад, а дым на нём приделали с помощью фотошопа” (newsru.com/russia/09sen2010/scandal_print.html).

10 августа на сайте “Молодой гвардии “Единой России” были размещены снимки и видеоролик с отчётом об акции “Остановим огонь”. Якобы члены организации “потушили огромную территорию, охваченную огнём, а руководил операцией лично Гаттаров” (там же). Блогеры и на этот раз обнаружили подделку: “... Одежда у ребят, якобы тушивших пожары, чистая, а вокруг них – сухие листья, трава и деревья, не тронутые огнём” (там же).

Лидер политсовета “Молодой гвардии” Руслан Гаттаров ушёл со своего поста. Впрочем, он заявил, что давно принял решение (там же).

Вскоре Гаттаров стал членом Совета Федерации. Бурматов занял место в Государственной Думе. Оба активно участвуют в законодательной и организационной борьбе с несогласными.

Полагаю, именно после таких “рокировочек” блогеры, не занимавшиеся ранее политикой, приняли участие в протестном движении. Не знаю, стал ли “последней каплей” этот случай или какой-то другой. Но несомненно, логика перехода от общественной активности к собственно политической такова. Люди поняли: попытки помочь нынешней власти бесполезны. Её устраивает положение дел, и своих она не сдаёт.

Чтобы устранить частные недостатки, необходимо поменять всю “вертикаль”. Законопослушные оппозиционеры попытались сделать это 4 декабря 2011 года. Что из этого вышло – всем известно.

Меня часто спрашивают: почему я сочувствую протестующим? Друзья, неужели до сих пор не поняли? Сами-то вы среди кого хотели бы жить – среди равнодушных или тех, кто в беде руки не протянет, головы не повернёт? Несогласные привлекают меня тем, что им безразлично происходящее вокруг. Им не всё равно! Такие, при случае, могут помочь и на тёмной улице, и при столкновении с куда более серьёзными опасностями, подстерегающими страну.

Нравнодушные – это мотор любого общества. Особенно они нужны сегодня России. Мы оказались в почти безвыходном положении (я много писал об этом в предыдущих главах, любой специалист подтвердит мои слова). Вырваться можно только за счёт предельного напряжения сил, поистине неординарных решений. А от кого же ждать их, как не от людей, которых волнует происходящее со страной.

По уму, власть должна была сделать всё, чтобы перетянуть их на свою сторону. Привлечь к поиску путей выхода из тупика. Опереться на их заинтересованность и энергию.

Показательно: общество ждёт от власти шагов в этом направлении. По данным “Левада-центра”, “69% респондентов... считают, что Путин должен вступить в диалог с оппозицией” (“Ведомости”, 13.06.2012). Люди, возможно интуитивно, чувствуют: консолидация необходима.

Понятно, как нелегко этого добиться. Особенно, учитывая характер ВВП и то, сколько и чего наговорили обе стороны за последние месяцы. Но столь же очевидно: это было бы благом для страны. И такое развитие не только необходимо – возможно. Вспомним сотрудничество белоленточников с “нашистами” в Крымске.

К несчастью, пока противостояние усиливается.

Но в таком случае хотелось бы знать, на кого собирается опереться Путин при реализации амбициозных планов. Образованные – с оппозицией. Нравнодушные – с оппозицией. Кто же союзники – равнодушные? Такие избиратели, как в Красноярске и Омске, где люди не пришли на участки, дав возможность несколько десяткам тысяч человек решать судьбу городов-миллионников?

Социологи отмечают: “...Достаточно равнодушное и безучастное (разрядка моя. – А. К.) отношение к президенту... и составляет несущую конструкцию режима” (“НГ-политика”, 04.09.2012). А представители творческой богемы рисуют такой образ путинского симпатизанта: “... Это для меня дядька-монтажёр в театре, такой точно за Путина... Ему всё равно” (“Московские новости”, 07.09.2012).

Несмотря на явную шаржированность портрета, он не лишён сходства с выявленным социологами оригиналом. Замдиректора “Левада-центра” А. Гражданкин суммирует данные опросов: его (Путина) база – “люди, которые не хотят перемен, не понимают, зачем нужна свобода, рассматривают её как угрозу своему благополучию” (“Коммерсантъ”, 29.05.2012).

Допустим, такие полезны в день голосования. Но неужели власть всерьёз рассчитывает поднять с ними страну? Вновь подчеркну: сегодня каждому ясно – нужен решительный рывок, мобилизация сил. Прежде всего творческих, интеллектуальных. Упустив образованный средний класс – ведущую силу движения несогласных – администрация заранее обрекает на поражение не только себя – Россию.

И последнее: в протестном движении преобладает молодёжь. Согласно исследованию, проведённому Центром изучения элит Института социоло-

гии РАН, более половины участников митингов – люди до тридцати (“Независимая газета”, 14.05.2012).

Как бы ни относиться к данной возрастной группе, это – будущее страны. Они придут в КБ, где станут разрабатывать новое русское оружие и прорывные технологии. Они займут место у сложнейших станков, переводя чертежи в металл. Случись война – им защищать страну. И сколь бы долго ни собирался Владимир Владимирович удерживать власть, ему и его поколению рано или поздно придётся передать её нынешним молодым.

Так какой же безумец станет противопоставлять себя молодёжи? Это всё равно что бороться с будущим!

Но именно это и происходит. Новоиспечённый глава департамента молодёжной политики Минобрнауки начал свою деятельность с обличения подопечных: “Да ты ещё ничего толком не попробовал сделать, а уже против” (“Независимая газета”, 22.08.2012). Рьяный чиновник не замечает, что те же слова впору обратить к нему самому.

Опытный А. Ципко пошёл ещё дальше. Он заявил: “Новое поколение разрушает Россию” (“Коммерсантъ-FM”, 17.08.2012).

Остановитесь, Александр Сергеевич! Что же вы предлагаете – “элиминировать” молодёжь?!

Хотя по-своему Ципко прав. С самого начала он провозгласил себя сторонником системы, созданной Путиным. По мнению политологов, в её основе лежит негласный договор: власть обеспечивает благосостояние общества, а общество не вмешивается в дела власти.

Экономический кризис, социальные неурядицы, межнациональные столкновения и скандальное поведение партии власти на выборах сломали механизм. И в этом смысле новое поколение действительно оказалось (скорее невольно, чем намеренно) в числе разрушителей. Но не страны – системы.

Ципко как философу полагалось бы знать: системы не вечны. С неизбежностью одна сменяет другую. Я верю: та, что сегодня рождается на площадях Москвы, будет более гуманной, более устойчивой и более продуктивной.

(Окончание следует)

КАПИТОЛИНА КОКШЕНЁВА

ВЫСТОЯВШИЙ

Двадцатый век определил в его судьбе очень многое. И он крепко, по-деревенски, ухватил этот век в своих произведениях. Нет, для Василия Белова это не был “век-волкодав”, но трагедию жизни в нём он ощутил вполне и в полную художественную силу вложил её в своих героев. И всё чаще кажется, что в утешение нынешнему русскому народу писали они – “деревенщики”.

Сейчас, когда Василий Иванович Белов не публикует новых произведений, нам все равно очень важно знать – он рядом. И не стоит делать из него всем удобную “нейтральную фигуру” – его не назовешь ни тишайшим, ни “объективным”, ни теплохладным. Он, узнавший беду безотцовщины и умеющий голодать; он, вкусивший не молока, но духа победы народной в Большой и Великой Отечественной войне; с каждым ударом судьбы становящийся смелее и сильнее – он, Василий Белов, писатель и русский мужик, – из породы выстоявших. Поднявшийся из беды и слез, чистенькой бедности детства и рабочей юности для того большого литературного труда, к которому писатель относится с крестьянской ответственностью, и который по сию пору принято как-то чуть преуменьшать, сомневаться в нем и искать нечто компрометирующее в идеологии его творчества.

Безусловно, литературные хозяйчики XXI века гораздо беспощаднее, чем самые свирепые советские чинуши, которых можно было победить, обмануть, напугать или убедить. Нынешние, они ничего не боятся и гнут вечную свою линию: вот если речь идет о всяческих оппозиционностях “реализма и модернизма”, о всяческих формальных поисках, хоть 20-х годов XX века или нынешних, то эту самую “оппозиционность литературы” будут всячески возводить в перл творения. А вот литературу, которую предъявили нам Василий Белов и Валентин Распутин, Юрий Галкин и Виктор Потанин, Виктор Лихоносов и Владимир Личутин, Борис Агеев и Вера Галактионова, Федор Абрамов и Виктор Астафьев, Василий Шукшин и Александр Яшин, – эту литературу превратить **в оппозиционную России** не удалось, хотя и пытались. Критики доказывали, что Белова и Распутина только потому печатают в других странах и землях, что они-де критикуют “советскую жизнь”, показывая “ужасы деревни”. Как тут не вспомнить про “гордый взор иноплеменный”, который не поймет и не заметит того, что “сквозит и тайно светит” в красоте все той же русской деревни и ее насельников-крестьян.

В лучшем случае о представителях литературы почвенной принято говорить весьма сдержанно, если только не Юрий Любимов или Лев Додин используют их деревенские произведения для своих гордых эстетических целей и общечеловеческих идеологических задач.

Впрочем, и среди, казалось бы, “своих” высказывались похвалы писателю сомнительного нравственного толка. Так, Н. Крылова щедро определила беловскую повесть “Привычное дело” в “золотой фонд русской словесности” на том основании, что содержит она смелый и выстраданный “диагноз российской национальной болезни, имя которой – не преодоленный комплекс рабства”. Нанизывая свои выводы на стержень “обличительного пафоса” произведения, критики договаривались до того, что в “подтексте повести открывается геноцид, ставший “привычным делом”. В общем, Василию Белову нагло навязывался либеральный критицизм, **не имеющий меры в осуждении своей страны**. Белова они помещали в разряд писателей-классиков, “показавших **наготу России**”. Удивляет дубинноголовое и навязчивое “понимание” с кривыми целями, – эти приписывания русскому писателю не естественных, не сродных для него задач: сыну (писателю Белову) априори невозможно показать **наготу матери** – России. Критики повторили древний, ветхозаветный “сюжет” (несмотря на весь материализм своего личного сознания), – сюжет о Хаме, увидевшем наготу отца своего; о Хаме, тем самым (видением, смотрением) положившим начало апостасии, первый этап которой – утрата сыновства. . .

Да что там говорить о других критиках, когда в самой Вологде вышла книга “Вологодские пенаты, или Пятая Вологда” (2008), где некий Анджей Дравич (Польша), приехавший в Вологду, вменяет В. И. Белову падение “в примитивную “глубинкоманию”, в “антиурбанизм и болезненный национализм” (с. 32). Как говорится, приятно “поднять ножку” и отметить рядом с классиком-Беловым. Трудно не вспомнить “европейничанье”, о котором так глубоко писал Данилевский (тоже имеющий непосредственное отношение к Вологде), когда на русскую жизнь и культуру смотрят сквозь “европейские очки” (“рассудку вопреки, наперекор стихиям”), и это как-то особенно заметно в культурной жизни Вологды последних лет. Как, например, отдающее тщеславным и мелким провинциализмом стремление к модным трендам – “фестивалям европейского кино”. . . Впрочем, противники “деревенской литературы”, не желая того, еще и еще раз подтвердили верность направления, давно выбранного русским писателем Василием Беловым, совершенно не обязанным нравиться посетившему Вологду за русский, видимо, счет, исторически неблагодарному поляку. . .

Но что же такого существенного делали они, “деревенщики”, где Белов был и остается фигурой центральной? Да, собственно, одно – преодолевали всякий **разрыв** настоящего с прошлым. И надо прямо сказать, что в 60–80-е годы XX века это преодоление шло с колоссальным воодушевлением. Книги Василия Белова и других писателей издавались грандиозными тиражами, жадно впитывались не только интеллигенцией, но и читающим народом. Он с товарищами вернул литературе национальное измерение, которое критики-законники полагали (“в плане когнитивном, познавательном”) всего лишь неким движением в сторону от монистической и довлеющей “соцреалистической мифологии” к “мифологии почвы”.

В веке XX – трагическом и трудном – эти мучительные разрывы с прошлым происходили дважды. В 1917-м и в 1991-м годах разделились русские и рассклалась русская история. Тогда, в 1917-м, от настоящего с кровью отдирали веру христианскую (“опиум и пережиток прошлого”), а потом громили и пили кровушку дворянства и крестьянства. И это **сошествие русских во ад** Василий Белов отразил в трилогии “Час шестой”, главном своем произведении.

Он писал эту трилогию долго – начал в 1972-м, как раз уже во времена сытые, а завершил в 1998-м, когда родина вновь была варварски и грубо оторвана от собственного прошлого, причем в прошлом всегда выбраковывалось лучшее и лучшие: после падения Российской империи – духовенство, офицерство, крестьянство; после распада империи советской – национальная интеллигенция и русский народ. Конечно, на этот философский вопрос, “почему лучше?”, литература отвечает по-своему. Василий Белов, посвятив “Час шестой” драме коллективизации, не мог быть ни в каком ином месте, кроме как со своими героями. Он писал трилогию **изнутри** крестьянского пространства (крестьянской природно-культурной ойкумены), а потому совершенно не был обязан видеть, что согнанные с земли крестьяне вложили свои силы в грандиозные стройки, в новый тип хозяйствования, который и дал возможность победить именно русскому мужику в невероятной по жестокости и размаху Второй мировой войне (это сделала, в частности, Зоя Прокопьева в талантливом романе “Своим чередом”).

“Кануны”, “Год великого перелома (Хроника начала 30-х годов)” и книга третья “Час шестой (Хроника 1932 года)” не раз были представлены как “памятники” разоренному и замученному русскому крестьянству, как рекем крестьянской жизни и миру-ладу с его навсегда рухнувшей симфонией жизни – укладом, упорядоченностью, повторяемостью идеала и устойчивостью красоты. Мне кажется, что эпический размах повествования, панорамная всеохватность реальности (родовой, психологической, культурно-национальной, социальной, политической в том числе) романа “Час шестой” нам, нынешним, важна прежде всего как имеющая ценностный центр, каковым является для писателя национальный мир в его трагической борьбе с идеей “мировой революции”, требующей обобщения человека до общечеловека; стирающей индивидуальное и особенное как несущественное и “тесное”, как “ограду, пеленки, оболочку куколки, которые надо порвать” (по словам Н. Данилевского), чтобы выйти “из пут национальности... в сферу общечеловеческого”. Это поразительно, но “деревенщички” и до сих пор, в ситуации второго за столетие разрыва времен, оказываются более содержательными для понимания национального мира, чем писатели новейшие и даже талантливейшие из них.

Исходной точкой для Василия Белова было художественное воссоздание той русской правды, что социальный мир, в который время втягивает человека, не может полностью совпадать с национальным миром человека, который изначально и глубже укоренен в нем. За Беловым стояло реальное знание русской крестьянской жизни, воплощенное в его типических героях. Да, он понимал, что коллективизация дала в будущем некий осязаемый результат, как и современная новейшая коллективизация, заключающаяся в монополии больших коллективных производств, вытеснивших крестьянские подворья, тоже способна накормить мир, согнав при этом человека с земли. Белов встал против того, чтобы русская народная культура и национальное мироощущение были сведены к позитивистски-утилитарным и лжерелигиозным задачам (построения “рая земного” сначала в СССР, а потом и во всей Вселенной). Иван Рогов, Павел Пачин-Рогов, дед Никита, мальчишка Сережка Рогов, Евграф Миронов и Данила Пачин, Вера (при всей плотной заселенности трилогии персонами реальными и вымышленными) остаются в повествовании главными фигурами, в коих воплощается все самое чаемое автором, самое его сокровенное. Они – герои **русского склада характера** (с их нравственной стойкостью, бесконечной любовью к земле, с исконным трудолюбием, семейной ответственностью за род и народ). Белов как писатель крепок по преимуществу своими мужиками, но и женский светлый, теплый образ Веры Роговой, жены Павла Пачина-Рогова, чист и ясен, как был ясен образ пушкинской Татьяны. Впрочем, и Катерина из повести “Привычное дело” навсегда останется крестьянским идеалом русской женщины. Оказывается, идеал крестьянский и дворянский не так уж далеко и разошлись.

Удивление и страх, говорит нам богословие, – это есть два орудия, помогающие стирать в человеке образ Божий, который и есть самая настоящая его защита. В тридцатые годы, о которых повествует Белов, первым оружием был страх, сегодня это удивление – мы удивляемся чужим культурным символам и прокалываем себе ноздри, уши, губы; мы удивляемся чужим модам и делаем “какой-то чудный выем” в самых неожиданных местах одежды. Мы удивляемся грязи под видом арт-феминизма, посягающего на устранение пола как “сексуального класса” в не иссякающей борьбе за равноправие то кошельков, то полов. Но откровенные и прикровенные христорборцы в беловском романе не заставили испугаться тех, кто не утратил своего сыновства у Бога. Не утратил потому, что остался сыном своему отцу, как Павел Рогов – герой типический, герой с существенно-русским отношением к жизни (он даже и главного своего врага не погубит, когда тот будет в полной зависимости от его личной воли – русский ТАК побеждать брезгает!).

Павел Рогов и Игнатий Сопронов – противостоят друг другу как два антагониста. Когда все вокруг рушится и меняется без всякой возможности увидеть перспективу, Павел начинает строить мельницу, являющуюся, безусловно, символом русского творческого упрямого дерзания (такие, как он, потом и полетят в космос). Мельница, перемалывающая зерно, – в романе это ещё и символ небесных устремлений человека. Белов настаивает на том, что это стремление “к небу” (к Богу) и есть важнейшее – сущность человека, дух которого принадлежит не “земле”, но “небу”. Игнатий Сопронов, напротив, эн-

тузиаст разрушения русской жизни, станет тем, кто порушит и роговскую мельницу-мечту. Если Павел, как Иван или дед Никита, стоящий строго и просто в своей вере, и даже мальчишка Сережка – даны писателем как личности, то их оппоненты как раз представляют собой вполне сплоченную бригаду “строителей коммунизма”, скрепленную неким новым корпоративным духом изыятия, разъятия на части самой плоти русской крестьянской жизни. С языка так и слетает – строителей нового Вавилона (мирового коммунизма), что, собственно, и есть правда, горьчайшая от того, что среди соблазвившихся были ведь не иноземцы, а тоже русские люди, отрешившиеся от сыновства, приобретшие братоубийственную каинову печать и впавшие в грех почти религиозной веры в возможность обустройства земных дел как небесных.

Василий Белов не любит города. Он понимает и видит, как неизбежно это превращение деревенских – в городских. Иногда он подтрунивает над городскими порядками и нравами довольно мило, все равно всем сердцем переживая за своего деревенского героя (киноповесть “Целуются зори”, “Воспитание по доктору Споку”, “Чок-получок”, “Плотничкие рассказы”). Иногда, напротив, громыхает словами и посылает молнии гнева на горожан, как в романе “Всё впереди”, где сама перспектива (“впереди”) звучит весьма саркастически. О, тут-то, при обращении к городским темам и героям, Василий Белов оказывался один перед литературной стаей критиков, получивших возможность отыгаться сразу за всё: за талант и национальную гордость великоросса. Естественно, “осваивать территорию города” (где были свои “избранные”, как Рыбаков и Трифонов), лезть с “мужицким рылом” в городской калашный ряд было опасно. Белов тут же и получил: критики даже увидели, что у писателя “руки дрожат от злости” (?!), ну и роман “Все впереди”, естественно, был назван “антигородским” с “антиладом, антилюбовью, антигармонией” (Н. Иванова), а авторская позиция была ловко скомпрометирована тем, что носила якобы “черты мещанской растерянности перед движением времени” (ну уж они-то, городские критики, никогда не теряются, сливаясь в экстазе с “движением времени”). Роман был назван образцом мещанской культуры (О. Кучкина). Собственно, много ума не надо, чтобы приписать Белову все эти “анти”. Но вот обвинение в “мещанстве” было, конечно, вполне идеологическим, ставившим большого русского писателя, гордость национальной писательской школы, в один ряд с какой-нибудь городской сплетницей, лузгающей семечки у подъезда и собирающей сплетни о тех, чей “высокий образ” жизни и мысли ей принципиально недоступен. Выйди этот роман сегодня, назван он был бы иначе, много определеннее, ведь “типичный” Бриш и “нетипичный” Медведев – это не просто “герои того времени”, но определяющие борьбу духа и злобы времени сейчас.

Теперь уже нет сомнения, что Василий Белов эту распрю, случившуюся в 1986 году, выиграл. По сути, для Белова город – это центр вавилонской цивилизации, где навсегда потеряна связь с землей, с трудом на земле, с возделыванием земли – хлебопашеством (между тем Господь дал господство над **землю** сынам Божиим). Таким образом, связь человека с землей – это и его отношения с Богом, в которых земля есть нравственный спутник человека. Не будем спорить и доказывать, что город, мол, тоже под пером большого художника открылся нам с какой-то особой стороны. Не открылся – Белов ничего особенно яркого и неизвестного о городе не написал, зато написал существенное. Город больше, чем деревня, привязывает человека к земному и суетному; в городе труднее любить Бога; городу как раз от человека и нужно, чтобы он “человека в себе преодолел”, – тогда уж совсем его ничего не будет ограничивать на пути уподобления зверю. Естество вавилонской цивилизации называется “глобализмом” и “мировыми общечеловеческими ценностями”, которые суть новое кольцо на теле старого змея – мировой революции соблазна. Но понять себя сами они, люди города, уже не могут – поскольку нет у них “центра тяжести”, иссякла вера, нет богообщения, атрофировано мышление символическое и чувство этическое. . . Да, в такой картине есть некий вавилонско-городской “концентрат”, но он ли содержит много правды? Правды взгляда не столько из дня сегодняшнего, сколько взгляда сверху – с позиций вечности. А поскольку в России весь XX век город всегда жил богаче, ярче и лукавее, чем деревня; сорил деньгами, проедал и пропивал без усталости добываемое все той же “деревней”, мобилизованной на стройки

века, – то можно и понять оторопь, что берет писателя при виде “бесстрашной независимости” городского человека от всего отеческого, и его антипатию к городу, и его нескрываемое отрицание принципа пользы, извлекаемой человеками из человеков...

Крещенный в младенчестве в церкви деревни Артемовской, он, будто отдавая долг этой своей ранней и сокровенно сохраняющей причастности Христу, проявит свое боголюбие еще и тем, что в возрасте шестидесяти лет начнет восстановление Никольской церкви вблизи родной Тимонихи и приведет в божеский вид скромное сельское кладбище, где вечный покой обрели его мама и бабушка. Смелый и прямолинейный в своих взглядах (русский богатырь ходит прямо, а Каин не выносит прямого взгляда), Василий Белов смог воплотить в своем творчестве то, что “больше ума”, – “сверхумное”, что наличествует в русской жизни и само по себе больше слова, не исчерпывается словом, но только через слова в речи, через какой-то заповедный их подбор и может найти путь в реальный мир для объяснения и предъявления себя. Я говорю о русском духе, который живет в книгах Василия Белова. Это для многих нынче “исторически неоперабельное” “понятие” было и остается все же главным двигателем и источником жизни на особинку.

Книга народной эстетики “Лад” питалась от сердечной глубины писателя, от живого в нем (наличного) народного духа, а потому и получилось выпеть эту “крестьянскую вселенную” (Ю. Селезнев) через обычаи и традиции будней и праздников, через речи, песни и бухтины, через работу и в доме, и в поле, через строительство и ткачество, через обустройство дома и банные традиции. Крестьянская изба, ее убранство и утварь (красный угол, стол и лавки, фотографии родни по стенам) – в “Ладе” предстают совершенно одухотворенными и вековыми. Ну, а печь – центр избы. В ней выпекаются хлеба из круто замешенного теста, как замешивается (творится) жизнь рода. В “Ладе” крестьянской Русью пахнет каждая страница, и каждая буква впрямую в этот большой нравственный национальный обзор.

Уже в первой своей книге “Деревня Бердяйка” Василий Белов показал цветастую, “неугомонную” жизнь, которая присуща русскому человеку как изначальная, “что бы ни творилось на земле”. А на земле недавно “творилась” война – Великая и Отечественная. Из мужиков, взятых на фронт, в деревню Тимониха никто не вернулся. Военные рассказы русских писателей не могут быть отдельной страницей в их творчестве. Здесь, в глубине народа, в крестьянстве, вновь обнаружился главный ресурс одоления врага. И потопали крестьяне, в солдатских теперь сапогах, по полям да лесам, унося на войну и свои деревенские пейзажи, и дороги во ржи, и закатное солнце над речками, чтобы вновь свое, кровное затвердить в который раз как “священную матрицу” национальной жизни, как заповеданное и сохраненное предками. Россия деревенская в эту войну вновь выступила из-под гнета инструкции и директивы, чтобы на поле – теперь уже не хлебном, а поле ратном – вновь вздохнуть свободно и показать всю жизнеспасительную крестьянскую силу, переходя от дела хлебопашеского к ратной брани.

Критики не раз говорили о том, что война в нашей литературе XX века, у лучших наших писателей сделала возможным показать всю “сердечную натуру” русского человека, превративших рассказ о войне в рассказ о русской душе. Собственно, Василий Белов в одном из первых своих рассказов сразу же органически пристал к этому русскому родотворящему делу. Три крестьянских сына уйдут на Отечественную войну у главного героя и не вернуться (рассказ “Весна”). Родовая вертикаль сломлена, разорена врагом, обрублена. И не захочет герой жить, и попытается прервать свою жизнь как не могущий видеть свой род не продленным, но и сам же устыдится страшно и горько этой своей слабости, увидит грех свой даже как некоторое свое предательство сынов, их ненапрасной смерти. “Нужно было жить, сеять хлеб и ходить по этой трудной земле, потому что другому некому было делать все это”, – завершает автор повествование. Вот тут и обнаруживает себя вечная основа русского народа, умеющего превратить беду в источник творящий, поднимающий себя самого для нового, лучшего и надежного качества бытия.

Что говорят нам о национальном духе наши философы, и можем ли мы, в полноте доверяя им, увидеть то целое и то главное, чем крепятся к русской жизни беловские герои, в которых в наибольшей чистоте и глубине представлена русская суть?

Выше уже шла речь в связи с главной книгой Василия Белова “Час шестый” о соблазнительной силе утопии мировой революции и о “царствии коммунистического рая”, что строили его адепты на нашей земле. В статье о русском философе П. Е. Астафьеве ((1846–1893) Николай Петрович Ильин раскрывает важную связь между утопией “царствия Божия на земле” и “той погibelью, которую несёт... этот соблазн”, подчеркивая жирной чертой не только связь соблазна и погibelи, но факт погibelи именно для русского человека (что совсем не обязательно для иных народов). Утопия **противоречит сути** нашего национального характера, так как “наш народный дух не может считать религиозную задачу **земною** задачей, выполняемой устройением какой бы то ни было **организации** людей” (П. Астафьев). А “во-вторых, – цитирую Н. П. Ильина, – (и это, пожалуй, главное), каждая такая система создаётся особой “исторической культурной силой”, которую Астафьев называет **национальным духом**. Только национальный дух сообщает общечеловеческим ценностям “объективную жизнеспособность”; они получают определенную форму, полноту и конкретность “только в том органическом строе, в котором они поставлены национальным духом”. Национальный дух, отмечает Астафьев, как “историческая культурная сила” переживает периоды подъёма и упадка и может быть исчерпан или утрачен, в результате чего культурные начала обессиливаются, лишаются “значения живых мотивов дальнейшей духовной жизни”, хотя и сохраняют значение “памятников культуры”. Итак, национальная культура мертва без национального духа, и потому нация является синонимом не столько национальной культуры (или национального государства и пр.), сколько именно национального духа, который **созидает** культуру как органическое целое”.

Василий Белов смог в живых и полных образах показать нам борьбу мировой утопии с русским духом. Его герои с “народным сердцем” отказались уничтожить небо ради земли. Он увидел в них самый главный источник восстания после падения – “огонь личного духа” (это уже слова Ивана Ильина). Увидел глубинно-прекрасную и сердечную связанность человека с тихой крестьянской родиной в Павле и деде Никите, в рыжем попе, ставшем мучеником за веру, в Вере Роговой и Иване Африкановиче, а также в реальных русских людях – Василии Шукшине и Валерии Гаврилине, о которых тоже написал книги-размышления. И сколько бы ни возводили новые адепты всяческих “мировых пожаров” на высокие этажи мироздания идею личности, независимую от служения идеалу, мы, имеющие в родовом литературном наследстве наших деревенщиков, можем повторить вслед за П. Е. Астафьевым: личность без духовного содержания превращается в особь, неотличимую от иного животного мира. Сердечный теплый человек русской литературы имел своим защитником и Василия Белова. В сердце его героев таинственно-нутряным и сложным образом сходились все пути и задачи. Земные и небесные. Родовые, государственные и лично-религиозные. Христианское сердце русской литературы бьется в творчестве Василия Белова, герои которого, восстав из бед, унижений и горестей, так трудно и совестливо правили путь свой и к настоящей Истине, и к жизни для России.

“Не зря живём...”

Переписка Василия Белова и Станислава Куняева, длившаяся в течение сорока лет

Василий Белов – Станиславу Куняеву
10. IV. 83

*О Родине душа моя болит!
...Она скорбит по вырубленным сечам,
По выкачанным недрам, по названьям
Засохших рек и выморочных сёл.
Болит душа... Как странен — отголосок
Душевной боли — мой весёлый смех
Среди друзей, среди живых и павших,
Сплочённых снова вражеским кольцом!*

<19>82 г<од> в Тимонихе

Дарственная надпись Василия Белова
Станиславу Куняеву на книге “Лад”
(М., Молодая гвардия, 1982)

1

Ст. Куняев – В. Белову

Дорогой Василий!

Есть у меня к тебе просьба: я в этом году – редактор “Дня поэзии” (1). Остались ли после смерти Николая (2) какие-нибудь ещё не опубликованные стихи, письма, дневники? Я помню, что незадолго до смерти он читал мне поэму о разбойниках (3).

Цела ли она? Я нигде не видел её напечатанной (4). Словом, очень надо отдать должное памяти нашего друга. Если ничего не найдётся, может быть, ты напишешь о нём сам – всё, что хочешь (5)? Помоги мне, пожалуйста, в этом деле, очень рассчитываю на тебя.

Как ты живёшь? Будешь в Москве – звони, хорошо бы повидаться.

Обнимаю!

Стасик.

- (1). Станислав Куняев был главным редактором “Дня поэзии – 1972”.
- (2). Николай Михайлович Рубцов был убит 19 января 1971 года.
- (3). Речь идёт о поэме Николая Рубцова “Разбойник Ляля”.
- (4). Поэма “Разбойник Ляля” была напечатана в журнале “Сельская молодёжь” (№ 9, 1971).
- (5). В “Дне поэзии – 1972” были напечатаны стихотворения Н. М. Рубцова “Дуэль”, “Кружусь ли я в Москве бурливой...” и “Я переписывать не стану...”, а также посвящённая поэту статья Михаила Лобанова “Стихия ветра”. Василий Белов о Николае Рубцове не написал.

2

В. Белов – Ст. Куняеву

Стасик, спасибо за книгу! (1)
 Хорошая книга, я читаю её не спеша, потихоньку.
 Это поэзия.
 Ещё раз убеждаюсь, что копится в русской литературе сила, что не зря живём.
 Желаю мужества и здоровья, поклон всем твоим друзьям.
 Белов.
 16. I. 74

(1). Речь идёт о книге стихов Станислава Куняева “Вечная спутница” (М., Современник, 1973).

3

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Станислав.
 Твоя статья (1) превосходна, хотя, как я думаю, и не стоило на Багрицкого тратить (у меня теория: мы сами воздаём честь и приподымаем всякую мразь, когда вступаем с нею в теоретический спор). Думаю, что Гусаров (2) не опубликует эту статью – у него жена, по слухам, не русская. (А кто правил рукопись?)

Надо бы нажать на С. В. Викулова (3), пускай бы он собрал всё своё небогатое мужество и напечатал. Читал ли он? Это единственный шанс (4). Или напиши ещё две таких (по объёму), чтобы получилась книжка. Теперь иногда книжку легче пробить, чем журнальную публикацию (5).

Я не позвонил тебе, т. к. задёргался.

Передай привет Галине Васильевне. Есть ли ответ на письмо (6)?

Не вздумай теперь горячиться или (упаси Боже) тянуть горькую.

Я согласен с тобой во всём.

Теперь, наверное, всем нам надо разделиться, чтобы объединиться. Надо сделать что-то такое, что сразу бы всех поставило на свои места и сразу бы стало ясно, кто есть кто. У нас, вон, приняли в СП графомана Хачатряна (7). Благодаря либерализму Саши Р. (8) и странной заинтересованности В. Астафьева.

Береги себя.

Обнимаю.

Белов.

12. IV. 1979

(1). Имеется в виду статья “Легенда и время”, посвящённая античеловеческим и антиприродным мотивам в поэзии Эдуарда Багрицкого.

(2). Гусаров Д. Я – главный редактор журнала “Север”.

(3). С. В. Викулов – главный редактор журнала “Наш современник”.

(4). Ни в “Нашем современнике”, ни в одном из других московских журналов статья “Легенда и время” не была напечатана. Первая публикация

(без ведома автора) – в журнале “22” (Иерусалим) № 14, 1980. В СССР впервые под названием “Времена и легенды” была опубликована в журнале “Дон” (№ 5, 1989).

(5). Статья “Легенда и время” была включена автором в состав книги “Свободная стихия” (М., Современник, 1979), но по требованию издательства оттуда изъята. Та же история повторилась и с книгой “Огонь, мерцающий в сосуде” (М., Современник, 1986). В окончательной редакции вошла в состав книги “Времена и легенды” (М., Современник, 1990).

(6). Имеется в виду “Письмо в ЦК КПСС” по поводу альманаха “Метрополь”. См. Станислав Куняев. Поэзия. Судьба. Россия. Т. 1. М., Наш современник, 2002 (глава “Русско-еврейское Бородино”).

(7). Прозаик из г. Череповца Хачатрян А. Х.

(8). Речь идёт об ответственном секретаре Вологодской писательской организации Романове А. А.

4

Ст. Куняев – В. Белову

Дорогой Василий Иванович! Вечер Николая Рубцова в Доме учёных будет 29 мая (суббота). Если ты не уедешь, то обязательно приезжай. Билет пришлём тебе позже. Не забывай, что Коля был одним из тех людей (а не только поэтом), от имени которых (и вместо них) ты полетишь на свидание к Эйфелевой. Твой Станислав.

(1). Речь идёт о поездке В. Белова в Париж.

5

В. Белов – Ст. Куняеву

Стасик, спасибо за обе книги (1). Твоих стихов (этих) у меня не было, я залпом прочитал всю книгу. Евдокимова верну, как прочту (2).

Посылаю книжечку, которая мне дороже многих других (3). Первые две пьесы не читай. До сих пор не пойму, как получилось, что сказка прошла. М(ежду) пр(очим), в своё время наши критики-славянофилы ничего в ней почему-то не поняли (4). Неужели из-за того, что Яга и Леший у меня хорошие? Черкни несколько слов по прочтении.

Белов.

3.VI. 83

(1). Книги избранных стихотворений Станислава Куняева “Путь” (М., Молодая гвардия, 1982. С предисловием В. В. Кожина) и “Озеро Безымянное” (М., Современник, 1983), посланные автором В. И. Белову.

(2). Имеется в виду книга Ивана Евдокимова “Север в истории русского искусства” (Вологда, 1920).

(3). Речь идёт о книге Василия Белова “Три пьесы” (М., Советский писатель, 1983), посланной Станиславу Куняеву с дарственной надписью. В книгу вошли пьесы “Над светлой водой”, “По 206-й” и поэтическая сказка “Бесмертный Кощей”.

(4) См. ниже письмо В. В. Кожина В. И. Белову от 9.XII.1978.

6

Ст. Куняев – В. Белову

Дорогой Василий!

Сердце кровью обливалось, когда читал в последние месяцы всю дьявольскую свистопляску вокруг тебя и Виктора Петровича. Несколько раз выступал в Москве на вечерах всяческих, разъясняя людям, откуда ветер дует,

почему и т. д. (1). Душа болела и за тебя, и за Астафьева: лишь бы не опустили руки, не замкнулись, не заболели, мои дорогие. Сам себя успокаивал: ничего, мужики тёртые, двужильные, не одинокие – друзей много.

В последнее время чувствую: ослабела волна истерическая, выдохлась маленько, но ко всему надо быть готовыми. О себе как-то уже не думается. Всё больше о будущем, о детях, внуках – в каком мире, в какой России им жить придётся?

Нашёл резервы энергии, времени, сил, то есть бросил пить. И других уговариваю: окститесь! Июль 41 года, а вы... Некоторых уговорил, но не Пердреева.

Посылаю тебе, Василий, две книги – в одной из них впервые, можно сказать, напечатан твой земляк Алексей Ганин (2). Хорошо бы его сборник издать в Архангельске.

В другой – помимо всего прочего, глава о Коле Рубцове, о том, как мы были в Николе и в Тотье (3)...

Ещё раз прошу тебя – не переживай, делай своё святое дело, а нечисть пусть вокруг подвывает.

Крепко обнимаю тебя.

Твой Станислав.

(1). Речь идёт об участившихся в ту пору нападках в печати на Василия Белова после публикации его романа “Всё впереди” (“Наш современник”, № 7–8, 1986) и на Виктора Астафьева после публикации романа “Печальный детектив” (“Октябрь”, № 1–2, 1986), а также о ходившей по рукам переписке В. Астафьева и Н. Эйдельмана (См. “Даугава” № 6, 1990).

(2). Книга “О Русь, взмахни крылами!..” Поэты есенинского круга” (М., Современник, 1986).

(3). Книга Ст. Куняева “Огонь, мерцающий в сосуде” (М., Современник, 1986). Речь идёт о главе “Русский огонёк”.

7

В. Белов – Ст. Куняеву

Стасик!

Спасибо за книги.

Как ни странно, чем глупее и агрессивнее нападки, тем мне смешнее.

Всё х(...), лишь бы печатали. (Правда, грозятся разделаться физически).

Мне этот роман надоел и всё с ним связанное (1).

Написал пьесу об А(лександре) Невском, обещали опубликовать. Почитай.

Главы о 29–30-м годах – тоже (2).

Работы много, а суета не исчезает, не даёт заниматься нужным и радостным делом.

Будь здоров! Поверь, что без вина жизнь значительно интереснее...

Пока! Поклон семейству.

Белов.

17. IV. 87

(1). Речь идёт о романе “Всё впереди” и бешеных нападках на него в печати О. Кучкиной (“Правда” 2 ноября 1986), В. Лакшина (“Известия” 3–4 декабря 1986), А. Мальгина (“Вопросы литературы” № 9, 1987), Т. Толстой (“Московские новости” 22 февраля 1987) и др. В беседе с Н. Ткаченко В. Белов тогда же сказал: “В общем, роман “Всё впереди” меня уже не интересует, хотя меня постоянно к нему возвращают. Он мне надоел. Я занимаюсь уже совсем другим” (“Дон” № 10, 1987).

(2). В. И. Белов имел в виду продолжение романа “Кануны” под названием “Год великого перелома”.

8

Ст. Куняев – В. Белову

Дорогой Василий!

Спасибо за письмо. Мне тоже грозят физической расправой, но всё это блеф. Народ истеричный, но когда спокойно и последовательно делаешь своё дело – быстро успокаиваются.

Я не видел тебя на 2-й день пленума, – видимо, ты уехал. А мне как раз удалось получить слово и произнести речь (1). Говорят, что удачную, многим понравилась. Поскольку в ней и о тебе идёт речь – посылаю её, погляди, и вологодским ребятам покажи (Ширикову, Романову, Коротаеву) (2). Главное, что я вынес из этого пленума: можно при известном умении и, главное, опираясь на факты, сказать очень многое. По слухам, даже идеологическое высокое начальство удивилось, что я всё сказал и нигде, с их точки зрения, не поскользнулся. Вознесенский выступал после меня, пытался спорить, – но провалился.

Сейчас наше главное дело – писать. Видишь: у них, как яичко ко Христову дню, были приготовлены и “Дети Арбата”, и “Зубр”, и роман Бека, и что-то ещё (3)... Эх, была бы у тебя закончена вторая часть “Канунов” (4)... Но – “всё впереди”.

Обнимаю
твой Станислав.

(1). Имеется в виду выступление на пленуме “Современность и литература” правления СП СССР (“Литературная газета” 6 мая 1987).

(2). Прозаик, тогдашний секретарь Вологодской писательской организации Владимир Шириков, поэты Виктор Коротаев и Александр Романов.

(3). Роман Анатолия Рыбакова “Дети Арбата” был напечатан в журнале “Дружба народов” (1987), повесть Даниила Гранина “Зубр” – в журнале “Новый мир” (№ 1–2, 1987), роман Александра Бека “Новое назначение” – в журнале “Знамя” (№ 11–12, 1986).

(4). Вторая часть “Канунов” под названием “Год великого перелома” вышла отдельным изданием в издательстве “Художественная литература” в 1991 году.

9

Ст. Куняев – В. Белову

Дорогой Василий!

Наконец-то высылаю тебе многострадальную книгу А. Ганина (1). Ни вологодцы, ни архангелогородцы не сумели собрать её. Пришлось этим делом заниматься калужанину. Ну, гора с плеч.

Правда, надо бы издать в центральном издательстве – рукопись лежит у Фролова (2), но он чего-то увиливает от окончательного решения (3). Если сможешь, при случае скажи ему, что Ганина необходимо издать. А то они стихи Шагала издали уже 3 года тому назад (4).

Спасибо тебе за обещание дать нам какую-то малую прозу на 91 год (5). Я надеюсь.

Твой Ст. Куняев.

(1). Алексей Ганин. Стихотворения. Поэмы. Роман (Составление, предисловие, комментарий – С. Ю. Куняев, С. С. Куняев. Архангельск, Северо-Западное книжное издательство, 1991).

(2). Леонид Анатольевич Фролов – прозаик, директор издательства “Современник”.

(3). В 1991 году в поэтической серии “Феникс” издательства “Современник” были изданы однотомники Игоря Северянина, Владимира Нарбута, Владимира Набокова. Книга Алексея Ганина в этой серии так и не вышла.

(4). См. Марк Шагал. Ангел над крышами (М., Современник, 1989).

(5) Рассказ Василия Белова “В кровном родстве” был напечатан в № 4 “Нашего современника” за 1992 год.

10

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Стасик!

Скорблю по поводу смерти Александра Викторовича Михайлова (так получилось, что узнал о ней только сейчас) (1). Это был светлый русский ум, а не то, что у Прокушева (которого ты печатаешь без ведома членов редколлегии) (2). Впрочем, не один Прокушев считает Есенина самоубийцей. (Если ты услышишь когда-либо о том, что я покончил с собой, – не верь!) Многие считают.

Вот и вы с сыном Сергеем не сказали прямо о том, что Есенин был убит, хотя только из одного вашего текста вполне ясно, что он был убит... Клевета не развеяна! (3).

Впредь, если будешь публиковать сторонников клеветы (таких, как Прокушев), сними мою фамилию (4).

Независимо от этого, я хочу выйти из редколлегии. Меня останавливает одно: угроза неверной трактовки этого поступка моими единомышленниками. А так... – что от меня толку? Торчать в каждом номере не очень-то приятно (5).

Извини, брат. Но “я не могу иначе”, как поётся в бездарной песенке (6).

Сейчас еду в Минск. В середине ноября зайду.

Пока!

Белов. 7 ноября 95 года

(1). А. В. Михайлов (1938–1995) – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы, член редколлегии “Нашего современника”. Автор книг “Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры” (М., 1989), “Мартин Хайдеггер: человек в мире” (М., 1990) и др.

(2). В № 10 “Нашего современника” за 1995 год была напечатана статья Ю. Л. Прокушева “По пути поэта” (в том же номере был опубликован и некролог А. В. Михайлову). В. И. Белов был категорически не согласен с Ю. Л. Прокушевым в вопросе, касающемся обстоятельств гибели Сергея Есенина.

(3). Речь идёт о книге Ст. Куняева и С. Куняева “Сергей Есенин” (М., Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1995), в которой приведены все известные к тому времени факты, свидетельствующие о том, что Есенин погиб не от своей руки.

(4). В № 12 “Нашего современника” за 1995 год была опубликована статья В. И. Кузнецова “Убийство Сергея Есенина. Мифы и действительность”, где об убийстве поэта говорилось прямым текстом.

(5). В. И. Белов и поныне остаётся членом редколлегии “Нашего современника”.

(6). Песня “Я не могу иначе” (музыка Александры Пахмутовой, слова Николая Добронравова) была одной из “коронных” песен в репертуаре Валентины Толкуновой.

11

Ст. Куняев – В. Белову

10. IX. 1998

Дорогой Василий Иванович!

Новый (но последний ли?) обвал финансовой системы поставил под вопрос само существование нашего журнала. Сохранить его, спасти во что бы

то ни стало – наш высший долг. И первый шаг, абсолютно неизбежный, – жесточайшая экономия скудных подписных денег. Мы вынуждены немедленно – причём вдвое! – сократить выплату гонорара. Уже № 11–12 за этот год будем выпускать под одной обложкой. Резко сокращается объём журнала. А что будет с тиражом на 1999 год – страшно и подумать...

Пишу обо всём об этом в том числе потому, что приходится отменять и доплату активным членам редколлегии – те мизерные 200 рублей, которые, тем не менее, за год составляют общую сумму более 25 000 руб.

А что делать?! Надеюсь на братское понимание и общее для нас чувство солидарной ответственности за “Наш современник”. Маленькую эту дотацию мы оставляем (пока) только для наших фронтовиков.

Иного выхода нет...

С уважением

Ст. Куняев.

12

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Стасик.

Неужели ты думаешь, что я цепляюсь за редакционную дотацию? Лучше бы ты отвечал хотя бы на мои письма...

Разумеется, спасение журнала – это наш высший долг, и все ваши финансовые усилия никогда не вызывали у меня каких-либо сомнений. Делайте как лучше. На гонорары я тоже не очень рассчитываю. Авось не умрём с голоду!

Я посылая Гусеву рассказишко (1), не знаю, читал ли кто. Если не понравится – не надо публиковать! Не хочу вязнуть в зубах. Обиды не будет.

Сообщаю тебе, что я сделал аденомэктомию. Чувствую себя ещё не очень, но поправляюсь. Хотя и медленно.

Обнимаю.

Белов.

30 сент. 98

(1). Г. М. Гусев в то время занимал должность первого заместителя главного редактора журнала. Рассказ В. И. Белова “Во саду при долине” был напечатан в № 2 за 1999 год.

13

Ст. Куняев – В. Белову

Дорогой Василий!

Не отвечаю я тебе лишь потому, что крайне расстраиваюсь после твоих писем (1). Всё ты ворчишь, всем недоволен, ну хотя бы одно-два добрых слова о журнале сказал – ни разу на моей памяти...

Просто руки опускаются, душа болит и сердце ноет в прямом смысле слова: недавно две недели отвалился в кардиологическом центре, чуть было не попал на операционный стол, но пока – выпустили, лечат таблетками, однако боли в сердце и спазмы время от времени повторяются... А ты на этом фоне о каких-то своих несогласиях с Личутиным...

Подбодрил бы, похвалил бы, порадовался бы с нами хоть чему-нибудь.

Дай Бог тебе здоровья.

Рассказ печатаем (2). Не хватало ещё мне, чтобы Белову возвращать рассказы.

Не сердись, не болей, обнимаю.

Устал я до предела.

Твой Ст. Куняев.

(1). Речь идёт о несохранившемся письме В. И. Белова в редакцию “Нашего современника”, в котором писатель выговаривал редакции за публикацию фривольных частушек в очерке В. В. Личутина “Сны бессловесных” (№ 7, 1998).

(2). См. примечание к письму 12.

14

В. Белов – Ст. Куняеву

Стасик, добрый день!

Удивил ты меня тем, что ты “крайне расстраиваешься после моих писем”, как ты пишешь. Где это я “ворчу”? Чем это я недоволен? Чушь какая-то. (Ворчишь, по-моему, ты, а не я).

Если я против похабщины, которая наступает и на наш журнал, то что в этом дурного? Вероятно, тебя настраивает против Белова кто-то из окружающих...

Впрочем, прости ради Бога, если я подал повод тебе обидеться. Да и много ли раз я тревожил тебя своими письмами? Раз или два... И, насколько помню, никакого “ворчания” или недовольства там не было... Тебе показалось!

Что касается здоровья, то что делать? Старики, изнашиваемся. Так что терпи и молись. И на друзей напрасно не обижайся!

Что касается моих опусов, то я искренне не уверен, что всё, что ни настрочу, надо обязательно печатать...

А сейчас вообще начал сомневаться в том, чем занимался без малого 50 лет... Что делать... Привет всем, в том числе и Личутке. Поверь, что я ценю его, м. б., больше, чем все остальные, вместе взятые.

Ты, наверное, обижаешься на то, что я ничего не могу сделать по подписке в Вологде. Да, действительно, толку от меня мало. Если уж ты на меня обижаешься ни с того ни с сего, то про наших губернаторов-демократов и говорить погодить. В Москве мне и то лучше, чем в Вологде...

Ладно, хватит стонать. Всё утрясётся и с журналом, и с Россией, хотя у НАТО иное мнение.

Лечись! Обнимаю.

Приеду, как только и меня подлечат. Эскулапы говорят, что всё зависит от оптимизма...

Белов.

15 окт. Покров Богоматери 1998

15

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Стасик!

Посылаю тебе статьи В. В. Розанова, может, они пригодятся журналу (1).

О Репине и Пушкине я бы тиснул сразу... Но смотри сам.

Книжица эта из собрания Вл. Дробышева (2), сборник “Среди художников” у меня есть. Поэтому распорядись брошюрой, как хочешь.

В Москву надо бы, но когда приеду – не знаю.

Кланяюсь всем!

Белов.

6. VII. 99

(1). Присланные В. И. Беловым статьи В. В. Розанова из оттиска книги “Среди художников” (1914) в “Нашем современнике” не перепечатывались.

(2). Дробышев В. В. (1943–2002) – поэт, киновед, литературный критик, друг Ст. Куняева.

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Стасик!

Конечно, я не поверил тебе, когда ты по телефону сказал, что ещё не успел прочесть начало моего опуса... Много ли надо времени, чтобы прочесть 45 страниц? Сказал бы лучше прямо, что не понравилось... (1).

Но Бог с тобой. Может, ты и впрямь не успел, но это несколько не лучше... От души поздравляю тебя с предстоящей Пасхой и Рубцовской премией (2). Ты эту премию заслужил, как никто иной. И своими стихами, и хлопотами по сбережению памяти о Коле Рубцове (я думаю, надо присовокупить сюда и твоё подвижничество в отношении Клюева и Ганина (3). Эти имена не блистали бы на Вологодском и общерусском небе, кабы не ты). Вологжане и все остальные должны знать эту истину.

Обнимаю. Белов. 19.III.2000

P. S.: Можешь зачитать без первого абзаца на вручении. Поверь, что гараж и “Ниву” вот-вот затопит, а в деревню обязательно надо – успеть отремонтировать избу к приезду японцев (4). Другого времени у меня просто не будет. Надо бы и от машины избавиться – да не успеваю.

(1). Воспоминания В. И. Белова “Невозвратные годы” печатались в “Нашем современнике” в 2001 году (№ 8 и 9), 2002-м (№ 2) и в 2005-м (№ 1).

(2). Всероссийская литературная премия имени Николая Рубцова “Звезда полей” была учреждена в 1997 году.

(3). Речь идёт о книгах: Николай Клюев. Стихотворения. Поэмы. Составление и комментарии С. Ю. Куняева и С. С. Куняева. Предисловие С. Ю. Куняева. (Архангельск, 1986); Алексей Ганин. Стихотворения. Поэмы. Роман. Составление и комментарии С. Ю. Куняева и С. С. Куняева. Предисловие С. Ю. Куняева. (Архангельск, 1991).

(4). В Вологду к В. И. Белову регулярно приезжал и презжает по сей день профессор университета Васэда Ясуи Рё-хей.

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Стасик, спасибо тебе, что ты взял моих “Якшичей” и выручил меня авансом (1)... (Скажи Юре Кузнецову, что это нерифмованные сербские народные песни). Я обнахалился и зарифмовал.

Теперь вот ещё что...

Ежели объявишь конкурс на рассказ объёмом не более 15 страниц, я бы с удовольствием сразился с двумя-тремя тысячами российских новеллистов за первенство и начал бы сочинять нарочно для “Н. С.” такой рассказец, авось “победу” (2). Без туалетно-сексуального юмора чтобы (язык чтобы не хуже личутинского, сюжет как... и т. д., а главное – объём 12–15 стр.).

Обнародуй письмо в особняке на Цветном (3).

Обнимаю.

Белов. 23 мая 2001

(1). Поэтические вариации В. И. Белова на мотивы из сербского фольклора были отвергнуты зав. отделом поэзии Ю. П. Кузнецовым.

(2). В. И. Белов был председателем жюри Всероссийского конкурса рассказа им. В. И. Шукшина “Светлые души” с 1999 года. В 2008 году “Наш современник” объявил о старте Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова “Всё впереди”.

(3). В редакции “Нашего современника” по адресу: Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Станислав Юрьевич!

Выполни, пожалуйста, некоторые мои просьбы.

Во-первых, перенеси продолжение моих биографических записей с № 9 на № 10 или даже на 11–12. Куда тебе торопиться? Если уж очень я нужен, то поставь в № 9 рассказец о том, как поёт женщина-заика (1).

И ещё, пусть Юра К(узнецов) найдёт рукопись моих “Якшичей” и Наталья Сергеевна (2) перешлёт мне в Вологду. Я бы послал рукопись в “Север” Панкратову (3), и было бы всё в норме.

Ей-Богу, Юра имеет право отказывать авторам! Говорю без всякой обиды. И Панкратов будет доволен.

Обнимаю.

Белов.

11 июля 2001

P. S.:

Вместо Кудрявцева Позгалёв метит кого-то из Череповца. Обещают русского (4).

(1). Этот рассказа в “Нашем современнике” опубликован не был.

(2). Соколова Н. С. – секретарь редакции.

(3). Панкратов С. А. (1935 – 2005) занимал должность главного редактора журнала “Север” с 2000 года.

(4). Кудрявцев В. В. – начальник департамента культуры Вологодской области. Позгалёв В. В. – тогдашний губернатор Вологодской области.

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Стасик!

Не знаю, как ты сможешь сочетать Пушкина со Скрынниковым, но, мне кажется, ты всё можешь. Во всяком случае, эта книга тебе пригодится, если будешь продолжать тему о самозванцах (1).

Белов.

10 мая 2002

Подтверди получение.

(1). В связи с публикацией в журнале книги Станислава Куняева “Шляхта и мы” (№ 5, 2002) В. И. Белов прислал книгу Р. Г. Скрынникова “Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев” (Новосибирск, 1990).

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Стасик!

Я вынужден сказать тебе, что Бондаренко сделал материал небрежно, да ещё и не выправил! (1). Я хорошо помню, что звонил ему и он обещал, но он обманул и тебя, и меня! (Неужели и в газете так? Или и ты подправил?) Позор! Я с трудом сдерживал раздражение и, только щадя тебя, не говорю об этом вслух! Полно грубых ошибок (так, вместо Бориса остался Владимир, вместо Дучича остался Дудич, вместо Павловихи осталась Павлониха. Сохранил он фамильярность и т. д.).

Словом, так делать журнал преступно. (Распутин бы такого не допустил). Извини, но это так. Не говорю о политических казусах.

Белов. 23.Х.

P. S.:

К счастью, статья его в “Завтра” меня успокоила...

Не знаю, послушает ли он меня, но я бы советовал ему продолжить её с учётом романа “Всё впереди” и вчерашнего спектакля (2).

Скажи ему.

И ещё. Сможешь ты организовать хоть небольшую рецензию на книгу И. Р. Шафаревича “3-тысячелетняя загадка” (3). Питерское издательство “Библиополис”, 2002. Тираж всего 5 тысяч (может, уже скуплен и сожжён).

Если, конечно, не побоишься пули из-за угла.

Прилагаю письма от Питера Фоллбера, может, тебе пригодятся (4). Крепись!

Белов.

(1). Речь идёт о беседе Владимира Бондаренко с Василием Беловым “Молюсь за Россию!” (“Наш современник” № 10, 2002).

(2). 22 октября 2002 года на Малой сцене МХАТа им. А. М. Горького был сыгран спектакль “Семейные праздники” по одноимённой пьесе В. И. Белова.

(3). Рецензия на книгу И. Р. Шафаревича в “Нашем современном” не публиковалась.

(4). Эти письма не найдены.

21

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Станислав Юрьевич!

Спасибо за книгу о Польше (1). Нужно немедленно её переиздать, да тиражом побольше (2), пусть евреи и шляхтичи вопят и визжат... Книга великолепна, научно доказательна, и в этой почти академической доказательности главное её достоинство. Молодчага, “пан” Станислав! Умеешь не только спиннингом действовать, но писательским вострым пером. Ура, ура, ура... Почти как Шафаревич. Кстати, где статья или хотя бы маленькая рецензия на “3-х тысячелетнюю загадку”? Хоть бы подал голос С. Н. Семанов, или Толя Ланщиков, или... Чего им бояться в таких-то годах? Господь не прощает подобного молчания.

Впрочем, я и о себе так же думаю, как о всех прочих насчёт Бога-то... Написать бы о Гавриiline (3), а потом бы написал я и о Шафаревиче, и о тебе, пан Станислав. Да-с. Только Бондаренке я бы не поручал это дело. Подумайте с Сашей Казинцевым двумя головами, но поспешая. Время уходит...

Да, а чего ж вы не тиснули мою статейку о нашем мелосе? Печатали вы не о мелосе, а о роке, это совсем, совсем иное (5). Да и о роке не грех бы и повторить, эта зараза клопиная так живуча... (4)

Глядите сами... Я твою книжку экономя и ещё не всё прочитал. Подключил бы посильнее Пушкина-то! Гоголь и Пушкин подсобляют друг дружке, вспомнил Полтаву, Мазепу и Кочубея, дочь Кочубея с ума сошла от этого “лыцаря”. Мазепу я имею в виду.

*...Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь, —*

говорит она пану Мазепе.

Кланяюсь. Христос с тобой, Стасик! И с Рождеством. Мы ещё поработаем... Будь здоров к Новому году!

Белов. 9. XII. 2002

(1). Книга “Шляхта и мы” вышла отдельным изданием в “Нашем современном” в 2002 году.

(2). Переиздания книги состоялись в 2003 и 2005 году прежним тиражом 2000 экземпляров.

(3). Повесть о композиторе Валерии Гавриiline “Голос, рождённый под Вологдой” была напечатана в № 9 “Нашего современного” за 2004 год.

(4). Редакция ждала от Василия Белова книгу о Валерии Гаврилине и не хотела предварять её отдельными отрывками. Статьи о роке – см. В. Чистяков, И. Санычев. Троянский конь (“Наш современник” № 10, 1988); А. Чиркин. Рок-Вавилон и дыхание времени (“Наш современник” № 6, 1989); Е. Черносвитов. “Мы устали преследовать цели...”? О психических эпидемиях и некоторых тенденциях в культуре (“Наш современник” № 10, 1989).

22

В. Белов – Ст. Куняеву

Стасик и все друзья по “Н. С.”.

Спасибо, сегодня получил 12 номер. Я понял, что я спасён, книга о Гаврилине будет... С помощью поэмы Кузнецова, стихов Толи П(ередреева) – вообще всего твоего журнала! (1).

Спасибо. Поздравляю с Рождеством и с Новым годом.

Поклон всем дамам журнала.

Получил ли ты моё письмо о твоей “Шляхте”?

Белов. 24. XII. 2002

(1). В № 12 “Нашего современника” за 2002 год вместе с продолжением повествования В. И. Белова “Невозвратные годы” были напечатаны поэма Юрия Кузнецова “Сошествие в ад” и подборка стихов Анатолия Передреева (к 70 летию со дня рождения) с беловским предисловием.

23

Ст. Куняев – В. Белову

Дорогой Вася!

Задачу ты себе, конечно, поставил чрезвычайно трудную, но благородную. Мне пока сложно сказать по 2-м главам, получается ли у тебя книга (1).

Есть в них прекрасные страницы, а есть и очень наивные места и размышления, много повторений, часто ты топчешься на одном месте, видимо, не зная, как продолжить течение прозы.

Зачем несколько раз обращаться (с намёками, не сразу понятными) к рассказу о “грехе” Клавдии Васильевны (2)? Напиши один раз подробно и – хватит.

Но, может быть, это всё мои придирки, и когда ты закончишь книгу, всё, что сейчас кажется неуместным, встанет на свои места?

В любом случае, мы тебя любим, рукопись ждём, и если даже не всё нам будет в ней по душе, – всё равно напечатает. А может быть, у тебя хватит силы пройти по ней ещё и в третий раз.

Твой Станислав.

(1). Речь идёт о повести В. Белова о композиторе Валерии Гаврилине “Голос, рождённый под Вологодой”, напечатанной в № 9 “Нашего современника” за 2004 год.

(2). Об этом см. повесть В. И. Белова (стр. 17–22 журнальной публикации).

24

В. Белов – Ст. Куняеву

Стасик!

Припас я тебе коробку с рыболовецким припасом. Не знаю, когда и как переправлю в столицу... Уж больно я одряхлел, видишь, даже рука (обе они

сломаны) не пишет. Слава Господу, хоть ты своей рукой пишешь мне, не поручая никому такое важное для меня письмо. Благодарю тебя. И впредь меня не жалеи!

Не путай, однако, жанры, стили письма и названия сочинений, а главное – потерпи ещё, так как (ты правильно говорил о сложности) ошибаться нельзя. Именно о “грехе” нельзя ошибиться Клавдии Мих(айловны), которую ты назвал Васильевной. Попробуй-ка назови её так в журнале, о, какой ты сделаешь ей (вдове) подарок! Поднимет всех адвокатов Москвы и Питера. Я всё-таки ориентируюсь на ЖЗЛ (1), но не такую книгу, как состряпал в спешке Коняев про Колю Рубцова (2). Нет, я не зря писывал по 5–9 раз, как Гоголь, каждый важный эпизод. Надеюсь на правду в окончательном варианте. Почему я и послал тебе начало, чтобы не только застолбиться в общественном мнении, но чтобы и наши враги слегка попривыкли и не огрызались, как хвостатые доги. Да ведь ты бывал в их безжалостных челюстях, помнишь. Вон, Андрей Воронцов, ошибись в чём-либо, когда пишет о Шолохове и Сталине, – что получится (3)! Спасибо, братец, что не отказываешь мне в доверии и ждёшь совершенства: в датах, в фамилиях, в названиях, в музыкальных и художественных интерпретациях! Я не подведу журнал...

Не буду загружать тебя другими штучками-дрычками, например, насчёт многословного Саши Казинцева (4) и статьи Панарина (5), насчёт разницы подхода к Сталину у Проханова и Шафаревича и т. д. Прочее.

Будь таким же, каким и был, пока!

Белов (вишь, как я лихо расписываюсь).
22 июля 2003 года

Подтверди получение “кирпича” (6), если оно состоялось. Пошлю ещё и “Медного всадника” с моей пьесой “Александр Невский”.

(1). В серии ЖЗЛ книга В. И. Белова о В. А. Гаврилове не вышла из-за сопротивления со стороны вдовы композитора.

(2). Имеется в виду книга Николая Коняева “Николай Рубцов” (М., Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2001).

(3). См. Роман А. В. Воронцова “Огонь в степи” (“Наш современник” № 4–7, 2003).

(4). Речь идёт о главах из книги А. И. Казинцева “Симулякр, или Стекольное царство” (“Наш современник” № 1–4, 2003).

(5). Имеется в виду статья Александра Панарина “Север – Юг” (“Наш современник” № 5, 2003).

(6). Речь идёт о книге Василия Белова “Час шестый. Трилогия” (Вологда, 2002)

25

В. Белов – Ст. Куняеву

Станислав Юрьевич, поздравляю с десятым номером. Ура, братцы. Проза Николая Пенькова захватывает и не отпускает (1). Передай ему это. Поздравляю с победой в писательском деле. Вот что такое настоящий талант, как говорил Рубцов. Надо читать и перечитывать. Спаси вас всех Господь. Берегите здоровье, всё остальное есть и будет. Десятый номер словно заколдован. С нетерпением жду одиннадцатого номера. До свидания.

Василий Белов.

(1). Автобиографическая повесть Н. В. Пенькова “Явление театра” (Из книги воспоминаний “Была пора”) напечатана в № 10 “Нашего современника” за 2005 год.

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогие друзья!

Станислав Юрьевич и Андрей Венедиктович.

Стасик, яз грешный, дурак и лентяй, только вчера дочитал твою редкую книгу (1). Должен тебе сказать, что давненько я не читал такой свежатины. Весьма прекрасная книга. Говорю без всякой лести. Смаковал каждую страницу, каждый абзац, буду ещё читать и перечитывать, как говаривал Коля Рубцов. Спасибо тебе, спасибо.

Всю жизнь я завидовал тем, кто учился в МГУ, перечитал 59 стр., особенно, её начало, где характеризуются С. М. Бонди.

Ах, как бездарно прошли годы! Лучше бы мне не <в> Литинститут, а в МГУ. Но хотя ведь и Литинститут тоже кое-что значил...

Главы антижидовские потрясают, хорошо, что умеренно пользуешься стихами. Стасик, может, использовать в рукописи о Гаврилине часть свиридовских монологов (2)? А, как ты думаешь? Впрочем, делайте, что хочется, а не по плану, *не по плану* получается всегда лучше.

Как живётся предшественнику Воронцова (3)?

Ну, друзья, рука не пишет, до свиданья.

Белов. 7 мая, перед днём Победы.
Христос Воскресе.

На обороте – начало рассказа про Таганку (4). Может, что и получится. Если получится, то и пришлю, а ты, Стасик, опубликуй мои “Безвозвратные годы” (5), пока, пока.

(1). Речь идёт о I томе автобиографической трилогии Ст. Куняева “Поэзия. Судьба. Россия” (М., “Наш современник”, 2005). Далее В. И. Белов делится впечатлениями от следующих глав тома: “На закате великой эпохи”, “Наш первый бунт”, “Русско-еврейское Бородино”.

(2). См. главу “Да сгинет тьма!” (Ст. Куняев “Поэзия. Судьба. Россия”. кн. 2. М., “Наш современник”, 2005.

(3). До А. В. Воронцова редакцией прозы в “Нашем современнике” завел А. Ю. Сегень.

(4). На обороте письма были записаны отдельные фразы, видимо, начато, но так и не законченного повествования.

(5). См. примечание 1 к письму 16.

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Стасик!

Поздравляю тебя с победой.

Ты победил! Научился писать не только стихи, но и прозу. Весь 2-й том прекрасен (1). Особенно добротна глава “Россия и люди Запада”, и про Эрнста Портнягина, и глава о Высоцком. Да вообще вся книга!

Дай тебе Господь творческих сил и вдохновения!

Уладил ли дела с Лужковым? (2). Главу о Глушковой я бы вообще удалил (3), впрочем, делай, как хочешь, ты молодец!

Привет сыну и Гале. Держись, милый!

Не прислать ли все три книги? И получена ли книжка о самозванцах (4)? До свидания.

Обнимаю! Белов. Конец мая, лето пришло.

(1). Том 2 трилогии “Поэзия. Судьба. Россия”. Далее – впечатления,

в частности, о главах “Жизнь и смерть в Небесных горах” и “А каждый читатель, как тайна” из 1-го тома.

(2). “Наш современник” был вынужден регулярно перезаключать договор на аренду занимаемого здания с Московской мэрией, которую тогда возглавлял Ю. М. Лужков.

(3). Речь идёт о главе “Волк и Муравей”, где приводилась переписка С. Куняева с поэтессой и критиком Т. М. Глушковой.

(4). См. примечание к письму 19.

28

В. Белов – Ст. Куняеву

Дорогой Станислав Юрьевич!

Поздравляю с прекрасной публикацией, напечатанной в № 10 2005 г<ода> журнала “Наш современник” (1).

Материал великолепен как по названию, так и по содержанию, защищающему честь русского народа и русского государства. Спасибо, что защитил журнал и твою книгу о Польше, о действиях государства в годы последней войны с немцами. Преклоняюсь перед твоим публицистическим даром. До свидания.

В. Белов.

(1). Имеется в виду статья С. Куняева “Вы мне надоели”.

К 80-летию Василия Ивановича Белова

Эту переписку нельзя назвать полной (из контекста видно, что некоторые письма отсутствуют). Тем не менее, на наш взгляд, она дает ясное представление о той душевной дружбе, которая связывала Василия Ивановича Белова и Вадима Валериановича Кожинова на протяжении более чем 30 лет.

В. Кожин не раз писал о творчестве В. Белова, писал с глубоким пониманием и проникновением, но вот, пожалуй, именно в кожиновских письмах, больше, чем в статьях, ощущается его личная заинтересованность в беловском творчестве, живое родство с тем идеалом цельной, полновесной и полнозвучной жизни, которой живут деревенские герои писателя.

И этот идеал, все отдаляющийся от нас, взмывающий в недостижимую высоту, и живительный воздух русской провинции, без которого современный житель мегаполиса вырождается в бездушного потребителя, — все то, чего Кожинovu так не хватало в Москве, он находил в общении с Беловым и его замечательными земляками-вологжанами: Николаем Рубцовым, Олегом и Виктором Коротавыми, Михаилом Карачевым.

Конечно, чувство духовного родства у них было взаимным. Василий Иванович дорожил мнением московского собеседника, делился своими творческими замыслами, сомнениями, а иной раз — в полном соответствии со своим прямым характером — резко спорил. Соратник, единомышленник и просто близкий человек, с которым можно поделиться самым сокровенным, — таков образ Вадима Валериановича в беловских письмах.

“Гармония для меня — это Бог...”

Из переписки В. В. Белова с В. В. Кожинoвым

1

5 мая 1972

Дорогой Вася!

Спасибо за доброе письмо. Пользуюсь случаем, чтобы поздравить тебя с праздником Победы.

А главное — обращаюсь с просьбой. Я не смог достать “Север” с началом твоей “летописи” (1) и был бы очень благодарен, если бы ты счел возможным прислать мне экземпляр (мечтал бы получить — хотя бы только для прочтения — и “сокращенные” главы).

Конечно, на нет и суда нет, но уж постарайся прислать — ведь я как-никак автор первого “исследования” о тебе (2).

Жаль, что ты коснулся только вопроса о повести и романе. Кстати, ты пишешь (3), что он тебе непонятен, и тут же как бы опровергаешь самого себя, замечая, что тебе придется решать проблему: “повесть или роман?”. Другого понимания мне и не нужно — важно лишь, чтобы она (проблема) не была выдуманной, чисто “литературоведческой”. Меня интересует другое — как воспринял ты мои рассуждения о “голосах” твоей повести?

Впрочем, если нет желания, можешь и не писать об этом, — быть может, поговорим при встрече.

Всего тебе доброго.

Твой В. Кожинoв.

(1). Имеется в виду роман “Кануны” (1972–1987), первые главы которого были опубликованы в журнале “Север” в 1972 году.

(2). В. Кожин подражает здесь свою статью “Голос автора и голоса персонажей. “Привычное дело” Василия Белова”, которая была написана в 1968 году, но вышла в свет только в 1971 году, в коллективном сборнике “Проблемы художественной формы социалистического реализма”. Далее в письме идет речь об этой статье.

(3). Письмо, в котором содержится реакция В. Белова на кожиновскую статью “Голос автора и голоса персонажей”, не обнаружено.

2

23 сентября 1975

Милый Вася!

Был очень рад получить от тебя весточку – и вовсе не потому, что ты написал лестные слова о моих статейках. Просто очень высоко ценю тебя как художника, возлагаю на тебя самые большие надежды сейчас (хотя и прекрасно понимаю, как бесконечно трудно тебе исполнить свой высший долг), и очень чувствую твоё человеческое обаяние.

Два слова о Николае (1) и моей статье (2). Ты как-то рассказывал о телефильме по “Привычному делу”. Статья – это нечто вроде фильма. По просьбе журнала я дал главу из моей книжки, которая набирается сейчас в “Советской> России” (когда выйдет – неясно) (3). Когда я прочитал гранки (журнальные), я хотел отказаться печатать статью (ведь они – заметил ли ты? – вырезали даже рассказ о смерти Коли, и из <текста> статьи можно подумать, что он еще жив. . .). Вырезали они и упоминание о том, что Коля имел “роковое пристрастие” – тогда яснее был бы смысл “неуравновешенности”. Ну, и многое другое.

Короче говоря, мне все же очень жаль, что эта статья вышла, – я просто не решился на ссору с журналом. В свое время буду очень просить тебя прочитать книжку (в ней всего 4 листа). Еще не могу не сказать, что в твоём письме сквозит мысль: мол, ты знаешь о Коле лишь понаслышке. Это, прости, не так. Я познакомился с ним еще до его поступления в Литературный институт, по Питеру (то есть раньше тебя) много было с ним выпито и проспороно – особенно в 1962–1967 годах. Мне приятно теперь вспомнить, что я первый написал о нем как о замечательном поэте (еще в 1965 году) (4). Это, кстати, было вообще чуть ли не первое мое выступление как критика (до этого я лет пятнадцать писал только о классической литературе). Кстати, в следующем моем выступлении есть о тебе – см. “Вопросы литературы”, 1966, № 10 (5).

О “здоровье” можно спорить. Я был вместе с Колей в драках; мне казалось, что он не очень силен, хотя и рьян (обычно старался вцепиться мертвой хваткой в противника).

Но, конечно, я обо всем, о чем ты написал, буду думать.

Всего тебе самого доброго, от души.

Очень хотел бы почитать то, что ты сейчас пишешь.

Поклон семейству.

В. Кожин.

(1). Николай Михайлович Рубцов (1936–1971) – поэт. Знакомство в начале 60-х годов Кожинова с Н. М. Рубцовым и – чуть ранее – с М. М. Бахтиным ознаменовали коренный поворот в судьбе Вадима Валериановича. Встреча с этими людьми дала ему возможность непосредственно соприкоснуться с *современной стихией русской поэзии и русской мысли*, а через них и внутри них – с самим русским бытием.

(2). “Самородность слова: Заметки о поэзии Николая Рубцова” // Наш современник. 1975, № 9.

(3). Книжка “Николай Рубцов: Заметки о жизни и творчестве поэта” вышла в 1976 году в издательстве “Советская Россия”.

(4). Имеется в виду выступление В. Кожинова в дискуссии о поэтических итогах года в ноябре 1965 года, опубликованное в 3-м номере журнала “Вопросы литературы” за 1966 год под названием “Поэты и стихотворцы”.

(5). Статья называлась “Искусство живет современностью”. Это первое

выступление В. Кожина, посвященное творчеству Белова. В статье высоко оценивались повести В. А. Курочкина и А. Г. Битова. По словам А. Битова, именно он обратил внимание Кожина на прозу Белова.

3

1 декабря 1975

Дорогой Вася!

Собираюсь написать тебе подробное письмо о Ю. Кузнецове (1) и вообще, а пока – просто *сопровожаю* книги, которые посылает тебе (по моему совету) Яков Ефимович Эльсберг (2), наш известнейший литературовед.

См. в тонкой книге страницы 299-300, а в толстой – стр. 400-401, где речь идет о “Канунах” (3). Надеюсь, что высоко положительная оценка начала романа ободрит тебя и, скажем, редакцию “Севера”. А то такие академические труды никто из литераторов не смотрит.

Всего самого доброго тебе и твоему семейству.

Обнимаю.

Вадим Кожин.

(1). Юрий Поликарпович Кузнецов (1941–2003) – поэт. Высокая духовная дружба, соединявшая с 1974 года В. Кожина и Ю. Кузнецова, воплотилась в таких проникновенных кузнецовских стихах, как “На повороте долгого пути...”, “Здравица”, “Приветствие”, “Сей день высок...”, “Ты прости: я в этот день печален...”

(2). Яков Ефимович Эльсберг (1901–1976) – литературовед, в 50-е – начале 60-х годов возглавлял отдел теории в Институте мировой литературы имени А. М. Горького. Собрал вокруг себя талантливую молодежь, выступил организатором издания легендарного трехтомника “Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении” (1962–1965), в котором участвовали сотрудники отдела (В. В. Кожин, П. В. Палиевский, С. Г. Бочаров, Г. Д. Гачев, В. Д. Сквозников, Н. К. Гей, Ю. Б. Борев и др.) Эта деятельность была своего рода оправданием предыдущего периода его жизни, омраченного, по свидетельству современников, сотрудничеством с ГПУ.

(3). О каких книгах идет речь, установить не удалось.

4

3 января 1977

Дорогой, любимый Вася!

Спасибо тебе за поздравление. И прости, что сам я не послал тебе оно-го – взялся даже начертать нечто, но задумался – то ли ты в Вологде, то ли в Тимонихе, – да так и не написал. Все равно я тебя всегда помню и люблю. Вот с год собираюсь что-то написать, – хотя, наверное, ничего путного не получится.

Мой замечательный друг (увы, погибший) – рыбинспектор с Плещеева озера в Переяславле (1), человек предельно простой (2 класса школы, ни одной книги в жизни не прочитал), но очень мудрый, сказал как-то (сильно выпимши; трезвый – он стеснялся рассуждать):

– Вот, Дима, мы с тобой друзья. Да. Но почему нельзя так сделать, чтобы хоть на минуту я стал бы ты, а ты – я. Чтоб я узнал всё, что ты мыслишь, а ты – что я мыслю...

Да, этого нельзя. Я хочу сказать только, что зря ты сомневаешься в безусловной ценности “Канунов”. Я бы мог объяснить суть дела сам, но для авторитетности приведу слова Блока, написанные им за 4 месяца до смерти: “Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга – философия, религия, общественность, даже – политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры... Это – признаки силы и юности”.

К тебе все это применимо больше, чем к кому-либо. А то, что ты сомневаешься, – тоже хорошо. Только продолжай сомневаться, не переходи за какую-либо грань. Мой учитель – великий русский философ и филолог Бахтин –

часто повторял, что единственно достойная жизнь – даже, более того, единственно живая жизнь – это жизнь на грани (т. к. мы ведь всегда находимся на грани – жизни и смерти).

А вообще-то ты, Василий Иванович, гораздо больше своих книг (я это неопровержимо знаю). Про кого это еще можно сегодня сказать – не ведаю. Даже те, кого я очень ценю, пишут на пределе.

Тебе же нужна только воля да чисто бытовые условия, и ты невероятно многое сделаешь.

А кроме того, я люблю тебя безотносительно к твоим написанным и еще не написанным книгам, в чем и подписуюсь. Сердечные приветствия от Лены.
Дима Кожин.

(1). Адольф Яковлев. В 60-е годы В. Кожин с женой и друзьями часто отдыхал у него дома на берегу Плещеева озера.

5

30 января <19>78

Дорогой Вадим,

Угадай, чьи эти несколько косноязычные стихи?

Если считаешь, я бы хотел знать, понравился ли тебе автор (1)?

Лене (2) поклон.

Спасибо за передачу о Рубцове (3). Лобзов (4) прозвучал прекрасно, а тебя я не слышал, включил радио с опозданием.

Белов.

(1). Это сопроводительное письмо сохранилось в кожиновском архиве без присланной рукописи.

(2). Елена Владимировна Ермилова – жена Кожина.

(3). Таких музыкально-литературных радиопередач о Н. М. Рубцове с участием В. Кожина известно, по меньшей мере, еще две: в декабре 1979 года (сохранилась стенограмма выступления) и в 1993 году (на Радио-1, ведущий передачи – Ю. М. Лошиц).

(4). Александр Сергеевич Лобзов (1929–1986) – композитор-любитель, всю жизнь проработавший в системе МВД. Автор песен и романсов на стихи русских поэтов, в том числе Н. М. Рубцова; незадолго до смерти написал оперу “Бессмертный Кощей” по мотивам одноименной сказки Белова. Дружил с обоими авторами переписки.

6

30 августа 1978

Дорогой Вася!

Посылаю тебе поэта (1) – ты ведь мне послал. Пожалуйста, не пожалей времени и души – прочти стр. 22–122.

Ю. Кузнецов (скажу по секрету) с волнением ждет, пришлешь ли ты ему “Кануны”, которых у него нет. Он заявил, что было только четыре писателя <в России> – Шолохов, Платонов, Булгаков, Белов.

Но прочти Прасолова и скажи с горечью и радостью – “нашего полку при-было”, – хоть он уже 6 лет спит на воронежском кладбище.

Обнимаю тебя. Все хочется написать тебе нечто длинное, но стесняюсь.

Сердечный привет семейству – и тебе, конечно, – от моего семейства, включая меня.

Дима Кожин.

(1). Речь идет о книге поэта Алексея Тимофеевича Прасолова (1930–1972) “Стихотворения” (1978, автор предисловия В. Кожин). Поэзию А. Т. Прасолова Кожин высоко ценил. В статье “Судьба Алексея Прасолова” (1977) он писал: “Я убежден, что если в будущем возникнет мысль об издании книги, включающей в себя наиболее значительные образцы лирической поэзии нашего времени, то даже при самом строгом отборе в эту книгу – как бы мало в ней ни оказалось имен – войдут лучшие стихотворения Алексея Прасолова”.

9 декабря 1978

Дорогой Вася!

“Сказка” твоя произвела на меня двойственное впечатление (1). С одной стороны, ты создал великолепную поэтическую ткань. Я даже не ожидал, что тебе и это доступно. Но вместе с тем “платье” из этой ткани, по-моему, не шито. Какие-то разрозненные выкройки. Невольно вспоминаешь нечто близкое (и в этой близости нет греха) — “Снегурочке” Островского (хотя там — драма, а здесь — гротеск, что ли). В “Снегурочке” цельное, единое и ясное действие. Каждая реплика любого героя — звено в этом действии. А у тебя реплики большей частью призваны (хотел ты этого или нет — неважно) создать некую атмосферу, *состояние мира*. Но без определенного, отчетливого действия, внутреннего действия, драматургия (пусть даже драматическая поэма-сказка) теряет сценичность — как в буквальном смысле — <для> постановки, — так и в чтении.

Если бы это было повествование, все скреплялось бы воедино волей повествователя, рассказчика. Здесь же как-то все распадается. Мелкие, дробные реплики в стихе как-то даже раздражают, мешают (и это раздражение — внешний показатель художественной неправомерности). Если бы каждая этих реплик выражала сдвиг в едином драматическом действии — другое дело. А так — впечатление своего рода хаоса: кто-то возникает, исчезает, вновь появляется, испытывает какие-то чувства...

Ты, быть может, возразишь, что как раз и хотел изобразить хаос. Но в искусстве и хаос должен быть воплощен, если угодно, в своеобразной художественной гармонии (ярчайший образец — пушкинские “Бесы”).

При теперешнем строении твоей сказки приходится напряженно угадывать, что ты хочешь сказать (я имею в виду не мысль, но мироощущение).

Образы Бабы-Яги, Солдата, Смерти, Русалки, Кикимор (Леший, Водяной как-то бледнее) очерчены превосходно, но между ними нет достойной их (я имею в виду очерченные тобой характеры) драмы. Их взаимодействие как-то неопределенно, они больше мельтешат, чем действуют.

Образ же Кощея (главный, как явствует из названия), по-моему, недостаточно глубок. Ведь это русский вариант вечного жида. Мне представляется, что он никак не может быть Ивановичем. Он затесался, прижился на Руси, но он не русского корня. Кстати, ведь само имя от пакость, от глагола (еще сохранившегося в диалектах — псковских, например): кастить (костить) — “гадить, грязнить, испражняться, пакостить”. А это значит, что он не из русского семени.

Своеобразие русского вечного жида в том, что смерть на него все-таки вроде можно сыскать... Авось сыщем... Ничего... народ русский доверчив.

Но это я уже с тобой спорю, — а не этого ты, вероятно, ждешь.

Вот мой ответ: если писать эту вещь, то заново, как драму с рельефным действием. Нельзя, по-моему, возвращать народу замысленные им “характеры” в таком хаотическом, невнятном воплощении.

Прекрасны у тебя частности (особенно меня обаял образ Русалки), но не целое (пусть даже целого ты еще и не создал, оно как-то намечается).

Прости, если огорчил тебя резкостью или тем, что может показаться тебе непониманием.

Помни, что ты всегда во мне — как человеческая мера, которой я повинен, — правильно ли я думаю и решаю.

Обнимаю тебя.

Дима.

(1). Сказка-пьеса “Бессмертный Кощей” впервые была напечатана в журнале “Театр” (1981, №7).

14 декабря 1978

Дорогой Вадим,

спасибо за письмо о моей сказке (1).

Разве я говорил тебе, что это черновик? Я сделал его нынче в Коктебеле за две недели (правда, заготовки кой-какие были).

Конечно, я не имел права показывать тебе недоделанную вещь. Но я вообще сомневался, имею ли право работать в таком духе... Поэтому я позвал тебя на помощь, как повивальную бабку. А ты пришел как бы уже крестить. Теперь же и рожать как-то расхотелось... (2).

Согласен с тобой во всем.

Напрасно только сомневаешься в том, что я не могу спорить с тобой по поводу хаоса в мире и хаоса художественного. Гармония для меня – это Бог. И не только в искусстве. А хаос – это хаос и есть. Хаосом в жизни, вернее, желанием его изобразить никогда не оправдаешь отсутствие гармонии, то есть хаос в произведении.

Совершенно справедлив ты в оценке Коцея. Конечно же, он не Иванович. Он такой же Иванович, как... придумай чего-нибудь сам. Ну, скажем, как Емельян (Губельман) Ярославский.

У меня недоделано и воспринимается пока напрямую.

Будь здоров!

Надеюсь, поездкой вы все довольны. Поклон семейству.

Насчет Нового года – созвонимся. Я еще не знаю планов жены и родных. Обнимаю.

Белов.

(1). См. прим. 1 к письму 7.

(2). Несмотря на все сомнения, работа над сказкой вскоре была продолжена.

9

5 октября <19>79

Вадим, читал ли ты эту статью (1)? Если уже читал, то извини. Можешь распорядиться отпечатком, как хочешь.

Благодаря тебе я узнал о Понтрягине (2).

Привет твоей жене и дочери.

Надеюсь, все вы здоровы.

Обнимаю.

Белов.

(1). Статья не обнаружена.

(2). Лев Семенович Понтрягин (1908–1988) – советский математик. В. Белов, по-видимому, узнал об этом ученом из кожиновской статьи “Классическая литература, экран и школа” (“Учительская газета”, 1979, 14 августа), где есть такие строки: “Как стало ясно из недавней статьи академика Л. С. Понтрягина “Арифметика и этика”, в последние годы школьное преподавание математики нередко упускает едва ли не главное в своем предмете – математическое мышление. И это напоминает ситуацию с преподаванием литературы...”.

10

23 октября 1980

<День рождения В. И. Белова>

Поздравляю, желаю всего самого доброго тебе. Посылаю подарки. В “Страницах современной лирики” (1) – лучшие поэты нашего с тобой поколения. Наверное, тебе захочется прочитать. Но у меня другая просьба. Вася, прочти всерьез – то есть переживи – книгу Николая Ивановича Тряпкина (2). В ней собрано все лучшее из 17 его книг. И это, поверь мне, замечательнейший поэт, которого смело можно ставить рядом с любым поэтом нашего века.

Прочти сначала те стихи, которые помечены галочкой (v).

И было бы очень хорошо, и я был бы бесконечно рад, если бы ты написал об этой книге несколько слов (точнее, не о книге, а о поэте) – в “Литературную” газету” или в “Наш современник”, или в “День поэзии”. Редактор “Дня поэзии” на 1981 год – Толя Передреев, он счастлив будет опубликовать твоё размышление.

Мне кажется, что ты захочешь написать о Тряпкине. Если не так – жаль, но ничего не поделаешь (3).

Обнимаю, помню всегда.

Ответ – главное – твое мнение о поэзии Тряпкина.

Дима Кожинов.

Р. С. В ноябре выходит альбом грампластинок “Николай Рубцов. Стихи и песни”. Не знаю, удастся ли мне достать несколько экземпляров, чтобы подарить тебе. Ты бы заказал в Вологодском магазине фирмы “Мелодия”. Там прекрасные записи чтения самого Николая, и еще Тюрин четыре песни поет.

Мою книгу не читай (или уж две последние главы) – это переиздание “Как пишут стихи” (4).

(1). В этот сборник, составленный В. Кожиновым в 1980 году, вошли стихи 12-ти современных поэтов. Он стал большим событием в тогдашнем литературном процессе, хотя вышел в издательстве “Детская литература” и предназначался для *старшего школьного возраста*.

(2). Имеется в виду “Избранное” Н. И. Тряпкина (1918–1999), вышедшее в 1980 году с предисловием В. Кожинова.

(3). Рецензия не была написана. В. Кожинов обращался с просьбой написать о Н. И. Тряпкине и к другим своим знакомым. Откликнулся петербургский филолог В. А. Котельников, написавший рецензию “Перуново древо поэта” для журнала “Литературная учеба” (1985, № 5).

(4). Книга вышла в 1980 году под названием “Стихи и поэзия”.

11

22 марта 1981

Дорогой Вася!

Давно хотел обратиться к тебе с одной просьбой, но как-то не решался – даже, когда ты был у меня, думал попросить, но прикусил язык. А сейчас отчего-то решаюсь.

Ты мог бы заметить, что в моем доме нет столь *модных* ныне икон или репродукций с них. Я не считал возможным что-либо повесить на стену, ибо не было лика, к которому бы я испытывал глубочайшее, всепроникающее благоговение. А чтобы находилось на стене нечто просто ценное, я не хотел.

И вот, по твоему пожеланию, я долго всматривался в лик Николая в Феррапонтовом монастыре (1), и он меня *пронзил*. Думаю, что этот лик больше, чем какой-либо другой, говорит нам, как нужно и мыслить, и чувствовать Россию. И мне, честное слово, трудно теперь без него.

Очень прошу, – если это, конечно, возможно, подарить мне большую (чем больше – тем лучше, скажем, метр на метр или на полтора) фотографию этой фрески. Лучше бы, конечно, цветную фотографию, но это, думаю, труднее, и к тому же цвет может оказаться неважным.

В идеале-то, понятно, светло-коричнево-голубая гамма фресок очень содержательна. Но как получится...

Я мог бы, конечно, обратиться к кому-нибудь еще, но, во-первых, твой дар был бы мне особенно дорог (к тому же и *послал* меня к этому лику ты), а во-вторых, боюсь, что другой человек просто не способен выбрать (или там заказать) верную фотографию, которая воссоздавала бы главное.

Вот такой я дерзкий проситель. Но, поверь, это в самом деле крайне важно для моей жизни (именно так). Повторю еще раз, что я до сих пор ничего не *выставлял* на свои стены.

Буду с волнением ждать ответа.

Всего тебе самого доброго, лучшие пожелания семье.

Вадим.

(1) Фреска Дионисия Рождественского собора Феррапонтова монастыря. В конце 90-х годов в работе “Преподобный Иосиф Волоцкий и его время” В. Кожинов высказал предположение, что Дионисий, “сотворяя свой проникновенный образ, вложил в него и видение, и понимание своего “возлюбленного брата”, преподобного Иосифа Волоцкого. В лике Святителя Николая, созданном Дионисием в 1502 году, воплощено предчувствие грядущих испы-

таний и готовность к ним, но вместе с тем в нем проступает и убежденность в конечном торжестве Истины...”

12

20 апреля 1981
Дорогой Вадим!

Я тебя даже очень понимаю (насчёт *Николаы* Дионисия). На мой взгляд, цветной снимок хуже черно-белого. У меня же нет таких больших, какого ты хочешь. Свяжись с Толей Заболоцким (1) (т. 299-78-28): у него есть слайд. Договорись с ним. Но, повторяю, лучше сделать большой черно-белый кадированный (фу, какое словечко!) (2).

Будь здоров, жене и дочери – поклон.
Белов.

(1). Анатолий Дмитриевич Заболоцкий (р. 1935) – кинооператор-постановщик, фотохудожник, любимый оператор В. М. Шукшина, близкий друг Василия Ивановича Белова. В 1978 году участвовал в создании фильма “Целуются зори” по одноименной повести В. Белова.

(2). В. Кожин последовал совету Белова и заказал цветную фотографию лика Свяителя Николая работы Дионисия у А. Д. Заболоцкого. Этот лик, воспетый Ю. П. Кузнецовым: “Твой дом парит в дыму земного шара, / А выше Дионисий и гитара...”, – и поныне находится в кабинете Вадима Валериановича в доме на Б. Молчановке.

13

6 января <19> 83

Дорогой Вадим, ну, и наворотили вы для этих самых библиофилов! (1)

Я понимаю журналистов – эти для красного словца не пожалеют ни мать, ни отца. А ты ведь не журналист, и как <ты> можешь безответственно кидаться сомнительными идеями?

Мысль о преимущественно книжной культуре России сама по себе спорна и дает простор демагогии. Нет, братец, живопись и *вокал*, как ты говоришь, не уступали на Руси *книжности*, как, впрочем, и в Италии. Архитектура – та тоже не уступала... Ты же прекрасно это знаешь!

Насчёт специфики русского образного мышления вы с Ерохиным тоже подзапутались. Откуда взяли вы незавершенность у Пушкина или у Глинки? Беспрерывность я принимаю, но незавершенность, да еще нарочитую? Уволь! Тут у вас черт знает что наговорено! И уж совсем смешно выглядит на основе этой мысли утверждение по поводу разрушения памятников во имя разрушения *статуарности*. Во-первых, само по себе нелепое предположение. Во-вторых, памятников в России было так много (в одной Вологде до революции действовало 85 церквей), что снос... Да что тут говорить. “Известно, – толкует твой собеседник, – что в Москве во второй половине XVIII века было разрушено больше памятников русского зодчества, чем за два последующих столетия...”

За это, извини меня, уже *бьют в морду*... Это ложь и провокация, а ты подпеваешь. Маркиз де Кюстин тоже, кстати, лгал, не задумываясь. Не зря ты его помянул.

Еще разреши, дорогой Вадим, не согласиться с тобой насчет джаза: он заполонил советский эфир и эстраду, а на Западе у него не такая уж и широкая *пандемия*. Там молодежь поет теперь свои народные песни (сам видел и слышал, хотя бы и в Англии). Твой выпад против ограниченности фольклора – тоже оставляя на твоей совести.

И ещё: я очень люблю Кузьмина (2). Но ему далеко не только до Пушкина, но и даже до Лескова. По моим представлениям, иллюстратор текста никогда не достигнет того, что в тексте, да и достигать не надо.

В остальном я согласен с тобой, особенно хорошо ты сделал, что сказал об опасности телевидения, инсценировок и пр.

Привет Лене и Саше (3), позволь, хоть и с опозданием, но поздравить всех вас с Новым Годом.

Белов.

Через неделю буду в Москве.

...Если б перечислить все, что взорвано только у меня на родине... Но взрывал не русский народ – взрывали враги.

(1). Имеется в виду интервью В.Кожина “Воплощенное в слове”, опубликованное в “Альманахе библиофила” за 1982 год. Вел интервью тогдашний ответственный редактор “Альманаха библиофила” В. П. Ерохин, на досуге увлекающийся джазовой музыкой (отсюда в интервью так много места занимает джаз, столь далекий и от книжной темы, и от сферы интересов Вадима Валериановича).

(2). Николай Васильевич Кузьмин (1890–1987) – художник-график, иллюстратор произведений Пушкина, Лермонтова, Лескова.

(3). Дочь Кожина.

14

21 февраля 1983

Милый Вася!

Так увлекся твоим “Ладом” (1), что все никак не соберусь высказать свое восхищение и сердечную благодарность. Думаю о том, что книга поистине уникальна, неповторима. Вот ведь и хотелось бы поставить ее в некий ряд, где книги Афанасьева, Даля, Аксакова, – но ничего не получается. “Лад” – не еще одна книга, а единственная в своем роде, хотя, может быть, и открывающая некий будущий ряд.

Впрочем, ты и сам о своем все знаешь, – так я себе представляю.

О твоей атаке на интервью в “Альманахе библиофила” (2) в письме не скажешь – слишком широкие и сложные вопросы здесь таятся. То, что мы вообще ругаемся, – вполне естественно, это вполне здоровое явление, – только бы не забыть в какой-то момент о главном. Там, где все друг с другом соглашаются во всем, – нет живой жизни.

Может быть, как-то удастся поговорить без суеты и торопливости, и что-нибудь выяснится. Странно мне только, что напал <ты> на какое-то интервью, а о статье в “Нашем совр<еменнике>” (1981, № 11) (3) сказал только как-то, что с ней во многом не согласен. Скажу тебе по секрету, что для меня самое важное в том интервью – цифры в конце (на стр. 27). Жаль, что ты, как и многие, в них не взгляделся. Эти трагические цифры о многом скажут, если подумать.

Но, в конце концов, все это не так уж существенно. Я надеюсь, что мы (в том числе и ты, и я) еще многое переживем и поймем. И вся суть, чтобы быть живым в самом полном смысле слова.

Всего самого-самого доброго тебе и твоей семье, Лена и Саша сердечно вас приветствуют и благодарят.

Обнимаю.

Вадим, Дима

Р. С. Был у меня Евг<ений> Ив<анович> Осетров (4), увидел “Лад” и огорчился, что ему не подарено. А я, – говорит, – первым на “Лад” в печати откликнулся. У Е. И. есть свои недостатки, но мужик он хороший, и книга его “Живая Древняя Русь” свое дело сделала. Впрочем, конечно, это твое дело, Вася.

На всякий случай – его адрес:

125319 М., Красноармейская ул., д. 25, кв. 12.

(1). Книга “Лад. Очерки о народной эстетике” вышла в 1982 году с фотографиями А. Д. Заболоцкого. Отдельными очерками “Лад” выходил в 1979–1981 годах в журнале “Наш современник”.

(2). См. прим. 1 к письму 13.

(3). Этой статье – “И назовет меня всяк сущий в ней язык...” – В. Кожин придавал большое значение. Написанная в 1980 году, ровно через сто лет после “Речи о Пушкине” Достоевского (и с явным сопоставлением с нею), она была во многих отношениях переломной в творчестве Вадима Валериановича. В частности, в статье обозначился переход от вопросов литературы к вопросам русской истории и историософии.

(4). Евгений Иванович Осетров (1923–1993) – писатель, активный деятель всесоюзного движения книголюбов, инициатор создания и главный редактор “Альманаха библиофила”.

15

<1983?>

Дорогой Вася!

Прекрасный человек и писатель Баграт Шинкуба (абхаз, 1917 г. рождения), бесконечно тебя ценящий, написал, так сказать, абхазский “Лад” – повесть о своем детстве и отрочестве в 1920-е годы, изобразив весь круговорот жизни крестьянской семьи, вобрав едва ли не всю историю и творчество своего народа (1).

Передо мной 400 машинописных стр<аниц> подстрочника, хорошо подготовленного. Не сомневаюсь нисколько, что тебя эта вещь поистине восхитит.

Пишу на всякий случай – с малой надеждой: вдруг ты не откажешься изложить это по-русски? Шинкуба был бы счастлив. Перевод будет сразу же опубликован и в Абхазии, и в любом московском журнале, а затем в виде книги.

Ответь, пожалуйста, – хотя бы одной строкой: согласен ты или нет (2).

Всего тебе самого доброго.

В. Кожин.

Да, договор с авансом можно сразу же заключить через грузинское агентство (у них там такое создано). И еще, конечно, прежде чем переводить, <Шинкуба> пригласит тебя на месяц-другой в Абхазию, в деревню.

(1). Имеется в виду роман Б. В. Шинкуба “Рассеченный камень” (увидел свет на абхазском языке в 1983 году). С Б. В. Шинкуба (как и со многими другими абхазскими деятелями культуры) Кожинова связывала сердечная дружба, основу которой составляла давняя любовь и привязанность Вадима Валериановича к Абхазии и её народу.

(2) Предложение Кожинова, по-видимому, не заинтересовало Белова; на русском языке роман “Рассеченный камень” вышел в 1986 году в переводе И. Бехтерева.

16

18 ноября 1987

Дорогой Василий Иванович!

Хотел вообще-то написать “Вася”, но подумал, что, может быть, тебя так никто сейчас, кроме родственников, не называет, и решил не нарушать общего тона.

Обращаюсь к тебе по настоятельным просьбам кубанцев, которые составляют книгу памяти Юрия Селезнева (1). Они очень огорчены тем, что никто из больших писателей (Астафьев, Распутин и еще ряд *больших* – хотя бы по репутации) не собрался написать что-нибудь в эту книгу. Это, в частности, дает основание руководству издательства всячески *придерживать* <её> – вот, мол, Селезнев не такая уж серьезная фигура... (2)

Поверь, я хорошо понимаю, сколь трудна и сложна твоя жизнь (в самом широком, полном смысле слова), но все же мне думается, что есть глубокие основания для того, чтобы ты написал несколько страниц о Юрии Ивановиче, – страниц самых вольных по теме и стилю.

Я даже уверен, что если бы ты выбрал время и перелистал его книги и письма к тебе, то само собой что-либо написалось <бы>. В частности, и потому, что сейчас можно ведь в связи с размышлениями о судьбе Юрия сказать нечто очень существенное, чего нельзя было сказать еще год-два назад.

Если бы не неоднократные жалобы с Кубани, я не стал бы тебя беспокоить.

Радуюсь душой, вспоминая новогодние дни в Вологде, – хоть и не пришлось как-то всерьез поговорить с тобой.

От всех нас сердечный привет тебе и твоей семье.

Твой В. Кожинов.

Да, если ты напишешь что-нибудь, послать можно мне или же прямо Лихоносову (3).

(1). Юрий Иванович Селезнев (1939–1984) – писатель, один из лидеров патриотического движения в 70-х – начале 80-х годов. Любимый ученик В. Кожинова, друг Белова (последняя прижизненная книга Ю. И. Селезнева была посвящена творчеству Василия Ивановича).

(2). В. Кожинов не знал, что в этот же день (то есть 18 ноября), когда он писал письмо, в Краснодаре была подписана в печать книга воспоминаний о Ю. И. Селезеве “Память созидаящая”, что, вероятно, вскоре и выяснилось, и надобность в воспоминаниях Белова отпала.

(3). Виктор Иванович Лихоносов (р. 1936) – писатель, один из составителей сборника “Память созидаящая”.

17

16 мая 1988

Дорогой Вадим!

Кабы знал я, что в “Н<ашем> С<овременнике>” будет твоя статья (1), не стал бы тратить дни на свою, косноязычную и осторожную (будет в № 6 “Нового мира”) (2).

Спасибо! Ты одним махом поставил крест на всей этой *трепотне* вокруг Рыбакова, Бека и т. д. (3) А почему Петр Васильевич (4) отсиживается в окопе и не вылезает на бруствер? Другие что думают? Или ждут, что ты и за них скажешь (о разрушении эстетики, <нрзб>, про гибель театра, насчет плюрализма, оправдывающего гомосексуалистов и т. д.)

Особенно надо бы разъяснить людям, что такое культ. Не кто такой Сталин, а что значит культ.

Ладно. Будь здоров и как прежде удачлив в работе. Жене, дочери и зятю – мой поклон. До свидания.

Белов.

(1). “Правда и истина” // Наш современник. 1988, № 4.

(2). “Ремесло отчуждения: Бюрократия и экология. Размышления при разборе бумаг” // Новый мир. 1988, № 6.

(3). В статье “Правда и истина” В. Кожинов дал блестящий анализ романа А. Н. Рыбакова “Дети Арбата”, показав мировоззренческую ограниченность, *клановость* того весьма влиятельного в 60–80-е годы *разоблачительно-диссидентского*, крайне идеологизированного (и потому малохудожественного) направления в литературе, вождями которого были А. Н. Рыбаков, Ю. В. Трифонов и А. А. Бек.

(4). Петр Васильевич Палиевский (р. 1932) – филолог, яркий представитель современной почвеннической мысли; друг Кожинова со времен аспирантуры.

18

<май-июнь 1988>

Дорогой Вася!

Очень тронут твоим добрым письмом, хотя ты, конечно, преувеличиваешь достоинства моего сочинения – все это только первые попытки выбраться, так сказать, из бездны, понять смысл совершившегося.

Твою статью в “Н<овом> м<ире>” (1) я еще, понятия, не видел, но когда мой опус (2) в “Н<ашем> с<овременнике>” уже почти вышел в свет, прочитал я твое выступление в “Правде” (3) и был так рад, что мы в каких-то важнейших линиях, не сговариваясь, с тобой совпали – вплоть до товарища Яковлева (4).

Хотел бы повидаться, – хотя бы, глядя друг на друга, помолчать. Так что, если выберешься в Москву, зайди. Ты помнишь, что живу я *ближе всех*, у Арбатского перекрестка.

Обнимаю тебя, и семейство мое, любящее тебя, присоединяется. Всего самого доброго твоему Дому (или двум домам – включая Тимонику).

Вадим.

(1). См. прим. 2 к письму 17.

(2). Статья “Правда и истина”.

(3). “Возродить в крестьянстве крестьянское...”: Интервью с В. Беловым / Записали А. Арцибашев и Г. Сазонов // Правда. 1988. 15 апр<еля>.

(4). Александр Николаевич Яковлев (1923–2005) – партийный деятель, один из главных *прорабов перестройки*, приведшей в 1991 году к распаду СССР. Будучи и. о. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, в ноябре 1972 года опубликовал в “Литературной газете” статью “Против антиисторизма”, в которой с позиций догматического марксизма подверг жёсткой критике представителей почвеннического направления в литературе, в том числе и В. Кожина.

19

25 января 91

Вадим Валерьянович.

Клевета на Есенина давно выявлена, только ты с Прокушевым не веришь истине...

Даже Вознесенский (Андрей) признал, что Есенин был убит (в частном разговоре с В. Ганичевым) (1).

Будь здоров, пока!

Белов.

(1). Это краткое послание является, по-видимому, откликом на неустановленное выступление В. Кожина о Есенине. Вадим Валерианович не разделял версию об убийстве поэта, находя достаточным объяснение причины смерти в том крайне тяжелом душевном состоянии, в котором находился Есенин последние два-три года жизни.

20

17 января <19>98

Дорогой Вадим!

Дочитал я до 150-й стр<аницы>, и возникло желание возразить Миллеру и тебе (1). Что он называет *тёмной*, т<о> е<сть> крестьянской средой? Разве в IX–X веках воин (дружинник) и крестьянин-хлебопашец <были> не одно и то же? Один конь землю пахал и в битву скакал, воин (даже князь) был одновременно и хлебопашцем.

Стремление разделить Русь на классы осталось у тебя в книге.

На мой взгляд – это отголосок вульгарного социологизма, *классовости*. Героический эпос выше всех классов, спорить о том, кто его создавал, не стоит...

А так, разумеется, я целиком с автором *современного взгляда*.

Завтра выезжаю в Москву, пишу, чтобы не забыть.

К несчастью, из-за дурных обстоятельств я не смогу приехать на вечер Передреева (2). Здоровье все хуже...

Лене и дочери кланяюсь.

Белов.

(1). Имеется в виду книга В. Кожина “История Руси и русского Слова. Современный взгляд” (1997), в которой одна из глав (“Воплощение в русском Слове “героического периода” истории Руси”) посвящена вопросу о происхождении былин. В ходе исследования Кожин опирается на мнения многих филологов и фольклористов, в том числе В. Ф. Миллера, доказывавшего, что былинный эпос первоначально сложился в аристократической среде, а в *низшем слое народа* он мог только искажаться. При этом Кожин оговаривался, что в суждениях В. Ф. Миллера “есть небрежные и слишком заостренные формулировки”.

(2). Вечер памяти поэта Анатолия Константиновича Передреева (1932–1987) с участием В. Кожина состоялся 18 ноября 1997 года в московском Центральном Доме Российской Армии.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

“НО СОЛОМОНОВ СЫН...”

В 1841 году Михаил Лермонтов написал шуточную эпиграмму на Николая Мартынова:

*Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг, и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом.*

Николай Соломонович Мартынов и на самом деле поражал многих своей самовлюбленностью, не интересовался ничем, что не входило в его мир. Нёс всё в себе самом. С юности он собирался поразить всех своими достижениями, мечтал о высокой карьере, генеральских погонах, был уверен в своих литературных дарованиях, собирался покорять сердца красавиц. Познакомились Лермонтов и Мартынов, скорее всего, еще в детстве. Рядом с Тарханамы находилась у Нижнеомовского монастыря усадьба Мартыновых. В книге “Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева”, изданной в вольной типографии Федора Любия в 1809 году, пишется: “Потомки Киреевых, Мансыровых и Мартыновых связаны с Арсеньевыми дальними родственными узами”... Позже они встречались в своих подмосковных имениях, расположенных недалеко друг от друга (Середниково и Знаменское), но сблизилась в юнкерской школе, потому что Николай Соломонович, достаточно образованный юноша, обладающий литературным вкусом, почувствовал высокое дарование своего сверстника, но пока еще был уверен и в своем тоже. Они долгое время были друзьями-соперниками. Они собирались дружить на равных. Они оба были честолюбивы, и оба увлекались женщинами. Как писал один из яростных защитников Мартынова Д. Д. Оболенский в своей статье “Н. С. Мартынов” в 1890-х годах для словаря Брокгауза и Ефрона: убийца Лермонтова “получил прекрасное образование, был человеком весьма начитанным и с ранней молодости писал стихи”. Они оба участвовали в юнкерском литературном журнале, легко шутили друг над другом, бражничали. Но постепенно выяснялось: то, что давалось Мишелю естественно, что с каждым годом становилось у него ярче и талантливее, Мартышу давалось с большим напрягом. Было бы хорошо, если бы он был лишен литературного вкуса, чувства слова и считал бы, как какой-нибудь их сослуживец

Арнольди, что его стихи ничем не хуже лермонтовских. Не возникло бы и ненависти к другу. То, что он разбирался в литературе, лишь усугубило их противостояние, Мартынов все более ясно понимал свою бездарность, свою подражательность. Не только в стихах, но и в поведении, в стремлении к воинской славе. К тому же Лермонтов явно иронизировал над романтической “позой” Мартынова и его стихами.

Они становились скрытыми антагонистами. У Лермонтова начинается печататься роман, принесший ему мировую славу — “Герой нашего времени”. Первой выходит повесть “Бэла”. Мартынов одновременно начинает повесть со сходным сюжетом “Гуаша”, главный герой которой — князь Долгорукий со своим благородством и добродушием — явно осознанно противопоставляется лермонтовскому эгоцентричному Печорину...

Михаил Лермонтов с безумной храбростью лез на Кавказе в боевые схватки, стал командиром отряда разведчиков — вроде нынешнего спецназа. Николай Мартынов после первого же боя испугался за свою жизнь и от сражений уклонялся, откровенно трусил. При этом крайне разным у них было отношение к противнику, к тем же горцам. Бесстрашный воин Михаил Лермонтов, очевидно, немало положивший в боях противников, восхищался их храбростью и стремлением к воле, с сочувствием относился к мирной жизни горцев, вынужденных защищаться от русских. “Горят аулы, нет у них защиты”. Михаил Лермонтов пишет свой гениальный “Валерик”, где после описания кровавого боя есть такие человеколюбивые строки:

*А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?..*

Его антагонист Николай Мартынов, уклонявшийся от сражений, напротив, восторгается карательными экспедициями:

*Горит аул невдалеке...
Там наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает,
Хозяйкам кашицу варит.
На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов.
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков.
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них...
Мы их травили по долинам
И застигали на горах...*

Мартыновская поэма “Герзель-аул” написана явно в противовес лермонтовскому “Валерику”. Есть в поэме и прямой шарж на Лермонтова:

*Вот офицер прилег на бурке
С ученой книгою в руках,
А сам мечтает о мазурке,
О Пятигорске, о балах.
Ему все грезится блондинка,
В нее он по уши влюблен.
Вот он героем поединка,
Гвардеец, тотчас удален.
Мечты сменяются мечтами,*

*Воображенью дан простор,
И путь, усеянный цветами,
Он проскакал во весь опор...*

Если у Лермонтова в “Валерике” мы читаем: “простора нет воображенью”, его завистник, напротив, дает своему убогому воображенью простор. Пишет, и часто не заканчивает своих произведений, потому что чувствует их убогость. Отсюда и ненависть к своему другу-сопернику. В той же “Горской песне” Мартынов сладостно мечтает:

*Я убью узденя!
Не дожить ему дня!
Дева, плачь ты заране о нем!..
Как безумцу любовь,
Мне нужна его кровь,
С ним на свете нам тесно вдвоем!..*

Это опять же ответ на лермонтовское “на свете места много всем” и одновременно переделанные слова Грушницкого, в роли которого чувствовал себя Николай Соломонович: “Нам на свете вдвоем места нет”. Думаю, прочтение Мартыновым “Героя нашего времени” не доставило ему много радости. И дело не в том, что он якобы оскорбился за свою сестру, выведенную под именем княжны Мери. Сестра-то как раз радовалась, когда её связывали с героиней лермонтовского романа. Мартынов увидел себя в образе Грушницкого и... убитым на дуэли. Мартынов решил всё переиначить в жизни. Не дать поэту дожить до всемирной славы.

У Лермонтова есть два экспромта 1841 г., высмеивающих Мартынова – “Наш друг Мартыш не Соломон” и “Скинь бешмет, мой друг Мартыш”, а у Мартынова – злая эпиграмма “Mon cher Michel”. Если бы не это противостояние гения и пошляка, храбреца и труса, боевого офицера и отставного кривляки, вряд ли из-за какой-то шутки могла бы произойти дуэль. Михаил Лермонтов шутил:

*Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Распояшься, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый!*

Мол, сними ты всю свою горскую одежду, в которой ты выглядишь каким-то клоуном, ты – русский офицер, не горец, и это не твое. Одень свою русскую броню, возьми русское оружие. И тогда уж сторожи нас, как городовою.

Известный лермонтовед Эмма Герштейн пишет: “По мастерству, с которым в этом экспромте дано скрещиванье разных смыслов, можно с уверенностью сказать, что сочинил его действительно Лермонтов. Рядом с прямым приглашением сменить кавказский народный костюм на старинную русскую военную одежду (идея “Кавказца”) здесь уживается намек на неважные боевые качества Мартынова – ему оставалось бы только нести полицейскую службу (хожалый), – и насмешка над его мнительным отношением к шуткам товарищей (“блюди нас”)...”

Впрочем, и Мартынов старался, как мог, тоже прищемить Лермонтова. В 1963 году была найдена эпиграмма уже Николая Мартынова, обыгрывающая любовные похождения Лермонтова. Скорее всего эпиграмма написана в 1841 году, в ней упоминаются сразу три знакомые Лермонтову женщины: Э. А. Клингенберг (по отчиму – Верзилина), Н. А. Реброва и Адель Оммер де Гелль:

*Mon cher Michel!
Оставь Adel...
А нет сил,
Пей элексир...
И вернется снова
К тебе Реброва.*

*Рецепт возврати не иной
Лишь Эмиль Верзилиной.*

Текст эпиграммы известен по рукописи, в начале которой находится “Рецепт. Как составлять жизненный элексир”, написанный значительно раньше и другой рукой. Рядом с текстом эпиграммы сохранилась надпись, сделанная, очевидно, самим Лермонтовым: “Подлец Мартышка”.

Может быть, какие-то взаимные обидные эпиграммы до нас и не дошли.

Михаил Лермонтов был безразличен к условиям жизни, мог спать в любых условиях, питался вместе с солдатами, надевал то, что под руку попадало. Хотя ценил хорошее оружие, хороших лошадей, имел вкус к жизни и при случае мог пофорсить.

Николай Мартынов одевался вычурно и крикливо, вызывая своими пестрыми нарядами усмешку у окружающих и, естественно, становясь предметом для шуток Лермонтова. Как вспоминает А. И. Арнольди: “Шалуны товарищи показали мне тогда целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообща начертали и раскрасили. Это была целая история в лицах вроде французских карикатур...” Конечно, обидно, когда видишь себя на карикатуре, изображенным в мундире с газырями и с огромным кинжалом, сидящим на ночном горшке. Конечно, остроты и карикатуры Лермонтова злили Мартынова, он имел право отвечать тем же, но... и на остроумный ответ таланта не хватало. Последняя подружка Лермонтова Е. Г. Быховец писала: “Этот Мартынов был глуп ужасно, все над ним смеялись; он ужасно самолюбив; карикатуры его беспрестанно прибавлялись; Лермонтов имел дурную привычку остричь... Это было в одном частном доме. Выходя оттуда, Мартынка глупый вызвал Лермонтова. Но никто не знал. На другой день Лермонтов был у нас ничего, весел; он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала, осударь его не любил, великий князь ненавидел, <они> не могли его видеть — и тут ещё любовь: он был страстно влюблен в В. А. Бахметьеву; она ему была кузина”.

Если нельзя было встать вровень с Лермонтовым, тогда надо было его уничтожить. Поэтому Мартынов охотно пошел на поводу у людей, провоцирующих их дуэль.

С. Н. Филиппов в статье “Лермонтов на Кавказских водах” (журнал “Русская мысль”, декабрь 1890 г.) описывает Мартынова, подтверждая острую наблюдательность насмешливого поэта: “Тогда у нас на водах он был первым франтом. Каждый день носил переменные черкески из самого дорогого сукна и все разных цветов: белая, черная, серая и к ним шелковые архабуки такие же или еще синие. Папаха самого лучшего каракуля, черная или белая. И всегда все это было разное, — сегодня не надевал того, что носил вчера. К такому костюму он привешивал на серебряном поясе длинный чеченский кинжал без всяких украшений, опускавшийся ниже колен, а рукава черкески засучивал выше локтя. Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь... Мартынов пользовался большим вниманием женского пола. Про Лермонтова я этого не скажу. Его скорее боялись, т. е. его острого языка, насмешек, каламбуров...”

Казалось бы, с юности они хорошо знали привычки и особенности друг друга. Знаменское, имение Мартыновых, находилось рядом с Середниково, имением Столыпиных, где Лермонтов провел три лета подряд (1828–1830). Семнадцатилетний Лермонтов посвятил старшей сестре Мартынова стихотворение, в котором отдает должное ее уму. И в дальнейшем судьба странным образом вновь и вновь сводила их, вплоть до роковой дуэли. Почти одновременно поступили они в военную школу. Там не раз соперничали в силе и ловкости, вряд ли сильному, рослому Мартынову нравилось, что невысокий, неуклюжий с виду “Майюшка” (так прозвали Лермонтова по имени горбуна — героя французских карикатур) нередко оказывался и ловчее, и сильнее. Состязались они не только в ловкости (во всей школе, кроме них, только один юнкер владел саблей, остальные предпочитали шпагу), но и в стихах. Все поначалу равны друг другу. И всё-таки более всего Мартынова раздражал крепнувший у него на виду литературный гений Лермонтова. Это не была зависть великого труженика Сальери к воздушному легкому гению Моцарта. Это была ненависть светского обывателя, ненависть высокомерного, но пустого дворя-

нина, к тому же неудачника, уволенного в отставку, к высокому таланту. Несомненно, Николай Мартынов осознанно хотел убить Лермонтова, и осознанно в него стрелял. Тем более, Мартынов знал, что опытный воин и прекрасный стрелок Михаил Лермонтов стрелять в него не собирается. Значит, требуется всего лишь метко прицелиться в поэта. Увы, это ему удалось...

Так во все времена обыватели ненавидят талантливых людей: Достоевского и Чехова, Гумилева и Есенина, Рубцова и Бродского... Без них обывателю живется легче. Мартынов мечтал если не о литературной, то о военной карьере, мечтал ходить в генералах, увы, его без ордена и без славы отправили в отставку простым майором. Михаил Лермонтов мечтал об отставке, хотел основать новый литературный журнал, уже для русских талантов, без заемного французского рукоделия. Мартынов ненавидел свою отставку. И потому он все глубже тайно ненавидел Михаила Лермонтова. Его, конечно, задевали и шутки поэта в свой адрес, и карикатуры, но вряд ли эти легкие и незлобные насмешки стали поводом для дуэли. Да и были ли насмешки? Всё покрыто мраком. В отличие от не менее трагической, но предельно ясной и зафиксированной дуэли Пушкина, в лермонтовской дуэли есть только одни загадки, гипотезы и предположения. Скорее, права Эмма Герштейн, утверждающая: "Сбивчивость рассказов защитников Мартынова о дуэли, искусственная концепция о Наталье Мартыновой и пропавших письмах, игнорирование важнейших биографических моментов жизни Н. С. Мартынова указывают на то, что истинная подоплека истории дуэли скрывалась... Все эти данные подчеркивают участие в этой дуэли других сил, для которых Мартынов оказался удобным орудием исполнения".

Была ли ссора в доме Верзилиных? Никто свидетелем не был, все по слухам. Что послужило поводом для дуэли? Кто был секундантом? И сколько их было: то ли один Михаил Глебов, то ли они вдвоем с князем Васильчиковым, то ли были еще и князь Сергей Трубецкой с близким другом Лермонтова Алексеем Столыпным (Монго)? Был ли еще кто-нибудь свидетелем дуэли, тот же Дорохов? Или вообще, дуэль состоялась без секундантов? Как в случае с князем Голицыным? "По случаю дуэли Лермонтова, — писал Вяземский, — князь Алек. Ник. Голицын рассказывал мне, что при Екатерине была дуэль между Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит, и не совсем правильно, по крайней мере, так в городе говорили и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потемкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке".

Почему князь П. А. Вяземский связывает дуэль Лермонтова с дуэлью Голицына? Или и впрямь вынужденная отставка, соединенная с негативным восприятием лермонтовского романа, да еще с обидными эпиграммами, и послужила причиной вспыхнувшей мартыновской ненависти? И впрямь, мудрости не хватило? "Не мудр, как царь Шалима, но умен. Умней, чем жидовин..." Увы, но и жидовинского ума у Николая Соломоновича Мартынова хватило лишь на то, чтобы с близкого расстояния, прекрасно зная о том, что Лермонтов в него стрелять не будет, прицелиться и убить своего бывшего приятеля.

В истории этой дуэли уже навсегда загадок будет больше, чем загадок. Неизвестно точно ни место дуэли, ни место первого захоронения. Что говорилось на дуэли, кто и когда стрелял — всё покрыто мраком. Я постараюсь, опираясь на достоверные факты, рассказать историю отношений Лермонтова и Мартынова.

Скажу честно, мне ближе версии, высказанные вскоре после гибели поэта или же при жизни его современников в XIX столетии. Ближе версия того же знаменитого дуэлянта и друга Михаила Лермонтова Руфина Дорохова. Дорохов подвел итог одной фразой: "Дуэли не было — было убийство". Уж ему ли не знать в тонкостях весь дуэльный кодекс. Когда сегодня лермонтоведы Захаров или Очман, оправдывая во всем Мартынова, доказывают соблюдение всех правил дуэли и невозможность для Мартынова стрелять куда-то в сторону или в воздух, я поражаюсь: это что за новые блюстители дуэльного кодекса. Может, вызвать кого-нибудь из них на дуэль?

Я перечитал все возможные документы, воспоминания, книги и царского периода, и советского периода, и нынешние. Меня поразила явная антилермонтовская позиция современных ученых. Нынешний поворот к воспеванию убийцы поэта я объясняю общей тягой к дискредитации всего русского. Не собираюсь идеализировать сложный характер нашего национального гения. Впрочем, у кого из великих писателей был мягкий характер? Может,

и правильно делали обыватели во все времена, когда безжалостно убивали писателей, от Пушкина до Мандельштама? Ладно бы упирали на случайность дуэльной гибели. Мог погибнуть Мартынов, погиб Лермонтов... Но винят во всем именно Михаила Лермонтова. Признавая все шалости и насмешки Михаила Лермонтова, я не вижу в них достойного повода для дуэли согласно всем дворянским правилам чести.

Самое оскорбительное в наше время, накануне 200-летия гибели русского гения – воспевание убийцы. Откройте всероссийский сайт “Великие русские имена”, вы найдете среди великих русских имен – ... Николая Соломоновича Мартынова.

И чем же он прославился? На всех академических официальных сайтах сегодня написано: “офицер, имевший несчастье убить на дуэли Лермонтова”. Вот уж на самом деле “счастливый несчастливец”, как прозвал его Михаил Лермонтов. Несчастный русский офицер. Почему-то всего лишь несколько лет проходивший под покаянием в Киеве и отпущенный уже в 1846 году на волю вольную для проживания богатой барской жизнью. А ведь за дуэль в николаевское время и каторгу давали, дворянства лишали. За что ему такая милость? Нынче считают, что дуэли в ту пору были постоянным явлением. Увы. Нет. В николаевское время в том же Пятигорске дуэли были крайне редки. И наказания за них были суровые. Николай Первый ненавидел дуэли, считал их проявлением дикости. Но Мартынова легко простил...

Николай Соломонович Мартынов (равно как и его отец, Соломон Михайлович, дослужившийся до чина полковника) был человеком православным и дворянином. Род Мартыновых происходил от выходца из Польши, прибывшего в Московию в 1460 году. В “Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи” можно прочесть, что “фамилии Мартыновых многие Российскому Престолу служили стольниками, воеводами и в иных чинах и жалованы были от Государей в 1631 и других годах поместьями”. Среди пращуров Николая – Савлук Федорович Мартынов, участник военных действий против поляков под Смоленском в 1634 году, получивший вотчину в Рязанском уезде; Петр Иванович, воевода в Кадоме в 1704 году; Федор Михайлович, прокурор Пензенского верхнего суда, вышедший в 1777 году в отставку в чине секунд-майора. Родной брат Соломона Мартынова, Дмитрий Михайлович, состоял Кирсановским (Тамбовской губернии) предводителем дворянства.

Отец его, Соломон Михайлович, как и положено Соломону, разбогател на винных откупах, то есть занимался не самым уважаемым для русского дворянина занятием: спаивал русский народец. Выйдя в отставку, Соломон Мартынов вложил все деньги в винные откупа. В конце XVIII века многие оборотистые дворяне разбогатели на винных откупах. Например, владелец пензенского винного завода А. Е. Столыпин, родственник Лермонтова. Князь И. М. Долгоруков вспоминал о Соломоне Мартынове, что “вся Нижегородская губерния у него на откупу...”. В начале XIX века купил дом на Волжском откосе, неподалеку от Нижегородского кремля. Дом Соломона Михайловича был одним из самых богатых в Нижнем. Находился он между нынешней улицей Семашко и Верхне-Волжской набережной. Имел он и доходные дома.

Считается, что именно в этом господском доме на волжском откосе и родился будущий убийца великого русского поэта Николай Мартынов. Нынче о нем щедро пишут во всех книгах по истории Нижнего Новгорода. Думаю, и о родине Чикатило тоже найдутся любители написать. Черный пиар – тоже пиар. Как пишут нынешние местные историки: “Возможно, стыдиться этого и не стоит... Так или иначе, но Николай Мартынов при ближайшем рассмотрении оказывается вовсе не завзятым негодяем, каковым его у нас подавали еще со школы на протяжении многих десятилетий... В 25 лет Мартынов уже был майором, в то время как его однокашник Лермонтов, бывший почти на год старше, дослужился лишь до поручика (старшего лейтенанта)...” Поразительно, что эта статья о доблестном Мартынове вышла во владимирской газете к печальному юбилею: 170-летию со дня гибели Михаила Юрьевича Лермонтова. В 1825 году вся семья Мартыновых, выгодно продав нижегородский дом городским властям, переехала в подмосковное имение Иевлево-Знаменское. В Нижнем Новгороде до сих пор помнят, что городская больница, построенная на месте господского дома Мартыновых, стояла на улице Мартынова. При этом многие уверяют, что дом был подарен городу этим богатейшим винооторговцем. Мол, “Мартынов-старший запомнился в Нижнем как щедрый

меценат. Покидая город, он передал свой дом под городскую больницу, которую долго называли “мартыновской”...” Увы для защитников-мартынолюбов – в архивах города хранится купчая, доказывающая, что Соломон Мартынов явно не продешевил с продажей дома...

Может, и правы еврейские источники, предполагающие, что Мартыновы ведут род от голландских торговых евреев, перебравшихся со временем в Польшу. Но это не так и важно. Как правило, примесь еврейской крови озабочены или чересчур крутые патриоты, или же выискивающие повсюду своих героев озабоченные еврейские историки. Вот и я в русских сводках о еврейских корнях Мартынова, даром что Соломонович, ничего не нашел, зато в израильских материалах обнаружил этот след от голландских евреев. Хотя точных сведений о происхождении нет. Зато есть много точных документов о тесной связи Мартыновых с масонами. Отец убийцы – Соломон Михайлович Мартынов родился в октябре 1774 года в селе Липяги Пензенской губернии, в семье богатого помещика, владеющего доброй тысячью душ крестьян и немалыми землями. Был дружен с масонами С. И. Гамалеем, А. Ф. Лабзиным и самим Н. И. Новиковым. С последним даже был в родстве. Сестра Соломона Мартынова Дарья Михайловна была замужем за родственником одного из главных масонов России Н. И. Новикова. Сын её – штабс-капитан М. Н. Новиков известен и как декабрист, и как самый ревностный масон. Да и сам Соломон Мартынов считался большим любителем книжной масонской премудрости, всяческой мистики и оккультных наук. Хаживали к нему и местные литераторы, связанные с масонами. О происхождении имени Соломон в роду Мартыновых тоже существует своя версия. Из XVIII века вроде бы дошли “Воспоминания о Пугачеве”, подписанные инициалами О. З. (они вроде бы хранятся в одном из архивов США), где рассказывается о том, как получил Соломон Мартынов свое не совсем обычное для современных русских имя. Сообщается, что от расправы пугачевцев маленького барчонка Мартынова спасла кормилица, выдав за своего сына. Тогда-то мамка решила окрестить ребенка и пошла в церковь. “А как назвать его?” – спрашивает священник. “А Бог весть! – отвечает кормилица, – уж и не знаю”. – “По святому назовем, – решил священник. – На сей день святой будет Соломон-царь – так и назовем!”...

Всё-таки непонятно, пугачевцы ушли, могла бы кормилица и прямую родню малыша дожидаться. Им и решать, как назвать младенца. Как-то всё перепутано, тут и Пугачев, тут и своенравная кормилица, тут и Соломон... Нагромодили с преувеличением. Могли ведь родители без всякого Пугачева просто назвать по святкам Соломоном, и всё. Мало ли было среди дворян и Марков, и Руфин, и Исааков. В святцы заглянули, так и назвали. В конце концов, и Иван – древнееврейское имя. Ощущение такое, что кто-то из Мартыновых уже двести лет усердно оправдывается. И за Соломона, и за Соломонова сына Николая Соломоновича, обыкновенного российского обывателя, возмечтавшего о генеральской карьере и литературной славе. Как вспоминает В. А. Бельгарт: “... был очень красивый молодой гвардейский офицер, высокого роста, блондин с выгнутым немного носом. Он был всегда очень любезен, весел, порядочно пел романсы и все мечтал о чинах, орденах и думал не иначе как дослужиться на Кавказе до генеральского чина”.

Я не собираюсь приписывать организацию некоего царского заговора с целью убийства Михаила Лермонтова, хотя никак нельзя отрицать, что его гибель вполне устроила и императора Николая Первого, и Бенкендорфа. К тому времени, к 1841 году, уже крайне отрицательно относившихся к поэту, но внимательно за ним следящих. Не случайно же так быстро Николай Мартынов был прощен, а о самой дуэли запрещалось что-либо писать лет тридцать. Сборники стихов выходили, и никакой биографии поэта.

Недоброжелателей у Лермонтова хватало и при жизни, и в самом Пятигорске было кому раззадорить на дуэль Николая Соломоновича.

О самом Мартынове рассказывают много историй. Но все лет через тридцать – сорок после дуэли. Чему верить, чему не верить, решает каждый по-разному, согласно эпохе, личному отношению к Лермонтову и таланту исследователя. Впрочем, и о самой дуэли мы имеем или официальную версию государственного обвинения, в которой почти всё – неправда, все дружно оправдывали Мартынова, или рассказы Мартынова и еще одного ненадежного свидетеля – князя Васильчикова, и то, как правило, в передаче их родственников и знакомых.

Вот, к примеру, кинорежиссер Андрей Кончаловский как-то разговорился с графом А. А. Игнатьевым, автором известной книги воспоминаний “Пятьдесят лет в строю”. Тот ему и рассказал о своей встрече в Париже с Мартыновым. “. . . Мне было уже пятнадцать лет, и я был страшно поражен, что слышу о Лермонтове, как о ком-то лично знакомом говорящему. . . Я встречал Мартынова в Париже. Мы, тогда молодые люди, окружили его, стали дразнить, обвинять: “Вы убили солнце русской поэзии! Вам не совестно?! – Господа, сказал он, – если бы вы знали, что это был за человек! Он был невыносим. Если бы я промахнулся тогда, то я бы убил его потом. . . Когда он появлялся в обществе, единственной его целью было испортить всем настроение. Все танцевали, веселились, а он садился где-то в уголке и начинал над кем-нибудь смеяться, посылать из своего угла записки с гнусными эпиграммами. Поднимался скандал, кто-то начинал рыдать, у всех портилось настроение. Вот тогда Лермонтов чувствовал себя в порядке. . .”

Молодой граф Игнатьев чувствовал, что Мартынов говорит вполне искренно. Он до конца дней своих ненавидел Лермонтова. Из уст его родственников (А. Н. Норцова и др.), из уст его друзей и покровителей и шла молва о несносном характере Михаила Лермонтова. Интересно, пошли бы с таким злобным человеком в разведку те, от кого зависела их жизнь? А ведь шли, еще уговаривали взять в свой добровольческий отряд. Что же, по-инициативе общался с ними Лермонтов? Если и был он впрямь злой и коварный, спесивый и избалованный, то как к нему в разведку, где рискуют ежесекундно жизнью, добровольцы напрашивались? Или они не обращали внимание на его добрые шутки? Сами умели шутить.

Я вполне верю рассказу графа Игнатьева. Именно так и сваливал всю вину за дуэль на Михаила Лермонтова этот “несчастливый счастливец” Николай Мартынов. Как-то он написал в одном из своих подражаний Лермонтову:

*Глухая исповедь, причастье,
Потом отходную прочли:
И вот оно, земное счастье...
Осталось много ль? Горсть земли.
Я отвернулся, было больно
На эту драму мне смотреть;
И я спросил себя невольно —
Ужель и мне так умереть...*

Нет, никак не хотел умирать Николай Соломонович, ни на дуэли, ни позже. Сначала за дуэль Николай Мартынов был приговорен к разжалованию и заключению в крепость. Затем заключение отменили, заменили вроде бы суровым пятнадцатилетним церковным наказанием. Но не где-нибудь в Сибири, а в стольном граде Киеве. После его просьбы о помиловании уже в 1846 году, спустя четыре года Святейший Синод пожалел “несчастливого убийцу” и отменил епитимью. Ничего не стоял настойчиво публикуемые слухи о его покаянии и чуть ли не монашеском образе жизни. О его ежегодных панихидах по Лермонтову. Все эти сведения от родственников убийцы.

Во-первых, сразу после снятия церковного наказания Николай Соломонович благополучно женился на Софье Проскур-Суцанской. Вскоре вернулся в свое родовое имение в Нижегородской губернии. Родил одиннадцать детей. Переехал в Москву. Всерьез увлекся мистикой и спиритизмом, масонскими обрядами. Не знаю, как его защитники совмещают якобы “почти монашескую” покаянную жизнь православного прихожанина с занятием спиритизмом и оккультными науками? Он и в Тарханы заехал лишь однажды, по случаю, жаль, его не rasterзали там местные мужики, весьма уважительно относившиеся к Михаилу Лермонтову. Не случайно в Английском клубе в Москве, завсегдатаем которого Мартынов был, его прозвали “Статуя Командора”. На самом деле, он гордился до конца дней своих, что стал убийцей русского национального гения. Может быть, он и на дуэли в Пятигорске, с его утонченным литературным вкусом, убивая Лермонтова, прекрасно понимал, что тем самым входит в историю. Больше-то шансов прославиться не было никаких. Непыщенный самовлюбленный позер. Хоть геростратова, но слава.

Этого вольного или невольного служителя сатаны хорошо описывает бывший московский голова князь В. М. Голицын: “Жил он в Москве уже вдовцом,

в своем доме в Леонтьевском переулке, окруженный многочисленным семейством, из коего двое его сыновей были моими университетскими товарищами. Я часто бывал в этом доме и не могу не сказать, что Мартынов-отец как нельзя лучше оправдывал данную ему молодежью кличку “Статуя Командора”. Каким-то холодом веяло от всей его фигуры, беловолосой, с неподвижным лицом, суровым взглядом. Стоило ему появиться в компании молодежи, часто собиравшейся у его сыновей, как болтовня, веселье, шум и гам разом прекращались, и воспроизводилась известная сцена из “Дон Жуана”. Он был мистик, по-видимому, занимался вызыванием духов, стены его кабинета были увешаны картинами самого таинственного содержания, но такое настроение не мешало ему каждый вечер вести в клубе крупную игру в карты, причем его партнеры ощущали тот холод, который, по-видимому, присущ был самой его натуре”.

Как вспоминают, пробовал вызывать этот оккультист и дух убитого им Лермонтова, но ничего хорошего из этого не получалось. Не отзывался наш гений.

Оправдываясь от быстро растущих поклонников лермонтовского гения, Николай Мартынов в конце сороковых годов стал рассказывать, будто бы главной истинной причиной дуэли был пакет с вскрытыми письмами и дневником сестер Мартыновых. Доктор Пирожков в 1885 году описал свой разговор с Мартыновым в конце сороковых годов. Убийца Лермонтова уверял доктора, что эпизод с пропавшим пакетом будто бы и был единственной причиной дуэли: “Вот собственно причина, которая поставила нас на барьер – и она дает мне право считать себя вовсе не так виновным, как представляют меня вообще”, – заверил доктора Мартынов.

Не буду подробно описывать всю эту историю, которую убедительно и доказательно точно опровергла Эмма Герштейн в своем исследовании о Лермонтове. Расскажу читателям коротко, в чем было дело. В 1837 году, за четыре года до дуэли, Михаилу Лермонтову в Пятигорске сестры Мартыновы передали для брата, к которому направлялся Михаил Лермонтов, пакет, где были письмо и дневник, туда же были положены от отца, Соломона, 300 рублей. Лермонтов добирался до месторасположения своей части через Тамань. В Тамани его и обокрали. Эта история блестяще передана поэтом в повести “Тамань”. Встретившись с Мартыновым, Михаил Лермонтов рассказал ему о пропаже и отдал ему триста рублей из своих. Позже Мартынов написал об этой пропаже родителям. И те вроде бы удивились, откуда Лермонтов узнал, что в пакете были деньги. Заподозрили, что Лермонтов, желая узнать, что Наталья Мартынова думает о нем, вскрыл пакет.

Во-первых, если бы даже Лермонтов в своем любопытстве и пошел на такое нарушение правил, тогда же, в 1837 году и должна была возникнуть дуэль. Позже, в 1838–40 годах Лермонтов часто общался с Мартыновым в Петербурге, могли бы и там выяснить отношения. Сестра Мартынова Екатерина Соломоновна Ржевская в 1852 году так рассказывала об этой истории Я. К. Гроту: “Лермонтов же любил сестру Мартынова, который отговаривал ее от брака с ним. Однажды, когда Мартынов был в экспедиции, а Лермонтов собирался ехать в ту же сторону, m-lle Мартынова поручила ему доставить своему брату письмо и в нем свой дневник; в то же время, отец их дал для сына своего письмо, в которое вложил 2 000 рублей серебром, не сказав Лермонтову ни слова о деньгах. Лермонтов, любопытствуя узнать содержание писем, в которых могла быть речь о нем, позволил себе распечатать пакеты и не доставил их: в письме девицы прочел он ее отзыв, что она готова бы любить его, если б не предостережение брата, которому она верит. Открыв в письме отца деньги, он не мог не передать их, но самое письмо тоже оставил у себя. Впоследствии старался он уверить семейство, что у него пропал чемодан с этими письмами, но доставление денег избличило его. Однако в то время дело осталось без последствий”

Как всегда, поздние воспоминания кого бы то ни было – путанные и неверные. И сумма денег не та, и намерение Лермонтова жениться на Наталье Мартыновой – сомнительное. Но пропажа пакета была. А также всего имущества самого Лермонтова.

Во-вторых, не стал бы поэт ради оправдания себя придумывать целую сцену в романе “Герой нашего времени”. Не стоит того Мартынов. К тому же обворованный Лермонтов, приехав в Ставрополь, не смог из-за кражи сразу же явиться к начальству, пока не справил себе новый мундир взамен украден-

ного, за что и получил нагоняй, так как в штабе нашли, что он должен был явиться сразу в чем приехал.

Вся надуманная Мартыновым проблема заключалась в том, откуда Лермонтов узнал про вложенные в пакет деньги. О деньгах могла рассказать и сама сестра Мартынова, мог упомянуть и Николай. Пакет мог невзначай разорваться в походной дороге. Ничего в этом страшного и позорного нет. Мать Мартынова писала 6 ноября 1837 года сыну: “Как мы все огорчены тем, что наши письма, писанные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что в самом деле тебе пришлось бы читать много: твои сестры целый день писали их; я, кажется, сказала: “при сей верной оказии”. После этого случая даю зарок не писать никогда иначе, как по почте; по крайней мере остается уверенность, что тебя не прочтут. . .”

Но даже если бы вся семья узнала о чрезмерном любопытстве Лермонтова, могли бы порвать с ним отношения. Но уже в 1840 году, спустя три года после пропажи пакета, та же Е. М. Мартынова вновь пишет сыну: “Лермонтов у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сестрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава богу, он скоро уезжает; для меня его посещения неприятны. . .” Пусть и недовольна мать посещениями Лермонтова, но совсем про другой причине — за его злой язык. Сестры же находят большое удовольствие в его обществе. Да и сам Мартынов постоянно встречается с поэтом. Эпизод с пакетом или забыт, или разъяснен, и доказано, что вины поэта не было никакой. К тому же еще в 1839 году умирает сам Соломон, посылавший деньги в пакете. И вдруг еще через год, в 1841 году происходит злосчастная дуэль, а еще через много лет Николай Мартынов эту давно забытую историю с пакетом будто бы приводит в качестве единственной причины дуэли. Подхватили эту историю и все защитники Мартынова, им и дела нет до четырехлетней разницы во времени между пропажей пакета и дуэлью. Они всерьез считают, что гениальная “Тамань” написана ради оправдания Лермонтова в глазах Мартынова. Пусть бы тогда почаще пакеты попадали у наших писателей и в результате гениальные повести рождались бы на свет. На бедного поэта родственники Мартынова и его защитники сваливают уже все несчастья рода. Та же старшая сестра Мартынова Е. С. Ржевская в разговоре с Я. К. Гротом в 1852 г. утверждала, что Мартынов вынужден был выйти в отставку из-за дуэли с Лермонтовым. Это уже полная нелепица.

Для меня остается тайной, почему никто из свидетелей дуэли, из близких ему людей не написали ни слова о самой дуэли. Допускаю, что при жизни Николая Первого печатать что-либо о Лермонтове было запрещено. Тем более о его дуэли. Но почему нет ничего ни в дневниках, ни в письмах, ни в устных пересказах? Ни у вроде бы ближайшего друга поэта Алексея Столыпина (Монго), ни у Сергея Трубецкого, ни у Михаила Глебова. Слава поэта росла с космической скоростью. Стихи уже вскоре после гибели Лермонтова учили во всех гимназиях. И никто из друзей о поэте ни слова. Сам Мартынов дважды начинал оправдываться, но оба раза резко обрывал свои воспоминания. Воспоминания князя Васильчикова и Эмили Шан-Гирей чересчур запутаны и скорее являются самооправданиями замешанных в гибели поэта людей. Что они скрывали и о чем не хотели говорить?

После вызова Мартыновым поэта на дуэль друзья надеялись, что Мартынов не найдет себе секунданта, и дуэль сама собой отменится. Мартынов обратился с просьбой к князю Васильчикову, и тот охотно согласился.

Я согласен с версией, пожалуй, самого дотошного лермонтоведа двадцатого века Эммы Герштейн, что скорее всего именно князь Васильчиков и спровоцировал дуэль. Князь ненавидел Лермонтова уже за одни эпиграммы в его адрес:

*Велик князь Ксандр и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной серебристой ярко освещен,
Но без зерна — пустой.*

Его отец, канцлер Российской империи Илларион Васильчиков, доверенное лицо Николая Первого, охотно поддерживал нелюбовь сына к поэту. Корф

записал в своем дневнике: “Князь Васильчиков виделся с государем и остался очень доволен результатом аудиенции в отношении к своему сыну. . . Между тем, быв сегодня у князя, я нашел перед ним раскрытым на столе роман Лермонтова “Герой нашего времени”. Князь вообще читает очень мало, и особенно по-русски; вероятно, эта книга заинтересовала его теперь только в психологическом отношении: ему хочется ближе познакомиться с образом мыслей того человека, за которого приходится страдать его сыну”.

И потому официальная версия о том, что секундантом Лермонтова был князь Васильчиков — явно лживая. Не мог секундантом поэта быть и Михаил Глебов, живший в одной квартире в Пятигорске с Мартыновым. Кто же? Если справедлива версия, что Алексей Столыпин был секундантом и он же медленно командовал: раз, два, три. . . а выстрелов всё не было, то по правилам дуэльного кодекса дуэль должна была быть закончена. Вместо этого Столыпин кричит, вмешиваясь в дуэль: “Стреляйте, или я вас разведу. . .” Тем самым он и провоцирует выстрел Мартынова. Становится соучастником убийства. Пусть и самым невольным. Но был ли Столыпин на дуэли? Никто сказать не может.

При жизни своей его бывший ближайший друг не проронил ни слова. В качестве самооправдания этот якобы друг и родственник поэта, благороднейший человек своего времени, Столыпин прозванный поэтом “Монго”, перевел на французский язык роман Лермонтова “Герой нашего времени”, но не написал никакого предисловия, никаких воспоминаний. Столыпин, живший в то время в Париже, увлекался идеями Фурье и свой перевод поместил в фурьеристской газете “La Democratic pacifique”. Почему уже вольный парижанин так ни слова и не сказал об истории дуэли? В редакционной заметке, опубликованной перед началом печатания в газете лермонтовского романа, говорилось о реакции на него русского читателя. Заметка заканчивалась загадочной фразой: “Г-н Лермонтов недавно погиб на дуэли, причины которой остались неясными”. И ни слова о своем участии или неучастии в дуэли. “Благородный анонимный памятник от бывшего друга”.

О чем же они все молчали даже в самых интимных записях и личных письмах? Все версии об участии в дуэли Алексея Столыпина и Сергея Трубецкого идут уже только от князя Васильчикова, и то после смерти их обоих.

Сохранилось несколько четверостиший, написанных Михаилом Лермонтовым в это время:

*Им жизнь нужна моя, —
Ну что же, пусть возьмут,
Мне не жалеть о ней!
В наследие они приобретут —
Клуб ядовитых змей.*

И еще одно, посвященное его мнимым друзьям, тем трагическим летом 41 года:

*Мои друзья вчерашние — враги,
Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех Господь благий,
Их презираю я...*

Профессор А. А. Герасименко пишет в книге “Из Божьего света. . .”: “Сценарий “дуэли” интриганы разрабатывали поэтапно: вначале будто бы стрелялись без секундантов, нет — при одном (М. П. Глебове), нет — при двух (тот же Глебов и он, Васильчиков), и, наконец, — при четырёх (включили ещё А. А. Столыпина и С. В. Трубецкого). О последнем варианте А. И. Васильчиков стал говорить после их смерти. . .”

Расследовавший по горячим следам дело о дуэли П. К. Мартынов был убежден в причастности князя Васильчикова к гибели поэта: “Недобрая роль выпала в этой интриге на долю князя. Затаив в душе нерасположение к поэту за беспощадное разоблачение его княжеских слабостей, он, как истинный рыцарь иезуитизма, сохраняя к нему по наружности прежние дружеские отношения, взялся руководить интригою в сердце кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполнил порученное ему дело. Он сумел подстрекнуть Мартынова обуздать человека, соперничавшего с ним за обладание красави-

цей, раздуть вспышку и, несмотря на старания прочих товарищей к примирению, довести соперников до дуэли, уничтожить “высочку и задиру” и после его смерти прикинуться и числиться одним из его лучших друзей. “От него самого я и слышал, — говорил В. И. Чиляев: “Мишеля, что бы там ни говорили, а поставить в рамки следует!” Итак, Мартынов, похоже, стал орудием мщения для мстительного Васильчикова, а заодно “козлом отпущения” во время следствия по делу о дуэли”. Хочу заметить, что версия о давлении на Мартынова каких-то внешних сил, считавших поэта “ядовитой гадиной”, появилась не в советское время и не в каких-то революционных кругах. Так считал и реакционер М. Катков, такого же мнения был и редактор “Нового времени” А. С. Суворин. В дневниках Суворина за 1899 год читаем о любопытнейших замечаниях о Мартынове П. А. Ефремова: “Васильчиков о Лермонтове: “Если б его не убил Мартынов, то убил бы кто другой; ему всё равно не сносить бы головы”. Васильчиков в Английском клубе встретил Мартынова. В клуб надо было рекомендацию. Он спрашивает одного — умер, другого — нет. Кто-то ударяет по плечу. Обернулся — Мартынов. “Я тебя запишу”. Взял его под руку, говорит: “Заступись, пожалуйста. А то в Петербурге какой-то Мартынов прямо убийцей меня называет”. — Ну, как не порадеть! Так и с Пушкиным поступали. Все кавалергарды были за Дантеса. Панчулидзеву Ефремов говорил: — “Надо вам рассырпить историю полка декабристами. А то ведь у вашего полка два убийцы — Дантес и Мартынов”. Не будем устраивать конспирологическую версию о дружбе Дантеса с Мартыновым, о тайном клубе кавалергардов, убивающих русских поэтов. Но любителей песенок о кавалергардах все-таки прошу не забывать, именно они и убили двух гениальных русских поэтов...

Такого же мнения о подстроенности дуэли еще один известный литератор девятнадцатого века Дружинин. Он одним из первых стал собирать сведения о судьбе поэта, в ту пору, когда были живы многие его современники. Встреча с Руфином Дороховым, отчаянным забиякой, дуэлянтом, не в пример Лермонтову, но одним из немногих истинных друзей поэта, вызвала у Дружинина, скрупулезно придерживавшегося всех правил дворянской чести, особенный порыв отчаяния из-за гибели поэта: “Зачем люди, его окружавшие, — думал я с ребяческим ожесточением, — не ценили и не лелеяли поэта, не сознавали его величия, не становились грудью между ним и горем, между ним и опасностью! Умереть за великого поэта не лучше ли, чем жить целое столетие?..” Дорохов, в отличие от мнимых друзей поэта, никогда не оправдывал Мартынова. Он первым и заявил: “Это была не дуэль, а убийство”. Ему ли, отчаянному дуэлянту, не знать всех правил дуэли. Дорохов назвал Мартынова “презренным орудием” убийства поэта.

Нынешние исследователи не любят ссылаться на письма современников дуэли. Мол, они сами ничего не видели. А кто видел? Почему свидетельства дальних родственников того же Васильчикова спустя чуть ли не полвека после дуэли достовернее, чем письма если не очевидцев, то людей, живших в том же Пятигорске во время этих трагических событий? Известно письмо дальней родственницы поэта, Е. Быховец, от 5 августа 1841 г., напечатанное много лет спустя, где она во всем обвиняет Мартынова. Уже в советское время исследователь из Ленинграда А. Михайлова нашла в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина письмо некоего Полеводина, лечившегося в те дни в Пятигорске, и написанное спустя всего шесть дней после дуэли. Этот живой отклик ценнее всех поздних воспоминаний защитников Мартынова. Кстати, письмо доказывает огромную популярность Лермонтова и его стихов среди современников. (Что нынче не принято признавать в нашем лермонтоведении.) Опровергает письмо и утверждение самого Мартынова, что он был “слепым орудием провидения”.

“Июля 21-го 1841 г. Пятигорск.

Плачьте, милостивый государь Александр Кононович, плачьте, надевайте глубокий траур, нашивайте плёрезы, опепелите Вашу главу, берите из Вашей библиотеки “Героя нашего времени” и скачите к Лёренцу, велите переплести его в черный бархат, читайте и плачьте. Нашего поэта нет — Лермонтов 15-го числа текущего месяца в 7 часов пополудни убит на дуэли отставным майором Мартыновым. Неисповедимы судьбы твои, господи! И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов — чистейший сколок с Дантеса. Этот Мартынов служил прежде в кавалергардах, по прось-

бе переведен в Кавказский корпус капитаном, в феврале месяце отставлен с чином майора, — и жил в Пятигорске, обрил голову, оделся совершенно почеркесски и тем пленял, или думал пленять, здешнюю публику. Мартынов никак не был терпим в кругу, который составлялся из молодежи гвардейцев. Лермонтов, не терпя глупых выходок Мартынова, всегда весьма умно и резко трунил над Мартыновым, желая, вероятно, тем заметить, что он ведет себя неприлично званию дворянина.

Мартынов никогда не умел порядочно отшутиться — сердился, Лермонтов более и более над ним смеялся; но смех его был, хотя едок, но всегда деликатен, так что Мартынов никак не мог к нему придрататься. В одно время Лермонтов с Мартыновым и прочею молодежью были у В<ерзилиных> (семейство казацкого генерала). Лермонтов, в присутствии девиц, трунил над Мартыновым целый вечер, до того, что Мартынов сделался предметом общего смеха, — предложом к тому был его, Мартынова, костюм. Мартынов, выйдя от В<ерзилиных> вместе с Лер<монтовым>, просил его на будущее время удержаться от подобных шуток, а иначе он заставит его это сделать. На это Лер<монтов> отвечал, что он может это сделать завтра и что секундант его об остальном с ним условится. На другой день, когда секунданты (прапорщик конногвардейский Глебов и студент князь Васильчиков) узнали о причине ссоры, то употребили все средства помирить их. Лер<монтов> был согласен оставить, но Мартынов никак не соглашался. Приехав на место, назначенное для дуэли (в двух верстах от города на подошве горы Машука, близ кладбища), Лермонтов сказал, что он удовлетворяет желанию Мартынова, но стрелять в него ни в каком случае не будет. Секунданты отмерили для барьера пять шагов, потом от барьера по пяти шагов в сторону, развели их по крайний след, вручили им пистолеты и дали сигнал сходитьсь. Лер<монтов> весьма спокойно подошел первый к барьеру, скрестив вниз руки, опустил пистолет и взглядом вызвал Мартынова на выстрел. Мартынов, в душе подлец и трус, зная, что Л<ермонтов> всегда держит свое слово, и радуясь, что тот не стреляет, прицелился в Л<ермонтова>.

В это время Л<ермонтов> бросил на М<артынова> такой взгляд презрения, что даже секунданты не могли его выдержать и потупили очи долу (все это сказание секундантов). У Мар<тынова> опустил пистолет. Потом он, собравшись с духом и будучи подстрекаем презрительным взглядом Л<ермонтова>, прицелился, — выстрел... Поэта не стало! После выстрела он не сказал ни одного слова, вздохнул только три раза и простился с жизнью. Он ранен под грудь навывлет. На другой день толпа народа не отходила от его квартиры. Дамы все приходили с цветами и усыпали его оными, некоторые делали прекраснейшие венки и клали близ тела покойника. Зрелище это было восхитительно и трогательно. 17-го числа в час поединка его хоронили. Всё, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб его до самого кладбища несли штаб- и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожаления и ропот публики не умолкали ни на минуту. Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Л<ермонтова>, он был лучший его приятель. Л<ермонтов> обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести <...> Л<ермонтов> похоронен на кладбище, в нескольких сажнях от места поединка. Странная игра природы. За полчаса до дуэли из тихой и прекрасной погоды вдруг сделалась величайшая буря; весь город и окрестности были покрыты пылью, так что ничего нельзя было видеть. Буря утихла и чрез пять минут пошел проливной дождь. Секунданты говорят, что как скоро утихла буря, то тут же началась дуэль, — и лишь только Л<ермонтов> испустил последний вздох, — пошел проливной дождь. Сама природа плакала об этом человеке.

Много бы еще подробностей я мог Вам сообщить о жизни его здесь на Кавказе, но лист оканчивается <...> Больно вспомнить, что Кавказ в самое короткое время лишил нас трех прекраснейших писателей — Марлинского, Веревкина и Лермонтова...”

Разве не о том же писал вскоре после дуэли 9 сентября 1841 года и князь П. А. Вяземский А. И. Тургеневу из Царского села за границу: "... Жаль бедного Лермонтова. Я кажется не писал тебе о нем, но вероятно ты уже знаешь, что он был на дуэли убит Мартыновым на Кавказе. Я говорю, что в нашу поэзию лучше целят, чем в Л<уи> Филиппа. Тут промаха не дают: цесаревич говорил Мятлеву: "Берегись, поэтам худо, кавалергарды убивают их (Мартынов кавалергард, как и Дантес), смотри, чтобы и тебя не убили". – "Нет, отвечал он, еще не моя очередь" (копия. – ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4715, л. 136).

Еще до получения этого письма А. И. Тургенев сообщал В. А. Жуковскому 6 сентября 1841 г. из Шампрозе: "Какие ужасные вести из России! Сердце изныло: Лермонтов убит на дуэли – каким-то Мартыновым, pour une affaire de gaimain ничего более не знаю <...> Вот что Вяземский <пишет> Булгакову о дуэли Лермонтова: "Он уже много исполнил и еще более обещал. В нашу поэзию стрелять удачнее нежели в Лудов<ика> Филиппа, второй раз не дают промаха. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова" (ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714).

Н. А. Мельгунов писал из Флоренции Н. М. Языкову 1 декабря н. с. 1841 г.: "Спасибо Вам за последние стихи Лермонтова. Скажите, его "Завещание" – фантазия или в самом деле написано перед смертью? Для умирающего слишком сухо и холодно, да к тому ж он говорит: "умер честно за царя", между тем как мне писали, что он убит на дуэли с Мартыновым, вызвавшим его за княжну Мери (читали ль?), в которой Лермонтов будто представил сестру того, как Вам об этом писал. Больно грустно. Ничто даровитое не держится у нас на Руси, между тем как Булгарины цветут здравием" (ИРЛИ, ф. 1, яз. 28).

Московский почт-директор, скажем честно, по своим тайным служебным обязанностям располагающий всей полнотой информации, читавший и все письма из Пятигорска, пришедшие в Москву после дуэли, так пишет, исходя из своих сведений: "... Назначен день, час дуэли, выбраны секунданты. Когда явились на место, где надобно было драться, Лермонтов, взяв пистолет в руки, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, даже огорчить, что все это была одна только шутка, а что ежели Мартынова это обижает, он готов просить у него прощения не только тут, но везде, где он захочет!.. "Стреляй! Стреляй!" – был ответ испуганного Мартынова. Надлежало начинать Лермонтову, он выстрелил на воздух, желая кончить глупую эту ссору дружелюбно. Не так великодушно думал Мартынов. Он был довольно бесчеловечен и злобен, чтобы подойти к самому противнику своему и выстрелить ему прямо в сердце. Удар был так силен и верен, что смерть была столь же скоропостижной, как выстрел. Несчастный Лермонтов тотчас испустил дух! Удивительно, что секунданты допустили Мартынова совершить его зверский поступок. Он поступил противу всех правил чести и благородства, и справедливости. Ежели он хотел, чтобы дуэль совершилась, ему следовало сказать Лермонтову: "Извольте зарядить опять ваш пистолет. Я вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться вас убить". Так поступил бы благородный, храбрый офицер. Мартынов поступил как убийца...". Московский почт-директор А. Я. Булгаков, ссылаясь на письмо В. С. Голицына, полученное в Москве 26 июля. Следовательно, Голицын описывал убийство поэта по самым свежим следам, и вряд ли на основании каких-то обывательских домыслов. Это уже позже, во время следствия и суда, все защитники Мартынова привели в соответствие показания очевидцев. Заставив замолчать несогласных. Позже Булгаков написал еще два письма, повторив свой рассказ: П. А. Вяземскому в Петербург и А. И. Тургеневу во Францию. Н. С. Мартынова он называл "ожесточенным и кровожадным мальчиком", его отца "не по мудрости, а токмо по имени Соломоном". В дневнике Булгаков назвал Мартынова "сыном покойного Соломона Михайловича Мартынова, известного только потому, что он разбогател от винных откупов".

Почти о том же пишет и известный славянофил Ю. Ф. Самарин в письме И. Г. Гагарину от 3 августа 1841 года: "Я вам пишу, дорогой друг, под горьким впечатлением известия, которое я только что получил. Лермонтов убит на дуэли на Кавказе Мартыновым. Подробности тяжелы. Он выстрелил в воздух, а его противник убил его почти в упор..."

Из Ставрополя Любомирский в те же последующие дни описывает в письме эту дуэль: "... за верность подробностей я не ручаюсь, но и теперь

еще у нас рассказывают так, как описал я, может быть, впоследствии откроется что-либо достоверное... Мартынов вызвал его на дуэль. Положено стреляться в шести шагах. Лермонтов отговаривал его от дуэли и, прибыв на место, когда должно было ему стрелять первому, снова говорил, что он не предполагал, чтобы эта шутка так оскорбила Мартынова, да и не имел намерения, и потому не хочет стрелять в него. Отвел руку и выстрелил мимо. Но Мартынов выстрелил метко, и Лермонтова не стало”.

В “Русском архиве” Васильчиков писал: “Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста”. Позже, в разговоре с Висковатовым Васильчиков прибавил важную деталь:

“Он, все не трогаясь с места, вытянул руку кверху, по-прежнему кверху же направляя дуло пистолета... Когда я его спросил, — пишет Висковатов, — отчего же он не печатал о вытянутой руке, свидетельствующее, что Лермонтов показывал явное нежелание стрелять, князь утверждал, что он не хотел подчеркивать этого обстоятельства, но поведение Мартынова снимает с него необходимость щадить его”. Но щадить память о великом поэте, по мнению Васильчикова, смысла не имеет.

Почему все современники, по-разному относившиеся к поэту при жизни, пишут почти одно и то же, крайне негативно оценивая Мартынова, а нынешние исследователи пишут совсем другое? Кто более прав? Всё-таки современники могли узнавать истину от свидетелей дуэли, а откуда все сведения у современных ученых? От Мартынова, князя Васильчикова и их окружения. Или из официальной версии следствия, где всё было подтасовано. Больше-то никто и ничего сказать не мог.

Ординатор Пятигорского военного госпиталя И. Е. Барклай де Толли — дальний родственник знаменитого генерал-фельдмаршала — произвел осмотр тела и составил соответствующее заключение.

“При осмотре оказалось, — писал он, — что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастании ребер с хрящем, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягкие части левого плеча; от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка умер”. Документ заверен печатью, помечен 17 июля и подписан доктором и двумя следователями.

В соответствии со “Сводом военных постановлений” Мартынова, Глебова и Васильчикова приговорили к “лишению чинов и прав состояния”. Однако военное начальство сочло нужным смягчить наказание: Мартынова — лишить “чина, ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства”, а Васильчикова и Глебова “перевести из гвардии в армию тем же чином”. Царь решил, что и такое наказание слишком сурово: “Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титулярного же советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной тяжелой раны”.

Я думаю, достоверна версия о двух высказываниях императора, прозвучавших после смерти поэта. В узком кругу семьи и близких императору людей он высказался резко по-французски. Нечто вроде “Туда ему и дорога”, или “Собаке — собачья смерть”. Великая княжна Мария Павловна осудила брата за такие слова, и уже выйдя в гостиную, где собралось большое количество дожидавшихся его людей, император сказал глубокомысленно: “Погиб тот, кто бы смог стать наследником Пушкина”. Нынешние исследователи выбирают близкую себе версию.

Версию эту подтверждает уже в 1911 году редактор “Русского архива” П. И. Бартнев, лично слышавший эту историю от княгини М. В. Воронцовой, бывшей тогда еще замужем за родственником Лермонтова А. Г. Столыпным: “Государь по окончании литургии, войдя во внутренние покои кушать чай со своими, громко сказал: “Получено известие, что Лермонтов убит на поединке”. — “Собаке — собачья смерть!” Сидевшая за чаем великая княгиня Мария Павловна (Веймарская, “жемчужина семьи”)... вспыхнула и отнеслась к этим словам с горьким укором. Государь внял сестре своей (на десять лет его старше) и, вошедши назад в комнату перед церковью, где еще оставались бывшие у богослужения лица, сказал: “Господа, получено известие, что тот, кто

мог заменить нам Пушкина, убит”... Замечу, что сам Бартенев при этом считался большим защитником Николая Мартынова.

Как говорят, в тот же день императрица писала С. А. Бобринской: “Вздох о Лермонтове, об его разбитой лире, которая обещала русской литературе стать ее выдающейся звездой...”

Знаток дуэли еще тогда поражало отсутствие весомого повода для схватки. Ведь даже по мнению самого Мартынова поэт лишь позволял себе “остроты, колкости, насмешки на мой счет, одним словом все, чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести”. А если честь не задета, то нет и повода для дуэли?! Недаром же в письме от 22 августа 1841 года А. Елагин сообщает: “Все говорят, что это убийство, а не дуэль...” И далее: “Лермонтов выстрелил в воздух, а Мартынов подошел и убил его”.

Из всех загадок дуэли не загадочно только поведение самого Михаила Лермонтова. Он никоим образом не собирался, стрелять не собиравшись, воспринимал всё как нелепое недоразумение. Мысли Мартынова понять значительно трудней. Прямодушным этот человек никогда не был. Он понимал, что Лермонтов – храбрый офицер – примет его вызов, но стрелять в него не будет. Мартышка наверняка переживал из-за шуток Мишеля, но еще больше завидовал ему. Мечтал ли он тогда же, во время дуэли, о геростратовой славе? Вполне допускаю. Увы, но он, может быть, предвидел, что когда-нибудь войдет в число “великих людей России” благодаря тому, что убил русского гения. Могли ли его использовать недоброжелатели поэта из придворных кругов? Вполне могли, так же, как натравливали на Лермонтова молодого офицера Лисаневича. Но, думаю, подставной фигурой Николай Соломонович Мартынов не был. И тут уже кто кого использовал? Можно стрелять гораздо увереннее в цель, если знать, что за участие в дуэли и даже за убийство сурового наказания не будет.

“Как в подобных случаях это бывало не раз, – пишет Висковатов, – искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги. Так, узнав о выходках и полных юмора проделках Лермонтова над молодым Лисаневичем, одним из поклонников Надежды Петровны Верзилиной, ему через некоторых услужливых лиц было сказано, что терпеть насмешки Михаила Юрьевича не согласуется с честью офицера. Лисаневич указывал на то, что Лермонтов расположен к нему дружественно и в случаях, когда увлекался и заходил в шутках слишком далеко, сам первый извинялся перед ним и старался исправить свою неловкость. К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль – прочить. “Что вы, – возражал Лисаневич, – чтобы у меня поднялась рука на такого человека”.

Спустя много лет Мартынов рассказывал Д. А. Столыпину, что он “отнесся к поединку серьезно, потому что не хотел впоследствии подвергаться насмешкам, которыми вообще осыпают людей, делающих дуэль предлогом к бесполезной трате пыжей и гомерическим попойкам”.

Конечно, есть и вариант случайной гибели. Кто-то из секундантов (Глебов? Васильчиков? Столыпин?) отсчитывает: “Раз, два, три...”. По всем правилам при счете “три”, если выстрелов не прозвучало, дуэлянтов надо развести. Но ведь мальчишки же, молодые шалуны. Тем более, неприлично как-то, дамы смеяться будут. И Столыпин (если он вообще был на дуэли?) кричит: “Стреляйте! Или я вас разведу!”. По сути, он становится участником убийства, явным провокатором. Лермонтов стреляет в воздух? Или вообще не стреляет, и тогда почему-то уже после дуэли из его пистолета Васильчиков делает выстрел в воздух. Мартынов стреляет в упор в безоружного противника.

Михаил Глебов пишет в тюрьму Мартынову: “... прочие ответы твои согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал со мной; ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади – так мы и пишем... Не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова... тем более что ты в третий раз в жизни своей стрелял из пистолетов; второй, когда у тебя пистолеты рвало в руках и это третий... Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали... ты напиши, что ждал выстрела Лермонтова”. Как дружно все секунданты защищают Мартынова! Впрочем, это устраивает и следствие. В своем последнем стихотворении Михаил Лермонтов пишет:

*С тех пор как вечный судья
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злости и порока.*

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня...*

Эти камни сопровождали Михаила Лермонтова всю его жизнь. Сопровождают и поныне. Сын Н. С. Мартынова считал, что секунданты во многом повинны в дуэли и не желали примирения. Переписку между секундантами и Мартыновым во время следствия сын Мартынова считал “узлом всего дела”. Может, он и прав. Не оправдывая ни в чем убийцу Мартынова, прочитав внимательно эту переписку, лишь подкидывающую загадок к дуэли. Ведь пишут-то Мартынову как бы ближайшие друзья Михаила Лермонтова. Как вспоминает А. И. Арнольди, после совершенного убийства его друзья сами кидали жребий, кому назваться секундантом на дуэли. Первым жребий выпал на М. П. Глебова. Затем добавили для убедительности князя А. И. Васильчикова. М. П. Глебов пишет Мартынову в тюрьму: “Посылаю тебе брульон 8-й статьи. Ты к нему можешь прибавить по своему уразумению; но это сущность нашего ответа. Прочие ответы твои совершенно согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал верхом на своей лошади, а не в дрожках беговых со мной. Ты так и скажи. Лермантов же поехал на моей лошади: так и пишем... Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и всем... судьба так хотела... что ты стрелял из пистолета... Непременно и непременно требуй военного суда. Гражданским тебя замучат. Полицмейстер на тебя зол, и ты будешь у него в лапках. Проси коменданта, чтобы он передал твое письмо Траскину... Столыпин судился военным судом... Глебов”. Мартынов отвечает: “Меня станут судить гражданским судом; мне советую просить военного... Узнай у Столыпина, как он сделал? Его, кажется, судили военным судом... А бестия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу в чем. Н. М.”. Военный суд советует ему по-дружески и А. А. Столыпин, рекомендуя ему не выходить из квартиры: “...Тебе выходить не советую. Дай утихнуть шуму. А. Столыпин”

Послушавшись совета, Н. С. Мартынов пишет А. Х. Бенкендорфу: “Сиятельный граф, милостивый государь. Бедственная история моя с Лермонтовым заставляет меня утруждать Вас всепокорнейшею просьбою. По этому делу я передан теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сих пор в военной службе, я свикся с ходом дел военных ведомств и властей и потому за счастье почел бы быть судимым военными законами. Не оставьте, Ваше Сиятельство, просьбу мою благословенным вниманием. Я льщу себя надеждою на милостивое ходатайство Ваше тем более, что сентенция военного суда может доставить мне в будущем возможность искупить проступок собственной кровью на службе Царя и отечества”. Поверил граф, внял, велел “не оставлять...”

Письмо это передал Мартынов из тюрьмы всё тем же друзьям-секундантам, да еще с разъяснением: “Чего я могу ожидать от гражданского суда? Путешествия в холодные страны? Вещь совсем не привлекательная. Южный климат гораздо полезнее для моего здоровья, а деятельная жизнь заставит меня забыть то, что во всяком месте было бы нестерпимо моему раздражительному характеру!..”

Нельзя всё сводить к независимому и дерзкому поведению Михаила Лермонтова. В великосветском обществе Лермонтов бывал “высокомерен”, “едок”, “заносчив”, презирая всё это общество. В компании сверстников и сослуживцев – “любезен, речь его интересна”. В обществе друзей верный и преданный товарищ. Да, он позволял себе шутить даже в присутствии великого князя Михаила Павловича. То маленькую сабельку принесет на смотр, то, наоборот, сверх меры длинную, тянущуюся за ним по полу. За что и сиживал на гауптвахтах частенько. Блистал остроумием, но успевал и гениальные стихи писать, и в военном деле показал себя умельцем. Всаживал на стрельбах пулю в пулю. Он всего лишь пожалел неудачника Мартынова,

и с какой радостью тот свел с ним сразу все счеты. И на самом деле, Грушницкий в жизни отомстил Печорину литературному. Узнавший себя в Грушницком Николай Мартынов отнес к себе слова Печорина: “Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушная, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать”... Грушницким и оставался до конца дней своих Николай Соломонович. Чем больше росла слава поэта, тем больше росла и глухая ненависть к нему у Мартынова. Раскаяться этот Грушницкий так и не смог. Дважды начинал свою исповедь: “Сегодня минуло ровно тридцать лет, когда я стрелялся с Лермонтовым. Трудно поверить! Тридцать лет – это почти целая жизнь человеческая, а мне памятли малейшие подробности этого дня, как будто происшествие случилось только вчера. Углубляясь в себя, переносясь мысленно за тридцать лет назад и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена и остаток дней моих сочтен, я чувствую желание высказаться, потребность облегчить свою совесть откровенным признанием самых заветных помыслов и движений сердца по поводу этого несчастного события... Беспристрастно говоря, я полагаю, что он был добрый человек от природы, но свет его окончательно испортил. Быв с ним в весьма близких отношениях, я имел случай неоднократно замечать, что все хорошие движения сердца, всякий порыв нежного чувства он старался так же тщательно в себе заглушать и скрывать от других, как другие стараются скрывать свои гнусные пороки”. И каждый раз с исповеди Мартынов срывался на обличение “испорченного” поэта, не доходя до описания дуэли.

Это храбрые и дерзкие, вольные и независимые герои, каким был и сам Михаил Лермонтов, не стреляют в своих друзей. Если Лермонтов на самом деле был такой злобной личностью, какой его ныне часто изображают историки и литературоведы, то что же он имел в жизни всего две дуэли, и оба раза его вызывали на дуэль, что же он оба раза на дуэлях стрелял или мимо или в воздух? Почему он не убивал дуэлянтов? Считал себя выше их, не снисходил до мести, лишь весело отшучивался. Интересно, в жизни нынешние ненавистники Лермонтова с кем бы предпочли иметь дело в опасную минуту – с такими, как страдалец Мартынов, или же с такими, как Лермонтов? Может, гениальная проза Лермонтова и послужила настоящим поводом к дуэли?

С какой радостью все его приятели светские уже после гибели спешили рассказать, какой он был неуживчивый и недобрый малый. Он при жизни своей короткой уже добился всероссийской литературной славы. Все, кто хоть что-то читал, знали и ценили великий дар Лермонтова. Но он не был в высоких чинах, не был солидным и важным, как признать за таким молодым и лихим офицером его истинное значение? Не случайно в конце жизни А. Арнольди, один из представителей этого блестящего поколения, недоумевал: “Я не понимаю, что о Лермонтове так много говорят; в сущности он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный. В то время мы все писали такие стихи. Я жил с Лермонтовым в одной квартире, я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызет множество карандашей и напишет несколько строк. Ну разве это поэт?”

После дуэли все кинулись переживать за бедного Мартынова. О самом поэте его приятели как бы и забыли. Погиб поэт, ну и что? А страдалец Мартынов из-за наложенной на него епитимьи с трудом пробирается в столицу позировать известному художнику Т. Райту, нарисовавшему уже в 1843 году, через два года после дуэли, его портрет. Вряд ли сам художник Райт, работавший в столицах, ездил к Мартынову в Киев.

Загадочной остается и история отставки Мартынова. 23 февраля 1841 года царь подписал высочайший приказ об отставке Мартынова “по домашним обстоятельствам”. С чем это связано? С его репутацией карточного шулера? С масонской деятельностью? С недозволительными занятиями винными откупками на Кавказе? Сейчас все защитники Мартынова стали объяснять отставку его заботой о больных братьях и сестрах. Но ведь еще недавно этот заносчивый офицер мечтал о генеральском чине. И почему, если поверить его нынешним защитникам, после отставки он никуда с Кавказа не уехал? О братьях и сестрах сразу же забыл. Почему Николаю Мартынову, также как и Михаилу Лермонтову, император отказал в награде за битву при Валерике? Зачем он перевелся из кавалергардов в 1839 году в Гребенский казачий полк?

Рудольф Баландин в своем интересном исследовании судьбы поэта пишет: “Разве нельзя предположить, что именно в виноделии был главный интерес на Кавказе у Мартынова, который отправился туда волонтером, то есть добровольно? И присутствие рядом с ним князя Васильчикова, сына того вельможи Васильчикова, который так активно принимал участие в становлении дела винных откупов у будущего греческого магната Бенардаки, не говорит само за себя? И то, что Мартынов был не в себе к приезду на Кавказ Лермонтова летом 1841 года, объясняется, скорее всего, не его стыдом преждевременной отставки, а тем, что из-за войны виноделие у гребенских казаков падало, лишая сына винного откупщика надежды на богатство и генеральский чин, видимо, такой же, гражданский, который заработал себе двоюродный дед Лермонтова, винный откупщик Столыпин. И не потому ли тогда же Мартынов запросился обратно на военную службу, в чем ему было отказано императором? Легко представить себе злость и разочарование молодого человека, который в надежде на золотые горы потерял и деньги и карьеру!”

Конечно, это только версия. Но она имеет право на жизнь не менее, чем другие. Точных доказательств уже никто и никогда не соберет. Ясно, что при всей нелюбви к Лермонтову император Николай Первый дуэль не организовывал. Скорее, наоборот, хотел загнать поэта в кавказскую глушь и не выпускать ни в какие столицы. Есть распоряжение Николая I от 30 июня 1841 года — “дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку”. Император был даже против участия Лермонтова в добровольческих вылазках, потому и отказал в награде за самовольное участие поэта в бою у реки Валерик. Поэта могли ранить, последовала бы вынужденная отставка. Он уже как писатель появился бы в столице, основал журнал. Что потом с таким делать? Пусть уж сидит в полку своем.

Но уж, если поэт погиб на дуэли, то “туда ему и дорога”. Император Николай I этого невысокого вольнолюбивого офицера не любил. Было за что — после январских стихов 1837 года. Устал от выяснения отношений с Пушкиным. Раздражало царя и то, что жена его Александра Фёдоровна была без ума от лермонтовских стихов и прозы. И поэтому даже после гибели поэта не только Николай I, но и его сын Александр II не разрешали к печати подготовленные биографии Лермонтова, сочинения поэта издавались без сведений об авторе. Все читали его стихи, и никто не знал, кто он такой. Первая биографическая книга, подготовленная Висковатовым, вышла в 1891 году.

Но почему отмалчивались друзья? Что случилось с благородным Алексеем Столыпиным? Или прав был убийца Николай Мартынов, в конце жизни признавшийся: “Друзья таки раздули ссору...”

“В 1837 году, — читаем в воспоминаниях И. П. Забеллы, — благодаря ненавистному иностранцу Дантесу не стало у нас Пушкина, а через четыре года то же проделывает с Лермонтовым уже русский офицер; лишиться почти сразу двух гениальных поэтов было чересчур тяжело, и гнев общественный всею силою своей обрушился на Мартынова и перенес ненависть к Дантесу на него; никакие оправдания, ни время не могли ее смягчить. Она преемственно сообщалась от поколения к поколению и испортила жизнь этого несчастного человека, дожившего до преклонного возраста. В глазах большинства Мартынов был каким-то прокаженным”.

Интересно, что почти все лермонтоведы девятнадцатого века на стороне поэта, самые объективные и известные советские лермонтоведы, такие, как Б. Эйхенбаум, Э. Герштейн, В. Мануйлов, тоже защищают поэта, и лишь нынешние оправдывают Мартынова.

Один из первых лермонтоведов, опрашивавший всех очевидцев дуэли, П. К. Мартынов пересказал разговор, который вёл Лермонтов со своими секундантами: “Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений от него Глебов не слышал. Он ехал как будто на званный пир какой-нибудь. Всё, что он высказал за время переезда, это сожаление, что он не мог получить увольнения от службы в Петербурге и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд. “Я выработал уже план, — говорил он Глебову, — двух романов”. О больших планах поэта на будущее писал и В. Г. Белинский осенью 1841 г. “Беспечный характер, пылкая молодость, жадная до впечатлений бытия, самый род жизни, — отвлекали его от мирных кабинетных заня-

тий, от уединённой думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устраиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни”.

Жизнь меняет все планы. И вот начался этот загадочный отсчет дуэли: “один”, “два”, “три”. Кто отсчитывает — неясно. Столыпин, Глебов... Но главное, никто и не стреляет. Пора заканчивать дуэль. И тут Столыпин или Трубецкой, а может, Глебов? — крикнул: “Стреляйте, или я развожу дуэль!”. На что Лермонтов (по утверждению сына Васильчикова спустя полвека?) ответил: “Я в этого дурака стрелять не буду!”

“Я вспылал, — писал уже Мартынов. — Ни секундантами, ни дуэлью не шутят: и опустил курок”.

Лилипут пристрелил Гулливера. Беда Лермонтова была в том, что он не относился серьезно к самой возможности дуэли, да еще с Мартышом. К тому же он был никак не заинтересован в любой дуэли. Это — новый суд, и уже никаких надежд на отставку и на свой журнал. Незадолго до дуэли он плотно пообедал, перед дуэлью рассказывал о своих планах на будущее. Я считаю, что он и выстрелил первым в воздух, а Мартынов уже стрелял в безоружного. Грушницкий убивал своего противника. В жизни мечтателям не место.

По мнению Э. Гернштейн, когда перед дуэлью началась буря, Столыпин, Трубецкой и, может быть, Дорохов на какие-то минуты не успели подъехать к месту дуэли до ее начала. Никто из них не думал, что дуэль начнут при грозе, не дождавшись их приезда. Мартынов настоял на своем, он желал уничтожить ненавистный ему символ таланта и вольномыслия.

Прислушаемся же к мнению свидетелей того времени:

“... Дуэли не было, а было убийство...” (Р. И. Дорохов);

“... Мартынов... трагически разыграл жизнь Лермонтова” (А. Ф. Тиран);

“... Мартынов фактически убил Лермонтова, и весь город уже говорил об этом...” (Ф. П. Конради);

“... Многие знали, что М. Ю. Лермонтов почти в упор был убит Н. С. Мартыновым” (П. К. Мартынов);

“... Увы, Лермонтова нет, к несчастью, это верно, хотя мы и желаем, чтобы это были неверные слухи — он убит — убит подлым образом” (А. П. Смольянинов);

“... Они собирались драться без секундантов” (А. С. Траскин — П. Х. Граббе);

“... Все говорят, что это убийство, а не дуэль...” (А. А. Елагин);

“... Для Ольшанского было ясно, что поединка... как такового не было...” (Из анализа материалов следствия);

М. Ю. Лермонтов пал от пули, “посланной ему в сердце твердой рукой Мартынова, который ненавидел его люто” (Ф. Ф. Боденштедт)

Андрей Дельвиг вспоминает: “Посланный в Киев на церковное покаяние... Мартынов участвовал на всех балах и вечерах и даже сделался знаменитостью. Каждый век российской истории рождает своих геростратов. Кто-то из них поджигает, кто-то из-за угла убивает, кто-то разваливает государства...” Через год после преступления полковник А. С. Траскин, руководивший расследованием в Пятигорске, быстро замявший дело, был произведен в генералы...

Родственники Мартынова и недруги Лермонтова, как только умер Васильчиков, задались целью реабилитировать память Мартынова, свалить всю вину на Лермонтова и очернить его. Сын убийцы напечатал “Историю дуэли М. Ю. Л. с Н. С. М.”. Но ничего нового при всем желании сообщить не могли. Николай Соломонович Мартынов вполне осознанно и безбоязненно убил великого русского поэта. “Умней, чем жидовин...”

ЕЛЕНА БОРИСОВА

доктор филологических наук, профессор

“КРОВАВОЕ СОЛНЦЕ ПОЗОРА”

Новая книга Ксении Мяло “После СССР: Российская Федерация и непризнанные государства” будит в читателе далёкие и болезненные воспоминания. Сумгаит, Сухум, Бендеры – и в памяти тех, кто пережил гибель своей Родины – Советского Союза, – встают не только ошеломляющие факты разгула насилия и братоубийства в совсем недавно еще мирной и дружной стране. Вновь охватывает чувство потрясения и растерянности: что же это такое, как это могло случиться?

Известно, что новая информация, которую мы не в состоянии увязать со сложившейся картиной мира, не может задержаться в мозгу. Так же забывалась и непонятые, неосознанные факты периода распада Союза. Но появились люди – публицисты, ученые, политики, – которые старались постепенно прояснить суть происшедшего. Среди них была и К. Мяло, чьи публикации, в том числе и в “Нашем современнике”, помогали обществу осознать скрытые связи, выявить причины катастрофы, выстроить картину событий. Ее книга “Россия и последние войны двадцатого века” объединила многие исследования и публикации Ксении Григорьевны, она оказалась откровением и для тех, кто только задумался над тем, что случилось в 90-е, и для участников событий тех лет. Открывшаяся перед читателем картина планомерного переустройства мира через ликвидацию СССР и Югославии поражает настолько, что книга стала толчком для многих действий уже не только в духовной, но и организационной сфере. В частности, русские антиглобалисты неоднократно называли эту книгу в числе тех, что стали основой организации их движения, которое заметно отличается от западных аналогов.

С момента выхода книги “Россия и последние войны двадцатого века” прошло более десяти лет. Появилось и выросло поколение, не знавшее СССР и всего, связанного с его распадом. И хотя и сегодня эту книжку все ещё можно найти у молодых представителей патриотических и иных протестных движений, у молодежи, задумавшейся над судьбой Отчизны, понятно, что время приносит новые свидетельства, процесс продолжается и по-прежнему остро нуждается в новом осмыслении. Поэтому появление новой книги К. Мяло – важное и долгожданное событие.

Книга “После СССР...” напоминает о фактах и процессах, связанных с распадом великой державы, частично перекликаясь с “Последними войнами”. В ней рассматривается судьба четырех “самопровозглашенных республик”: Нагорного Карабаха, Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья. Именно их нынешняя неопределенная судьба оказывается главным следствием тех процессов распада, которые анализировала в своих предыдущих работах

К. Мяло и о которых она пишет в книге “После СССР...”. Но эти частные, казалось бы, проблемы высвечивают тектонические сдвиги истории: разрушение миропорядка, построенного с учетом прав других наций, что в новейшей истории связывают с конференциями в Ялте и Хельсинки. Недаром первым кровавым эпизодом, о котором рассказывает книга, оказывается война в Заливе – нападение США на Ирак в 1991 году всей мощью сверхдержавы, которую уже не мог сдержать ослабевший *противовес* – СССР.

Автор не только вносит уточнения в свои прежние рассуждения. Новая эпоха создает новый взгляд на прошлое и настоящее. И взгляд автора оказывается не только точным, но и, что особенно ценно и характерно для Ксении Григорьевны, объемным.

Публицистика нередко грешит односторонностью. Ведь нужно донести до читателя свою мысль, и нет возможности углубляться во всестороннее рассмотрение обстоятельств дела, как поступил бы бесстрастный исследователь. Ксению Мяло никто не назовет бесстрастной. Ее книга полна и негодования по отношению к предателям, и сочувствия к жертвам, и любви к соотечественникам и нашей общей – увы, уже не существующей – Родине. Процессы, описанные в ней, подвергаются скрупулезному анализу. Мы видим достоверное и подкрепленное фактографией описание кровавых событий времен распада СССР (они знакомы автору не понаслышке – К. Мяло бывала практически во всех горячих точках, а ее деятельность в Приднестровье в разгар военного конфликта была отмечена медалью ПМР). За лаконичными строчками текста мы видим горе и отчаяние тех, кого подхватила и захлестнула волна деструктивного процесса. И сам процесс, взятый в глобальном масштабе, автор конструирует из скупых строчек отчетов и заявлений *делателей истории* – лидеров и политтехнологов разных стран мира. По контрасту с событиями, которые они спровоцировали в *горячих точках*, – холодных и самоуверенных. И описание этого процесса дается не одномерно: “Наши – враги», – а с учетом многочисленных геополитических, экономических и исторических аспектов.

На исторических экскурсах хочется остановиться подробнее. Для каждой территории, где сплелись нити жизни различных народов, выстраивается подробная картина появления в этих местах этноса, история его взаимодействия с соседями. Так проступают глубинные противоречия, стоящие за едва ли не бытовыми требованиями, невыполнение которых послужило причиной разжигания конфликта. И обнаруживается столкновение цивилизаций, которое подхвачено и *разогрето* на новом витке истории в интересах ныне действующих сил. Именно так выглядит в книге Приднестровье – часть Балто-Черноморской дуги, *лимес* – граница между Востоком и Западом, место плодотворных контактов и кровавых столкновений различных этносов.

Помимо глубоких погружений в историю, автор досконально разбирает относительно недавние события, сопутствовавшие возникновению СССР на заре XX века. И выявляет немало подробностей, оставшихся в тени при освещении *провозглашения независимости* бывших союзных республик. Мало кто знал до появления работ К. Мяло, что Молдова, отвергшая пакт Молотова–Риббентропа “и его последствия”, как было сказано в решении Верховного Совета Молдавской ССР от 23 июня 1990 года, фактически объявила о своей ликвидации, ибо в границах времен СССР – с Приднестровьем – она существовала по решению советского правительства от 2 августа 1940 года, что было отнесено молдавскими политиками к “последствиям пакта”. Незамеченными широкой общественностью остались и особенности положения Севастополя – города союзного подчинения: его включение в состав Украины на этом основании могло быть оспорено.

Анализ процессов взаимоотношения народов в XX веке позволяет автору утверждать, что многие противоречия связаны с иерархическим принципом государственного устройства СССР: союзные республики имели больше прав, чем автономные, те – чем автономные области, национальные округа. И все же сохранение единства и ощущения принадлежности к одному целому у народов, с давних времен не позабывших свои обиды, а потому всегда готовых к новым конфликтам, – потрясающее явление, заставляющее задуматься о силе России–СССР, объединившей их на долгие годы.

Обращение к истории не ограничивается тем, что мы получили новые знания. Мы начинаем чувствовать себя частью исторических, экономических и геополитических процессов. Мы понимаем, что прошлое проходит сквозь нас

и воплощается в сегодняшнюю реальность не в последнюю очередь благодаря нашим усилиям. Конечно, у граждан России не может не возникнуть чувства горечи — да что там, стыда. Мы не смогли не только удержать тех, кто давно жил с нами и нередко вступал под сень “дружеских штыков” по собственному желанию. Мы оказались не в состоянии обеспечить защиту народов, не желавших отделяться от СССР, — а это и Абхазия с Южной Осетией, и Приднестровье. И этим предательством мы поставили точку на иссякающем объединительном потенциале, что было едва ли не главной особенностью России на протяжении веков.

Готово и оправдание: это не Россия, не русские виноваты — виноваты власти. Но Ксения Мяло отвергает это оправдание. Неизвестно, прислушались ли бы власти к мнению народа, но оно ведь так и осталось невысказанным. Много ли жителей России протестовали против подписания договора с Украиной, где было закреплено отсутствие территориальных претензий — и, таким образом, было дано согласие на то, чтобы Севастополь вместе с Крымом вошел в состав Украины? Даже наша главная оппозиционная патриотическая сила — КПРФ — поддержала этот договор, проявив предательскую слабость (что с ней иногда, к сожалению, случается). А когда после массового признания странами Запада самопровозглашенного албанского Косово у Российской Федерации возникла возможность признать наши “непризнанные республики”, кто из жителей Москвы поддержал это требование? Поскольку мне пришлось заниматься организацией акций в поддержку их признания, сразу скажу: таких было очень мало. Те, кто видел плакат, соглашались и выражали удовлетворение, — но только лично участникам акции. Разговаривать с властью *языком улицы* мы не научились, и это сделало нас бессильными в потоке истории.

Да и, скажем честно, большинство россиян как-то отстранилось от того факта, что где-то наши недавние соотечественники испытывают трудности блокады, вооруженных провокаций. Поэтому война в Южной Осетии всех ошеломила: об этой республике многие успели забыть. А ведь, как утверждает К. Мяло в своей книге, своевременные действия по признанию Южно-Осетинской республики не позволили бы этой войне разгореться.

Думаю, сказанного здесь достаточно, чтобы понять, почему книга “После СССР: Российская Федерация и непризнанные республики” заслуживает самого внимательного прочтения. Ее надо читать не только для того, чтобы получить наслаждение отточенным стилем, тонким сарказмом, изящной логикой автора. И не потому, что даже искушенный специалист в области новейшей истории (как показал мой опыт общения с коллегами, которым я дала прочитать эту книгу) откроет для себя множество новых фактов и идей. Главное — она поможет нам ощутить себя частью сообщества, частью истории, поможет понять, что должно делать, чтобы жизнь каждого и всего народа в целом не утратила смысл.

СЕРГЕЙ ШУЛАКОВ

НЕ УНОСИ МЕНЯ, РЕКА...

Игорь Штокман. До мартовских календ. — М.: ИПО “У Никитских ворот”, 2010.

У дачной станции близ Одинцова, если взять вправо от железной дороги, была некогда роскошная, в два ряда старых берез, аллея, выходившая от оврага с ручьем в поле, отделявшая таинственный, тихий ельник от смешанного леса с подберезовиками. Слишком много у автора этих строк связано с ней. Сейчас аллея эта, конечно, изуродована — уж лучше пускай бы сколь угодно безвкусные коттеджи за глухим забором на этом поле, чем отвалы строительного мусора, помойки и то, что похуже их — громады чудовищных многоэтажек “доступного жилья” и страшные, как стоячие трупы, высокие березовые пни. Невольно думается, как же люди жить-то там будут?.. Открыв наугад, как это часто бывает с новой книжкой, “До мартовских календ” Игоря Штокмана, я сразу наткнулся на абзац: “У всех у них были в той деревне любимые, сокровенные места... Большая (или она тогда такой лишь казалась?) березовая аллея из старых, мощно заматеревших к комлю дерев <...> Он тут же, внутренне ахнув, представил себе Орловку без вечерних долгих прогулок под темнеющей к ночи зелени ее ветвей...” (рассказ “Дальнее облако”).

Это совпадение сразу сблизило меня с автором, ввело его книгу в контекст дней сегодняшних. Книга “До мартовских календ” отнюдь не рассказ “из прошлого о прошлом”. Ее внутреннее развитие соответствует нам сегодняшним, нашей тоске по нормальному, русскому пониманию жизни.

“Трава моего детства” — точный, предельно автобиографичный рассказ о жизни семьи в эвакуации в Рязани в годы Отечественной войны. Здесь же, что называется, “в строку”, рассказ о предках. Дед и его братья — потомственные офицеры. Дед Константин Вильгельмович, артиллерист, попал в немецкий плен в 1914-м, воевал в армии Самсонова. Кто-то потом служил у белых, кто-то перешел к красным, один ушел в Харбин, другой очутился во Франции, ломил простым рабочим на машиностроительном заводе. Но душа и память их упрямо оставались в России. Судьба их — судьба многих и многих наших соотечественников... Рассказ исполнен ощущения ласковой травы под детскими босыми ногами, чувства постоянного голода, наивного и прямого вопроса: “Почему у нас есть война, а у Анохиных нет?” Соседи Анохины сумели устроиться и в войну, жили безбедно, но автор, в те давние поры еще ребенок, все старался как можно быстрее прошмыгнуть во дворе мимо их дома — тяжелым и несправедливым веяло него. Что еще помнится? Немудрящая

детская песенка: “Идет война народная, а бабушка голодная...”. За куплет этот крепко влетело. И все эти воспоминания — мельком, штрихом, а вот что отчетливо сохранила память автора из того военного детства, так это радость весны, ее прихода. Не нужно больше мерзнуть, и распускаются во дворе первые яркие цветы, одуванчики-солнца и медуница, растет под забором молодая крапива на бедные зеленые щи. Помнится укус шмеля, который дед лечил глиной и подорожником, вкус молодых листочков липы, которые ели с голодухи... И есть очевидность того факта, что преемство и мощь страны зависят от идеологической окраски власти куда меньше, чем от моральных качеств ее людей.

Но все же зависят... В рассказе “Килька плавает в томате...” есть некто Гена, который, приехав в деревню, халтурил только втридорога (“Я деньги люблю”), в помощники к себе брал мастеровитых, но пьющих мужиков, готовых работать за выпивку, продавал местным дешевую отвратную водку... Рядом с ним — бывший директор школы, который летом живет лишь тем, что собирает грибы на продажу. Любить деньги, не осознавая их значения как рыночного эквивалента, но именно любить до страсти, до самозабвения, признаваясь в том как в самом истинном, святом и вовсе не стыдном... Меж тем очевидно, что сколь угодно “продвинутый” и эффективный бизнес-тренинг не может заменить людской исторической и нравственной памяти. Оттого и пьют мастеровые мужики, а не от высоких или низких акцизов, происков спиртопромышленников или нераспорядительности чиновников, не запретивших еще продавать крепкий алкоголь с таких-то и до таких-то часов и по праздникам... Вот она — новая деревня, и ее новая проза, вот куда выводит русло рассказа.

Игорь Георгиевич Штокман родился и вырос в Москве — и это видно по его произведениям. Его книга — синтез традиций прозы, которую принято было называть “деревенской”, с прозой новейших реалистов, устремленной к эссеизму, с одной стороны, и интеллектуальной независимости — с другой. Владимир Бондаренко в послесловии к сборнику “Дворы” Игоря Штокмана определил его произведения как “наш постсоветский вариант неореализма с грустью, сентиментальностью, но и жесткой правдой минувшей жизни”*.

Было время, когда над признаками “деревенской” прозы — что называется, грех не посмеяться. Но потом ее весомая очевидность стала прорываться не только на книжные страницы, но и в интернет-пространство... Вот Валентин Сорокин, рассказ “Митька-Ручей”: “Дожди на Ураче шумные, настоящие — с горячими железными грозами, затяжные. <...> Ручей прибежит под окошко, махнет рукой — и мы на размытой дороге строим запруды, окапываем омуты, соединяем их в сказочные каналы и плотины. Газетные кораблики пускаем по руслуам пузыристых речушек и озер, рожденных широким июльским ливнем. С хлебом в деревне плохо, а газет навалом”**. Скажут: Валентин Сорокин, как и Игорь Штокман, писатель определенного, четко маркированного поколения. Но даже и те, кого принято на специально организованных конкурсах и в интернете именовать молодыми, порой отображают ровно те же ощущения. Чтобы далеко не ходить за примерами, назовем “Елтышёвых” Романа Сенчина. Только он следует за условно старшими будто невольно и механически, приводит к абсолютному бессилию героев, от которых ничего не зависит: они полностью бездуховны и лишены воли, они куклы, повинующиеся чудовищной силы обстоятельствам... Старшим хотя бы есть, о чем вспомнить.

Вот Валентин Сорокин: “Митька-Ручей странностями отличается. Зазовет меня в лес, далеко, далеко, и давай показывать тайные родники: под скалой — родник, под дубом — родник, под холмом — родник. Пробует Митька-Ручей на собственный вкус каждый родник, удивляется: “В этом вода медная, в этом вода серебряная, в этом вода золотая!”. А вот как вспоминает Игорь Штокман посаженный в своем московском дворе вместе с друзьями по дому тополь: “Моим стал стройный долговязый тополек с клейкими молодыми листочками, горько, терпко пахнущими и пачкающими руки липкой желтизной молодых причеренковых почек, совсем недавно лопнувших. На самой макушке, на вершинке у него задорно торчали вразнотык два листика, точно ушки зайчонка, трогательные в своей доверчивой беззащитности. “Зайчик!” — подумал я ласково, и когда посадил, то долго еще не мог отойти от него, все поглаживал молодую теплую кору и загадывал, каким же он станет, когда вы-

* Бондаренко В. “Радостная и грустная бывальщина Игоря Штокмана”.

** Сорокин В. Первая леда. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 7.

растет". При всей разнице ощущений бурного, ливневого уральского детства и детства городского, когда и тополек в радости, — они одинаково чисты и волшебны. Какой эпохе принадлежат эти признаки? Какому контексту? Хотя разница интеллектуального темперамента видна: свободный, но интеллигентно-сдержанный стиль Игоря Штокмана явственно отличим от бойцовой остроты текста Валентина Сорокина. У того, к примеру, в рассказе "Беда" власти меняли прежние названия улиц поселка на новые, посвященные деятелям, "как мыши, грызущим каждую русскую душу в каждом русском доме: Байрамову, Антихристу, Гоге, снежному человеку"... Такой гротескной плакатности в книге "До мартовских календ" мы не найдем.

Москва не только переключается с детством. Столичный город не застыл в каменном державном сне, он жив и, если так можно сказать, сопротивляется. Вот окрестности парка Горького ("Дворы"): "По набережной Парка, от самого входа почти до Нескучного сада, стояли в ряд на асфальте танки — "тигры", "пантеры" <...> В павильонах трофейной выставки были стенды под стеклом, и в них — оружие, стрелковое и холодное, мундиры, фашистские ордена с орлами и дубовыми листьями... Стояли там знамена, штандарты, тоже с орлами, с крестами <...> Были в некоторых павильонах картины маслом во всю стену...". Становится понятной позднейшая, уже нашего времени идея ЦДХ, когда трофеями новых победителей России стали монументы былой эпохи, своего народа, с во ей столицы, свезенные к Центральному дому художника для развлечения досужих полуграмотных иностранцев. Не самый дикий из них, известный британский режиссер заявил, например, недавно русским журналистам с федерального канала, что Югославия была частью России...

В повести "Не уноси меня, река!" уже чувствуется эта невидимая холодная война, в которой москвичи были побеждены и город стал почти невыносим для жизни. Однако изменения начались не вчера... В рассказе "На новом дыхании" герой возвращается домой после срочной армейской службы: "Он начинал жить в родном городе словно бы заново, и это было непросто... Все то, чему он научился там, на Кольском, к чему привыкал так медленно, с таким трудом, оказалось здесь лишним, никчемным <...> Все, от чего он отвык, уйдя в армию, наступило теперь, и стало чужим, почти враждебным". Игорь Штокман сосредотачивается не на камне и граните современного города, — на наливающимся вечерней темнотой кустах, первом московском снеге, уютном сумраке родных дворов, запахе газонов. Эта изящная отстраненность утонченно современна. Автор этих строк, например, попытался вспомнить, как пахнет живой газон, по которому еще не прошелся собрат из Таджикистана с оглушительно трещащей бензопилкой, — и не смог.

Стиль Игоря Штокмана содержит некоторую архаику — так, дед на старой, "под сепию", царских времен фотографии "сидит в военном". Плавность и чистота слога стремится к классике, в точности соответствуя описываемому. Языковой стиль прозы Игоря Штокмана не зависит от времени и отчетливо узнаваем.

Стилевые моменты здесь накрепко связаны с содержанием. Обманчиво простые, бытовые описания в этой прозе выводят к поиску ответов на самые актуальные вопросы. "Прекрасны сумраком комнаты, в которых погашен свет, и лишь жарко горят, плавятся маленькие елочные свечи, мигают лампочки гирлянды, окрашивая елку в свое веселое разноцветье... Прекрасны лицами тех, кто сидел с тобой рядом за праздничным столом. Все почему-то вдруг затихали, становились задумчивы, погружены в себя, а когда вновь возвращались в настоящее, так радовались ему, так счастливы были, так добры друг к другу и беззаботны! Каждый вновь верил в новое свое счастье, которое обязательно придет, сбудется, и в этой непременности веры в сбываемость надежд, мечтаний было главное очарование и главная радость Нового года". Похоже, Игорь Штокман понял: утери из прозы все ненужное — и откровенно самое важное и непреложное.

Русское ощущение жизни, — что может быть сейчас более актуальным? И, конечно, никакая экспериментальная проза здесь не поможет. Она, хоть и создается на русском языке — ведет в противоположную сторону, к европейским грантам. Цель прозы Игоря Штокмана иная: ощущение и очарование непременности веры в сбываемость надежд, радость подтверждения подлинности мира... Брызганье мандариновой кожурой на пламя свечи, пахучие искры в голубеющем пламени и глаза девушки, которые сейчас темны и таинствен-

ны – реальность этого волшебного мироощущения очень поэтична и действенна. Она куда как точнее передает принадлежность автора и его произведения к русскому миру, нежели прямые высказывания на общественно-политические темы, которые, признаем, в книге Игоря Штокмана пару раз все же промелькнули.

Журфак, однокашник, пропадавший в фольклорных экспедициях, его судьба (рассказ “На новом дыхании”) – эти, как и другие сюжетные отступления-включения делают повести и рассказы Игоря Штокмана автобиографичными. При этом ясно, что перед автором не стояла цель рассказать о себе, хотя, положим, и есть что рассказать. “До мартовских календ” – календарь, шкала времени, о котором, собственно, и идет речь. И моменты биографии, портреты и детали – пусть и авторский, стильно выписанный, но все же его обиход. Здесь тоже очевиден современный литературный контекст: о своем прошлом на филологическом факультете (“Здравствуй, князь!”) повествует Алексей Варламов.

В прозе Игоря Штокмана, конечно, есть и чувственные моменты. *“Мы не были еще опыты, искушены, это я помню точно и твердо... Мы не пытались, танцуя, прижаться потеснее, и повинны в нашем волнении, в перехваченном дыхании, внезапной сухости рта были лишь возраст, пришедшая юность”* (рассказ “Радиола по вечерам” из сборника “Дворы”). *“Он видел ее всю – простыня вскоре была сброшена, очутилась на полу, и Жанна ничуть не стеснялась его... Длинные стройные ноги, узкая талия, жадный, ищущий рот, быстро снующий язык, тяжелые, крупные груди, приподнятые, даже как бы курносые...”*. Этот рассказ так и называется – “Жанна”. Но эта чувственность, точная, яркая, несет сугубо эстетическую задачу. Она сродни некоторым моментам в романе Юрия Бондарева “Выбор” и не служит иным целям, не стремится заявить о себе как можно громче, оглушительнее, “чтоб запомнили”, чтоб издавали. Ультрасовременная девиантность, доходящая до прямого уродства и ужаса, чужда прозе Игоря Штокмана... Речь не идет о какой-то излишней и кастрированной целомудренности: пред нами то, что Набоков в “Лолите” называл “другим порядком чувств”.

Русское ощущение жизни, оказывается, не угасло с общественными переменами и катастрофами XX века. Но оно сейчас, кажется, снова под угрозой, и многие, как, например, режиссер Михалков, пытаются нащупать и воплотить его с неестественной, суетливой быстротой и чудовищной деловитостью... Попытки вновь если не обрести, то приблизиться к нему проступают сейчас и в произведениях писателей старшего поколения, и среднего, как Варламов, и даже так называемых “новых реалистов”. Это стремление и делает прозу Игоря Штокмана, несмотря на ее принципиальную “не-молодость”, исключительно современной.

Не уноси меня, река... Река человеческой жизни, памяти. Ее волны настигают нас с каждой страницей новой книги Игоря Штокмана, и мы отчетливо видим, как неумирающе живо минувшее, как вырастает оно в нынешнее, настойчиво и требовательно окликающая нас.

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДУШИ

М. М. Попов. “Преображенская площадь”. Москва, Академика, 2012.

Новая книга известного современного российского писателя Михаила Михайловича Попова, давнего и одного из самых любимых нашими читателями авторов журнала, есть некий итог его творческих исканий за много лет писательской работы. Сборник повестей и рассказов – произведения разного времени и разножанровые по содержанию. Тут и биографическая повесть “Идея”, открывающая книгу, тут и фантастическое произведение, написанное в жанре антиутопии, “Преображенская площадь, или К Чаадаеву” с несколько ироническим взглядом автора на будущее человечества, тут и многочисленные рассказы, действие которых относится к бурному времени “лихих 90-х”, как сейчас принято говорить. Но все эти произведения роднит одно – одно, свойственное автору чувство: это попытка найти «душу живую», ту живую душу человеческую, которая сейчас скрыта, спрятана, словно за непробиваемыми слоями асфальта, закатана в бетон всей пошлостью, всей тленностью современной буржуазной действительности, которая, словно мрак, окутала Россию. Эта авторская попытка особенно чувствуется в повести “Идея”, о которой нужно поговорить особо.

Это повесть о матери. . . О самом святом, что есть у человека. Тем более, что повесть эта написана кровью души, ведь сын вспоминает свою мать, свою милую маму, когда её уже нет на свете, когда поздно просить прощения за все те невольные обиды, что, бывает, мы наносим самому родному на свете человеку. Обид этих много, и герой произведения, за которым чувствуется сам автор, по сути дела, произносит слово покаяния перед памятью своей матери, вспоминая все подробности её судьбы, оказавшейся очень нелёгкой, очень непростой, впрочем, как и у многих советских людей поколения, родившегося до Великой войны и в ранней молодости пережившего все ужасы того мирового зла, что обрушилось на нашу страну. В повести есть потрясающие сцены расстрела фашистами мирных советских граждан, среди которых оказалась и будущая мать рассказчика, тогда ещё совсем юная девушка. Её закрыл собой один пожилой рабочий, а немецкий солдат, молодой паренёк, намеренно целил мимо – даже у врага дрогнула рука перед ликом светлой юности и красоты. . . Героиня повести осталась жива, чтобы пройти трудную, но полноценную и насыщенную событиями дорогу жизни. Всю жизнь свою она была озарена мечтой о счастье, словно наполнена светом любви, и любовь свою подарила своему единственному сыну, который вырос, стал известным писателем, не забыл о своей маме, а по мере сил помогал ей в её старости, но, может быть, в последние годы за суетой, за текущими делами, за сию-

минутными проблемами и сложностями быта уделял ей слишком мало времени, не заметил, как милая мама его состарилась и потеряла связь с современным суетным миром. Только когда она тяжело заболела, только тогда он понял: сколько упустил, сколько не разглядел в этом удивительном человеке, матери, весь век свой носившей яркое светлое имя Идея, данное ей отцом, простым русским мужиком, поверившим в новую радостную жизнь в бурные двадцатые годы прошлого века...

Михаил Попов – идейный писатель. Пишу это без всякой иронии, без всяких параллелей с прежним, советским пониманием идейности. Идея его, как мне кажется, – это вера в человека. Это в наше время всеобщего разочарования, цинизма, смуты в головах, и в головах даже подчас шибко умных, очень ценно для писателя. Вера в человека рождает желание жить, интересоваться этим миром, искать в нём причинно-следственные связи, обращаться к истории и заглядывать в будущее. Вот такой взгляд в будущее – это фантастическая повесть Михаила Попова “Преображенская площадь, или К Чаадаеву”, давшая название всему сборнику. Странный мир предстаёт перед читателем, открывшим страницы этого произведения. Мир будущего, который существует без России... России нет, и сама память о ней проклята и предана осуждению. Люди этого “светлого” будущего уже сами не очень похожи на людей. Это какие-то совершенно зашоренные индивиды, давно потерявшие всякое реальное представление о мире, об истории. Они не носят человеческих имён, а какие-то странные клички, и все действия их как будто запрограммированы и находятся под неусыпным контролем некоего чудовищного компьютера. Сюжет повести построен на том, что некоторые из этих полулюдей вдруг начинают вспоминать, что ведь был же прежде иной мир, была иная реальность, была такая страна – Россия...

Читатель этой повести, несомненно, увидит отблеск фантазий великого Герберта Уэллса с его довольно мрачным взглядом на будущее человечества в творчестве Михаила Попова. Но если взгляд Уэллса совершенно безнадежен, то русский писатель Михаил Попов – это писатель борющийся, сопротивляющийся. Таковы и его герои. Мне кажется, в этом и проявилась верность автора той великой особенности русской литературы, русского взгляда на жизнь, что связаны с постоянным поиском великой “идеи”, призванной спасти мир.

Читатель книги М. Попова найдёт много для себя умного и полезного на страницах этого издания. И нельзя не сказать спасибо Департаменту средств массовой информации и рекламы города Москвы за осуществление издательской программы, благодаря которой выходят в свет такие прекрасные книги. К тому же и образцово изданные – на великолепной бумаге и с богатым иллюстративным материалом.